

С-56

ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4-й

1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

Июль — Август

1983

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Б. Тер-Акопян (Москва). Взгляды К. Маркса на историю первобытного общества и понятие общественно-экономической формации	3
Ю. В. Бромлей (Москва), К. В. Чистов (Ленинград). Ордена Дружбы Народов Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет	20
Б. Х. Бгажников (Нальчик). Организация пространства и этикет	37
В. П. Орфинский (Петрозаводск). К методике исследования деревянного зодчества	50

Дискуссии и обсуждения

Л. М. Дробижева (Москва). Актуальная задача: союз с социальными психологами	63
А. М. Решетов (Ленинград). Этнопсихология и смежные науки	68
В. П. Левкович (Москва). Социально-психологические аспекты этнического сознания	75
А. Ф. Дашдамиров (Баку). Актуальным проблемам — комплексный реалистический подход (ответ оппонентам)	79
От редакции	86

Сообщения

З. А. Мадаева (Грозный). Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX—начале XX в.	87
В. М. Куликов (Москва). Некоторые проблемы изучения древнерусской музыкальной инструментальной культуры	94
А. П. Рунич (Пятигорск). Наскальные рисунки и тамги в Джиналском гроте у Кисловодска	98
В. П. Алексеев (Москва). Новая палеоантропологическая находка энеолитического времени под Красноярском	102
Н. Г. Панкова (Москва). Динамика этнополитических процессов в районе Золотого Берега (XV—XIX вв.)	105

Поиски, факты, гипотезы

В. П. Кобычев (Москва). Об одной позабытой гипотезе (к этногенезу восточных романцев)	118
---	-----

Наши юбиляры

Список основных работ члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге (К 80-летию со дня рождения)	126
--	-----

научная жизнь

В. П. Курьлев, Е. А. Окладникова (Ленинград). Объединенная научная сессия ленинградских этнографов, посвященная 60-летию образования СССР	131
К. В. Чистов (Ленинград). Славистика в этнографии социалистических стран Европы	133
А. Н. Давыдов (Архангельск). X конференция Ассоциации европейских музеев под открытым небом	134
Коротко об экспедициях	137

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Т. В. Таболина (Москва). Проблемы изучения этнических процессов в современном американском обществоведении	140
--	-----

Народы СССР

Б. Х. Кармышева (Москва), Х. А. Аргынбаев (Алма-Ата). Ф. Т. Валеев. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. Историко-этнографические очерки	151
Т. А. Бернштам, Б. И. Шаньгина, И. П. Шаскольский (Ленинград). М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. Мангазея. Ч. I—II	154
В. Б. Перхавко (Москва). С. I. Пеняк. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.	157

Народы Зарубежной Европы

Ш. А. Богина, Т. А. Михайлова (Москва). Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы	160
В. Е. Гусев (Ленинград). <i>Julian Krzyzanowski. Szkice folklorystyczne. T. I—III</i>	166

Народы Зарубежной Азии

В. В. Евсюков (Новосибирск). Корейские предания и легенды из средневековых книг	169
---	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмаилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефон 126-94-91

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Н. Б. Тер - А ко п я н

**ВЗГЛЯДЫ К. МАРКСА НА ИСТОРИЮ
ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА И ПОНЯТИЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ**

Уже в своих ранних работах Маркс и Энгельс иногда обращались к древнейшей истории человечества, характеризуя отдельные ее черты, те или иные стороны становления человеческого общества. Высказывания по этим проблемам, относившиеся еще к периоду формирования их диалектико-материалистического мировоззрения, не утратили своего значения и впоследствии были интегрированы в уже зрелую марксистскую концепцию всемирно-исторического процесса.

Аналогичным образом складывалось в исследованиях Маркса и Энгельса понятие общественной формации. В их первых попытках периодизации истории и прогнозирования будущего, в исследованиях о движущих силах общественного процесса содержатся предпосылки, а иногда и отдельные элементы теории формаций. Так, Маркс уже в 1844 г. приходит к выводу о том, что «все движение истории есть... *действительный* акт порождения этого коммунизма», и даже намечает определенные ступени развития коммунизма¹. Спустя два года в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс выдвигают трехчленную периодизацию истории, предшествовавшей буржуазному обществу. Первая историческая эпоха характеризуется как «племенной строй» и «племенная собственность»².

В «Немецкой идеологии» первобытная стадия (так же как и античная и феодальная) впервые рассматривалась в целостном виде с анализом всей совокупности присущих ей признаков. Между тем понятие общественной формации еще не было выработано. Не была открыта и диалектика производительных сил и производственных отношений. Функционирование и развитие общества рассматривались посредством категорий «разделение труда», «форма собственности», «форма общения». Понадобилось еще 12 лет исследований в области политической экономии капитализма, чтобы Маркс выдвинул категорию экономической общественной формации.

Процесс формирования марксизма был, очевидно, неравномерным. К нему вполне применимы слова самого Маркса относительно развития науки. «В отличие от других архитекторов, — писал Маркс, — наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент»³.

Для того чтобы окинуть взглядом здание в целом, правильнее было бы начать обзор с того момента, когда под уже построенные этажи был подведен фундамент, а именно со времени создания понятия экономической общественной формации.

Развернутое определение понятия экономической формации К. Маркс впервые дал в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии». Содержание упомянутого «Предисловия» хорошо известно, вошло в учебники и справочные издания. И тем не менее обращение к этому исходному пункту является необходимым.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Политиздат, 1966, с. 25.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 43.

По определению Маркса, отношения, в которые люди вступают независимо от своей воли, в силу необходимости, вытекающей из общественного производства их жизни, являются «производственными отношениями»⁴. «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества...»⁵. Эта экономическая структура, как говорит Маркс, представляет собой «реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»⁶. Маркс, таким образом, в этом определении характеризует материальные основы существования общества и тем самым формулирует материалистическое понимание категории общества. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁷.

Но структура общества, о которой говорит Маркс, этот «реальный базис», не является статической конструкцией. Она есть форма движения материи, «способ производства материальной жизни», иначе говоря, процесс, который «обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁸.

Это движение социальной материи, или социальная форма движения материи, получает во всемирной истории выражение в ряде последовательно сменяющих друг друга ступеней или стадий общества, каждая из этих ступеней характеризуется определенным развитием «материальных производительных сил», которым соответствуют определенные «производственные отношения»⁹. Эти ступени развития общества также не являются статическими. В их недрах происходит развитие производительных сил, в результате которого они «приходят в противоречие с существующими производственными отношениями», которые из «форм развития» «превращаются в их оковы». «Тогда наступает эпоха социальной революции»¹⁰.

Это взаимодействие производительных сил и производственных отношений является движущей силой развития общества. Открытие Марксом диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений, противоречивое единство которых было воплощено в способе производства, позволило ему выдвинуть новую категорию — категорию общественной формации. Эта категория отражает не только экономическую структуру, но и ее надстройку и формы сознания общества на каждой ступени исторического развития.

Рассматривая ступени развития общества во всемирно-историческом масштабе, Маркс писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹¹. Отмечая далее, что «буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства», Маркс приходил к выводу, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹².

Терминология, которой Маркс пользуется в вышеприведенном высказывании, не полностью совпадает с той, которую мы встречаем в современной литературе. Он называет «экономической общественной формацией» совокупность четырех антагонистических формаций и в то же время последнюю из них, буржуазную, Маркс тоже характеризует как формацию. Он пользуется термином «прогрессивная эпоха» для обозначения каждой из упомянутых формаций и определяет весь рассматри-

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

⁵ Там же, с. 6—7.

⁶ Там же, с. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 6.

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 8.

ваемый им цикл развития не как историю, а как «предысторию человеческого общества». Наконец, мы не находим здесь и общепринятого ныне термина «общественно-экономическая формация». Маркс говорит только об «экономической общественной формации». Эта терминология, отличающаяся от общепринятой, послужила поводом для обвинений Маркса в «небрежности», предъявляемых некоторыми современными зарубежными авторами¹³.

Между тем, внимательно читая Маркса, нельзя было не заметить, что эти расхождения объясняются тем, что терминология и понятийный аппарат еще только создавались, находились в процессе становления. Они допускали и в какой-то мере даже требовали дальнейшего развития в процессе исследований. Такое развитие понятийного аппарата и терминологии мы находим, например, в произведениях В. И. Ленина, которому и принадлежит вошедший в науку термин «общественно-экономическая формация»¹⁴. Модифицируя термин Маркса, В. И. Ленин, однако, повсюду в своих переводах соответствующих выдержек из Маркса сохранял выражение оригинала: «экономическая общественная формация», или «экономическая формация общества»¹⁵. И это имело прежде всего смысловое значение, так как Маркс, очевидно, подразумевал здесь процесс экономического формирования общества, процесс становления его экономической структуры¹⁶. Именно об этом свидетельствует и выражение Маркса «прогрессивные эпохи», т. е. эпохи, в которые происходит процесс прогрессирующего развития экономического базиса. Вместе с тем Маркс имел в виду не только процесс, но и всю совокупность этих эпох, объединяемых в одну формацию. В целом следует отметить, что терминология, введенная Марксом, и возможности дальнейшего развития созданного им понятийного аппарата изучены еще недостаточно, хотя и интенсивно исследуются.

Общие вопросы теории социальных формаций, поставленные в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии», имеют непосредственное отношение и к проблемам истории первобытного общества, несмотря на то что Маркс не называет его в ряду последовательно сменявших друг друга формаций — эпох. Правда, в ходе дискуссий о формациях, еще недавно происходивших в советской науке, иногда высказывались мнения о том, что в этом перечислении под «азиатским способом производства» подразумевалось именно первобытное общество. В качестве подтверждения такой точки зрения приводились высказывания Маркса, в частности в «Капитале», в которых он характеризует как «первобытные» индийские сельские общины, являвшиеся фундаментом азиатских деспотий¹⁷. Между тем общая характеристика азиатского способа производства в произведениях Маркса безусловно опровергает справедливость подобной оценки. Исследователи истории марксизма приходят к выводу, что «азиатский способ производства», упоминаемый в «Предисловии» к книге «К критике политической экономии», отнюдь не является эквивалентом «племенного строя», характеристика которого дана в «Немецкой идеологии»¹⁸. Отметим также, что в ряду формаций, перечисленных Марксом, нет и будущего коммунистического общества, характеристику которого Маркс давал в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Маркс рассматривает

¹³ Legros D., Hunderfund D., Shapiro J. Economic Base, Mode of Production and Social Formation: A Discussion of Marx's Terminology.— In: Dialectical Anthropology, 1979, 4; Grumey D., Stewart C. C. (eds.). Modes of Production in Africa. Sage Series on African Modernisation. V: 5. L., 1981, p. 198.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

¹⁵ Там же, с. 136.

¹⁶ Подробнее см. Тер-Акопян Н. Б. Об одном случае перевода термина «Gesellschaftsformation». — Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. ИМЛ при ЦК КПСС, № 12, с. 71—77.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 369—370.

¹⁸ Багатурян Г. А. Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории. — В кн.: Маркс — историк. М.: Наука, 1968, с. 158.

здесь, по его определению, исключительные антагонистические общественные формации. Их совокупность он, как уже говорилось выше, характеризует как предысторию человеческого общества. Такое противопоставление обществ, основанных на эксплуатации, коммунистическому обществу будущего тем более примечательно, что как раз в 50-е годы прошлого столетия в буржуазной науке термин «предыстория» начинает применяться для характеристики первобытной эпохи¹⁹. Тем самым первобытное общество, в котором не было частной собственности, выносилось за пределы исторического процесса в собственном смысле слова. Маркс в свою очередь, используя тот же термин по отношению к обществам, в которых господствовала частная собственность, подчеркивал, что лишь с ее упразднением и исчезновением антагонистических формаций начнется подлинная история человечества.

Какие из основных черт общественной формации, упомянутых в «Предисловии», могут быть отнесены к первобытной истории? Безусловно, первобытность можно характеризовать и как «прогрессивную эпоху общественной экономической формации». Но этот прогресс происходил если не на всем ее протяжении, то по крайней мере на большей ее части в неантагонистической форме. И в эту эпоху, разумеется, развитие производительных сил являлось причиной прогресса человеческого общества. Однако развитие первобытной формации отличалось от последующих еще и некоторыми существенными особенностями. Это было не просто развитие, это был процесс возникновения и становления экономической структуры самого общества. Многие черты будущего общества существовали здесь в еще нерасчлененном, несамостоятельном, неразвернутом виде. Очевидно, на основании определений, данных в «Предисловии», можно сказать, что в какой-то период в первобытной формации начали возникать противоречия, которые привели в конечном итоге к возникновению первой антагонистической формации.

Первобытность на этом не прекратилась. Первобытное общество сохранилось и сосуществовало не только с первой, но и со всеми последующими антагонистическими формациями. В общем виде Маркс объяснял подобное явление тем, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»²⁰. Вероятно, к сказанному следует добавить, имея в виду первобытное общество, что ни одна из народившихся антагонистических формаций не обладала достаточно высокими производительными силами, чтобы освоить свободные пространства Земного шара и полностью вытеснить все социальные организмы, находившиеся на стадии первобытности. Между «цивилизрованными» и первобытными обществами возникло определенное взаимодействие, оказывавшее влияние на обе стороны. Первобытные общества сохраняют при этом свою стадиальную принадлежность, однако изменения, которые они претерпевают, столь глубоки, что современная наука выделяет их в особую группу СПО (синполитейных, т. е. сосуществующих с цивилизацией обществ), в отличие от АПО (аполитейных), которые представляли первобытную формацию до возникновения цивилизации²¹.

Таковы вкратце выводы, вытекающие из сформулированного Марксом определения категории общественной формации, которая послужи-

¹⁹ Daniel G. The Idea of Prehistory. N. Y., 1968, p. 13.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

²¹ Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М.: Наука, 1978, с. 5; Першиц А. И. Этнография как источник первобытно-исторических реконструкций. — В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979, с. 29. Критический обзор новых исследований о первобытном обществе см.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 176—210 (глава «Опыт этнографического изучения архаических форм»).

да впоследствии «руководящей нитью» в «дальнейших исследованиях» самого Маркса²² и заняла ключевое положение в теории исторического материализма.

Вернемся теперь к началу творческого пути Маркса и проследим ступени его восхождения к идее общественной формации. Вопрос этот уже давно и интенсивно исследуется в советской и зарубежной марксистской (а также и немарксистской) науке, так что мы можем ограничиться в данной статье констатацией уже установленных фактов²³. Мы не будем касаться проблем, связанных с формированием самого Маркса как исследователя, иначе говоря, проблем непосредственной предыстории марксизма, относящихся в основном к периоду до 1843 г. Отметим, однако, что этот предварительный этап охватывает такие важные моменты, как критику религиозной концепции истории, преодоление представлений о так называемом естественном состоянии человечества, восходящих к эпохе Просвещения, а также присущего романтической историографии искажения дофеодалного прошлого европейских, особенно германских, народов. Разумеется, и после 1843 г. у Маркса встречаются замечания, которые стадильно, если можно так выразиться, еще относятся к этому периоду. С другой стороны, в работах Маркса, и в частности в его выписках, выполненных до 1843 г., есть высказывания, в которых намечались направления будущего развития его концепции истории. Но исходный рубеж конструктивного периода, в который начало складываться новое мировоззрение, историки-марксоведы все же относят только к осени 1842 г.

И здесь «вначале было дело». Не споры среди немецких философов, а реальные конфликты в связи с «так называемыми материальными интересами», волновавшие Рейнскую провинцию Прусского королевства, заставили Карла Маркса, редактора «Рейнской газеты», в 1842—1843 гг. вникнуть в существо происходивших столкновений²⁴. В этих событиях местного масштаба он увидел не просто борьбу помещичьих и бюргерских интересов, не только безысходную нужду и несправие крестьянства, но и столкновение двух эпох, ставивших под сомнение правовые основы Прусского государства и его официальную идеологию.

В выступлениях Маркса относительно упомянутых конфликтов, в его статьях «Коммунизм и аугсбургская „Allgemeine Zeitung“», «Дебаты по поводу закона о краже леса» и «Оправдание мозельского корреспондента» содержатся уже некоторые признаки понимания зависимости государства и права от интересов частной собственности²⁵. Как свидетельствует название первой из перечисленных статей, Маркс одновременно начинает определять свое отношение и к коммунизму, так как именно в это время «послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской»²⁶. К этим статьям Маркса можно с полным основанием отнести высказывание В. И. Ленина: «Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму»²⁷.

Но это было только началом. Весну и лето 1843 г. Маркс посвящает критическому анализу гегелевской философии права и приходит к выводу, что, вопреки Гегелю, не государство определяет гражданское об-

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

²³ См.: Маркс — историк. Проблемы истории докапиталистических формаций. М.: Наука, 1968; Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М.: Политиздат, 1974; Текеи Ф. К теории общественных формаций. М.: Прогресс, 1975; Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса. М.: Мысль, 1976; Коранашвили Г. В. Маркс и Энгельс о докапиталистических формациях. Тбилиси: Ганатлеба, 1976 (на груз. яз.); Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М.: Мысль, 1978; Попов В. Г. У истоков идеи общественно-экономической формации К. Маркса. — Философские науки, 1982, № 2, с. 53—63; Formationstheorie und Geschichte. Studien zur historischen Untersuchung von Gesellschaftsformationen im Werk von Marx, Engels und Lenin. Berlin: Akad.-Verlag, 1978.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

²⁵ Там же, т. 1, с. 30—84, 114—160, 187—217.

²⁶ Там же, т. 13, с. 6.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 82.

щество, а, напротив, гражданское общество определяет государство (рукопись этого исследования осталась неопубликованной). При этом и само понятие гражданского общества, унаследованное от XVIII в., Маркс характеризует «как совокупность материальных жизненных отношений»²⁸.

Таким образом, Маркс в середине 1843 г. уяснил себе структуру общества — один из важных элементов понятия «формации». Историзм в этом исследовании проявился в попытке найти соотношение общества и государства в различные эпохи. Маркс пришел к выводу о существовании разных типов зависимости государства от общества в древности, в средние века и в новое время. Будущее общество он мыслил как демократию²⁹. Намеченные здесь стадии развития общества: древность — средние века — новое время — будущая демократия уже по определению не охватывают догосударственную эпоху существования человеческого общества, т. е. не включают первобытное общество.

После этих исследований, проведенных в Крейцнахе, Маркс осенью 1843 г. направляется в Париж. Непосредственной целью его было издание журнала, единственный выпуск которого под названием «Немецко-французский ежегодник» удалось напечатать в феврале 1844 г. Но само пребывание в Париже имело огромное значение для дальнейшего развития нового мировоззрения. Маркс не только имел возможность детально ознакомиться с различными течениями социалистической и коммунистической мысли, но и своими глазами увидеть, как развивается движение рабочих. Первым следствием столкновения с французской действительностью были новые ступени в развитии теории исторического процесса, зафиксированные в двух статьях Маркса в указанном выше журнале. В статье «К еврейскому вопросу» политическая эмансипация противопоставляется эмансипации общественной. В ней проводится мысль об ограниченном характере буржуазной революции и буржуазной свободы³⁰. Маркс показывает, что эта политическая эмансипация не только не была шагом вперед по сравнению с феодализмом, но в определенном смысле явилась шагом назад. Она утвердила «право человека на частную собственность», «право по своему усмотрению... безотносительно к другим людям, независимо от общества пользоваться своим имуществом», т. е. «право своекорыстия»³¹. Он развенчивает буржуазное представление о «естественном» человеке как об «эгоистическом» индивиде³². «...Лишь тогда, когда человек познает и организует свои „собственные силы“ как общественные силы...», — писал Маркс, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация»³³.

Эта статья, в которой еще заметно ощущается влияние фейербаховского антропологизма, не давала ответа на вопрос о том, кто же способен осуществить общественную эмансипацию человека. Ответ был дан Марксом в следующей статье — «К критике гегелевской философии права. Введение». Такой силой, по его словам, мог быть только пролетариат³⁴. Оценивая деятельность Маркса в этот период, Ленин писал, что он «выступает уже как революционер, провозглашающий „беспощадную критику всего существующего“, и в частности „критику оружия“, апеллирующий к массам и к пролетариату»³⁵.

В статьях, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике» Маркс сделал шаг вперед в разработке теории формаций. Он установил, что буржуазный строй является вершиной в ряду частнособственных формаций. Кроме того, он установил наличие внутрiformационных различий, связанных со ступенями «практического» (т. е. мате-

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

²⁹ Там же, т. 1, с. 251—256.

³⁰ Там же, с. 403—404.

³¹ Там же, с. 401.

³² Там же, с. 405.

³³ Там же, с. 406.

³⁴ Там же, с. 428—429.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 47—48.

риального), а не теоретического развития. Такие различия, по его мнению, существовали между Францией и Германией. Маркс указал также на возможность обратного воздействия теоретического развития, т. е. сознания, на материальную силу. «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»³⁶.

В этих статьях Маркс не рассматривает стадий развития общества, кроме феодальной и буржуазной. Но он нередко обращается к примерам античных и вообще древних народов для иллюстрации тех или иных частных сторон современности. Так, анализируя соотношение теоретического и практического развития Германии, Маркс говорит: «Мы — философские современники нынешнего века, не будучи его историческими современниками», и приводит здесь же параллель с древней историей: «В числе философов Греции был один скиф, но это ни на шаг не приближает скифов к греческой культуре»³⁷. Развивая эту тему, Маркс замечает: «Подобно тому как древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии, так мы, немцы, переживаем нашу будущую историю в мыслях, в философии»³⁸. В этом высказывании интересны не только оценка мифологии как исторического источника, широко использованного впоследствии в науке, но и само противопоставление античных народов немецкой нации в середине прошлого века. На примере мифологии Маркс показывает обращенность в прошлое, характерную для древних.

Эта разработка новых проблем в статьях Маркса в основном опиралась, однако, на теоретические достижения крайних исследований 1843 г. И новые явления действительности, которые Маркс наблюдал в Париже, и сама внутренняя логика полученных научных результатов требовали дальнейшего теоретического анализа. Если гражданское общество определяет государство и право, или, говоря языком уже зрелой марксистской теории, экономический базис определяет политическую надстройку, то следовало разобраться в том, что собой представляет гражданское общество.

Новые исследования, предпринятые весной и летом 1844 г., привели Маркса к выводу, что возникновение частной собственности явилось следствием отчуждения труда. И большая часть «Экономическо-философских рукописей 1844 года» посвящена анализу именно проблемы труда, анализу его производящего характера. Маркс убедился в том, что труд, или, точнее, производство, определяет структуру общества. Некоторые достижения этого цикла исследований были зафиксированы Марксом и Энгельсом в их совместной работе «Святое семейство». В том произведении Маркс и Энгельс называли «материальное производство» «материнским лоном истории», указывали на недопустимость отрыва естествознания от истории. Они вводят понятие «способа производства», приближаются к понятию производственных отношений³⁹. Эти теоретические достижения отмечал В. И. Ленин в своем конспекте «Святого семейства», рассматривая их как подход Маркса «к идее общественных отношений производства»⁴⁰.

Экономическо-философские исследования Маркса чрезвычайно важны также и для понимания развития его взглядов на первобытную историю. Здесь впервые появился социально-экономический критерий, отделяющий человека от животных, первобытную эпоху от последующих антагонистических формаций и будущее коммунистическое общество от последней антагонистической формации — буржуазного общества. Труд отделил человека от животного, отчуждение труда, или, по терминологии зрелого марксизма, эксплуатация человека человеком, привело к господству частной собственности, наконец, снятие отчуждения труда равносильно упразднению частной собственности и государства и ведет

³⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422.

³⁷ Там же, с. 419.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, т. 2, с. 166.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 15—16; ср. с. 33—34.

ка коммунизму. Итак, следуя этому критерию, всю историю человечества, которая, по определению Маркса, «есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека»⁴¹, можно разделить на три эпохи: до отчуждения труда, отчуждение труда, снятие отчуждения труда, или «возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому»⁴².

Идеи относительно взаимоотношений природы, человека и общества, впервые изложенные Марксом в 1844 г. в «Экономическо-философских рукописях», в дальнейшем были развиты в «Капитале». Периодизация истории, данная в «Рукописях» лишь в неявном виде, напоминает последнюю периодизацию всемирной истории, данную Марксом в его «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич»⁴³. Эти идеи, или, точнее, зародыши идей, развитие которых происходило позднее, были в «Рукописях», разумеется, не на первом плане. Перед Марксом здесь прежде всего стояла задача дальнейшего исследования философских основ политической экономии и собственной теории этого предмета (работы 1844 г. привели его как раз к проблеме разделения труда)⁴⁴. Еще более важной задачей была целостная разработка нового мировоззрения. К решению этой последней задачи и приступили уже совместно Маркс и Энгельс весной 1845 г. в Брюсселе⁴⁵. Конкретно это совместное исследование вылилось в создание рукописи «Немецкой идеологии», написанной между ноябрем 1845 и апрелем 1846 г. Как и предыдущие две рукописи Маркса 1843 и 1844 гг., «Немецкая идеология» не увидела света при жизни авторов. Основные результаты, достигнутые в «Немецкой идеологии», нашли отражение в работах «Нищета философии», «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», изданных в 1847—1849 гг.

В «Немецкой идеологии» впервые появляется понятие производственных отношений, хотя оно и не рассматривается в единстве с категорией производительных сил. Последняя чаще всего фигурирует здесь в соединении с другим, более широким, чем производственные отношения, понятием — формой общения (т. е. общественные отношения). В целом структура общества отражена полнее и точнее, чем на предыдущих этапах. Производительные силы определяют форму общения, опосредованно определяют политическую надстройку, а затем и формы общественного сознания. В этой работе было также положено начало созданию теории формаций. Маркс выделяет здесь пять ступеней развития общества, характеризуя первые четыре как «формы собственности»: племенную, античную, феодальную и буржуазную. В буржуазной различаются две стадии — мануфактура и крупная промышленность. Коммунизм — пятая эпоха, к которой определение «форма собственности» не применяется.

В отличие от прежних теоретических разработок, формы собственности характеризуются более конкретно, на основе доступных исторических источников. Племенная собственность, в частности, отражает черты того строя, которым жили античные и германские народы до возникновения государства, и, таким образом, относится к периоду разложения первобытного общества.

Основополагающее значение для науки о первобытной истории имеет данный в «Немецкой идеологии» «анализ первичных исторических отношений»⁴⁶. Если категория племенной формы собственности отражает последний этап развития первобытного общества, то понятия первичных отношений представляют глубокую научную абстракцию начала

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 126.

⁴² Там же, с. 116.

⁴³ Там же, т. 19, с. 413, 419.

⁴⁴ Там же, т. 42, с. 128.

⁴⁵ Там же, т. 13, с. 6—8.

⁴⁶ Подробнее см.: Тер-Акопян Н. Б. Подход Маркса и Энгельса к истории первобытного общества и некоторые вопросы теории Морганна. — Сов. этнография, 1980, № 5.

человеческой истории. Эти категории стали методологической основой науки о первобытном обществе.

Развитие марксизма между 1846 и 1859 гг., т. е. со времени создания «Немецкой идеологии» до появления «Предисловия» к работе «К критике политической экономии», существенным образом отличалось от предшествующего периода. Если до 1846 г. учение марксизма находилось в процессе формирования, то с этого времени развитие происходило на основе собственной, уже сложившейся теории. Не было еще категорий формации, но ее составные элементы уже широко применялись Марксом и Энгельсом в их работах. О том, насколько близка была ее разработка к завершению, свидетельствуют, например, определения, сформулированные Марксом в его письме русскому литератору П. В. Анненкову в декабре того же 1846 г.⁴⁷ В еще большей степени подтверждает это приводимая в «Манифесте Коммунистической партии» периодизация истории, в которой подчеркнута связь экономического развития общества с классовой борьбой⁴⁸. Таким образом, у Маркса уже имелся тот общий результат, который послужил затем «руководящей нитью» в его дальнейших исследованиях⁴⁹.

Из различия между этими двумя периодами развития марксизма вытекает необходимость дифференцированного подхода к ним при изучении наследия Маркса и Энгельса. Их высказывания по тем или иным частным вопросам следует сопоставлять с уровнем зрелости учения марксизма в целом к тому времени, к которому относится данное высказывание. Общее развитие учения составляет как бы систему координат, которая позволяет уточнить смысл и значение формулировок Маркса и Энгельса.

Поэтому мы сочли целесообразным в данной статье подробно остановиться на общих вопросах, связанных с формированием системы категорий исторического материализма. Для последующих периодов мы ограничимся лишь некоторыми моментами, имеющими более непосредственное значение для истории первобытного общества.

Клеточкой, социальным организмом первобытного общества была община. Эта форма сохранилась и в классовом обществе, но изменились ее функции, характер внутренних связей, причем изменились по-разному, в зависимости от той новой исторической социальной среды, в которой эти общины оказались⁵⁰. Исключительное разнообразие уцелевших общинных форм сначала воспринималось только как отражение национального своеобразия народов Земного шара. В европейских странах в середине XIX в. общины представлялись современникам преимущественно местными органами самоуправления, а то и просто административными единицами, учрежденными центральной властью. Порой так оно и было, но при этом власть воссоздавала традиционные общинные формы, придавая им новые функции. Науке еще только предстояло разобраться во всем этом и установить, что те или иные разновидности общин зачастую отражают различные ступени развития, на которых общины были включены в состав более крупных общественных образований. На изучение структуры и функции общины, внутриобщинных и межобщинных отношений в значительной степени опирается, как известно, реконструкция первобытного общества в современной науке. Но в те времена, когда Маркс начинал свой творческий путь, этнография и история первобытного общества только еще становились самостоятельными отраслями научного знания.

Между тем общины сохранились тогда даже и в промышленном сердце Германии, в Рейнской области, где проходили юношеские и мо-

⁴⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402, 403.

⁴⁸ Там же, т. 4, с. 424.

⁴⁹ Там же, т. 13, с. 6.

⁵⁰ В последние годы проблема исторического соотношения типов общин вновь подвергалась интенсивному обсуждению. См.: Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах. — Вопросы истории, 1977, № 2.

лодые годы Маркса. Некоторые из них имели реликтовые черты древнегерманской марки, но понять характер этих общин мешали распространенные в те годы предвзятые представления. «Вот насколько,— писал впоследствии Маркс,— все мы бываем связаны этой слепотой суждения: как раз на *моей* родине, на *Хунсрюке*, древнегерманская система продолжала существовать вплоть до *недавнего* времени. Я вспоминаю теперь, что мой отец, как *адвокат*, рассказывал мне об этом!»⁵¹.

Хотя Маркс вследствие состояния немецкой науки в то время не совсем ясно представлял себе судьбы общинного строя в Германии, он хорошо понимал значение и роль общины во всемирной истории в целом. Он был одним из первых, если не первым, ученых, изучавших этот институт на теоретическом уровне. Община стала как бы лейтмотивом всех исторических экскурсов в докапиталистические формации и особенно при рассмотрении первобытного общества. Начало этим научным изысканиям Маркса было положено в «Немецкой идеологии». Здесь, в главе III, опровергая нелепое утверждение немецкого философа Макса Штирнера, что частная собственность возникла в результате добровольного дара, Маркс замечает: «В действительности... новейшие исследования по истории права установили, что как в Риме, так и у германских, кельтских и славянских народов развитие собственности имело исходным пунктом общинную или племенную собственность и что настоящая частная собственность повсюду возникла путем узурпации»⁵².

Уже в этом первом высказывании Маркса об общинной собственности в неявной форме поставлен вопрос о соотношении общинной и племенной собственности, соотношении общины и рода (Маркс в большинстве случаев употреблял слово *Stamm*, которое означает как племя, так и род). К проблеме общины Маркс вновь обращается в одной из своих статей в январе 1853 г. Здесь, рассматривая процесс захвата земель шотландских кланов, он детально исследует эту общественную форму. Опираясь на данные, собранные шотландским юристом Джоном Далримплом, Маркс реконструирует первоначальную структуру клана, родовые связи и общую собственность, а также характеризует далеко зашедший процесс его разложения. Параллели с древними азиатскими родовыми общинами, равно как и с русской общиной, свидетельствуют о том, что Маркс уже достаточно хорошо видел историческое место общины⁵³.

Следующим шагом был анализ индийских общин в переписке с Энгельсом и в статье «Британское владычество в Индии»⁵⁴. Этот анализ, частично воспроизведенный в «Капитале», широко известен в научной литературе⁵⁵. Поэтому отметим лишь один существенный момент, отчетливо здесь проявившийся: разные судьбы общины в различной исторической среде.

В начале 1858 г. Маркс предпринял в «Экономических рукописях» попытку проследить смену основных типов общины в их исторической последовательности. Сформулированные им выводы дают ключ к исследованию древнейших форм земельной собственности. Предпосылку к ним Маркс видел в «естественно сложившемся коллективе», характерными признаками которого являются кровное родство, общность языка, обычаев и пр.⁵⁶ В каждом из рассматриваемых здесь исторических типов общины: азиатской, или восточной, античной и германской — первобытные черты постепенно слабеют и отчасти утрачиваются, но тем не менее в целом сохраняются. В отличие от позднейших более крупных

⁵¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 44.

⁵² Там же, т. 3, с. 361.

⁵³ Там же, т. 8, с. 522—528.

⁵⁴ Там же, т. 28, с. 228—230; т. 9, с. 132—136; т. 23, с. 369—371.

⁵⁵ Подробнее см.: Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земельной общине.— В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М.: Политиздат, 1973, с. 167—220.

⁵⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг., ч. I. М.: Политиздат, 1980, с. 467, 468.

социальных организмов целью общины является «воспроизводство образующих общину индивидов как собственников»⁵⁷, т. е. как коллективных собственников средств производства. Можно сказать, пользуясь терминологией, введенной Марксом позднее, что в «Экономических рукописях» Маркс открыл архаическую, или первичную, формацию в недрах вторичной формации, т. е. в составе классовых обществ.

Общий итог исследованиям этого периода Маркс подвел в 1859 г. в уже упоминавшейся работе «К критике политической экономии». «В последнее время,— писал Маркс,— распространился смехотворный предвзвешенный, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности»⁵⁸.

Таким образом, к моменту завершения выработки понятия формации Маркс в общих чертах представлял себе эволюцию общины во всемирных масштабах, но он все же не называл этот институт универсальным. Причиной этого являлось белое пятно на карте распространения архаической формы общины — Западная Европа. Немецкая романистическая историография, на которую опирался Маркс, позволяла сделать вывод лишь о том, что древнегерманская марка была «общей собственностью индивидуальных собственников, а не собственностью союза этих собственников»⁵⁹. И хотя теоретически Маркс допускал, что основа этого института была иной (ведь утверждается же в приведенной выше цитате: «...различные оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности»), он, однако, не располагал еще другим фактическим материалом по германской общине. И лишь ознакомление с трудами Маурера (а они попали в поле зрения Маркса только в 1868 г., т. е. уже после выхода в свет первого тома «Капитала») позволило Марксу разоблачить эту своеобразную общинную робинзонаду немецкой историографии⁶⁰.

«Экономические рукописи 1857—1861 гг.» содержат еще целый ряд моментов, имеющих важное методологическое значение для реконструкции первобытной истории. Это в особенности относится к разработке философских основ политической экономии, изложенных во «Введении»⁶¹. Здесь, в сущности, дана квинтэссенция материалистического понимания истории. Выделение Марксом четырех моментов в материальном производстве (производство, распределение, обмен и потребление), раскрытие их диалектической взаимосвязи именно как моментов единого процесса, доказательство изменения конкретного взаимоотношения этих моментов в зависимости от исторических условий производства — все это служит методологической основой изучения и реконструкции экономики первобытного общества на различных стадиях ее развития.

В разделе «Рукописей», озаглавленном «Стоймость» и относящемся, по-видимому, к маю 1858 г., Маркс подошел к определению категории

⁵⁷ Там же, с. 488.

⁵⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 20 (примечание).

⁵⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг., ч. I, с. 478.

⁶⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 36, 43—44. О немецкой историографии см.: Вебер Б. Г. Немецкая историография конца XVIII — первой половины XIX в.— В кн.: Маркс — историк, с. 49—82; Harstick H.-P. Einführung. Karl Marx und die zeitgenössische Verfassungsgeschichtsschreibung. — In: Karl Marx über Formen vorkapitalistischer Produktion. Frankfurt/M.— N. Y., 1977. S. XII—XLVIII.

⁶¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг., ч. I, с. 17—50.

общественной формации. «Система производства,—писал он,—основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение... первобытного коммунизма. Однако целый ряд экономических систем, в свою очередь, занимает промежуточное положение между современным миром, где меновая стоимость господствует над производством во всю ширь и глубину, и такими общественными формациями, основу которых составляет общинная собственность...»⁶²

Этот последний раздел рукописи 1857—1858 гг. прерывается через несколько слов, а завершение и законченную форму начатой здесь мысли мы находим в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии». Но кроме того, здесь уже имеются и определенные предпосылки для той периодизации истории, которую Маркс дал в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич».

Система категорий политической экономии, капитализма, которую разработал Маркс в «Экономических рукописях 1857—1861 гг.», а затем в более полном виде в «Капитале», была ключом для изучения не только капиталистической формации. В силу того что эта формация наиболее развитая, понятийный аппарат, отражавший ее структуру, был пригоден и для изучения предшествующих экономических систем. При этом, однако, существовавшее на протяжении ряда формаций значение категории, относившейся к тому или иному экономическому явлению, изменялось. Некоторые категории, игравшие центральную роль в капиталистической системе, имели лишь второстепенное значение в прежних общественных системах⁶³. Иной раз категории капиталистической системы оказываются вовсе неприменимыми в некоторых системах. Один из примеров, приводимых Марксом во «Введении», касается, в частности, денег. «Встречаются весьма развитые и все-таки исторически менее зрелые формы общества, где имеют место высшие экономические формы, например кооперация, развитое деление труда и т. д., но не существует никаких денег, как это было, например, в Перу. Точно так же в славянских общинах деньги и обуславливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но зато выступают на границах последних, в сношениях с другими общинами»⁶⁴.

В приведенном отрывке в первом случае речь идет об обществе, которое обладает чертами азиатского способа производства, во втором — о позднепервобытных общинах. Вместе с тем их объединяет одна общая черта — отсутствие частной собственности. Как показывают многочисленные примеры исторического исследования категорий в «Капитале», именно за гранью существования частной собственности некоторые категории становились неприменимыми. К ним относилась категория стоимости и все связанные с ней понятия⁶⁵. Другие категории, прежде всего категория труда, напротив, могли быть поняты только при анализе их с точки зрения первобытной экономики⁶⁶. Анализ системы категорий в экономических произведениях Маркса и Энгельса позволяет в известной мере реконструировать основные параметры структуры первобытного общества.

Во «Введении» к «Экономическим рукописям» содержатся также важные указания о периодизации первобытной истории. Если в «Немецкой идеологии» определяется ее начало — выделение человека из животного царства, появление человеческих индивидов, то здесь это опре-

⁶² Там же, с. 398. Термин «формация» встречался в произведениях К. Маркса и раньше (см. Попов В. Г. Философско-терминологические проблемы генезиса теории общественно-экономической формации. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. философия, 1975, № 3, с. 10—21). Здесь, однако, Маркс впервые употребляет этот термин в его категориальном значении.

⁶³ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг., ч. I, с. 43—45.

⁶⁴ Там же, с. 40.

⁶⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 610; т. 24, с. 497; т. 25, ч. II, с. 417; т. 20, с. 150—151; т. 39, с. 351.

⁶⁶ Там же, т. 23, с. 188—191.

деление дополняется следующим замечанием: «Исходный пункт, естественно,—природная определенность; субъективно и объективно. Племена, расы и т. д.»⁶⁷. Но кроме того, выделяется появление производящего хозяйства, как пункт, «откуда начинается действительное развитие»⁶⁸.

Методологические указания Маркса во «Введении» еще не все полностью раскрыты и использованы в науке. К таким, в частности, относится один из «пунктов, которые,—как отмечал Маркс,—следует здесь упомянуть и которые не должны быть забыты»⁶⁹. Речь идет об одной из идей Маркса, сформулированной им следующим образом: «Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат»⁷⁰. Очевидно, в определенном смысле эта идея могла бы быть применена к первобытному обществу.

В 60-е — начале 70-х годов, работая над вариантами «Капитала», Маркс продолжал развивать и конкретизировать высказанные в «Экономических рукописях» идеи, касающиеся как теории первобытного общества, так и теории формаций в целом. Новый период в развитии теории наступил после Парижской Коммуны. Вместе с Коммуной появились первые зримые черты того коммунистического будущего, которое предвидели и наступление которого предсказывали Маркс и Энгельс. Благодаря творчеству рабочих масс Парижа проблема построения коммунистического общества перешла из разряда научных прогнозов отдаленного будущего в разряд актуальных проблем настоящего. Развитие теории на новом уровне стало более настоятельной необходимостью, чем когда-либо прежде.

Маркс писал по горячим следам событий. Коммуна была «по сути дела, правительством рабочего класса..., открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»⁷¹. Рабочему классу, «чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неуклонно стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития... придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей. Рабочему классу предстоит не осуществить какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества»⁷².

Приведенные выдержки взяты из работы Маркса «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». В этом замечательном документе, под которым поставили свои подписи члены Генерального Совета и другие руководители Интернационала, оценка злободневных событий, страстная защита рабочих против клеветы буржуазных писак сочетается с глубоким анализом происходящего. Здесь и четкие определения теоретико-формационного плана, и программные требования коммунистической партии⁷³. На последнее мы хотели бы обратить внимание историков первобытного общества. Речь идет о том, что новая формация порождает людей новой формации. Должен произойти качественный скачок в духовном облике людей для установления новых общественных отношений. В известном смысле это должно быть восстановлением на новой основе чувства собственного достоинства, чистоты и прямоты, храбрости и силы характера — тех черт людей первобытной эпохи, о которых с таким восхищением писал Энгельс⁷⁴. Эта высокая нравственность, уничтожен-

⁶⁷ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг., ч. I, с. 48.

⁶⁸ Там же, с. 44.

⁶⁹ Там же, с. 47.

⁷⁰ Там же, с. 48.

⁷¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 346.

⁷² Там же, с. 347.

⁷³ Ср. выступление К. Маркса на заседании Центрального комитета Союза коммунистов 15 сентября 1850 г.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 582.

⁷⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 98, 99.

ная гнусными методами антигуманистических цивилизаций, должна была вновь возродиться, но уже освобожденная от узких рамок и ограниченности родового строя.

С Парижской Коммуны начался новый подъем в рабочем и революционном движении соседних стран. Маркс и Энгельс заботились о том, чтобы массовые рабочие партии исходили в своих программах из коммунистических принципов, которые должны были определить цели и направление развития рабочего движения. Выступая в 1875 г. с критикой проекта программы германской социал-демократической партии, Маркс впервые дал характеристику основных черт будущего коммунистического общества с его двумя основными фазами⁷⁵. Он обрисовал экономический скелет будущего общества, строго ограничиваясь теми данными, которые вытекали из действительного развития тогдашнего общества. Эта критика Маркса была вместе с тем новым и важным шагом в развитии теории формаций.

В революционную борьбу втягивались и такие страны, как Россия с обширным крестьянским населением. Рабочее движение должно было всесторонне учитывать интересы трудового крестьянства. От этого зависел успех будущих революций. Исследуя общинные институты, Маркс все больше углубляется в историю их возникновения, подходя к ее истокам, к первобытной формации. В 1876 г. он возобновляет изучение трудов Маурера. В конце 1879 г. Маркс составляет конспект книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». В 1880—1881 гг. в поле зрения Маркса попадает работа Моргана «Древнее общество». После ее изучения он делает выписки из трудов Мейна, Леббока и некоторых других авторов, давая их критический анализ в свете открытий Моргана⁷⁶.

Анализ этих выписок и конспектов содержится в ряде работ советских и зарубежных ученых⁷⁷. Мы ограничимся некоторыми частными замечаниями. В исследовании Ковалевского Маркс нашел новое подтверждение повсеместного распространения общины. Кроме того, здесь содержалась также попытка периодизации развития общинной земельной собственности в связи с разложением родовых и семейных институтов. Открытия Моргана позволили Марксу проникнуть в глубину истории человечества, в эпоху до возникновения земледелия и земельной собственности. Они раскрыли внутренний механизм развития древнейших человеческих коллективов. Необходима была периодизация истории, которая отразила бы факты, накопленные наукой.

Непосредственным поводом к новым теоретическим исследованиям явилось письмо русской революционерки В. И. Засулич, которая в феврале 1881 г. от имени своих товарищей просила Маркса высказать свое мнение относительно возможных судеб русской общины и теории о том, что «в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства»⁷⁸. Марксу и раньше приходилось заниматься этой проблемой. В ноябре 1877 г. он даже подготовил письмо в редакцию русского журнала «Отечественные записки», где уже дал, в сущности, в общей форме ответ на вопрос, волновавший передовых людей России. «Чтобы иметь возможность... судить об эконо-

⁷⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 9—32.

⁷⁶ Там же, т. 45; The Ethnological Notebooks of Karl Marx. Assen, 1972.

⁷⁷ Андреев И. Л. К. Маркс о структуре и закономерностях развития первобытно-общинной формации в конспекте книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». — Сов. этнография, 1978, № 1; Крыгелев И. А. Маркс и некоторые проблемы этнографии. — Там же, 1968, № 2; Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1975; Тер-Акопян Н. Б. Новые зарубежные публикации литературного наследия К. Маркса и некоторые проблемы первобытной истории. — Сов. этнография, 1978, № 1, и др.; Harstick H.-P. Op. cit.; Krader L. Introduction. — In: The Ethnological Notebooks of Karl Marx. Assen, 1972, p. 190; Treide D. Bemerkungen zur Stellung des Kovalevskij und Morgan Konспекts in der Entwicklung der Marxschen Auffassungen über die Urgesellschaft. — Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 21. Jahrgang. Berlin, 1980, S. 399—416.

⁷⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 576, прим. 164.

мическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁷⁹.

Здесь Маркс впервые допускал теоретическую возможность некапиталистического пути развития. В письме к В. И. Засулич содержались, кроме высказываний, касавшихся непосредственно России, важные методологические указания о применении теории формаций. Маркс выступал против шаблонного понимания теории формаций как «историко-философской теории о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы». Теорией формаций нельзя пользоваться как «универсальной отмычкой», следует изучать каждую эволюцию в «отдельности»; сопоставляя полученные данные, можно понять причины, по которым аналогичные события приводят к разным результатам⁸⁰.

В ответе В. И. Засулич Маркс уточняет также, в чем состоит различие эволюции капитализма в Западной Европе и в России. На Западе речь идет «о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности», т. е. о превращении мелкой собственности крестьян, основанной на индивидуальном труде, в крупную капиталистическую. «У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность»⁸¹. Маркс пришел к выводу, что «община является точкой опоры социального возрождения России»⁸², но вместе с тем отчетливо видел, что процесс разложения общины в России зашел далеко, что община на краю гибели, что на нее давят внешние силы. С одной стороны, ей противостоит «земельная собственность, держащая в руках почти... половину земель», с другой — «известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства»⁸³.

Тем не менее теоретически Маркс считает возможным сделать общину опорой для построения в России нового общества. «Однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, — говорится в письме, — нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем, обеспечить ей нормальные условия свободного развития»⁸⁴.

В предварительных набросках к письму эта мысль высказана более определенно: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»⁸⁵. В своем совместном «Предисловии» ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс существенным образом уточнили это условие. «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что они обе дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁸⁶.

Так могла быть решена «загадка истории», о которой Маркс писал еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»⁸⁷. История как бы свела воедино, сделала современниками одной революционной

⁷⁹ Там же, с. 119. Происхождение и характер русской общины, ее состояние в XIX в. являются предметом ряда фундаментальных исследований. См. Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука, 1976; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1981.

⁸⁰ Маркс К. и Энгельс, Ф. Соч., т. 19, с. 120, 121.

⁸¹ Там же, с. 251.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, с. 406, 409, 410, 415.

⁸⁴ Там же, с. 251.

⁸⁵ Там же, с. 410.

⁸⁶ Там же, с. 305.

⁸⁷ Там же, т. 42, с. 116.

эпохи самую древнюю форму общества и самую новую, становящуюся его формой — архаическую общину и пролетарский коммунизм, разделенные не веками, а тысячелетиями развития. Она завязала узел, распутать который могла только теория, способная проследить основные нити, его составившие. Маркс и Энгельс показали возможность слияния обеих форм при осознанных целенаправленных действиях революционных классов. В «Предисловии» к «Манифесту» и в письме Маркса к Засулич сформулированы были только политические условия его осуществления. Можно сказать, что здесь мы видим как бы вершину айсберга над огромной подводной его частью. За пределами видимости — оставшиеся в рукописном виде обширные выписки, конспекты и исследования, выполненные Марксом в последнее десятилетие его жизни. Некоторые важные обобщения он успел сделать в черновых вариантах ответа В. И. Засулич.

Здесь видно, как тщательно продумал Маркс все детали, прежде чем высказаться. Русскую общину можно было сохранить, только открыв путь для ее развития. Экономическим условием для этого было использование положительных достижений капиталистического способа производства, а это было вполне возможно⁸⁸. Средства должно было предоставить русское общество, так долго жившее за счет крестьянской общины⁸⁹. Важным социально-психологическим моментом для перехода к кооперативному хозяйству была «привычка крестьянина к артельным отношениям». Маркс учитывал и такие факторы, как конфигурацию русских земель, пригодных для использования машин, и т. д.⁹⁰. Примечательно, что именно в связи с идеей возрождения общины Маркс ссылается на «Древнее общество» Моргана. «Как говорит один американский писатель, которого никак нельзя заподозрить в революционных тенденциях... „новый строй“, к которому идет современное общество, „будет возрождением... в более совершенной форме... общества архаического типа“»⁹¹.

Анализ, данный Марксом в «Набросках письма», имеет ряд аспектов. Мы не будем касаться здесь весьма актуального практически-политического его значения, связанного с некапиталистическим путем развития, но попытаемся кратко осветить теоретический аспект, относящийся к понятию формации. Прошло много лет, прежде чем Маркс пришел к выводу, что некоторые типы общины, судя по их архаическим чертам, являются реликтами другой формации. Но именно в «Набросках» Маркс впервые выделяет архаическую, или первичную, формацию и дает ее общую характеристику: «Она открывает... ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи», или такие же прогрессивные эпохи единой формации, о которых говорилось в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии». Таким образом, идея «большой», или «мега»-, формации родилась не здесь. Но здесь появилась граница между двумя большими формациями. Критерием каждой из прогрессивных эпох, входящих в состав первичной формации, является структура характерной для нее общины. Маркс называет эти эпохи подобно геологическим образованиям «первичными», «вторичными», «третичными». Общины всех эпох, кроме последней, эпохи архаической формации, основаны на отношениях кровного родства. К последней эпохе Маркс относит земледельческую общину, где связи носят соседский характер. Она характеризуется внутренним дуализмом, сочетанием частной собственности на дом, сельский двор, движимость с общей собственностью на пахотные земли, лесные угодья, пастбища. Вот ее формационная характеристика: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от об-

⁸⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 405, 408, 413.

⁸⁹ Там же, с. 405, 407.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же, с. 402.

щества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»⁹².

Остановимся на моментах, до сих пор слабо освещенных в марксоведческой литературе. Во-первых, каково отношение общины к обществу данной эпохи первичной формации в целом? Маркс, по существу, ставит знак равенства между ними. Социальный организм, конкретное общество ограничивались рамками общины, совпадали с ней.

Во-вторых, как соотносятся прежняя и новая периодизация истории? «Вторичная формация,— пишет Маркс,— охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»⁹³. Здесь не упоминаются азиатский способ производства и буржуазное общество. Вместо античного и феодального способов производства называются рабство и крепостничество. Что касается последних понятий, то очевидно, что Маркс уточняет критерий внутренней периодизации вторичной формации, подчеркивая форму эксплуатации, характерную для каждой из них.

В «Набросках» Маркс также существенно уточняет характеристику земледельческой общины, указывая на ее отличие от более ранних типов как по социальным связям, так и по отношениям собственности. Благодаря сочетанию общей и частной собственности эта община является основой переходных обществ, форма которых зависит от наличия или отсутствия связей между отдельными общинами⁹⁴ («локализованный микрокосм», по выражению Маркса)⁹⁵.

Вернемся, однако, к первичной формации. Марксу удалось выделить первичную формацию как особую формацию истории только в последний период своей творческой деятельности, когда наука накопила достаточный материал о первобытном обществе. Критерии выделения первичной формации, ее место в периодизации истории, элементы внутренней периодизации, предложенные Марксом, завоевали широкое признание в современной науке. Этот конечный результат, достигнутый Марксом, был подготовлен его многолетними исследованиями в предшествующие периоды как в области самой первобытной истории, так и во всемирной истории в целом. Наблюдается определенная взаимосвязь между развитием теории общественных формаций и развитием взглядов Маркса в области первобытной истории. Узловые пункты в развитии теории формации: «Немецкая идеология» (1845—1846 гг.), «Экономические рукописи 1857—1861 гг.» и «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич» (1881 г.) — являются также и вехами в изучении Марксом первобытного общества. Наследие марксизма в этой области неразрывно связано с теорией общественных формаций — центральным звеном «революционного учения Маркса, Энгельса, Ленина, дающего ключ к постижению и решению сложнейших проблем общественного развития»⁹⁶. Изучение первичной формации особенно важно теперь, когда партия ставит перед учеными задачу исследования «закономерностей становления бесклассовой структуры общества»⁹⁷.

⁹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 419.

⁹³ Там же.

⁹⁴ См. Тер-Акопян Н. Б., Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине, с. 217—219.

⁹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 405, 420.

⁹⁶ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Постановление Пленума ЦК КПСС.— Правда, 16 июня 1983 г.

⁹⁷ Там же.

**ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТУ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ АН СССР — 50 ЛЕТ**

Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Макля Академии наук СССР в этом году исполнилось 50 лет. Он был создан на основе решения Общего собрания Академии наук СССР от 15 февраля 1933 года¹. Решение это оказало большое влияние на дальнейшее развитие советской этнографии.

Революционные социально-экономические преобразования в стране и начавшаяся культурная революция, практическое участие в них советских этнографов — таковы были общие предпосылки создания академического этнографического центра. На него была возложена основная ответственность за общее руководство развитием этнографической науки в стране и за создание такой концепции советской этнографии, которая отвечала бы новым политическим, социальным и культурным условиям, создавшимся в результате революционных преобразований и построения основ социалистического общества в нашей стране. Задача разработки общей концепции этнографической науки приобрела тем большее значение, что созданию Института, как известно, предшествовали бурные дискуссии о предмете этнографии, ее месте среди других гуманитарных наук и о ее функциях в современности. Крайние взгляды — стремление противоестественно сузить предмет этнографии, превратить ее в науку, преимущественно занимающуюся первобытностью, и противоположное стремление превратить ее в гуманитарную науку наук — не привились и сейчас представляются лишь временным заблуждением². Преодолению его немало способствовала вся последующая деятельность Института, хотя влияние указанных крайних точек зрения на предмет этнографии в той или иной мере дает о себе знать до сих пор.

Предусмотрев создание Института на базе Музея антропологии и этнографии и Института по изучению народов СССР (ИПИНа), решение Общего собрания АН СССР тем самым подчеркнуло, что дальнейшее развитие советской этнографии должно опираться на прогрессивные традиции отечественной этнографии.

Эти традиции уходят своими корнями ко времени основания в стране первого государственного общедоступного музея — Петербургской кунсткамеры, созданной Петром I в 1714 г., на базе которой позднее сложился Музей антропологии и этнографии АН СССР.

Огромные просторы страны, значительные различия стадий и уровней исторического развития, на которых находились населявшие ее народы, разнообразие их обычаев, традиционных правовых норм, обрядов, верований, форм художественного творчества — все эти обстоятельства в своей совокупности способствовали тому, что этнографическим знаниям о России (наряду с географическими и историческими) придавалось большое значение как правительственными организациями, так и передовыми учеными и общественными деятелями. Многочисленные экспедиции, проведенные в XVIII — начале XIX в. (С. П. Крашенинникова, П. С. Паласа, И. Ф. Крузенштерна, Ф. Ф. Беллинсгаузена, Г. И. Лангсдорфа, И. Г. Вознесенского и др.) собрали значительное количество оригинальных этнографических материалов и, что, может быть, не менее важно, — расширили и без того обширные горизонты зародившейся этнографии. Более того, они способствовали преодолению характерного для научной традиции многих европейских стран специфического европоцентризма и выработке гуманистических представле-

¹ Первоначально он именовался «Институт антропологии и этнографии АН СССР», а с 1937 г. — «Институт этнографии АН СССР».

² Подробнее см.: Чистов К. В. Из истории советской этнографии 30—80 гг. XX века (К 50-летию Института этнографии АН СССР). — Сов. этнография (далее — СЭ), 1983, № 3.

ний о единстве человечества и ценности различных культурных традиций вне зависимости от их этнической принадлежности³.

Важная роль в развитии отечественной этнографической науки принадлежала возникшему в 1845 г. Русскому географическому обществу с Отделением этнографии. Отделение развернуло активный сбор этнографических материалов. Лозунгом его прогрессивного крыла был известный тезис А. И. Герцена: «Не зная народа, можно притеснять народ, кабальить его, завоевывать его, но освобождать нельзя» (Собр. соч., т. XVI, с. 77). Это было время, когда, по словам того же А. И. Герцена, каждый губернский секретарь стал заниматься этнографией.

Не случайно именно в это время активизируется деятельность Музея этнографии (с 1879 г. — Музей антропологии и этнографии). К концу XIX в. он приобретает авторитет одного из наиболее значительных этнографических собраний мира. Особенно развернулась работа музея с 90-х гг. XIX века, когда к его руководству приходит всемирно известный лингвист, фольклорист и этнограф академик В. В. Радлов. Музей в эти годы становится одновременно и хранилищем замечательных ценностей, и бурно развивающимся научно-исследовательским учреждением⁴.

Деятельность Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX века проходила на общем фоне повышения интереса к проблемам этнографии и фольклористики в российском общественном движении, науке и искусстве. В 1864 г. при Московском университете возникает Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), при содействии которого в Москве был образован так называемый Дашковский этнографический музей. При Русском географическом обществе создаются песенная и сказочная комиссии; а в предреволюционные годы — комиссии по этническому картографированию и народному искусству; при ОЛЕАЭ — музыкально-этнографическая (с 1902 г.) и по народной словесности (с 1911 г.). Начинают выходить в свет два этнографических журнала «Этнографическое обозрение» и «Живая старина». В. Ф. Миллер, являвшийся с 1884 по 1897 г. ученым хранителем Дашковского этнографического музея, издал описание его коллекций и тем самым ввел фонды музея в научный оборот. Наконец, возникает Этнографический отдел Русского музея, позже выросший в Государственный музей этнографии народов СССР, и создается частное этнографическое Бюро князя В. Н. Тенишева, в короткий срок сумевшее собрать значительный этнографический архив по обстоятельно разработанным программам.

В деятельности Музея антропологии и этнографии в это время значительную роль играли ученые, настроенные революционно или, по крайней мере, демократически. Известно, в частности, о вкладе в русскую этнографию и фольклористику второй половины XIX — начала XX века политических ссыльных. Среди работников музея или ученых, сотрудничавших с ним, была целая группа возвратившихся ссыльных, которые именно в годы ссылки стали профессионально заниматься этнографией. Это — Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Д. А. Клеменц, Э. К. Пекарский, В. И. Йохельсон и др. Занимаясь этнографией Сибири, они прониклись уважением и сочувствием к изучаемым народам и постоянно думали о возможных путях и средствах, которые вывели бы эти народы из их бедственного состояния. Неудивительно поэтому, что именно Музей антропологии и этнографии был одним из первых акаде-

³ Подробнее см.: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музей. (По материалам этнографических музеев Академии наук). Л.: Наука, 1978; Токарев С. А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1966; Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. I—IV. СПб., 1890—1892.

⁴ Подробнее об истории музея в связи с историей этнографии в России и СССР см.: Станюкович Т. В. Указ. раб.; Токарев С. А. Указ. раб.; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии. — В кн.: Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М.: Наука, 1975. См. также: Сборники Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ), т. I—XXXVIII. СПб., Пг., М.—Л., Л., 1900—1982.

мических учреждений, заявивших о своей готовности сотрудничать с Советской властью⁵.

Политические и социальные потребности первого послереволюционного десятилетия вызвали к жизни целую серию организаций и учреждений этнографического профиля. Это были — Центральное этнографическое бюро при Народном Комиссариате по делам национальностей, секция «Человек» при Госплане, Комитет народов Севера, разряд этнологии при Государственной Академии истории материальной культуры, Комиссия «живой старины» при Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков Запада и Востока, Научно-исследовательский институт и музей антропологии при МГУ, Музей Центральной промышленной области, Центральный музей народоведения и т. п. В 20-е годы существенной стороной деятельности ленинградских и московских этнографов старшего поколения было также создание специальных этнографических отделений в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда⁶. Даже простое перечисление названных организаций дает представление, с одной стороны, об острой нужде в кадрах профессиональных этнографов и, с другой стороны, об их распыленности, рассредоточенности.

Большое значение для объединения усилий этнографов имело создание в 1926 году журнала «Этнография»⁷ и в 1932 году «Антропологического журнала». Они восстановили традиции возникших в конце XIX века специализированных этнографических и антропологических журналов — «Этнографического обозрения», «Живой старины», «Русского антропологического журнала» и сыграли серьезную научно-организационную и методическую роль в дальнейшем развитии советской этнографии, антропологии и фольклористики.

В числе первоочередных задач, в разрешении которых участвовали этнографы, было уточнение новых межреспубликанских границ (на основе сведений о характере расселения отдельных народов) и переходных зон между основными этническими массивами. Одновременно должно было осуществляться, на основе ленинской национальной политики, внутреннее национальное размежевание, в котором решающее слово принадлежало этнографам. В эти годы были составлены этнографические карты, а также «Список народностей СССР», появились статьи и публикации, характеризующие этнический состав отдельных областей.

Много полезного было сделано этнографами и на начальном этапе подъема культуры народов Севера, Средней Азии и некоторых других районов. Молодые этнографы назначались на работу не только в местные научные учреждения, музеи, отделы народного просвещения, но и в школы, расположенные в самых отдаленных местах. Этнографы академических учреждений вместе с лингвистами участвовали в создании букварей и первых учебников для народов, не имевших ранее письменности⁸. Живя годами среди изучаемого народа, они в совершенстве овладевали его языком, детально знакомились с культурой и бытом. Вместе с тем обостренному ощущению практических целей и задач, вставших перед наукой, и активному участию в практике социалисти-

⁵ Станюкович Т. В. Указ. раб., с. 163—164; Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 2. М.: Учпедгиз, 1963, с. 218.

⁶ См.: Станюкович Т. В. Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, в. V. М.: Наука, 1971; Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г. — середина 1930 гг.). — Там же.

⁷ В 1931 г. журнал получает название «Советская этнография»; с 1938 по 1947 г. он выходил в виде сборников под тем же названием. Подробнее см.: Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. 50 лет журнала «Советская этнография». — СЭ, 1976, № 4.

⁸ См., например: Василевич Г. М. Начальная тунгусская книга. М., 1931; Орлова Е. А. Эскимосский букварь. Л., 1932 и др.; см. также Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1931). — СЭ, 1972, № 6.

ческого строительства сопутствовали теоретические дискуссии и в известной мере разногласия⁹.

В 30-е годы советская этнография вступает в новый период своего развития. Это определялось не столько внутренним развитием самой этнографии, сколько переменами в жизни страны в целом. Коренные изменения претерпевают социальная структура советского общества и народное хозяйство страны; в период индустриализации и в годы коллективизации сельского хозяйства происходит бурная перестройка жизни и города, и деревни, закладываются важные основы современного социалистического быта. Особенно резкие перемены происходили в жизни отсталых в прошлом народов Советского Союза.

В этих условиях стала настоятельно ощущаться необходимость в научном учреждении, которое возглавило бы советскую этнографическую науку в целом. Таким учреждением и стал Институт этнографии АН СССР. Живое участие в создании Института, а позже — в определении основных направлений его исследовательской деятельности и структуры принимали такие крупные ученые, как Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Е. Ф. Карский, В. В. Бартольд, В. В. Струве, И. И. Мещанинов, А. Н. Самойлович и др.

Институт объединил сотрудников Музея антропологии и этнографии АН СССР, Института по изучению народов СССР (ИПИИ) и Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС). Объединение музея и Института, несомненно, сыграло свою роль в развитии как этнографических исследований, так и этнографического музееведения в нашей стране. Первоначально Институт состоял из трех секций — этнографической, антропологической и археологической, а также фольклорной комиссии и музея с его обширными фондами. Современная структура Института и музея формировалась постепенно, и этот процесс, как увидим, продолжался еще и в послевоенные годы. Вначале структура Института во многом напоминала традиционное членение Музея на региональные «кабинеты». После слияния вновь возникшего Института с ИПИИ и до начала войны существовало восемь кабинетов — Африки, Америки и Океании, Европы, Дальнего Востока, Средней Азии, Сибири, Археологии и антропологии; восьмым кабинетом считалась библиотека, которой длительное время заведовал Д. К. Зеленин. Он считал библиотеку, библиотечное дело и библиографию важнейшими звеньями каждой научной организации¹⁰.

В Институте сразу же после его создания дальнейшее развитие получила этнографическая разработка проблем первобытного общества¹¹. Это было актуально прежде всего в теоретическом плане, так как способствовало утверждению марксистского понимания истоков и ранних периодов истории человечества. Вместе с тем исследования в данном направлении были важны и в практическом, и в идеологическом отношении. Целая группа народов Советского Союза, обреченная до революции на отсталость, теперь окончательно становилась на некапиталистический путь развития, включалась в семью народов, строивших социалистическое общество. Продолжая традицию дореволюционной русской и советской этнографии 20-х гг., сотрудники Института в предвоен-

⁹ См.: *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки, с. 117.

¹⁰ До последних лет своей жизни, уже давно ставший ученым, известным далеко за пределами Советского Союза, он считал своим долгом продолжать систематическую библиографическую деятельность — издавал тематические библиографии, обзоры, рекоммендательные библиографии. См. указатель трудов Д. К. Зеленина и основной литературы о нем в кн.: *Проблемы славянской этнографии* (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979.

¹¹ См., например: *Штернберг Л. Я.* Семья и род у народов северо-восточной Азии. Л., 1933; *Вопросы истории доклассового общества.* — Труды Ин-та этнографии АН СССР (далее ТИЭ), т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936; *Кричевский Е. Ю.* Системы родства как источник реконструкции развития социальной организации австралийских племен. — ТИЭ, т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936; *Кагаров Е. Г.* Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, ч. I. — ТИЭ, т. 15. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937.

ные годы создали целую серию работ, освещавших этногенез и этническое развитие малых, в прошлом плохо изученных народов. Эти книги помогали «малым народам» осознать свое прошлое, показывали, что и они имеют такое же право претендовать на внимание науки, как и народы «большие», имеющие давнюю письменность, письменную традицию и историографическую традицию. Большую роль в разработке теоретических основ советской этнографической науки сыграло участие в эти годы сотрудников Института в подготовке к изданию цикла работ основоположников марксизма, посвященных докапиталистическим обществам (прежде всего подготовка четвертого издания перевода труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), а также книги Л. Моргана «Древнее общество». Работы этнографов и антропологов 30-х гг., в том числе и работы сотрудников Института, отличались острой антирасистской и антинационалистической направленностью, они способствовали разоблачению антинаучных взглядов фашистских идеологов¹².

Как в этот, так и в последующие периоды, значительный вклад в борьбу с расизмом внесли антропологи Института. С начала его организации в 1933 г. на базе Антропологической комиссии (кабинета) был сформирован отдел антропологии. Уже в предвоенные годы отдел осуществил ряд экспедиций в разные районы Советского Союза. Экспедиции работали по широкой морфологической программе¹³.

В предвоенные годы впервые возник замысел широкомасштабных этнографических обобщений — была задумана четырехтомная серия «Этнография народов СССР», подготавливался вузовский учебник с таким же названием и целый ряд других изданий¹⁴.

Сотрудники Института наряду с исследовательской и экспедиционной работой, которая приобретала все более систематический характер, много сил отдавали музею. Именно в эти годы возникает отдел хранения и учета, который реорганизует научную документацию коллекций. Совершенствуются также экспозиции музея, и создается целая серия выставок, в которых сказывается тенденция, не ограничиваясь плоскостным материалом, как бы он сам по себе ни был важен, сочетать идеологическую направленность экспозиций с продуманной демонстрацией вещевого материала («Чукотское общество», «Восточная Бухара под властью эмирата» и др.)¹⁵.

Уже в предвоенное десятилетие Институт этнографии АН СССР консолидировал практически всех крупнейших советских этнографов. В числе его сотрудников были такие выдающиеся этнографы и фольклористы как Д. К. Зеленин, Е. Г. Кагаров, Е. Э. Бломквист, М. К. Азадовский, А. М. Астахова, И. Н. Винников, Н. Н. Степанов, Л. А. Динцес, И. И. Зарубин, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, Л. П. Потапов, А. А. Попов, Д. А. Ольдерогге, А. И. Генко, Л. И. Лавров; археологи — С. Н. Замятин, П. П. Ефименко, А. П. Окладников, С. И. Руденко, В. Н. Чернецов, В. И. Равдоникас и др.

Восемь предвоенных лет были периодом заметного подъема и быстрого развертывания деятельности Института. Этот процесс был на время приостановлен Великой Отечественной войной. Большинство сотруд-

¹² Подробнее см.: *Потапов Л. П.* Этнографическое изучение социалистической культуры народов СССР.— СЭ, 1962, № 2; *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки.

¹³ См.: *Якимов В. П.* Антропологический отдел Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.— Архив антропологии, гистологии и эмбриологии, 1964, № 3; *Алексеев В. П.* Антропология в Академии наук за 250 лет.— СЭ, 1974, № 4, с. 7.

¹⁴ См.: *Вяткина К. В.* О научно-исследовательской работе Института антропологии и этнографии АН СССР.— СЭ, 1934, № 4; *ее же.* Работа Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР за 1935 г.— СЭ, 1936, № 1; *Лекомцев И. М.* Этнографическая секция Института.— СЭ, 1936, № 1; *Абрамзон С. М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР.— СЭ, 1938, № 1; *Струве В. В.* Советская этнография и ее перспективы.— СЭ, 1939, № 2.

¹⁵ Подробнее см.: *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи, с. 207—208; *ее же.* Приемы и принципы экспозиции МАЭ.— В кн.: Сборник материалов по истории этнографических музеев и выставок. М., 1972.

ников-мужчин, ушли на фронт, остальные участвовали в местной оборонной работе и, вместе с тем, сделали все, что могли, для спасения фондов музея. В чрезвычайно тяжелых условиях ленинградской блокады ни на один день не прекращалась работа по охране здания Института и фондов музея, которые не были эвакуированы. В историю мировой этнографии и музейного дела навсегда вошел необычный по своему характеру факт. Из почти полумиллионного фонда музея в годы войны поврежденными оказались только около 70 предметов, хранившихся в подвалах Института, остальная же часть коллекций благодаря героическим усилиям небольшой группы сотрудников сохранилась в хорошем состоянии. При этом надо учесть, что после эвакуации сотрудников в Ташкент, работой по сохранению коллекций занимались всего несколько человек ¹⁶.

Сотрудники, эвакуированные в Ташкент, продолжали научную работу (И. Н. Винников, Е. М. Пещерова, Е. Э. Бломквист, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков), причем специалисты по народам Средней Азии по мере возможности занимались и экспедиционным сбором материалов.

Важным событием в истории советской этнографии периода Великой Отечественной войны было принятие Президиумом Академии наук СССР в самый разгар войны (в конце 1942 г.) решения об особых мерах для сохранения и развития Института этнографии как научного коллектива, понесшего большие потери. С этой целью в Москве организуется Институт этнографии, директором которого становится выдающийся этнограф и археолог С. П. Толстов. В 1947 году Институту было присвоено имя Н. Н. Миклухо-Маклая. Центр его был перенесен в Москву, а в Ленинграде (куда возвратилась из эвакуации ташкентская группа) было создано Ленинградское отделение (позже — Ленинградская часть) Института этнографии АН СССР.

Организация единого Института этнографии, расположенного в Москве и в Ленинграде, позволила после войны ускоренными темпами восстановить его. До войны в Москве не было академического этнографического учреждения. Однако в результате многолетней деятельности этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Антропологического музея и Института антропологии при Московском университете, Центрального музея народоведения (позднее — Музея народов СССР), Музея Центральной промышленной области и других учреждений в Москве сложились кадры профессиональных этнографов и устойчивая научная традиция, созданная трудами Д. Н. Анучина, П. П. Ефименко, А. Н. и В. Н. Харузиных и др. В первые же годы после возникновения московской группы С. П. Толстов привлек в Институт таких видных этнографов и антропологов, как С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, М. Г. Левин, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, В. Ю. Крупнянская, Г. С. Маслова, В. К. Гарданов и др. Постепенно Институт начал превращаться в ведущее головное учреждение в общесоюзном масштабе ¹⁷.

В послевоенные годы структура Института, особенно его Московской части, продолжала развиваться в двух основных направлениях — создавались новые региональные сектора (восточнославянский, Зарубежной Европы, Кавказа и др.) и сектора, группы и лаборатории, имеющие проблемный характер — этнической статистики и картографии, фольклора, этнической антропологии, пластической реконструкции, этносоциологии, первобытного общества, зарубежной этнологии, общих

¹⁶ Их деятельность была высоко оценена: 17 мая 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады Ленинграда научных и культурных ценностей в числе других ленинградцев были награждены: Р. И. Каплан-Ингель (уполномоченный Президиума АН СССР по охране музеев) — орденом Трудового Красного Знамени, старший научный сотрудник К. В. Вяткина — орденом «Знак Почета» и младший научный сотрудник В. В. Антропова — медалью «За трудовую доблесть».

¹⁷ См.: Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — СЭ, 1975, № 4.

проблем, информации и научных связей и др. Структура Ленинградской части Института тоже продолжала совершенствоваться. Ныне в Ленинграде имеются сектора и группы этнографии восточных славян, народов Средней Азии и Кавказа, Сибири, Зарубежной Азии, Австралии и Океании, Африки, Америки; антропологии, общих проблем, музейного учета и хранения, а также музей.

Восстанавливалась музейная экспозиция и приводились в порядок музейные фонды, законсервированные в годы войны. Первым крупным событием в жизни музея в послевоенные годы было открытие выставки, подготовленной к 220-летию Академии наук, которое праздновалось в 1945 году. Ей придавалось большое значение; так как она должна была быть открыта в здании музея — старейшем здании Академии наук. Выставка характеризовала как историю музея, так и жизнь Института и музея в годы Великой Отечественной войны. Она была высоко оценена Президиумом Академии наук и участниками юбилейной сессии¹⁸.

Для восстановления и развития деятельности Института¹⁹ Президиум Академии наук, несмотря на тяжелые обстоятельства военного времени, санкционировал интенсивную подготовку аспирантов и докторантов. Только в 1943 году было принято 24 человека в аспирантуру и 10 в докторантуру (преимущественно в Москве). К 1949 году аспирантуру Института этнографии уже закончили 28 человек и продолжали обучаться еще 31. Значительное увеличение штатов сотрудников и развертывание структуры Института позволили заметно расширить проблематику и создать традиции комплексной разработки целого ряда важнейших направлений.

В конце войны и сразу по ее окончании этнографы Института активно включились в работу комиссий по определению новых границ в Восточной, Центральной и Южной Европе, особенно западных и юго-западных границ Советского Союза. Эта работа стимулировала развитие исследований по этническому составу населения мира. Не случайно для этих лет была характерна теоретическая разработка понятий «этническая территория», «этническая граница», «этнические признаки», а также развитие методики этнического картографирования²⁰.

Включение в систему социализма ряда государств Европы и Азии, развернувшаяся в послевоенные годы освободительная борьба народов и приобретение многими из них — прежде всего в Азии и Африке — национального суверенитета вызвали особое внимание советской общественности. Наконец, рост международных связей СССР поставил перед советскими учеными задачу всестороннего освещения быта зарубежных народов в прошлом и настоящем, их образа жизни, культурных традиций. Все это в немалой степени способствовало расширению профиля этнографических исследований и преодолению тенденции ограничить задачи этнографии изучением истории первобытнообщинного строя.

Необходимость обеспечить фактическим материалом обширную исследовательскую программу настоятельно требовала развертывания полевых работ. Это удалось осуществить уже в первое послевоенное десятилетие. Институт формирует и направляет «в поле» десятки экспеди-

¹⁸ Рабинович М. Г. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны. — СЭ, 1946, № 1, с. 233.

¹⁹ При организации Института в 1933 году его штат состоял из 81 человека, т. е. сотрудников было почти в два раза меньше, чем теперь в Ленинградской части. К концу 1942 года числилось всего 37 сотрудников. Из них 5 оставались в Ленинграде, 12 образовали ташкентскую группу, остальные были эвакуированы в другие города и оторваны от своих научных коллективов. К концу 1943 года в московской группе было уже 20 сотрудников, в Ташкенте по-прежнему 12, в Ленинграде — 5 и в других городах — тоже 5.

²⁰ См.: Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. — ТИЭ, т. XV. М.: Изд-во АН СССР, 1951; его же. Методы картографирования национального состава населения. — СЭ, 1950, № 4; Терлецкий П. Е. О новом методе этнического картографирования (к вопросу о составлении «Этнической карты мира»). — СЭ, 1953, № 1 и др.

пий, многие из которых были комплексными, ставили перед собой не только собственно этнографические, но и антропологические, фольклористические и даже археологические задачи. Так, значительными были достижения Хорезмской, Тувинской, Прибалтийской и др. комплексных экспедиций. В 1949 году за книгу «Древний Хорезм» С. П. Толстову было присвоено звание лауреата Государственной премии СССР.

Все эти обширные задачи не могли быть выполнены силами одного Института, как бы он ни укрупнялся и как бы ни расширял поле своей деятельности. Поэтому Институт постоянно, еще с довоенных лет, и особенно интенсивно в 50—60 гг. помогал союзным и автономным республикам в подготовке кадров квалифицированных этнографов и организации этнографических секторов и отделов в составе академий наук союзных республик, научных учреждений автономных республик и областей²¹. К 60-м годам уже были все основания говорить о многонациональной советской этнографической школе. Если в начале 20-х гг. изучение большинства народов Советского Союза велось, как правило, этнографами Москвы и Ленинграда, то теперь встала задача координирования многосторонней этнографической деятельности ученых союзных и автономных республик. Важную роль в этом отношении, а также в обмене информацией о текущей полевой работе, в создании сходных методик и программ для достижения сравнимых результатов и, наконец, в процессе совместной разработки фундаментальных теоретических проблем сыграли в послевоенные годы регулярные всесоюзные отчетно-экспедиционные сессии и публикации их материалов в центральном органе советских этнографов — журнале «Советская этнография» и в сборниках «Полевые исследования Института этнографии». Большое значение для совершенствования методов описания музейных фондов и публикации других этнографических материалов имела серия «Сборники Музея антропологии и этнографии»²².

Не остаются в послевоенные годы неизменными и представления о самом предмете, важнейших проблемах и месте этнографии в системе наук. Утвердилось представление, что ее предметная область в хронологическом плане простирается на всю историю человечества — от первобытности до наших дней, в пространственном — охватывает все народы и регионы мира, без деления народов на «исторические» и «неисторические», как это свойственно научным традициям многих стран, особенно стран капиталистического мира. Расширилось и представление о социальных слоях общества, на которые направлено внимание этнографии. От экзотических обществ и низших социальных слоев (главным образом, крестьянства, если речь идет о развитых странах) советская этнография постепенно перешла также к изучению культурных традиций и быта рабочего класса, а затем и к изучению этнографии города²³.

²¹ В целом за полвека Институт подготовил около 500 кандидатов и более 100 докторов наук.

²² Сведения о составе журнала и сборников, а также серий «Труды Института этнографии», «Краткие сообщения Института этнографии» и др. см.: «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962». Составители О. В. Бунакова, Р. В. Камецацкая. Л.: Наука, 1967. См. также Указатели статей и материалов за пятилетия, публиковавшиеся в журнале «Советская этнография» с 1961 по 1980 гг.

²³ См.: *Крупянская В. Ю.* К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса.—Вопросы истории, 1960, № 11; *Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г.* Этнография города и промышленного поселка.—СЭ, 1964, № 4; *Верхний Олонец — поселок десорубов. Опыт этнографического описания.* М.—Л.: Наука, 1964; *Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР.* М.: Наука, 1968; *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX—начало XX в.). М.: Наука, 1971; *Рождественская С. Б.* Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). Этнографический очерк. М.: Наука, 1972; *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.

Одной из главных задач советских этнографов в послевоенные годы стала подготовка многотомной серии «Народы мира». Возглавил эту работу С. П. Толстов. Подготовка серии, в создании которой наряду с сотрудниками Института этнографии АН СССР приняли участие специалисты из многих республиканских научных учреждений, заняла почти два десятилетия. Она была завершена в 1966 г. В 13 томах (18 книг) серии даются подробные, опирающиеся на различные источники сведения об этническом составе и культурно-бытовых особенностях отдельных народов, приводятся материалы по истории их культуры с древнейших времен до наших дней. В книгах этой серии показаны исторические корни, социально-экономическая обусловленность и взаимосвязь многообразных этнических процессов. Серия «Народы мира» получила широкое признание, о чем свидетельствуют многочисленные положительные рецензии как на отдельные тома, так и на издание в целом и в СССР, и за рубежом. Некоторые тома или отдельные главы из них были переведены на языки других народов.

Работа над томами «Народов мира» заставила обратить внимание на «белые пятна» в этнографии, раздвинула рамки научных интересов наших специалистов до подлинно глобальных масштабов. Создание серии немало содействовало укреплению связей между советскими этнографами, а также установлению тесных контактов с этнографами социалистических стран, принявшими непосредственное участие в написании тома о народах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Процесс расширения границ этнографии вместе с тем представлял известную опасность. Ее предметная зона расплывалась, четкие границы стирались, и она должна была либо поглотить другие общественные науки, либо сама в них раствориться, чего однажды уже удалось избежать в начале 1930 гг. Примерно такая же ситуация, хоть и по несколько иным причинам сложилась к концу 50-х — началу 60-х годов. Она была успешно преодолена в конце 60-х — начале 70-х годов. Методически очень важно было осознать, что в отличие от других социальных наук этнография изучает прежде всего характерные свойства основного объекта своего исследования — этноса. В качестве же таковых свойств выступает прежде всего этническое своеобразие жизнедеятельности людей, поэтому этнографический подход к социальной действительности определяется рассмотрением ее сквозь призму этнической специфики, этнической самобытности. Это своеобразие сосредоточено главным образом в традиционно-бытовой культуре, поэтому последняя и выступает в качестве основного ядра предметной зоны этнографической науки. При этом на разных этапах всемирно-исторического процесса масштабы ее предмета не остаются неизменными. На ранних стадиях развития человечества этническими особенностями пронизана вся повседневная жизнь людей и, соответственно, вся она оказывается в поле зрения этнографов. В условиях промышленно-развитых обществ такого рода специфика все более перемещается из сферы материальной культуры в духовную, что сказывается и на предмете этнографии, настоятельно требуя при его определении учета этнических функций исследуемых явлений²⁴.

Еще в предвоенные годы советская этнография определилась как историческая дисциплина, что сопровождалось активным освоением идей и методологии исторического материализма. Однако современное профилирование этнографии как науки о народах (этнусах) в их исто-

Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978; Старый Петербург. Историко-этнографическое исследование. Л.: Наука, 1982.

²⁴ См.: Бромлей Ю. В. Наука о народах мира.— Наука и жизнь, 1968, № 8; *его же*. Основные направления этнографических исследований в СССР.— Вопросы истории, 1969, № 1; *его же*. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Этнография на современном этапе.— Коммунист, 1974, № 16; *его же*. Современная этнография и ее перспективы.— В кн.: Будущее науки. М., 1975; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981.

рическом развитии не случайно сложились в годы, которые ознаменовались переходом страны к этапу зрелого социализма. Развитие национальных культур многочисленных наций и народностей Советского Союза и их нарастающее сближение во всех сферах материальной и духовной культуры сопровождалось формированием новой исторической общности — советского народа. Усиление социальной однородности советского общества придает особую значимость изучению этнических процессов у народов СССР (подробнее см.: «Коммунист», 1983, № 5).

Принципиально иначе чем в социалистическом мире протекают этнические и социально-экономические процессы в капиталистическом мире, для которого характерны проявления национального антагонизма, порожденного классовым антагонизмом. Этот феномен, зафиксированный еще основоположниками марксизма-ленинизма, делает весьма существенным изучение национальных — и шире — этнических явлений. Важно и то, что без учета этнических аспектов социально-экономических и политических процессов, происходящих в развитых капиталистических странах, нельзя уяснить специфику этих процессов в каждой из таких стран. Весьма актуально также изучение бурно протекающих в наше время этнических процессов в развивающихся странах. Будучи теснейшим образом связаны с социально-экономическими и политическими факторами эти процессы в свою очередь оказывают на них значительное воздействие.

Не случайно в современных условиях одним из основных направлений этнографических исследований стало историко-этнографическое изучение народов мира с древнейших времен до наших дней. В частности, в последние годы снова усилилось внимание советских этнографов к проблемам первобытной истории, имеющим большое мировоззренческое значение. В послевоенные десятилетия накоплен и систематизирован значительный материал, свидетельствующий об исторической универсальности родовой общины и рода. Ведется также изучение поздних форм родового строя, этнических процессов в доклассовых и раннеклассовых обществах, а также конкретных путей и механизма классовообразования²⁵. В настоящее время готовится трехтомная монография по проблемам первобытности, которая должна подвести итоги этим работам.

В тесной связи с исследованиями первобытности с первых лет существования Института развивались работы по антропогенезу, палеоантропологии и расообразованию. Параллельно и в связи с работами по палеоантропологии сформировалось новое направление — пластическая реконструкция, разрабатывавшая закономерности восстановления лица по черепу, а позже — мягких тканей по костяку. Работы основоположника этого направления М. М. Герасимова были в 1950 году отмечены Государственной премией СССР.

Особенно характерными и знаменательными для развития Института были исследования по этнической антропологии. Они начались еще в предвоенное время и получили особенный размах в последние десятилетия. Следует отметить, что именно в эти десятилетия возникли новые антропологические центры в системе академий наук союзных и некоторых автономных республик. В тесной связи с ними (а также с Институтом антропологии при МГУ) антропологи Института осуществили достаточно полную соматическую съемку народов Советского Союза, ныне имеющую лишь незначительные пробелы. Весьма плодотворны были также работы антропологов Института в Китае, Индии, Афганистане.

²⁵ См.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968; Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972; Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л.: Наука, 1972; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975; Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. Проблемы исторических контактов. М.: Наука, 1978; Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979; Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1980. Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, и др.

Развитие этнической антропологии стимулировало освоение новых методов антропологической дерматоглифики, этнической одонтологии и др. В 60-х — 70-х годах в тесной связи с новым подъемом генетических исследований в советской биологии получили развитие генетико-популяционные методы ²⁶.

Как уже упоминалось, в рамках историко-этнографического направления в послевоенные годы осуществлен целый ряд комплексных этногенетических исследований. Комплексный метод, который неоднократно подвергался обсуждению, дал значительные результаты при изучении конкретных вопросов происхождения отдельных народов, особенно Советского Союза (Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока). Существен также вклад советских исследователей и в разработку проблем происхождения зарубежных народов, особенно народов Америки, Австралии, Африки и Океании ²⁷.

С историко-этнографической проблематикой тесно соприкасается разработка этнолингвистических вопросов — весьма успешное изучение забытых систем письма (древних майя, протоиндийской письменности, письменности о. Пасхи, киданей и чжурчженей) ²⁸. В 1977 г. цикл работ по письменности майя Ю. В. Кнорозова был отмечен Государственной премией СССР. Этнолингвистический характер имело и изучение языков народов Африки (разработка письменности, создание серии словарей), а также исследование эпиграфических памятников Кавказа и древнейших источников по этнической истории африканских народов — античных, китайских, арабских ²⁹. Важное значение имело и включение ономастики в число активно разрабатываемых этнографических источников ³⁰.

²⁶ Библиографию основных антропологических работ сотрудников Института — В. В. Бунака, В. В. Гинзбурга, Т. А. Трофимовой, Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина, В. П. Алексеева, А. А. Зубова, И. И. Гохмана, М. М. Герасимова, Н. Н. Чебоксарова, И. М. Золотаревой, А. А. Воронова и др. см. в статье: *Алексеев В. П.* Антропология в Академии наук за 250 лет. — СЭ, 1974, № 4.

²⁷ Назовем некоторые работы теоретического характера: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международной съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974; *Абрамзон С. М., Потапов Л. П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории на материале тюркоязычных кочевников. — СЭ, 1975, № 6; *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1976, в. 6; *Алексеев В. П.* Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал. — В кн.: Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977, и др. См. также работы по отдельным народам СССР: С. М. Абрамзон (киргизы), Л. П. Потапов (алтайцы), И. С. Вдовин (коряки), Л. В. Хомич (ненцы), Т. А. Бернштам (поморы), В. И. Васильев (северосамодийские народы), сб. *Этногенез народов Севера*. М.: Наука, 1980, и др.; по зарубежным народам: М. Г. Левин (японцы), Д. Е. Еремеев (тюрки), Н. А. Красновская (фриулы), Р. Ф. Итс (южный Китай), Р. Ш. Джарылгашинова (корейцы), А. И. Мухлинов (вьетнамцы), Н. Н. Чебоксаров (китайцы) и др. Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* Основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР, с. 146—148.

²⁸ *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963; *Ольдерогге Д. А.* Параллельные таблицы с острова Пасхи. — В сб. МАЭ, т. XI. М.-Л.: Наука, 1949; *Федорова И. К.* Мифы, предания и легенды острова Пасхи. М.: Наука, 1978; *Бутинов Н. А.* Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории в связи с кохау ронгоронго. — СЭ, 1982, № 6; *Кнорозов Ю. В.* Протоиндийские надписи (к проблемам дешифровки). — СЭ, 1981, № 5; *Альбедиль М. Ф.* Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов. — СЭ, 1982, № 1; *Волчок Б. Я.* К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов. — СЭ, 1982, № 3; Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М.: ВИНТИ, 1964.

²⁹ Африканский этнографический сборник, т. I—V. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1963; с 1966 г. выходит под названием «Africa» т. VI—XIII. Л.: Наука, 1966—1982; см. также Суахили-русский словарь. М., 1961; Хауса-русский словарь. М., 1963; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 1—М.: Наука, 1966; ч. 2—М.: Наука, 1968; ч. 3—М.: Наука, 1980, и др.

³⁰ Этнонимы. М.: Наука, 1970; Этнография имен. М.: Наука, 1971; *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973; Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978, и др.

Современная советская этнография понимает этнос как динамическую систему. Поэтому в процессе историко-этнографического изучения народов и их культур исследователи обращаются не только к проблемам этногенеза, но и к проблемам последующей этнической и этнокультурной истории этнических общностей. Так как этнос выражает себя по преимуществу в устойчивых формах повседневной традиционно-бытовой культуры, языке и самосознании, то совершенно естественно, что изучение этнической истории зачастую смыкается с изучением истории традиционной культуры народов мира, т. е. с направлением, издавна свойственным этнографии. Век научно-технической революции и социального прогресса способствует, как известно, быстрому изживанию, уходу из быта народов многих элементов и комплексов традиционной культуры. В связи с этим изучение традиционных культур приобрело в наше время особое значение. Полевые работы систематически ведутся в разных районах нашей страны и частично за рубежом совместно с этнографическими и антропологическими учреждениями изучаемых стран (в Индии, Афганистане, Вьетнаме, некоторых странах Африки, на Кубе и др.). Значительным достижением в этом смысле были две экспедиции сотрудников Института в Океанию на академическом научно-исследовательском судне «Д. Менделеев», во время которых были собраны разнообразные материалы, связанные с современной жизнью народов этого региона. В частности, этнографическому изучению была подвергнута и деревня Бонгу на Берегу Маклая на Новой Гвинее, около нее 100 лет тому назад жил великий русский путешественник и этнограф, имя которого носит Институт ³¹.

Изучение истории традиционной культуры народов Советского Союза ведется в разных аспектах. Разрабатывается типология форм культуры, методика использования отдельных слоев традиционной культуры в качестве источников для разработки проблем этногенеза. Выявляются культурные связи народов, как исторический фон, позволяющий глубже понимать своеобразие современных этнических процессов. Сопоставительное и типологическое изучение традиционной культуры дает возможность нарисовать сложную картину реализации единых исторических закономерностей в вариационном множестве типов и тем самым осознать неповторимую ценность, вклад каждого народа в историю культуры и нашей страны, и всего человечества, а это создает надежную научную почву для воспитания общественного уважения к каждому народу как бы велик или мал он ни был ³².

Многие проблемы традиционной культуры даже наиболее изученных народов до сих пор еще требуют систематического исследования. Это ясно показали возобновившиеся на новой теоретической основе историко-сравнительные и историко-типологические исследования, уже имеющие значительные достижения и, бесспорно, доказавшие перспективность такого направления в современной этнографии ³³.

С начала 20-х годов сотрудники музея, а позже — Института, неизменно придавали большое значение изучению генезиса религиозного сознания, архаических верований, а также бытовому функционированию так называемых «мировых религий» (христианство, мусульманство,

³¹ См.: На Берегу Маклая. (Этнографические очерки). М.: Наука, 1975; Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией. — СЭ, 1977, № 6; Басилов В. Н. Мужские дома в Бонгу. — СЭ, 1977, № 6; Путилов Б. Н. Современный песенно-музыкальный фольклор Берега Маклая. М.: Наука, 1973.

³² Библиографический обзор важнейших работ по традиционной культуре народов СССР см.: Бромлей Ю. В. Основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР, с. 142—146.

³³ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. XIX — начало XX века. (Зимние праздники. М.: Наука, 1973; Весенние праздники. М.: Наука, 1977; Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978); Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980; Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971; Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX — XX вв. М.: Наука, 1982.

буддизм)³⁴. Проблематика, связанная с формированием, обрядовыми и социальными функциями религий всегда оценивалась как актуальная в научном и политическом отношении. В настоящее время начата работа над многотомником, посвященным религии в современном мире.

Фольклористы Института в послевоенные годы работали над проблемами теории фольклора (методика историко-типологического изучения, приложение теории информации и семиотики, теория вариативности и т. п.)³⁵, историей социальной психологии русского крестьянства, русской сказки и мифологической былички, над проблемами современного фольклора³⁶. Было проведено несколько конференций и издана серия сборников, посвященных взаимосвязи фольклора и этнографии, что, в частности, заметно стимулировало разработку проблем, связанных с изучением обрядов и обрядового фольклора³⁷.

Чрезвычайно важными как для изучения этнической истории народов, так и для этнографии современности стали в послевоенные годы вновь сформировавшиеся субдисциплины — этническая география и этническая демография. Их становление было обусловлено необходимостью разработки важных как в практическом, так и в историко-этнографическом отношении проблем, связанных с определением численности народов и их территориальным размещением, а также с большим влиянием, которое оказывают на современную жизнь народов мира демографические и этнодемографические процессы. На основе новой методики было создано большое число карт, охватывающих все части земного шара, причем особое внимание было уделено составлению этнических карт слабоизученных районов. Особенную роль в этом отношении сыграли обобщающие труды этнодемографов и этнокартографов Института³⁸.

На стыке исторической этнографии и картографии родилось еще одно важное для современной советской этнографии направление —

³⁴ См.: *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964; *его же.* Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1965; *Крывелев И. А.* История религий. Очерки в двух томах. Т. 1—2. М.: Мысль, 1975—1976, и др.; см. также дискуссию о сущности и функциях религии в «Сов. этнографии» (1979, № 3; 1980, № 1, 4—6; 1981, № 1).

³⁵ *Пугилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976; *Чистов К. В.* Специфика фольклора в свете теории информации.— В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти М. Я. Проппа (1895—1970). М.: Наука, 1975; *Байбури А. К.* Семиотический статус вещей и мифология.— В кн.: Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ, т. XXXVII. Л.: Наука, 1981; *Чистов К. В.* Вариативность как проблема теории фольклора.— В сб. *Mežetnicke vstáhy ve folklóre karpatskej oblasti*. Bratislavá, 1980; *его же.* Традиция и вариативность.—СЭ, 1983, № 2.

³⁶ *Крупянская В. Ю.* Фольклор Великой Отечественной войны. (Задачи и методы собирания). М.—Л., 1949; *Крупянская В. Ю., Минц С. И.* Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. ТИЭ, т. XIX. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. ТИЭ, т. XX. М.: Изд-во АН СССР, 1953; *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Современный русский фольклор. М.: Наука, 1966; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. XVII—XIX вв. М.: Наука, 1967; *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970; *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979 и др.

³⁷ Фольклор и этнография. Л., 1970; Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973; Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974; Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977; Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981; Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982; *Байбури А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

³⁸ См., например, *Брук С. И.* Карта народов Китая, МНР и Кореи. М., 1959; *его же.* Карта народов Индокитая. М., 1959; *его же.* Народы Азии (карта). М., 1960; Численность и расселение народов мира. (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1962; *Берзина М. Я., Брук С. И.* Карта народов Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1962; Атлас. Народы мира. М., 1964; *Козлов В. И.* Этническая демография. М.: Статистика, 1977; *его же.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969; Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978; *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1982 и др.

историко-этнографическое картографирование. В послевоенные годы шла интенсивная работа по подготовке историко-этнографических атласов, возглавленная Институтом этнографии АН СССР. Вышедшие в свет и готовящиеся к изданию атласы потребовали широкой экспедиционной работы и историко-документальных исследований, а также разработки многих как традиционных, так и новых для этнографии методических вопросов³⁹.

Освоение обширного историко-этнографического материала вызвало необходимость его теоретического осмысления. Большую роль в этом процессе сыграла сформулированная советскими этнографами концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей⁴⁰.

С конца 60-х годов особое значение для всех направлений советской этнографии приобрела активная разработка теории этноса. Современное профилирование этнографии потребовало пересмотра ее понятийного аппарата и терминологии. Широкое распространение получили термины «этнос» и «этническая общность», «этническая история» и «этнические признаки», представления о соотношении этнического и социального, о различных типах, направлениях и содержании этнических, этнокультурных и этносоциальных процессов⁴¹. Современная теория этноса не только внесла большую определенность в представление о предмете и объекте этнографии как науки, но и позволила объединить в одной концепции проблемы как историко-этнографические, так и этнографии современности⁴².

Одна из наиболее характерных особенностей послевоенной советской этнографии — усиление внимания к изучению различных аспектов современных этнических процессов: этнокультурных, этносоциальных, этнолингвистических и т. д. Изучение современных процессов в нашей стране прошло несколько этапов. Значительное развитие эта проблема

³⁹ Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967 и 1970; Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

⁴⁰ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса).— СЭ, 1955, № 4; Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс.— СЭ, 1968, № 2; Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина).— СЭ, 1970, № 6; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования).— СЭ, 1975, № 3 и др.

⁴¹ Токарев С. А. Проблема типа этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии).— Вопросы философии, 1964, № 11; Козлов В. И. О понятии этнической общности.— СЭ, 1967, № 2; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4; Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия.— СЭ, 1969, № 6; Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы».— СЭ, 1969, № 5; Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности «этноса».— Природа, 1970, № 2; его же. Этнос и этно-социальный организм.— Вестник АН СССР, 1970, № 3; Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности.— СЭ, 1970, № 6; Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос».— Расы и народы, в. 1. М.: Наука, 1971; Козлов В. И. Что же такое этнос?— Природа, 1971, № 2; Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3; см. также Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Козлов В. И.; Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2; Мильников А. С. К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах.— В кн.: Расы и народы, в. 5. М., 1975; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические обозначения.— В кн.: Расы и народы, в. 6. М., 1976; Марков Г. Е. Этнос, этнические процессы и проблемы образа жизни.— В кн.: Расы и народы, в. 7. М., 1977; Перийц А. И., Покишишевский В. В. Ипостаси этноса.— Природа, 1978, № 12; Козлов В. И. Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры).— СЭ, 1979, № 3; его же. О классификации этнических общностей.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979; Лашук Л. Н. Концепция специфического начала теории этнической общности.— Вестник МГУ. Сер. 8, История, № 6, 1981; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

⁴² См., например: Бромлей Ю. В. О месте этнографии в системе наук.— Вестник АН СССР, 1977, № 1; его же. Этнос и этнография; его же. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории).

тика получила, как уже говорилось, еще в 20-е годы в связи с практическими задачами переустройства жизни отсталых в прошлом окраин нашей страны. В конце 40-х — начале 50-х годов стала остро ощущаться необходимость новой методики, новых аспектов изучения и шире — нового понимания самой сути этнографического изучения культурно-бытовых процессов. Была подготовлена и опубликована целая серия монографий о современной культуре и быте колхозного крестьянства в разных масштабах — от одного селения до целых районов и регионов⁴³.

Как уже говорилось, была поставлена задача изучения быта рабочих, а затем и всего городского населения, причем не только в рамках этнографии современности, но и в историческом плане. Характерно также внимание, которое уделялось проблемам семьи как микросреды трансмиссии культурно-бытовых традиций.

Изучение сложных явлений современности потребовало привлечения массового первичного материала, обрабатываемого с помощью счетно-решающих устройств. Наметилось также своеобразие этнографического подхода к изучению современного быта — рассмотрение его сквозь призму соотношений традиций и инноваций, преемственности и обновления⁴⁴.

Этнографическое изучение современности, однако, не ограничилось исследованием культурно-бытовых процессов. Развитие теории этноса позволило предпринять разносторонний анализ современных этнических и этнокультурных процессов в целом — сложного явления, тесно сопряженного с самыми различными общественными сферами — от экономики до психологии. Существенно продвинулось в последние десятилетия изучение таких важных аспектов современных этнических процессов в СССР, как национально-смешанные браки, соотношение родного языка и этнического самосознания, двуязычие и его функции⁴⁵.

⁴³ *Потанов Л. П.* Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР.— СЭ, 1962, № 2; *Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русаякина С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства.— ТИЭ, т. XXIV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954; *Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни.*— ТИЭ, т. XLI. М., 1958; *Абрамзон С. М., Антипина К. И.* и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан.— ТИЭ, т. XXXVII. М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Терентьева Л. Н.* Колхозное крестьянство Латвии. Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР.— ТИЭ, т. LIX. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964; *Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани.* М.: Наука, 1967 и др. Подробный библиографический обзор см.: *Poliščuk N. S.* Literatur zur volkskundlichen Gegenwartsforschung UdSSR (1958—1967).— *Deutsche Jahrbuch für Volkskunde*, B. 14, T. II, 1968.

⁴⁴ См., например: *Рождественская С. Б.* Опыт обработки этнографических материалов при помощи счетных машин.— СЭ, 1964, № 3; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Опыт применения анкетно-статистического метода для изучения городского населения. Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года. Кишинев, 1967; *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре приамурских народностей. М.: Наука, 1972; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М.: Наука, 1972; *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР (опыт этнографического обобщения).— СЭ, 1973, № 4; *Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры. Расы и народы. М.: Наука, 1975, № 5; *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977; *Смирнова Я. С.* Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа).— СЭ, 1977, № 5; *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX—XX вв. Традиции и инновации. М.: Наука, 1982.

⁴⁵ *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— СЭ, 1969, № 3; *ея же.* Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. Доклад на VIII Всемирном социологическом конгрессе в Канаде. М., 1974; *Губоголо М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия.— СЭ, 1972, № 2; *Брук С. И., Губоголо М. Н.* Двуязычие и сближение наций в СССР. По материалам переписи населения 1970 г.— СЭ, 1975, № 4; *ея же.* Факторы распространения двуязычия у народов СССР. По материалам этносоциологических исследований.— СЭ, 1975, № 5; *Бромлей Ю. В.* Этнические аспекты современных национальных процессов в СССР.— В кн.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (к 50-летию Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР).— СЭ, 1983, № 2.

Предварительные итоги этнографического изучения современности в 60—70 гг. подвела коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР», отмеченная Государственной премией СССР. В книге впервые дано всестороннее освещение этнических аспектов национальных отношений в СССР за годы Советской власти, подробно рассматриваются отражение этнических процессов в материальной и духовной культуре, языке, семейных отношениях, влияние на эти изменения экономических, социальных и демографических факторов⁴⁶.

Разработка теории этноса показала тесную связь социальных и этнических процессов и, соответственно, необходимость изучения их взаимодействия. Эта задача была поставлена перед сформировавшейся сравнительно недавно этнографической субдисциплиной — этносоциологией современности⁴⁷. За последние полтора десятилетия этносоциологи Института не только осуществили целую серию исследований в разных районах Советского Союза (Татария, Эстония, Грузия, Молдавия и др.)⁴⁸, но и способствовали формированию этносоциологических исследований в ряде республик Советского Союза.

В эти же годы широко развернулось изучение характера этнических процессов в самых различных странах и регионах мира — Азии, Африке, Южной и Центральной Америке, Океании. В опубликованных работах показана тесная связь современных этнических процессов со спецификой социально-политического развития отдельных наций и народностей и конкретными этнокультурными ситуациями⁴⁹.

Систематическое накопление полевых материалов, разработка и публикация музейных коллекций, формулировка новых методических идей и концепций, возникновение целого ряда специфических субдисциплин, о чем уже говорилось, сопровождалось, особенно в послевоенные годы критическим осмыслением предшествующего опыта этнографической науки как в нашей стране, так и за рубежом. Публиковались книги по истории этнографии, сборники, в которых разрабатывались отдельные проблемы или освещалась деятельность наиболее значительных ученых прошлого и т. п.⁵⁰. Развернулась также работа по истории

⁴⁶ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975; 2-е изд., 1977.

⁴⁷ Бромлей Ю. В. Наука о народах мира.— Наука и жизнь, 1968, № 8; его же. Этнос и этнография.

⁴⁸ См. работы: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Дробижева Л. М. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь. М., 1973; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное.— СЭ, 1976, № 3; Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса трех городов Татарской АССР).— СЭ, 1976, № 3; Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма.— История СССР, 1978, № 4; его же. Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни.— СЭ, 1979, № 2; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (По материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980; Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Наука, 1981 и др.

⁴⁹ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— СЭ, 1961, № 4; Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1972; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1974; Национальные процессы в странах Центральной Америки и Мексике. М.: Наука, 1974; Этнические процессы в странах Южной Азии. М.: Наука, 1976; Андрианов Б. В., Исмаилова Р. Н. Этнос и этнические процессы в Африке (К проблеме типологии).— СЭ, 1979, № 5; Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М.: Наука, 1981; Этнические процессы в странах Южной Америки. М.: Наука, 1981 и др.

⁵⁰ Токарев С. А. История русской этнографии; Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, т. I—IX. М., 1956—1982; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук); Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975; Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. М.: Наука, 1981; Новицков Н. В. Павел Васильевич Шейн. Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора. Минск, 1972; Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии.

этнографической науки в других социалистических странах. Она ведется совместно с учеными этих стран⁵¹. Опубликован ряд коллективных трудов, содержащих критику антимарксистских школ и направлений в зарубежной этнографии — «английского функционализма», «американской этнопсихологической школы», «школы культурного релятивизма» и т. п.⁵² Значительное место критике реакционных течений уделяется в систематически издающихся ежегодниках «Расы и народы». Материалы ежегодника так же, как и многие статьи в журнале «Советская этнография», показывают несостоятельность расистских и националистических теорий, основанных на попытках оперировать этнографическим и антропологическим материалом. Важное значение в данном отношении имеет издание обобщающего труда «Расы и общество»⁵³.

Одна из характернейших черт послевоенной деятельности Института этнографии АН СССР, как и других этнографических учреждений страны, — широкое развитие международных связей, способствующее значительному росту международного авторитета советской этнографической науки. Большую роль в этом сыграли VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, состоявшийся в 1964 году в Москве, активное участие советских этнографов в последующих конгрессах (в Токио — Киото — 1968 г., в Чикаго — 1973 г. и в Дели — 1978 г.)⁵⁴, а также проведение в Суздале осенью 1982 г. Второго Конгресса Международного общества этнологии и фольклора Европы. Сотрудники Института принимали также деятельное участие в конгрессах историков, славистов, финно-угроведов, балканистов, тюркологов, социологов и др., в издании ряда международных журналов — «Демос», «Этнология славика», «Этнология еуропеа» и др. Книги советских этнографов, антропологов и фольклористов рецензируются в зарубежных журналах, издаются на многих языках. В США выходит журнал «Советская антропология и археология», в котором публикуются переводы статей, появившихся в советской этнографической печати. Целый ряд работ советских этнографов был издан на европейских языках в Советском Союзе. В последние десятилетия были осуществлены также совместные исследования с учеными Кубы, Вьетнама, Финляндии, Индии, США.

Особенно тесные контакты сложились у советских этнографов с коллегами из социалистических стран. Обмен аспирантами и стажерами, систематический обмен информацией о текущих работах, совместные конференции и симпозиумы, наконец, совместно разрабатываемые темы сблизили этнографов Советского Союза и социалистических стран и способствовали осуществлению социалистической интеграции в этой сфере научной деятельности. Примером может служить работа над совместными монографиями по карпато-балканской проблематике, по разработке основных понятий этнографической науки, по этнографическому изучению современной семьи и т. д.

⁵¹ Этнография в странах социализма; *Мыльников О. С.* Юнгман И. и его время. М., 1973; *его же.* Эпоха просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977. Сотрудники Института участвовали также в подготовке изданных Институтом славяноведения и балканистики АН СССР справочников: *Славяноведение в дореволюционной России.* М.: Наука, 1979; *Историки-слависты СССР.* Библиографический словарь-справочник. М.: Наука, 1981 и др.

⁵² *Англо-американская этнография на службе империализма.* (Сборник статей). — ТИЭ, т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1951; *Современная американская этнография.* М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Этнологические исследования за рубежом.* М.: Наука, 1973; *Токарев С. А.* Истоки этнографической науки. М.: Наука, 1978; *его же.* История зарубежной этнографии. М.: Наука, 1978; *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979; *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука.* М.: Наука, 1979 и др.

⁵³ *Расы и общество.* М.: Наука, 1982.

⁵⁴ См.: *Бромлей Ю. В.* Современная этнография в свете международных конгрессов (VIII, IX и X МКАЭН). — В кн.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии.

Большое воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами ответственную задачу превращения накопленных ими специальных знаний в достояние народа. В последние годы увидел свет ряд популярных этнографических работ⁵⁵; статьи по различным проблемам этнографии публиковались в таких журналах, как «Вокруг света», «Наука и религия», «Природа», «Знание — сила» и других. Продолжала публикацию популярных статей также «Советская этнография». Результаты этнографических исследований отражены во многих учебниках и справочниках⁵⁶.

Ведется работа по созданию рассчитанной на массового читателя этногеографической двадцатитомной серии «Страны и народы», в которой, наряду с описанием природы и хозяйства, дается культурно-бытовая характеристика народов⁵⁷.

Итак, пройден пятидесятилетний путь. Оглядываясь назад, мы видим, что он полон труда и поиска, успехов и неудач, естественных для каждой развивающейся науки. Но мы видим и другое — как много проблем еще ждут своего разрешения. Этнографическая наука должна продолжать совершенствовать свой теоретический арсенал, несомненно пополнившийся в последние десятилетия (что свидетельствует о зрелости этнографии как науки), и разрабатывать конкретные проблемы, связанные как с исторической этнографией, так и с этнографией современности народов СССР и всего мира. Проблем таких много и они требуют творческого труда всех советских этнографов, органической частью которых является коллектив сотрудников Ордена Дружбы Народов Института этнографии АН СССР. Награждение Института орденом символично. Само название ордена — «Дружбы Народов» — напоминает об основной общественной и политической функции советской этнографии. Вместе с тем такое награждение ко многому обязывает.

⁵⁵ См., например: Этнографы рассказывают. М.: Наука, 1978; Глазами этнографов. М.: Наука, 1982.

⁵⁶ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958; Громов Г. Г. Методики этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966; Кышенко Ю. В. История первобытного общества и основы этнографии. Ростов-на-Дону, 1968; Перишц А. И., Монгайт А. А., Алексеев В. Н. История первобытного общества. 1-е изд. М., 1968; 2-е изд. М., 1974; 3-е изд. М., 1982; Этнография/Под ред. Бромлея Ю. В., Маркова Г. Е. М.: Высшая школа, 1982.

⁵⁷ К настоящему времени вышло 16 томов.

Б. Х. Бгажноков

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЭТИКЕТ*

В числе правил, которым подчиняется этикетное поведение, правилам организации или структурирования пространства принадлежит особое место. С одной стороны, это всевозможные конвенции, касающиеся поз и жестов; с другой — столь же заданные и этикетно значимые концепции деления и распределения пространства в зоне социального взаимодействия личностей.

Вопрос о природе, функциях подобных фактов и отношений требует к себе внимания представителей различных научных дисциплин: социо-

* Полевые материалы собирались автором среди адыгов в 1978—1980 гг.

логов, лингвистов, этнографов. Для нас, этнографов, особое значение имеет то обстоятельство, что на способах структурирования пространства всегда лежит печать определенной эпохи, определенной социальной и этнической среды, они суть компоненты культуры этноса. Такой сугубо этнографической постановки вопроса о восприятии и организации пространства мы не найдем у американского антрополога Е. Т. Холла. Вместе с тем нельзя не признать, что именно он заложил основы проксемики — относительно самостоятельной научной дисциплины, предметом которой является человеческая активность, направленная на восприятие, освоение и использование пространства. Публикации Холла¹, несмотря на известный, присущий американской антропологии эмпиризм, послужили толчком для очень полезных в теоретическом и практическом отношении поисков в этом направлении. В частности, очень актуальной представляется постановка вопроса о так называемом проксемическом поведении, необходимость изучения которого признана сейчас как за рубежом², прежде всего в американской и английской психологии и лингвистике, так и у нас в стране³.

В настоящей статье речь пойдет о проксемическом поведении, приспособленном к нуждам общения, иными словами, о семиотически значимом проксемическом поведении. Чтобы показать хотя бы в общих чертах место этого феномена в культуре этноса, мы обратились к наиболее знакомому нам традиционному этикету адыгских народов — адыгейцев, черкесов, кабардинцев.

Общий характер структурирования пространства в ходе межличностных контактов определялся у адыгов социальными условиями и идеологией феодального общества, пережитками родовых отношений. Отсюда непосредственно управлявшие проксемическим поведением организационные принципы взаимного обхождения, такие, в частности, как уважение старших (по возрасту и рангу), гостеприимство, почитание женщины, своеобразно понимаемые скромность и сдержанность, почтительность и благожелательность⁴. В отношении репертуара семиотически значимых параметров пространства надо заметить, что в целом он тот же, что и у многих других народов. Прежде всего, это противопоставление по принципу «почетный — менее почетный» (параметр). С позицией «почетный» ассоциируются обычно «право», «верх», «центр», «ближе», «анфас», «фасад», «впереди», «первый»; с менее почетной — «лево», «низ», «периферия», «дальше», «задний план», «задний фасад», «позади», «последний». Но конкретная социальная значимость или семантика этих параметров, как мы увидим, очень специфична.

О п о з и ц и я и п ш э — и ш х ь э р э. Это одна из наиболее древних этногеографических концепций адыгов. У кабардинцев и черкесов ипшэ — почетная сторона, сторона гор, край, где берут начало все реки, пересекающие территорию их расселения с юга на север: Терек, Чегем, Баксан, Кубань, Малый Зеленчук, Лаба и др. Противоположное северное направление считается менее почетным и обозначается словом ишхьэрэ. Кабардинские и черкесские села и вообще любые ограниченные пространства в зависимости от этого делятся на два района или направления. Причем, ипшэ при всех обстоятельствах остается наиболее почетной стороной. Князья, как утверждают нынешние долгожители, не

¹ Hall E. T. Proxemics — the Study of Men's Spatial Relations — Men's Image in Medicine and Anthropology. N. Y., 1963; *idem*. Proxemics. — Current Anthropology, 1968, v. 9; *idem*. The Hidden Dimension. N. Y., 1968 и др.

² См., например: Watson O. M. Proxemic Behaviour. A Cross Cultural Study. The Hague — Paris, 1970; Schefflen A. F. Body Language and Social Order. Englewood Cliffs, 1972.

³ Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту: Изд-во ТГУ, 1974, с. 198—202; Хейдмец П. С. Пространственная регуляция общения человека. — Труды по психологии, VI. Тарту: Изд-во ТГУ, 1977, с. 72—84 и др.

⁴ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967, с. 289—326; Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.

разрешали селиться кому-либо рядом с собой в верхнем течении реки. И в самом деле, феодальная знать всегда оседала в той части села, которая традиционно именуется *кэуэньбапцэ*, что означает «верхняя, более почетная треть села», противопоставленная средней и в особенности нижней части. Человек, отправлявшийся в сторону ипцэ, при прочих равных условиях считался более важной персоной, чем тот, кто шел в направлении ишхэрэ; его приветствовали всегда первым. «Сэ-ламыр ипшэКэ дэхьейн хуейш»,— говорят в связи с этим адыги, что означает: «Салам надо нести с собой вверх в сторону ипшэ», т. е. в сторону гор, в сторону наибольшего почитания. В полном соответствии с подобными представлениями гость, прибывший со стороны ипшэ, считался (опять же при прочих равных условиях) более почетным, чем гость с какой-либо иной стороны. Наконец, нередко слово «ипшэ» уже вне связи с его первичным значением использовалось как синоним понятия «справа», как обозначение почетного места в пространстве двора, в помещении, в различных видах транспорта и т. д.

Встречающаяся иногда чисто религиозная исламская трактовка истоков почитания юга как местоположения Мекки является, безусловно, вторичной. Об этом свидетельствует, кроме всего прочего, специфика представлений о почетной стороне у адыгейцев. У них оно тоже обозначается словом ишхэ, но связывается не с югом, как у кабардинцев, а с востоком. Объяснить это можно только тем, что на территории Адыгеи все наиболее значительные реки (Лаба, Кубань и др.) устремляются к морю, т. е. текут не с юга на север, как у кабардинцев, а с востока на запад. Восток, как край, откуда текут (а у шапсугов к тому же и берут начало) реки, приобретает здесь значение почетной стороны, а запад — *иклахэ, ыхэ* (букв. конец, низ, исход) — менее почетной.

Оппозиция «центр — периферия», «анфас — спина». Тот хорошо известный этнографам факт, что во время танцев девушки выстраивались полукругом вдоль стен жилого дома, кроме всего прочего, связан с предпочтением, которое отдавалось центру усадьбы и близости к жилому дому. Другие менее почетные группы участников праздника располагались дальше от дома. По описанию Т. Керашева, со стороны улицы созданный девушками полукруг «замыкала плотная толпа мужчин, образуя изнутри свободный овальный круг для танцев. Далее, как угрюмый темный лес, высились ряды всадников. И уже за ними шумная толпа юнцов и детворы»⁵. Внутри круга, ближе к строю

мужчин размещались музыканты (скрипач, флейтист, трещоточники). По свидетельству Хан-Гирея, «нередко и детей старшин вводили туда же верхом на конях»⁶. Наконец, центр женского и соответственно мужского «фронта» отводился наиболее почетным лицам, старшим по возрасту и рангу, прежде всего представителям княжеского и дворянского сословия.

О предпочтении, которое отдавалось близости к жилому дому, свидетельствует и размещение коней, прибывших в дом гостей. У кабардинцев простолоудин не смел привязать коня к коновязи в центре двора, он оставлял его снаружи, на улице, накинув поводья на плетень⁷. У бесланевцев во дворах князей и дворян устанавливались две, а иногда и три коновязи — для крестьян, дворян и князей. Коновязь для князей размещалась в глубине двора, коновязь для крестьян — в непосредственной близости от ворот и, наконец, для дворян — между ними⁸.

Избегания между мужской и женской частью семьи обусловили еще одну весьма любопытную форму структурирования пространства около жилого дома. С переднего фасада (*унэгунд*) в дом заходили и выходили только мужчины. С противоположной стороны находился выход и вход для женщин (*шыгъуэгужэ*). Такая планировка жилого дома и усадьбы, создающая оптимальные условия для избегания, была особенно распространена у кабардинцев. Видимо, кроме всего прочего, она символизировала подчиненное положение женщин в семье.

Строго соблюдалось и правило, по которому к почетному лицу необходимо было располагаться в анфас или во фронт. Поэтому полагалось выходить из комнаты, где сидят старшие по возрасту или по положению, пятясь. Вне помещения младший, прежде чем повернуться и уйти от старшего, отступал, пятясь, назад на несколько шагов. Покидая женщину, мужчина обязан был развернуться непременно в левую сторону, чтобы за женщиной оставалась правая сторона, более почетная. Аналогичных правил придерживался уходящий из дома гость. Он садился на коня, повернув его головой к жилищу, и разворачивался опять-таки налево. В свою очередь хозяин, простившись с гостем, некоторое время продолжал стоять, обратившись лицом к удаляющемуся, пока тот не скроется за горизонтом или поворотом.

О п п о з и ц и я «лево — право». Так же как у всех других народов, почетной была признана у адыгов правая сторона. Естественно, это накладывало отпечаток на проксемическое поведение. Например, в некоторых районах Кабарды мужчины ходили по левой стороне, символически уступая правую сторону старшим в роду⁹. Правая сторона закреплялась за женщиной, идущей рядом с мужчиной. По свидетельству К. Хетагурова, такой порядок был принят у всех северокавказских народов¹⁰. Однако применительно к адыгам это положение требует некоторых уточнений. Прежде всего надо сказать, что у некоторых западноадыгских народностей, в частности у шапсугов, частично у бжедугов, указанный порядок не утвердился, а может быть, утратил свою силу под натиском ислама; кстати, в Западной и Центральной Европе он утвердился сравнительно поздно, в эпоху Возрождения¹¹. Заслуживает внимания и возведенное в большинстве районов Кабарды, Черкесии и Адыгеи в ранг обычной нарушения данного правила. Мы имеем в виду ситуации, когда спутница мужчины — его жена. В этом случае обратный порядок размещения (женщина слева, мужчина справа) служил, как утверждают адыги, средством демонстрации отношений суп-

⁶ Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 190.

⁷ Из сообщ. Шиакова И. Ф., 1894 г. р., с. Нижний Акбаш; сообщ. Кярова Д., 1889 г. р., с. Черем I и др. (Карачаево-Черкесская авт. обл.).

⁸ Из сообщ. Джатаривова Н., 1893 г. р., с. Бесланей (Карачаево-Черкесская авт. обл.).

⁹ Из сообщ. Машкуашева Ш., 1890 г. р., с. Верхний Черек КБАССР; сообщ. Тхагалегова А., 1897 г. р., сел. Кахун (КБАССР).

¹⁰ Хетагуров К. Особа (этнографический очерк). Собр. соч. М.: Наука, 1960, т. IV, с. 356.

¹¹ Veres P. Jobb : bal : : ferfi : no. — Szemiotical tanulmányok, 16. Budapest, 1975.

ружества. Но возможно, за этим объяснением скрыта уступка духу ислама.

Так или иначе, норма, в соответствии с которой женщинам отводилась правая почетная сторона, в целом была преобладающей. И это касается не только порядка движений по улице, но и целого ряда других ситуаций. Например, на одной из фотографий второй половины XIX в. мы видим перед домом в кабардинском ауле около десятка людей, причем группа женщин стоит отдельно и справа от группы мужчин и это, по-видимому, не случайно¹². То же самое следует сказать о норме, согласной которой во время хороводных танцев (*удж*) девушки располагались слева от своего партнера.

Оппозиция «лево—право» дает о себе знать и в ситуациях, когда рядом идут только женщины или мужчины. Если это двое мужчин, то младший занимает место слева от старшего. При увеличении числа путников хотя бы на одного картина меняется. В этом случае самый младший занимает позицию справа от самого старшего, а средний по возрасту — слева. К этому следует добавить, что, какой бы большой ни была группа всадников или пешехов, соединяться в ряд, превышающий трех человек, не рекомендовалось. Наконец, как и следовало ожидать, князь (*пцы*) независимо от возраста занимал всегда почетное место в центре ряда. В «Выписке о привилегированных сословиях Кабардинского округа», составленной в 1872 г., прямо сказано: «Окружающие князя при следовании сего последнего верхом или пешком размещаются следующим образом: почетный ворк¹³ с левой стороны князя, другой ворк, по летам или званию следующий за первым, — с правой стороны его; остальные размещаются сзади и по сторонам...»¹⁴. Указанное правило, возможно, является рудиментом боевого порядка. Младший справа в этом последнем случае выполнял роль ординарца, посыльного (*Цухутагэз, пшэрыхь, пшэрыхьгуэдзэ*), а мужчина слева — роль главного помощника вожака наездников.

В соответствии с логикой рассмотренных правил фиксировались места путников во всех возможных ситуациях. Например, если женщина находилась в компании двух или более мужчин, то справа от нее располагался самый младший мужчина («посыльный»), а слева — самый старший. Аналогичными правилами руководствовалась повсюду любая другая группа лиц, оказавшаяся по тем или иным причинам вместе, точнее, рядом: во дворе, на улице, перед объективом фотоаппарата и даже в мечети во время молитвы. Крым-Гирей, автор второй половины XIX в., принадлежавший к сословию хануко¹⁵, рассказывает, как однажды в мечети натахайского аула Кудакон он стал по левую сторону какого-то горца, полагая, что здесь обычные нормы этикета не действуют. Увидев, что простолудин стоит по правую сторону от хана, мулла прервал службу и стал отчитывать незадачливого горца за нарушение обычая отцов. В конце концов тот молча переменял позицию. «В душе я был совершенно против замечания святоши, на основании общерелигиозного принципа перед богом все люди равны», — комментирует этот инцидент Крым-Гирей¹⁶.

Специального рассмотрения требует порядок встреч и встречного движения. По общему правилу мужчина должен проходить мимо женщины, оставляя ее по правую сторону — оказывая ей почет, а мимо мужчины — по левую, в связи с чем в качестве мнемонического правила используется выражение «*Цыхубзым кэмышыр ират, цыхухъум Изэр ират*» («Женщину оставляют со стороны плети, мужчину — со

¹² См.: История Кабардино-Балкарской АССР. М.: Наука, 1967, т. I, с. 248.

¹³ Ворк (*уэркэ*) — дворянин.

¹⁴ Архив КБ Ин-та истории, философии, экономики (далее КБИИФЭ), ф. 1, оп. 2, ед. хр. 12, с. 128.

¹⁵ К сословию хануко (*хъаныктуэ*) относились потомки крымских князей. Эта группа адыгской феодальной знати занимала высшую ступень феодальной иерархии.

¹⁶ Крым-Гирей. Путевые заметки. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980, с. 98—99.

сторон оружие»). Эта формула очень удобна для запоминания норм проксемики, о которых идет речь, так как горцы носили холодное оружие на левом боку, а плетъ держали всегда справа, в правой руке. Кстати, порядок встречного движения у мужчин объясняют чисто рационально: предосторожностью, которую необходимо было соблюдать при встрече с вооруженным человеком. И в самом деле, следуя указанному правилу, расходящиеся мужчины оказывались в позиции менее удобной, например, для нанесения неожиданного удара кинжалом. Иными словами, для каждой из сторон это была, потенциально конечно, позиция боя, ставшая затем универсальной нормой взаимного обхождения.

Порядок, по которому мужчина пропускал женщину по правую руку от себя, имел исключение. В восточной Кабарде, встретившись с женщиной на окраине села, мужчина обязан был выбрать позицию так, чтобы женщина прошла мимо него, оставаясь ближе к селу. При этом она могла оказаться не справа от него, как требовало общее правило, а слева. Тем не менее такой порядок движения интерпретировали как одну из наиболее изысканных форм оказания почета женщине. Считалось, что таким образом мужчина сберегал женщину, проявляя рыцарскую заботу о слабом поле. Кстати, здесь мы снова сталкиваемся с тенденцией уступать женщине место ближе к центру, к жилищу.

В полном соответствии со смыслом оппозиций «лево—право» старших мужчин и женщин положено было обходить слева, а не справа, чтобы хоть на секунду не занять правое почетное место. Присоединяясь к идущему спутнику человеку, в любом случае следовало занять место слева от спутника. Тот в свою очередь обязан был сориентироваться в ситуации и, если необходимо, переменить позицию, для чего полагалось обойти своего спутника сзади. Догнав двух человек, следовало занять уже позицию справа от них, т. е. место самого младшего, ординарца; и опять в случае надобности ряд перестраивался.

Остается сказать несколько слов о проксемически значимых движениях частей тела, также связанных с оппозицией «лево—право». Следуя правилу, принятому у многих народов, переступая через порог дома или комнаты, требовалось сделать шаг правой ногой, но не левой. Протянуть или принять какой-либо предмет (нож, бокал, хлеб, книгу) полагалось опять-таки правой рукой. Для демонстрации особого почтения к человеку в тех же ситуациях в ход пускались одновременно обе руки, при этом обычно правая рука выдвигалась вперед, например так положено было подавать полотенце гостю.

О п о з и ц и я «в п е р е д и — п о з а д и». Как и следовало ожидать, позиция «впереди», считалась более престижной, чем позиция «позади». Если в путь отправлялась группа всадников, то впереди, как было сказано выше, ехал самый старший в группе (по возрасту или рангу) с двумя младшими по бокам. Тот же порядок сохранялся при движении пешком, при поездке на арбе; в настоящее время старший в группе выдвигается вперед в автобусе, в легковом автомобиле, в самолете и т. д. Особенно строго соблюдается правило уступать старшему переднее сидение автомобиля, рядом с шофером, что контрастирует с общевропейским стандартом, согласно которому за высокопоставленным лицом закрепляется место на заднем сидении, как наиболее безопасное.

Уместно отметить здесь, что в период феодализма во время сражений и военных походов предводитель наездников (обычно князь) обязан был выступать неизменно впереди партии. Уступив в минуту опасности первенство кому-либо из воинов, он мог прослыть трусом¹⁷. По той же причине во время отступления предводитель наездников находился в арьергарде партии, что семантически соотносимо со значением «впереди».

Как и всюду на Кавказе, у адыгов существовало правило, согласно которому жена, отправляясь куда-нибудь с мужем, шла позади него на

¹⁷ Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927, с. 171.

расстоянии до одного и более метров. По-видимому, в этой норме просемического поведения имеет место соединение в одно целое двух традиций, а именно: 1) избегания между мужем и женой и 2) неравноправного положения женщины в семье. Другое объяснение такого порядка следования высказано И. В. Сухановым. «Истоки этого обычая,— пишет он,— уходят в седую древность, в эпоху межплеменной вражды и кровной мести. Мужчина тогда шел с оружием впереди, ожидая нападения врагов на каждом повороте горной тропы, а жена с детьми и поклажей шла сзади»¹⁸.

Оппозиция «первый — последний». Оговоренная в этикете очередность занятия определенных позиций в пространстве находилась в прямой связи с представлениями о социальной значимости взаимодействующих лиц.

Для приветствия группы лиц необходимо было сначала пожать руку самому старшему, затем всем остальным в порядке снижения их социальной значимости. В такой же последовательности оказывали людям всевозможные услуги, например во время приема гостей: помогали умыться перед едой, подавали блюда на стол, наливали спиртные напитки и т. д. Ясно, что во всех подобных случаях в роли старшего выступали не только старшие по возрасту. Обычно женщины считались «старше» мужчин, гость старше хозяев и уж конечно князь, даже самый молодой, старше крестьянина. Отсюда соответствующее условиям определенной, конкретно данной ситуации применение вышеуказанных правил: так, при встрече группы лиц мужчина обязан был приветствовать сначала женщин, а затем мужчин, о чем в свое время писал еще К. Кох¹⁹.

Особым правилам подчинялась последовательность рассаживания. Сначала на почетное место усаживали самого старшего, затем садились все остальные «по нисходящей». Но представление о старшем в группе (в смысле оказания ему знаков внимания) было опять-таки не однозначным. Если в группе помимо мужчин были женщины, они в этом случае признавались старшими, и потому их усаживали в первую очередь. Далее безотносительно к возрасту и рангу садились гости, что было связано с традиционным делением участников социального взаимодействия по принципу «*хьащ/э* — *хэгзэрей*», т. е. «гость — не гость». Наконец, определенные коррективы в общепринятый порядок рассаживания вносила феодальная иерархия: право сесть первым независимо от возраста принадлежало обычно наиболее знатному. По свидетельству Дж. Белла, даже во время собраний под открытым небом первыми опускались на землю хануко (потомки крымских ханов), затем князья, дворяне и в последнюю очередь крестьяне²⁰.

При входе в помещение, при движении по улице и т. д. вперед пропускali старших по возрасту и рангу — норма, распространенная по всему миру. Но у адыгов есть здесь одна существенная оговорка: женщине строжайшим образом запрещалось пересекать дорогу мужчине. По установившейся традиции (резко контрастирующей с вниманием, которым женщина была окружена в обществе) она обязана была остановиться за несколько метров от идущего ей наперерез мужчины и, опустив почтительно голову, подождать, пока тот не удалится на несколько метров. Бесспорно, перед нами патриархальная норма, уходящая своими корнями в древние представления о вредоносной магии, исходящей от женщины. Если женщина пересекала дорогу мужчине, это считалось плохим предзнаменованием. Люди почти не сомневались, что теперь

¹⁸ Суханов И. В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976, с. 15.

¹⁹ Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли. — В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (Сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам Гарданова В. К.). Нальчик: Эльбрус, 1974 (далее АБКЛЕА), с. 603.

²⁰ Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. — АБКЛЕА, с. 518.

дело, с которым они отправились в путь, не будет иметь успеха, что и ждет беда и даже смерть. В начале XX в. в кабардинском селении Верхний Акбаш имел место случай, когда мужчина выстрелил в ногу женщине, пересекшей ему дорогу, и остался безнаказанным: сельчане и родственники пострадавшей приняли во внимание высокую общественную значимость дела, по которому выстреливший держал путь в окружной суд²¹. Конечно, это совсем не типичный случай, но тем не менее весьма показательный.

Надо сказать также, что общая тенденция, согласно которой в рассматриваемой нами оппозиции понятие «первый» соответствовало понятию «самый почетный», имело исключения. Так, у кабардинцев во время танцев первым на плясовой круг выходил молодой человек из числа *хагареев* (хозяев), вслед за ним хагарей постарше и лишь после этого самые почетные участники танцев — гости. Итог длинному списку парных танцев (*кафа*) подводил опять-таки только хагарей.

Концепция почетного места. В помещении почетным было и остается место, максимально удаленное от входной двери, — *жанта* (каб. *жъантлэ*, адыг. *жантл*). Его занимает старший по возрасту или рангу, все остальные располагаются вокруг так, что самый младший оказывается ближе всех к двери. Таково общее правило. В настоящее время оно действует у адыгов повсюду, в том числе и в государственных учреждениях. Если в одном помещении работает несколько человек, то почетное место занимает стол старшего по должности²². Передки случаи, когда должностное лицо, принимая в кабинете посетителя, уступает ему свое место, ассоциирующееся с *жанта*. Уместно в связи с этим отметить, что традиционно гость, даже молодой, был вправе рассчитывать на почетное место. В прошлом независимо от возраста этим правом пользовались представители высшего сословия — хануко, князья, дворяне. Наконец, для воинов, известных своими подвигами, честь быть усаженным на одно из почетных мест мало зависела от возраста и ранга. По свидетельству А. Намитока, уважение, которое питали к ним люди, распространялось даже на их жен: им предоставлялись почетные места на собраниях женщин²³. Что касается использования слова *жанта* для обозначения почетного места, надо заметить, что в прошлом это было место на сидении у очага, наиболее удаленное от входной двери, лучше других защищенное от холода. А. А. Миллер, посвятивший жилищам западных адыгов специальную работу, писал в связи с этим: «Непосредственно у очага устанавливается низкая глинобитная кровать-диван, укрепленная по сторонам досками. В приемной для гостей это почетное место, на которое сажают гостя, ближе к огню»²⁴. По свидетельству Дж. Лонгворта, оно «возвышалось над полом на целых три дюйма»²⁵. По-видимому, это тоже имело определенное значение: из сообщений авторов первой половины XIX в. следует, что младшие, которые удостоивались чести сидеть с гостем или старшим, устраивались прямо на полу, т. е. в буквальном смысле слова ниже старших.

В жилом доме на почетном месте за очагом восседал отец семейства. Глинобитный диван (*жанта*) был как бы признаком его власти над домочадцами, символом патриархальных устоев семьи. Даже в отсутствие патриарха его место не смел занять кто-либо из членов семьи —

²¹ Из сообщ. К. А. Кудаяева, 1882 г. р., с. Верхний Акбаш (КБ АССР).

²² Между тем в странах Западной Европы за старшим по должности закреплялось обычно место в центре помещения, и это служит признаком, по которому узнают главного в группе. — Сб.: Communication: Concept and Processes. Englewood Cliffs, 1971, p. 89.

²³ Намиток А. Происхождение черкесов. Ч. II. Рукопись. (Перевод с французского К. Мальбахова). — Архив КБИИФЭ, ф. 1, оп. 5, д. 1104а, с. 164.

²⁴ Миллер А. А. Черкесские постройки. — Материалы по этнографии России. Спб., 1914, т. II, с. 71; см. также: Кобычев В. П. О местоположении камина в традиционном жилище народов Северного Кавказа (к вопросу о методологии изучения народного жилища). — Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1980, VII, с. 86.

²⁵ Лонгворт Дж. Год среди черкесов. — АБКИЕА, с. 545.

правило, которое было весьма характерно для традиционного общества²⁶. Словом, не исключено, что ассоциация жанта с очагом отражала соединение культа домашнего очага с культом предков. Вспомним, что писал Ф. де Куланж о семье в древнеримском обществе: «Отец занимает первое место у очага, он возжигает его и поддерживает, он верховный жрец... он один представляет собою весь ряд потомков, на нем держится семейный культ, он почти что может сказать подобно индусу: „Я сам бог“. Когда же придет смерть, он станет божественным существом и потомки будут ему молиться»²⁷.

Возвращаясь к устройству традиционного адыгского жилища, следует отметить, что место с противоположной, ближней стороны очага или камина (адыг. — *пхъэцIакIэ*, *пхъэцIэхалъэ*, кабар. — *дакъэхэкIэ*) принадлежало самым младшим — истопникам. Здесь складывались обычно дрова для разжигания и поддержания огня. Иначе говоря, оппозиции «старший — младший», «почетный — менее почетный» соответствовала внутри помещения оппозиция «*жъантIэ—дакъэхэкIэ*». Отсюда паремии, фиксирующие нормы взаимного обхождения внутри семейно-родственного коллектива: «*фызым и Iыхълыр жъантIэци, лIым и Iыхълыр дакъэхэкIэци*» — «Жены родственники жанта (почетные. — Б. Б.), мужа родственники дакахача (менее почетные. — Б. Б.)», «*Малъ-хър дакъэхэкIэм кыфIэкIкъым*» — «Зять за дакахача не переступает».

Теперь понятно, почему у некоторых этнографических групп адыгов, в частности у хатукаевцев, бжедугов, шапсугов, натухаевцев, слово «жанта» (жантI) по сей день ассоциируется только с местом у очага в традиционном адыгском жилище. В западных областях Адыгеи превращение его в понятие почетного места вообще и соответственно перенос на современные жилища без очага, судя по всему, не состоялся или не завершился.

Оппозиция «сидя — стоя». Вставать при появлении старших, стоять, оказывая им почет, считалось естественным и необходимым условием повседневных контактов. Эта норма характерна, как мы знаем, для многих народов, но, правда, не столь универсальна, как кажется на первый взгляд: у жителей Полинезии, например, младшие и низшие по рангу, разговаривая со старшими, обязаны были, наоборот, присесть²⁸.

Кроме такого чисто семиотического варьирования акту вставания присущи вариации содержательного плана, характеризующие насыщенность его социальной информацией. У адыгов в этом стандарте поведения нашли отражение патриархальные порядки, пережитки материнства, гостеприимство, сословные различия, элементы рыцарства. Отсюда его высокая социальная значимость и облигаторность. Даже при произнесении имени старшего по возрасту или рангу присутствующие при этом младшие обязаны были встать, притом независимо от того, жив упомянутый старший или умер. Хозяин принимал гостя стоя, усаживал его, но сам не садился без приглашения последнего²⁹, а часто вообще не садился; молодежь в кунацкой выстаивала на виду у пирующих несколько часов, не обнаруживая ни малейших признаков усталости или неудовольствия. Мужчины, подавая бокал женщине, обязаны были встать и стоять; пока женщина, высказав слова благодарности и отпив из бокала, не вернет его обратно. Почтенные старцы с полным сознанием своего достоинства вставали со своих мест при виде совсем молодых женщин. Вообще мужчины всех возрастов обязаны были приветствовать женщин стоя. «Перед старшими людьми и перед девушка-

²⁶ В одном из пунктов древнеиндийского свода правил поведения прямо сказано: «Не следует располагаться на ложе или на сиденье, используемом старшим». — Законы Ману. М.: Наука, 1960, с. 42.

²⁷ Куланж Ф. де. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906, с. 90.

²⁸ Либбок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека. СПб., 1896, с. 29.

²⁹ К. Кох в связи с этим писал, что у черкесского посланника, прибывшего к генералу Раевскому и сказавшего ему покровительственно: «Садись», — были на то свои основания, о которых Раевский не знал. См.: Кох К. Указ. раб., с. 592.

ли встают...» — отмечал Т. Лапинский, хорошо знавший быт причерноморских адыгов³⁰. Еще раньше об этом писал Хан-Гирей: «Мужчины видя проходящую женщину, хотя бы в значительном расстоянии, непременно должны были встать с места и не садиться вторично до тех пор пока она не удалится, какого бы она ни была звания и достоинства»³¹.

Почти все перечисленные здесь правила, за исключением, пожалуй первого, сохраняются в той или иной мере до сей день. Но многие нормы взаимного обхождения этого типа исчезли вместе с социальными условиями, их породившими. Еще в прошлом веке соблюдалась определенная последовательность рассаживаний, обусловленная феодальной иерархией, о чем было сказано выше. В кунацкой не полагалось садиться за один стол двум князьям, князю и дворянам. Чаще всего князь (или хануко) садился за треножный столик один, а дворяне и крестьяне стояли, затем за пищу принимались: дворяне, сядившиеся обычно по три человека за столик. Во время приема гостей определенное число мужчин, прежде всего со стороны хозяев, обязано было стоять здесь же вдоль стен, оказывая почет сидящим, принимая и тут же в углу кунацкой съедая пищу, поданную со стола. Эта категория лиц обозначалась специальным термином *шхьэггэрыт* (над старшими стоящие). На приемах дворян и князей в этой роли выступали чаще всего крестьяне и рабы. Крестьянам, даже седобородым старцам, обычно за прещалось садиться за стол с дворянами и тем более князьями. «Там, где орки,—пишет Т. Керашев,—там фокотлям (крестьянам.—Б. Б.) сидеть не полагается»³². Но это справедливо лишь для так называемых «аристократических» подразделений адыгов (кабардинцев, бесланеевцев, темиргоевцев, бжедугов и др.). У «демократических» племен преобладали древние обычаи, в соответствии с которыми оппозиция «сидя—стоя» строилась преимущественно с учетом возраста. Ф. Ф. Торнау в связи с этим писал: «Лета ставятся у горцев выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступить ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним... Даже старый невольник не исключен из этого правила»³³. О том же пишут К. Ф. Нейман, Тебу де Мариньи и многие другие авторы первой половины XIX в.³⁴

Особо следует сказать о воздействии оппозиции «сидя—стоя» на поведение всадников. С самого начала заметим, что, желая вступить в разговор с женщиной или со старшим по возрасту или рангу мужчиной, всадник обязан был предварительно спешиться с коня. Отсюда кабардинская пословица: «*Ллы нэмысыфIэр хуарэм тесми цIыхубзым хуотэдж*»—«Воспитанный мужчина, даже если под ним чистокровный скакун, ради женщины встает» (спешивается.—Б. Б.). При встрече всадников друг с другом каждому из них полагалось, замедлив ход коня, приподняться на стременах. Аналогичным образом демонстрировал свою воспитанность всадник, проезжающий мимо пешех. Но при встрече с почтенным старцем, с уважаемой женщиной или признанной красавицей аула этого было недостаточно. В таких случаях всадник обязательно спешивался, обычно на 30—50 м до встречных. Стоя с почти-тельным видом, он пропускал их или, если они стояли на месте, — обходил сам, держа коня под уздцы со стороны, более удаленной от них. По мере удаления почтенного старца (или женщины) всадник медленно разворачивался в его сторону вместе с конем. Подождав, пока они отойдут на 20—30 м, всадник вновь садился на коня и лишь после этого, развернувшись налево (т. е. правым плечом к уходящему) на

³⁰ Лапинский Т. Горцы Кавказа... т. I. Париж, 1862 (рукопись перевода с немецкого В. К. Гарданова).— Архив КБ ИИФЭ. Папка 1798, с. 8.

³¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 293.

³² Керашев Т. Указ. раб., с. 91.

³³ Т. (Торнау Ф. Ф.) Воспоминания кавказского офицера.— Русский вестник, 1864, т. 53, № 10, с. 419.

³⁴ Neuman K. F. Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen, 1840, S. 98; Мариньи Тебу де. Путешествие в Черкессию.— АБКИЕА, с. 297.

180°, продолжал своей путь³⁵. По свидетельству Хан-Гирея, это правило неукоснительно соблюдалось по отношению к представителям феодальной верхушки, особенно к князю или к княгине³⁶. По сообщению турецкого автора М. Джунатоко, у кабардинцев существовал также обычай, следуя которому всадник, даже самый знатный, проезжая мимо резиденции верховного князя данного княжества, обязательно спешивался и проходил мимо крепости пешком³⁷.

Выбор дистанции. Контактные табу. Обычно младший в разговоре со старшим выдерживает социальную дистанцию около 100—120 см, для чего после рукопожатия он отступает на полшага или шаг³⁸. Пространство между беседующими женщинами немного сокращается, а между женщиной и мужчиной, юношей и стариком, наоборот, увеличивается до полутора метров, если позволяет обстановка. Даже в момент рукопожатия младший не может приблизиться к старшему на расстояние менее 70—80 см, к тому же во время разговора со старшим на лестнице полагается занять позицию одной-двумя ступенями ниже, в полном соответствии с аналогичным требованием абхазского этикета³⁹.

Показатели социальной дистанции у адыгов относительно низки; у американцев, например, они находятся в пределах 4—12 футов, т. е. 122—366 см⁴⁰. Несмотря на это, в прошлом в любых социальных ситуациях исключались формы телесного контакта (похлопывание по плечу, прикосновение к руке и т. п.), принятые у других народов, например у арабов, латиноамериканцев, итальянцев⁴¹. Запрет телесного контакта распространялся прежде всего на общение между лицами противоположного пола. В частности, не принято было брать женщину под руку, касаться ее плеча и т. п. Оставляя в стороне акты приветствия и прощания, можно с уверенностью сказать, что эти ограничения распространялись в равной степени на малознакомых, близкознакомых, супружеские пары — словом, на все типичные ситуации социального взаимодействия. Видимо, они берут начало из связанных с сегрегацией полов представлений о вредоносной контактной магии. Э. Краулей писал в связи с этим: «Способность к материальной передаче и придает такое важное значение прикосновению, и за стремлением избежать прикосновения, и за желанием контакта кроется признание возможности передачи свойства как природы, так людей и духов⁴². Теперь понятно, почему адыги при каждом прикосновении к собеседнику производят извинительные благопожелания: «*Си Из фЫкIэ нолузэ*» — «Моя рука добром тебя да коснется». Правда, истоки этой нормы давно не осознаются: избегание прикосновений, извинения за прикосновения стали просто знаками вежливости. В отношениях между мужчинами и женщинами они ассоциировались иногда с нормами шариата, хотя и не были связаны с ними генетически. То же самое можно сказать о намеренном увеличении пространства в момент движения женщин мимо мужчины. У адыгейцев, например, женщина, идущая по улице, увидев мужчин, сидящих на скамейке, обходила их полукругом, удалившись на 1—1,5 м от первоначального курса.

³⁵ Из сообщ. Курашинова Б. И., 1896 г. р., аул Кошехабль (Адыгейская авт. обл.).
³⁶ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, с. 298.

³⁷ Мэт Джунатокъуэ (Изэ́т-Пэ́ша). Кавказым и тхыдэ (История Кавказа). — Рукопись перевода с арабского на кабардинский Эльбердова Х. Э. — Архив КБНИФЭ. Папка № 186, с. 270.

³⁸ Термин «социальная дистанция» употребляется в том смысле, в каком им пользуется Е. Т. Холл. Социальная дистанция в отличие от интимной и персональной дистанций характеризуется «ограничением доминирования». «Интимные детали лица не воспринимаются, никто не прикасается к другому и не намеревается прикоснуться, если нет особых причин». См.: Hall E. T. The Hidden Dimension, p. 121.

³⁹ Инал-Ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1970, с. 74.

⁴⁰ Hall E. T. The Hidden Dimension, p. 121—122.

⁴¹ Watson O. M. Proxemics. — Current Trends in Linguistics. The Hague—Paris, 1974, p. 330.

⁴² Краулей Э. Мистическая роза. Исследования о первобытном браке. Спб., 1905, с. 80.

Внутри семейно-родственного коллектива структурирование пространства осуществлялось, кроме всего прочего, в прямой зависимости от обычаев избегания, достаточно хорошо описанных⁴³. Супруги могли видаться только ночью, а встретившись днем, «незамедлительно поворачивали в разные стороны»⁴⁴. В присутствии старших они не подпускали к себе детей, старались держаться от них как можно дальше. Невестка избегала родственников мужа, особенно свекра, ей не положено было приближаться даже к двери той комнаты, где жил свекр. В свою очередь родители обычно до конца дней своих не входили в комнату, которую занимали их сын с женой. Наконец, зятю полагалось избегать встреч с родственниками жены, прежде всего с тещей и старшими женщинами рода.

Центростремительные тенденции проксемического поведения. Наряду с упомянутыми центробежными силами в структурировании пространства в традиционной культуре поведения адыгов имели место и специфические центростремительные тенденции в виде ритуализованных форм установления или продления контакта. Гости полагались провожать за ворота до края села, иногда до границ страны — в зависимости от обстоятельств. Путник, увидевший (в поле или в лесу) позади себя человека, обязан был подождать его; человек, собиравшийся переступить через порог своей усадьбы, поступал так же при виде приближающегося соседа, знакомого и даже постороннего лица. Встретивший на своем пути кузницу приостанавливался, чтобы приветствовать находящихся там людей; того же требовала встреча с пастухом, пахарем, охотником, пасечником, стригалем, строителем. Имеются сообщения о том, что всадник обязан был принять участие в различного рода обрядах, празднествах, с которыми он сталкивался в пути, например присоединиться к брачному поезду⁴⁵, к людям, справляющим поминки⁴⁶ или устраивающим праздник первой борозды⁴⁷. В противном случае он мог быть не только осужден словесно, но и наказан в прямом смысле слова. За такого рода неучтивость по отношению к невесте сопровождающая ее молодежь простреливала у путника шапку, сбрасывала с седла, срывала с него одежду⁴⁸.

Наличие аналогичных традиций у других народов мира⁴⁹ дает основание думать, что перед нами этническая универсалия, истоки которой уходят в глубокую древность. Видимо, на ранних ступенях общественного развития народов присоединение к встреченной группе символизировало благожелательное к ней отношение, а неприсоединение, наоборот, — неблагожелательное и даже враждебное, способное навлечь на участников обряда беду, порчу.

Многие центростремительные тенденции проксемического поведения были прямо связаны с почитанием женщины. Например, согласно традиции путник (конный или пеший), увидев женщину, колющую дрова, обязан был войти во двор и, вежливо, но настойчиво отстранив женщину, взять у нее топор и приняться за работу; справившись с делом, он мог продолжить свой путь. Аналогично этому при виде арбы с женщинами вблизи переправы мужчине вменялось в долг, оставив собственные дела, сопровождать женщин, пока они не переправятся через реку, — на случай, если понадобится его помощь. Вообще, встретив женщин в пути, мужчина обязан был проводить их до пункта назна-

⁴³ См.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961. с. 86—91; Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа. — Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978.

⁴⁴ Мариньи Тебу де. Указ. раб., с. 306.

⁴⁵ Дубровин Н. Указ. раб., с. 72.

⁴⁶ Кох К. Указ. раб., с. 623—624.

⁴⁷ Из сообщ. Дышкокова М. Х., 1897 г. р., с. Терекское (КБ АССР).

⁴⁸ Дубровин Н. Указ. раб., с. 72.

⁴⁹ Например, у киргизов, см.: Муканов М. М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков. — Интеллект и речь. Психология. Алма-Ата, 1972, в. II, с. 111.

чения. Это правило имеет много общего с обычаями, существовавшими за всадником), который состоял в том, что младший по возрасту или рангу всадник, встретив или нагнав в поле старшего, обязан был, оставив все свои дела, сопроводить его, пристроившись слева, оказывая ему услуги оруженосца, повара, ординарца. Покинуть своего более почетного спутника можно было только с разрешения последнего. Это делалось опять-таки в духе традиционной адыгской вежливости: младшему полагалось отстать на корпус лошади от старшего и затем, развернувшись влево, ехать своей дорогой⁵¹. Среди адыгов еще живы старики, которые в молодости неукоснительно соблюдали этот обычай, видя в нем проявление лучших черт адыгского характера. Бытующие еще рассказы о молодых людях, которые, оставив срочные и очень важные дела, сопровождали старших в течение многих часов и дней, не обнаруживая беспокойства⁵².

Впрочем, древний обычай шудэгъазэ был неплохо приспособлен к условиям феодального общества: знать использовала его как одно из средств демонстрации своего превосходства над крестьянами. В вышеупомянутой выписке о привилегированных сословиях Кабардинского округа читаем: «Всякий верховой кабардинец при встрече с князем обязан вернуться назад и провожать его до тех пор, пока не будет им отпущен»⁵³. Как явствует из этого же документа, порой князья вынуждали следовать за собой целые обозы крестьянских подвод, встреченных в пути. В этом и во всех других случаях князь, независимо от возраста, выступал в качестве главной фигуры центростремительных тенденций проксемического поведения. Если он прибывал в чей-либо аул по делам, то дворяне его свиты, расквартированные по другим домам, должны были каждый день посещать его и оказывать всевозможные услуги⁵⁴. Мало того, чтобы выразить свое почтение, к нему стекались дворяне и князья всей округи. Многие из них сопровождали князя повсюду, где он бывал, а при отъезде провожали на далекое расстояние. В этом и во многих других случаях, частично рассмотренных нами, престиж центра и связанные с этим модели проксемического поведения были целиком и полностью обусловлены идеологией, господствующей в феодальном обществе, теми или иными нюансами в представлениях о ее главных и второстепенных действующих лицах.

Относительно проводов надо сказать, что эта церемония весьма любопытна как в социальном, так и в психологическом отношении. Бесспорно, она символизирует уважение к другому лицу, желание prolongировать радость встречи с ним, но наряду с этим включает в себя идею охраны, оберега — гостя, старшего, женщины. Не исключено, что проводы возникли с самого начала как необходимость защиты от нападений, совершавшихся с целью грабежа и увоза в рабство. Но впоследствии наряду с этим они стали демонстрацией уважения, почтения или подчинения. Одним словом, утилитарная функция слилась с этической, а в ряде случаев (когда поведение рассчитано на внешний эффект) сдала ей свои позиции. Механизм подобного рода превращений хорошо известен этнографии.

Подведем некоторые итоги. Перед нами прошла целая галерея правил проксемического поведения, относящихся к разнообразным формам традиционного быта адыгов. Историческая обусловленность этих правил очевидна. Прямое воздействие на организацию пространства в ходе общения оказывали основные различия, элементы рыцарской морали, приспособленные к условиям феодального общества старые родовые традиции (гостеприимство, почитание старших, обычаи избегания), уxo-

⁵⁰ См. одно из первых упоминаний об этом: Бесс Ж. де. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению и Константинополь. — АБКИЕА, с. 349.

⁵¹ Из сообщений Отарова Х. И., 1889 г. р., с. Зеюко (Карачаево-Черкесская авт. обл.).

⁵² См., например: Киржинов С. К вопросу об этикете адыгов в семейном и общественном быту. — Археолого-этнографический сборник. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 107.

⁵³ Архив КБИИФЭ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 12, с. 128.

⁵⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, с. 295.

личного рода магические и полумагические представления.

Возникает, однако, вопрос, как квалифицировать семиотически значимое проксемическое поведение, какое место занимает оно в культуре этноса? По нашему мнению, можно говорить о нем как об особом слое культуры общения. А культура общения является, как мы знаем, компонентом культуры этноса и в этом качестве — предметом этнографии общения⁵⁵. Правила проксемического поведения тесно связаны с другими компонентами культуры общения, их даже нельзя представить вне этой связи. Управление проксемическим поведением, осуществляемое из единого центра, которому подчинено коммуникативное поведение в целом. Таким центром в культуре общения является этикет. Именно этикет задает основные правила проксемического поведения. Отсюда присущий этим правилам специфичный этический акцент.

В заключение мы еще раз хотим подчеркнуть, что этнография не может стоять в стороне от семиотики. Особенно это касается этнографии общения. Нужен специальный историко-этнографический анализ семиотического уровня социальных связей и отношений, который представлен как речевыми, так и неречевыми стандартами и атрибутами общения. Результаты подобных исследований были бы полезны не только в качестве дополнения к информации о различных сферах быта народов. По нашему глубокому убеждению, не меньшее значение могут иметь они для решения проблемы, которая в советской этнографии выдвинулась сейчас едва ли не на первый план. Это проблема механизмов функционирования, жизнеобеспечения этнических культур, культуры этносов в целом.

⁵⁵ См.: Бгажников Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения). — Сов. этнография, 1978, № 5.

В. П. Орфинский

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

Для исследователей деревянного зодчества нет мелочей — даже незначительные на первый взгляд архитектурные детали способны многое рассказать об особенностях материальной культуры того или иного народа и специфике его контактов с соседними народами. Вот почему участники экспедиции Петрозаводского университета в Архангельскую область летом 1981 г. испытали и удовлетворение, и разочарование. Первое — когда в процессе обследования народных построек им удалось зафиксировать широкое распространение на Каргопольщине характерных для Юго-Восточной Карелии русских печей с выступающим вперед жаратком, отметить в Плесецком районе северо-восточную границу ареала двойной припазовки венцов в срубах и проследить за изменением характера орнаментики крестьянских домов. Второе — когда уже после окончания экспедиции они побывали в музее под открытым небом в Малых Карелах под Архангельском и увидели там, в Каргопольском секторе, воспроизведение не характерных местных вариантов печей и домовой резьбы, а усредненные для Русского Севера решения, либо довольно произвольные импровизации на тему народной архитектуры; при этом реставрация памятников деревянного зодчества порой подменялась их имитацией.

К сожалению, подобные явления в реставрационной практике отнюдь не редкость. Предопределены они в значительной степени несовершенством распространенной методики обследования сооружений деревянного зодчества — «штучным» подходом к выбору объектов и недостаточной

объективизации получаемых научных данных. Убедиться в этом автор смог на собственном опыте.

Исходив в течение 20 лет Карелию вдоль и поперек, он вообразил, что досконально изучил ее архитектуру. Но к началу 1970-х годов наступило отрезвление: оказалось, что за типичное им нередко принималось не самое существенное и даже не наиболее часто встречаемое, а то, что в силу разных причин сильнее поражало воображение и потому лучше запоминалось. И хотя автор искренне пытался обуздать эмоции, субъективность восприятия преодолеть полностью не удалось. Не помогли и тысячи рисунков, фотографий, записей в дневниках — безбрежное море материалов не поддавалось осмыслению. Разумеется, автор знал, что для преодоления непрерывности явления нужно разбить его на обозримые части, т. е. классифицировать. Но к началу 1970-х годов не существовало типологии, охватывающей все приемы, формы и детали деревянного зодчества, а отдельные частные классификации, порою противоречащие друг другу, не складывались в единую систему, лишней раз подтверждая, что сложное и противоречивое целое отнюдь не равнозначно сумме его частей.

Казалось бы, чего проще: пронумеруй полочки и разложи на них в определенном порядке материалы раздельно по сооружениям и деталям. Не получилось — измени порядок, и так до тех пор, пока материалы не выстроятся в стройную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Но метод слепого перебора вариантов бесперспективен, и нужна обоснованная рабочая гипотеза, позволяющая уловить принцип классифицирования с характеристиками или закономерностями, общими для всех классифицируемых явлений. Такая гипотеза применительно к народной архитектуре была впервые сформулирована автором в работе «Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности»¹. В основе гипотезы лежало представление о деревянном зодчестве как о целостном явлении, отдельные элементы которого — жилые, хозяйственные и культовые постройки — объединены генетическими связями: общностью происхождения от клети архаичного жилища. Последнее обстоятельство позволило охватить все формы архитектурно-строительной деятельности народа единой классификационной системой, базирующейся в первую очередь на генетических признаках и эволюционных тенденциях. При этом с самого начала стало очевидным, что такая система должна быть открытой для возможных дополнений — ведь бывшее многообразие деревянного зодчества далеко не в полной мере характеризуется известными постройками. И, наконец, спецификой объекта исследования определялось еще одно непременное требование к такой системе — ее разветвленность и, следовательно, значительная классификационная емкость. Дело в том, что нивелирующая роль дерева как строительного материала предопределила научную ценность даже незначительных на первый взгляд деталей и особенностей, во многом характеризующих направленность процесса развития архитектуры, процесса сложного, в котором постепенность количественных изменений прерывалась качественными скачками — стилистическими переломами. Смену стилей, связанную с принципиальными изменениями архитектурно-художественного мышления, можно обнаружить при анализе ключевых для каждой эпохи сооружений. Другое дело эволюционные преобразования, которые проявляются не в сплошной замене одних форм другими, а в изменении во времени соотношения различных сосуществующих форм. Это обстоятельство особенно важно учитывать, ибо традиционность народного деревянного зодчества обусловила длительное сохранение форм, характерных для разных эволюционных этапов.

¹ Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры, защищенная в Центральном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры в 1976 г., — итог четвертьвекового изучения деревянного зодчества Карелии и сопредельных областей Русского Севера.

обусловленных социально-экономическими, природными и этнокультурными факторами в территориальном разрезе — в различных географических и историко-культурных зонах. Поэтому при комплексном рассмотрении развития деревянного зодчества во времени и в пространстве единственно объективные характеристики этого процесса — хронологические и территориальные ареалы соответствующих приемов, форм и деталей — могут быть выявлены лишь на основании детального статистического анализа определенного множества традиционных построек (в идеале всех сохранившихся и достоверно известных).

Все перечисленное и определило структуру разработанной автором «Сводной классификационной системы приемов, форм и деталей деревянного зодчества», которая состоит из 47 подсистем, охватывающих селения, отдельные постройки (комплексы) и их элементы. При этом на высшем уровне каждой подсистемы (на уровне типологических групп) классифицирование производилось с учетом основных формообразующих процессов. Например, для поселений в первую очередь учитывался характер их общей объемно-планировочной структуры (по терминологии этнографов, «формы поселений»); для усадеб — основной принцип их организации как жилищно-производственных комплексов: открытый или закрытый двор, а для жилой части усадеб (или отдельных стоящих жилых домов) — ведущая продольная тенденция развития: жилище одночастное (изба), двухчастное (жилые помещения — сени), трехчастное (жилые помещения — сени — жилые помещения); для культовых построек — направленность их композиционной оси: так называемые клетские сооружения (с горизонтальной композиционной осью), генетически связанные с крестьянским жилищем, башенные (с вертикальной композиционной осью), прототипами которых являлись крепостные башни или боярские хоромы, двухосные, объединившие два предыдущих типа путем соединения башенного храмового столпа с обширной трапезной (результат совместного решения культовых и мирских задач: церковные трапезные на Русском Севере начиная с рубежа XVI—XVII вв. являлись центрами земского самоуправления).

Дальнейшая дифференциация классифицируемых признаков с учетом их роли в становлении и развитии деревянного зодчества обусловила разветвленную ступенчатую структуру подсистем, включавших, помимо типологических групп, подгруппы, типы, подтипы, разновидности и в необходимых случаях варианты и подварианты каждого из типологических подразделений (всего в системе 1799 подразделений). Размеры журнальной статьи не позволяют остановиться на всех подсистемах «Сводной классификационной системы» (которая в настоящее время готовится к депонированию), поэтому мы проиллюстрируем принципы классифицирования и «эволюционной расшифровки» типологических подразделений лишь на примере амбаров, кажущаяся элементарность которых делает их классификацию наиболее наглядной и убедительной.

За исходную позицию автором было принято положение, что в народной архитектуре старые формы жилья, вытесняемые более прогрессивными, не исчезали, а лишь меняли свое назначение, порождая хозяйственные постройки, в том числе амбары, дальнейшая эволюция которых закономерно должна была отразить общую направленность развития жилища. В пользу такого предположения говорит общность некоторых тенденций эволюции жилых домов и амбаров: развитие в вертикальном направлении — постепенное «вырастание» из земли от полуземлянки к наземным срубам и от них к двухэтажным (дома) и двухъярусным (амбары) постройкам; развитие в продольном (от одночастных к двухчастным) и в поперечном направлениях (от четырехстенка к пятистенку). Но ведь, кроме того, известны амбары на столбах, выпадающие из описанной выше эволюционной схемы. Такие постройки позволяют утверждать, что существовало не одно, а два основных эволюционных направления: снизу вверх — подобно направленности развития жилища и сверху вниз — от охотничьих амбаров на деревьях к амбарам на столбах,

постепенно уменьшающихся по высоте, и от них к поземным срубам. А раз так, то распространенные в настоящее время формы амбаров можно рассматривать как итог независимых разнонаправленных эволюционных процессов, которые легко моделируются на высших уровнях классификационной подсистемы с помощью типологических групп амбаров, связанных с их генезисом, и подгрупп, характеризующих направленность основополагающего эволюционного процесса (рис. 1). Первая типологическая группа — амбары на столбах — с тремя подгруппами: *а* — на коренных столбах, *б* — на столбах-стульях двух вариантов — высоких (*б/1*) и низких (*б/2*), *в* — на столбах-вставках между нижним и последующим венцами; вторая типологическая группа — амбары на срубках, включающая две подгруппы: *а* — полужемлянки, *б* — наземные срубы в двух вариантах — поземные (*б/1*) и на подклете (*б/2*).

Последующие классификационные уровни позволили смоделировать все три характерные для амбаров тенденции развития. При этом вертикальную тенденцию конкретизировали два типа (*А* — одноярусные и *Б* — двухъярусные амбары), варианты которых отразили конструктивные особенности в их эволюционной последовательности — амбары с плоской (—/1), односкатной (—/2) и двускатной (—/3) крышей, а подварианты — функциональные признаки: хлебные (—/—(1)), рыбные (—/—(2)) и прочие (—/—(3)) амбары².

Тенденция продольного развития амбаров отразилась на уровне подтипов (рис. 2): 1 — амбары без предмостья или с открытым предмостьем, 2 — амбары с навесами над входом, 3 — амбары с двухъярусными галереями и наружными лестницами, 4 — амбары с закрытым предмостьем. Подтипы 2 и 3 имеют варианты, различающиеся конструкцией навесов и галерей: на кровштейнах (—/1), на столбах (—/2), на выпусках продольных стен (—/3), и подварианты, характеризующиеся отсутствием или наличием нависающих над входом антресольей (в одноярусных амбарах) или помещений (в двухъярусных). Перечисленные варианты и подварианты конкретизируют постепенный переход от подтипа 1 к подтипу 4.

Тенденция поперечного развития амбаров отразилась на уровне разновидностей: *а* — четырехстенные амбары, *б* — пятистенные (с продольным перерубом) трехкамерные, т. е. разделенные продольной внутренней стеной не до конца (характерны только для типа *Б*), *в* — пятистенные двухкамерные (для типа *А*) и четырехкамерные (для типа *Б*). Все разновидности имеют два варианта, различающихся местоположением входа — с торца или сбоку (—/1 и —/2).

Как известно, сложнейшей в теоретическом отношении и одновременно наиболее актуальной применительно к задачам современной архитектурно-строительной практики является проблема национального своеобразия народной архитектуры, включая деревянное зодчество великоруссов и малых народов Европейского Севера. Многочисленные дискуссии по этому поводу, как правило, оканчивались безрезультатно из-за различия в оценках этноопределяющей роли тех или иных архитектурных особенностей. По-видимому, выход мог быть только один: не ограничиваясь детальным сравнительным анализом архитектурно-строительной деятельности различных этнических групп населения региона, попытаться выявить ареалы всех вариаций архитектурных приемов, форм и деталей, а затем, соотнеся их с этническими ареалами, акцентировать внимание на потенциально этноопределяющих признаках, рассматриваемых с учетом основных культурных тенденций. Решение

² В данном случае кажущаяся алогичность — выделение классификационных подразделений высшего уровня на основании формальных признаков, а подвариантов типов на основании функциональных характеристик — обусловлена тем, что конкретизация функционального назначения амбаров (помещений для хранения припасов и скарба), нередко менявшаяся в процессе эксплуатации без изменения общего объемно-планировочного решения, как правило, не играла основополагающей роли в процессе формообразования. Исключение составляют лишь охотничьи амбары, но специфика их развития отражена в рамках первой типологической группы на высшем уровне подсистемы.

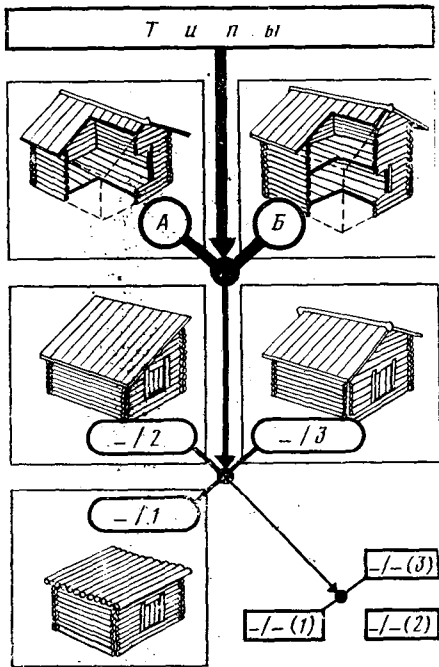
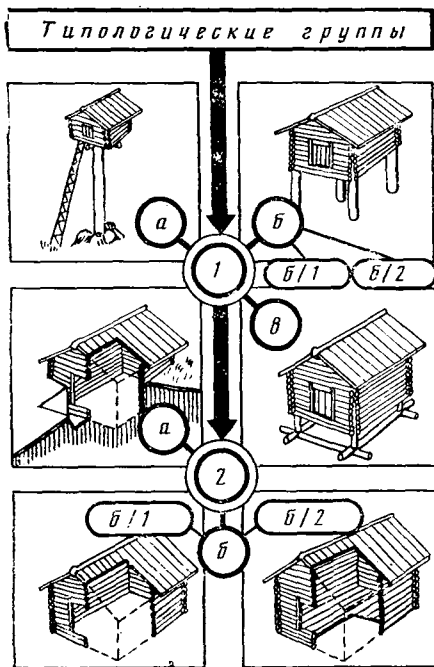

Рис. 1

такой многоплановой задачи потребовало соответствующего конструирования типологических структур при сохранении заложенного в них ведущего принципа — генетической и эволюционной обусловленности. Иллюстрацией к сказанному может служить разработанная автором классификация оконных наличников (рис. 3, 4).

Как известно, первоначально наличники в виде очелья и сливной доски защищали от осадков верхнюю часть оконных проемов с осадочным пазом и лишь позднее стали обрамлять проемы целиком. Эта эволюционная тенденция в классификационной подсистеме смоделирована на уровне двух типологических групп. Причем вторая группа подразделена на три подгруппы, конкретизирующие эволюционный процесс и отражающие генетическую ориентацию отдельных его этапов: *а* — наличники свободного очертания, *б* — наличники с ордерной композицией, возникающие под влиянием профессиональной архитектуры барокко и классицизма, *в* — наличники в виде рамы. Подгруппы 2б и 2в имеют варианты, различающиеся соотношением размеров боковых элементов (косяков) и архитравной части наличников: —/1 — архитравная часть равна или шире и —/2 — архитравная часть уже боковых элементов. Последняя особенность в условиях Карелии является этноопределяющей. Подтверждение тому — явное преобладание наличников с низким архитравом в районах с карельским населением и их созвучность с одной из характерных тенденций в художественной культуре коренных жителей края — с рационализмом художественного мышления карел, которые, зная, что деревянными балками небольшой высоты можно перекрывать просторные помещения, по-видимому, не захотели отступать от своего представления о дереве как строительном материале даже при решении декоративных задач. В противоположность им русские мастера в большей степени сохраняли ордерный принцип композиции наличников, порожденный тектоникой камня³.

Характер навершеня наличников, обусловленный их генезисом, отражен на уровне типов (*А* — с прямоугольным, *Б* — с полукруглым, *В* — с треугольным сандриками, *Г* — с волютным навершенем).

³ Орфинский В. П. Карельское деревянное зодчество и его связь с архитектурой Русского Севера. — Архитектурное наследство, 23. М.: Стройиздат, 1975, с. 66—67.

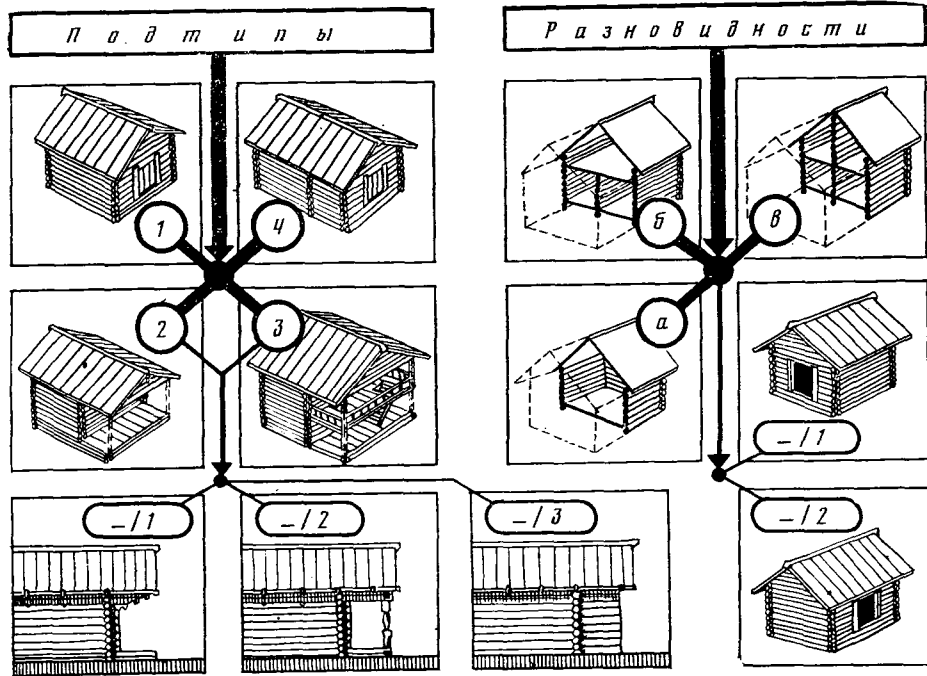

Рис. 2

Эволюционные тенденции декорирования наличников смоделированы на уровне вариантов типов отдельно для наличников с сандриками (типы А—В) в направлении усложнения декора (—/1 — без набивных украшений, —/2 — с набивными украшениями на поле наличника и —/3 — с набивными украшениями, выступающими за его пределы), а для наличников с волютным навершием (тип Г) — в направлении геометризации и обострения силуэта волют: Г/1 — с плавным криволинейным контуром, близким к каменным прототипам, Г/2 — с наметившимся изломом волют (переходная форма между Г/1 и Г/3), Г/3 — с ломаным геометризованным контуром.

В Карельской АССР последняя тенденция зафиксирована только в районах с карельским населением и, видимо, характеризует постепенное приведение заимствованной в городе барочной формы в соответствие с художественными вкусами карел. В самом деле, кульминационный этап эволюции — волютный наличник Г/3 с подчеркнуто «деревянной» трактовкой волют, с угловатым контуром, с более простыми геометрическими деталями — в полной мере соответствует вкусам коренного населения края: обостренная «колючесть» его силуэта предопределена природно-климатическими условиями Карелии, где из-за недостатка солнечного освещения и малой прозрачности воздуха изломы контура — фиксаторы внимания — способствуют лучшему восприятию архитектурных форм (учет природных факторов — одно из проявлений ведущей тенденции всей материальной и духовной культуры карел — природоподражания); обострение силуэтных характеристик сближает архитектурную орнаментику с народными вышивками, отражая тем самым характерную для карел ассоциативную преемственность между различными видами народного творчества; наконец, геометризованные волюты более рациональны технологически (они изготавливаются с помощью обычного плотнического инструмента).

Конкретизация декоративного убранства отражена на уровне подвариантов типов, включающих для сандриковых наличников (типов А—В) следующие характеристики: украшения в виде филенок или простых набивных деталей, аппликационный криволинейный орнамент, усложненный орнамент — сочетание двух предыдущих декоративных мотивов.

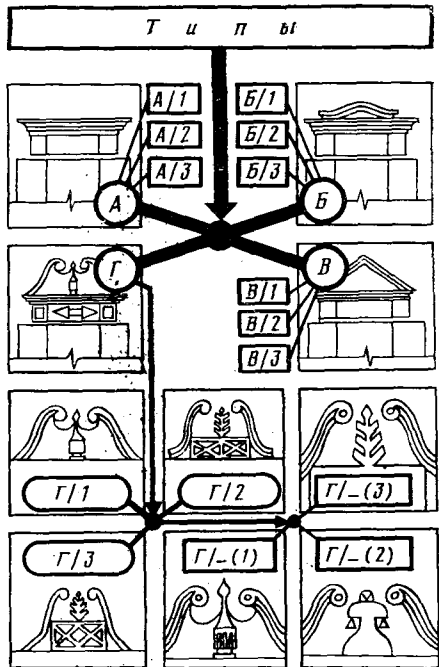
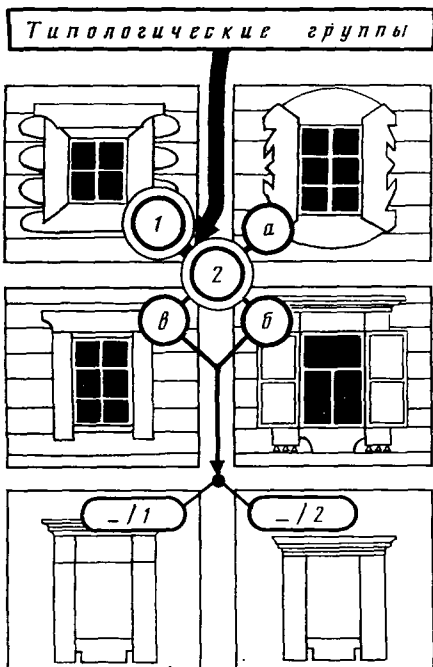

Рис. 3

Подварианты волютных наличников (типа Г) определяют характер средника наверху — расположенную между волютами стрелку или балясину (Г/—(1)), антропоморфное изображение — стилизованного «человечка» (Г/—(2)), стилизованное растение, чаще всего елочку (Г/—(3)). Абстрактно-геометрический средник (Г/—(1)) характерен для русского населения Южной Карелии и довольно точно воспроизводит каменные прототипы; антропоморфные изображения (Г/—(2)), зафиксированные у прионежских вепсов, генетически связаны с древней магией оберегов и созвучны аналогичным мотивам в народных вышивках⁴; стилизованное растение (Г/—(3)) — излюбленный мотив карельской орнаментики, по-видимому генетически связанный с древним языческим культом «мирового дерева»⁵, — еще одно проявление природоподражательности карел.

Эволюционная тенденция, определяющая превращение ставней из утилитарных в чисто декоративные и постепенное их отмирание как потерявших свой смысл пережитков, смоделирована на уровне подтипов наличников, их вариантов и подвариантов (рис. 4): 1 — с одним ставнем; 2 — с двумя ставнями; 3 — без ставней, но с их имитацией (3/1) путем сохранения рудиментов ставней (3/1(1)) и их изображения с помощью накладных планок на косяках (3/1(2)); 3/2 — без какой-либо имитации. Любопытно, что ставни-рудименты (3/1(1)) и имитация ставней (3/1(2)) зафиксированы в Карельской АССР, как правило, в районах с карельским населением, что, по-видимому, вызвано стремлением сохранить в виде символов привычные архитектурные детали — прямое следствие традиционности искусства карел⁶.

⁴ Орфинский В. Деревянное зодчество Карелии. Л.: Стройиздат, 1972, с. 46—47.

⁵ У карел культ священного мирового дерева, возникший, судя по Калевале, при первобытнообщинном строе (Калевала — Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1956, с. 11, 55—56), во многих своих проявлениях сохранился до XX в. (Вольтер Э. А. Крестовые сестры. К вопросу о некроulte у финских народностей. — Живая старина. Спб., 1915, т. XXIV, с. 33—35; Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, с. 76).

⁶ Орфинский В. П. Карельское деревянное зодчество..., с. 66.

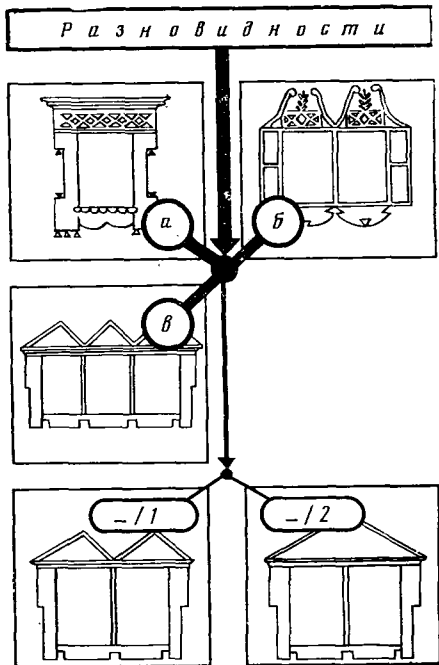
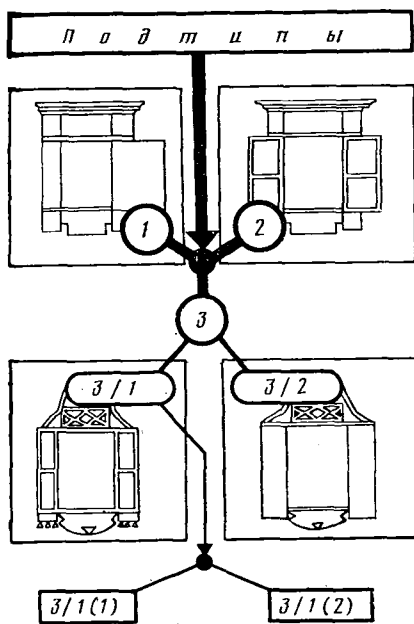

Рис. 4

Наконец, на уровне разновидностей и их вариантов отражены морфологические особенности наличников как количественные — по числу блокированных окон: а — одиночные, б — двойные, в — тройные, так и качественные — создание сложных наверший путем механической стыковки (—/1) или органического слияния (—/2) более простых.

В своей совокупности подсистемы «Сводной классификационной системы», структурно аналогичные описанным, позволяют детально классифицировать все многообразие деревянного зодчества, оперируя различными классификационными уровнями. Правда, такой традиционный подход к классификации не раскрывал потенциальных возможностей системы. При использовании же всех классификационных уровней одновременно возникали осложнения из-за невозможности удержать в памяти многочисленные подразделения взаимосвязанных подсистем. Поэтому возникла необходимость в разработке вспомогательных технических приемов, облегчающих практическое использование системы. Основой ряда таких приемов стал метод кодирования, ключом к которому послужили непосредственно классификационные подразделения системы в цифровом и буквенном выражениях. Кодирование в свою очередь позволило записывать в виде типологических формул все основные характеристики обследуемых объектов.

Для составления этих формул подразделениям сводной классификационной системы присвоены типологические индексы, которые обозначаются арабскими цифрами: для подразделений высшего уровня — типов — с одним предшествующим нулем (например: 01 — объемно-планировочная структура белений, 02 — застройка крестьянских усадеб, 03 — бани и т. д.); для структурно-функциональных частей построек — с двумя нулями (001 — жилые и 002 — хозяйственные части усадеб, 003 — главные помещения культовых построек и т. д.), для структурных частей — с тремя нулями (0001 — фундаменты, 0002 — стены, 0003 — полы и т. д.), для деталей — с четырьмя предшествующими нулями (00001 — кронштейны, 00002 — потоки, 00003 — курницы и т. д.).

Типологические индексы ставятся в левой части формулы, предшествуя классификационным номерам типологических групп (арабские цифры) и подгрупп (строчные буквы русского алфавита). В правой час-

ти формулы дается номера типов (заглавные буквы русского алфавита), подтипов (арабские цифры) и разновидностей (строчные буквы русского алфавита). Варианты и подварианты классификационных подразделений указываются в знаменателе буквенных и цифровых обозначений. При этом подварианты следуют за вариантами и заключаются в скобки, например: А/1(1) — первый подвариант первого варианта типа А.

В тех случаях, когда рассматриваемые объекты характеризуются сложным сочетанием признаков, в типологических формулах соответствующие показатели суммируются.

Между левой и правой частями типологических формул ставится тире, а отдельные показатели в формулах разделяются запятыми (например, в общем виде 01, 2, а — А, 1, а). В случае отсутствия в частной классификации каких-либо классификационных подразделений соответствующие показатели в типологической формуле опускаются (например 00004 — А, 1, а). При рассмотрении отдельных показателей, стоящих в левой или в правой частях формулы, во избежание путаницы при их кодовой записи ставятся тире: в первом случае справа от соответствующего показателя, во втором — слева от него (например, «1—» — первая типологическая группа, «—1» — первый подтип)⁷. Кодирование позволило применить перфокарты для накопления и обработки информации⁸.

Но всего этого оказалось мало из-за необходимости сплошной фиксации сохранившихся сооружений народного деревянного зодчества — как потенциальных памятников архитектуры, так и построек, донесших до нас отдельные традиционные приемы и детали. Такая необходимость закономерно вытекает из постановления Совета Министров РСФСР 1980 г. «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры» в свете Закона СССР и Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В нем, в частности, запрещался снос старых деревянных строений, имеющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, до обследования их органами охраны памятников. Но в условиях Русского Севера выполнить последнее требование отнюдь не просто из-за большого количества сохранившихся традиционных построек, разбросанных на обширной территории, и недостатка специалистов, способных квалифицированно судить об их ценности.

В мае 1978 г. пленум ЦС ВООПИК, рассматривая проблему охраны памятников истории и культуры в сельской местности РСФСР, рекомендовал в первую очередь обследовать все виды памятников и провести инвентаризацию сселяемых селений для выявления культурных ценностей, подлежащих сохранению и определению форм их охраны и использования. Такая очередность разрешения проблемы закономерна: никто не может сохранять нечто неведомое ему самому.

Вот почему сплошное, а не практиковавшееся до последнего времени выборочное обследование историко-архитектурного наследия стало первоочередной задачей в деле его охраны и использования. Но, как уже отмечалось, решение этой задачи упирается в недостаток специалистов. Поэтому и возникали предложения привлекать к обследованиям студентов — основной резерв потенциальных исследователей. Правда, на практике такое привлечение нередко оказывалось малоэффективным из-за низкой степени достоверности получаемых результатов. Но последнее обстоятельство порочит не идею, а лишь способы ее реализации: привлекая студентов к исследовательской работе, необходимо, чтобы их усилия направлялись в нужное русло специальным набором пра-

⁷ См. Орфинский В. П. Метод кодирования и изучения памятников деревянного зодчества Русского Севера. Петрозаводск: Карельский Центр научно-технической информации, 1977, информ. листок № 11—77.

⁸ Приемы работы с перфокартами применительно к историко-архитектурному исследованию см. Плужников В. И. Типологическое сравнение памятников архитектуры. — В кн.: Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры, в. IV. М., 1976.

виз — своеобразие «канвой», позволяющей вполне однозначно в определенной последовательности проводить обследование с гарантией полноты и объективности фиксируемых характеристик. «Сводная классификационная система» содержит необходимые для этого предпосылки: иерархичность типологической структуры предопределяет последовательность обследования (от высшего уровня к низшему), а ее детерминированность, разветвленность и конкретность, облегчая процесс классификации (сопоставление реалей с классификационными подразделениями), закономерно повышает достоверность получаемых данных. Таким образом, требовалась лишь отработка научно-практических методов и приемов, позволяющих реализовать заложенные в классификационной системе предпосылки с тем, чтобы превратить ее в алгоритм для исследователей деревянного зодчества.

Первый удачный эксперимент был проведен уже в 1975/76 учебном году, когда группа студентов 2-го курса строительного факультета Петрозаводского государственного университета быстро и, главное, точно классифицировала и записала в виде типологических формул основные характеристики нескольких объектов Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи». При этом студенты использовали типологические справочники с вписанными в них в определенной последовательности классификационными подсистемами, основные типологические индексы которых были вынесены на наружную грань листов, имеющих специальные вырезы.

При последующих массовых испытаниях оказалось, что крупногабаритные справочники (21×30 см) не совсем удобны для работы в полевых условиях, особенно в ненастье, а в расшифровках классификационных подразделений допущены разночтения. И вот студенты университета, превратившиеся к этому времени в экспериментаторов, в качестве приложения к типологическому справочнику разработали иллюстрированные карманные (11×15 см) кодировочно-классификационные таблицы для наиболее массовых и структурно-сложных объектов⁹. Окончательный вариант таких таблиц получил широкую практическую апробацию в ходе работы Карельской комплексной историко-архитектурной и этнографической экспедиции Министерства культуры Карельской АССР, которая за два летних сезона 1979 и 1980 гг. впервые на Русском Севере провела инвентаризацию всего историко-архитектурного наследия такого значительного региона, как Карелия. При этом за 4 летних месяца (по 2 месяца ежегодно) два отряда экспедиции, преодолев путь общей протяженностью около 20 тыс. км, детально обследовали и зафиксировали в виде типологических формул, фотографий и в необходимых случаях схем 670 поселений и 5555 традиционных построек.

Если учесть, что в состав экспедиции входили преимущественно люди, впервые принимавшие участие в обследовании деревянного зодчества¹⁰, станет очевидным, что только благодаря методу кодирования с помощью типологических справочников и кодировочно-классификационных таблиц удалось выполнить такой беспрецедентный объем работ.

В процессе разработки «Сводной классификационной системы приемов форм и деталей деревянного зодчества» некоторые специалисты априорно высказывали сомнения в возможности ее распространения на другие регионы Русского Севера, мотивируя свой скептицизм «громоздкой разветвленностью» системы и «ее связью с локальной архитектурой

⁹ Авторы иллюстрированных кодировочно-классификационных таблиц — студенты Петрозаводского университета Е. Боброва, О. Васякович, М. Горностаева, М. Кочеткова, Л. Степанова, Т. Хрод.

¹⁰ В Карельской комплексной экспедиции Министерства культуры КАСР, возглавлявшейся автором, участвовали преподаватели и студенты Петрозаводского университета, проектировщики (преимущественно техники-архитекторы) института «Карелгражданпроект», этнографы и искусствоведы Государственного историко-архитектурного и этнографического музея «Кижи» и Музея изобразительных искусств Карельской АССР, сотрудники Карельской специальной научно-реставрационной производственной мастерской.

Карелии». Однако, как показали проводившиеся под руководством автора экспедиции в юго-западную часть Архангельской (1981 г.) и Ленинградскую области (1982 г.), система может быть успешно использована и за пределами Карелии. При этом для классифицирования специфических местных особенностей и деталей в соответствующие подсистемы вводились дополнительные варианты и подварианты основных типологических подразделений, без корректировки системы в целом, для чего последняя, как уже отмечалось, с самого начала конструировалась как система открытая. Важно подчеркнуть, что, как свидетельствуют экспедиции 1980—1982 гг. по Беломорскому Поморью преподавателя Петрозаводского университета П. П. Медведева, такая система может быть применена не только при обследовании традиционных крестьянских построек земледельческих поселений, но, при условии дополнительной конкретизации некоторых типологических подразделений, и для классификации деревянных сооружений в промыслово-рыболовецких селах, ориентированных на иной хозяйственно-бытовой уклад и несколько видоизмененную материально-техническую базу строительства.

Использование «Сводной классификационной системы» в качестве кодификатора при обследовании народного деревянного зодчества облегчает решение и другой важнейшей задачи — обработки поступающей в ходе обследования информации. Если на первом этапе такая задача как уже отмечалось, решалась с помощью ручных перфокарт, позволивших экономить время при поиске необходимых данных и сравнивать объекты по довольно сложным сочетаниям признаков¹¹, то после завершения инвентаризации деревянного зодчества Карелии появилась необходимость дальнейшего усовершенствования процесса накопления и обработки информации, для чего в Петрозаводском университете кафедрой архитектуры совместно с вычислительным центром проводится работа по использованию для этой цели ЭВМ¹².

Как и в случае с перфокартами, структура типологической системы деревянного зодчества и составляющих ее подсистем позволила сохранить при машинной обработке информации все классификационные подразделения и лишь для сложных типологических формул, характеризующих сочетание многих признаков, применить дополнительные символы. Для введения соответствующей информации в машинную память на специальных инфокартах в табличной форме записываются шифр ареала, нумерация позиций в альбомах обследований, типологические формулы исследуемых объектов и их элементов.

С помощью ЭВМ можно проанализировать материалы обследований практически по неограниченному сочетанию признаков, наметить территориальные ареалы всех без исключения выявленных приемов, форм и деталей деревянного зодчества, вскрыть все существующие корреляционные связи, т. е. создать вполне объективную базу для широких научных обобщений и выводов.

Все исследователи деревянного зодчества неизбежно сталкиваются с проблемой хронологической атрибуции памятников, которые при отсутствии документальных данных обычно датируются с помощью архитектурно-конструктивного анализа, опирающегося в основном на личный опыт и интуицию исследователей. Кроме того, часто применяется визуальная оценка состояния древесины, являющаяся достаточно достоверной лишь при определении относительного возраста частей сооруже-

¹¹ Общая структура классификационной системы и тождественность структурного построения входящих в ее состав подсистем облегчили применение перфокарт, позволив (при перфокартах К-5), несмотря на значительный объем закодированной информации, использовать только наружную дорожку перфорации.

¹² Общее руководство работой осуществляет начальник университетского вычислительного центра Н. С. Рузанова. В 1982 г. непосредственными исполнителями являлись студенты строительного факультета университета Е. Боброва, М. Горностаева, О. Новик, Е. Сапук, И. Смирнова, О. Шубина и студенты физико-математического факультета К. Марусенко и А. Минин. С 1982 г. к работе подключен преподаватель П. П. Медведев.

нии. В отдельных случаях полезным бывает опрос местных жителей, анализ утвари и оборудования и т. д.

Как показал опыт Карельской комплексной экспедиции, более достоверные результаты дает архитектурно-археологический метод датировки сооружений¹³, опирающийся на закономерности эволюционного развития архитектуры с учетом совокупности объективных признаков, подразделяющихся на две группы: признаки, имеющие хронологические ареалы, и признаки, временные зоны распространения которых четко не ограничены. Первые позволяют определять абсолютные временные интервалы и являются основными при датировке построек, вторые могут служить лишь относительными критериями и в большинстве случаев играют второстепенную роль. В свою очередь хронологические ареалы первой группы признаков подразделяются на следующие зоны: 1 — зоны наиболее вероятного распространения, охватывающие промежутки времени, в которые соответствующие признаки являлись преобладающими; 2 — зоны вероятного распространения, где рассматриваемые признаки хотя и не преобладали, но встречались достаточно часто; 3 — зоны маловероятного распространения, в которых такие признаки встречались в порядке исключения. Для практического применения данного метода используются таблицы с графическим изображением соответствующих хронологических зон — архитектурно-археологическая шкала, путем сопоставления с которой анализируемых приемов, форм и деталей определяется весь возможный диапазон и наиболее вероятные интервалы датировок соответствующих сооружений.

При датировке обязательно должны учитываться следы всех реконструкций в их хронологической последовательности, а для культовых построек, кроме того, иконографические данные (например, подписные иконы). Полезен также композиционный анализ иконостасов, включающий определение размеров икон и следов их подгонки. Важным признаком является одновременность записи икон иконостаса, обычно соотносимая во времени с реконструкцией или ремонтом сооружений.

Правильной датировке способствуют также некоторые побочные признаки (монеты, иногда закладываемые при строительстве под косяки или вершники дверных колод, газеты, используемые для оклейки стен под обои и т. д.), точно ограничивающие нижний предел и служащие косвенным ориентиром для суждений о верхнем пределе возможных датировок постройки или ее реконструкции.

В силу статистического способа определения хронологических ареалов характеризуемые ими временные интервалы имеют степень вероятности, зависящую от объема статистической базы. Поэтому с учетом современной изученности вопроса для условий Карелии метод архитектурно-археологической датировки можно признать достаточно достоверным. Что же касается других регионов Русского Севера, то и для них этот метод, предполагая необходимость широкой экспериментальной проверки, все же позволяет наметить хронологические ориентиры и является в целом надежным средством объективизации историко-архитектурных обследований. Подтверждение тому — натурное изучение автором ряда объектов на сопредельных с Карелией территориях, а также широкий анализ литературно-иконографических источников и фотоархивных материалов.

Инвентаризация деревянного зодчества Карелии подтвердила перспективность комплексного подхода к изучению народной культуры благодаря возможности непосредственного сопоставления данных, полученных при методически однородных обследованиях различных проявлений архитектурно-строительной деятельности народа (жилых, хозяйст-

¹³ Орфинский В. П. Датировка памятников деревянного зодчества Русского Севера. Петрозаводск: Карельский Центр научно-технической информации, 1977, информ. листок № 16—77. Прецедентом использования описанного метода датировки был архитектурно-археологический анализ культовых построек Заонежья, выполненный финским исследователем Ларсом Петерссоном (*Pettersson L. Aänisniemen kirkkollien puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950*).

мещения различных ракурсов обследования (историко-архитектурных, этнографических, искусствоведческих). И если первое слагаемое успеха явилось следствием преодоления элементаристского подхода к изучению народного зодчества, то второе — результат совместной работы по единой методике различных специалистов.

Применение комплексной методики обследований при изучении народной культуры как целостной системы, одной из подсистем которой является народное зодчество, думается, может выявить наиболее общие закономерности и тенденции культурного развития и разрешить ряд загадок, особенно на стыках научных дисциплин. При создании такой обобщающей методики, по-видимому, могут быть использованы некоторые изложенные выше методические принципы историко-архитектурных обследований, и в первую очередь опыт применения типологически-кодировочных справочников, архитектурно-археологической шкалы, позволяющих однозначно решать исследовательские задачи, способные меняться в зависимости от ракурса исследования, но неизменно сохраняющие свою детерминированность.

Впрочем, и до создания такой всеобъемлющей методики существует ряд возможностей расширения межнаучных контактов в деле изучения народной культуры. Одна из таких возможностей — ареальные исследования. В самом деле, по материалам Карельской комплексной экспедиции с учетом исторически сложившихся территориальных подразделений республики, физико-географических условий, этнокультурных особенностей населения, ареалов основных приемов, форм и деталей деревянного зодчества было намечено в первом приближении территориальное зонирование Карелии, включающее 11 территориальных зон, подразделенных на подзоны. Высокая степень детализации предложенной схемы зонирования позволяет не только территориально локализовать все, даже мельчайшие особенности народного деревянного зодчества Карелии, но и облегчает сопоставление объективных данных, полученных в результате исследования различных областей материальной и духовной культуры народов региона. Это подтвердила научная конференция в Петрозаводске (1981 г.)¹⁴. Несмотря на то что она была итогом параллельно проводившихся независимых исследований — комплексных историко-архитектурных и этнографических, чисто этнографических, искусствоведческих, фольклористических и фольклорно-музыковедческих, лингвистических, простое сопоставление выявленных в процессе таких исследований ареалов пролило свет на некоторые важные аспекты сложнейшей проблемы взаимодействия местных культурных традиций контактирующих этнических групп населения Карелии.

Итак, сводная классификация приемов, форм и деталей деревянного зодчества и научно-прикладной по отношению к ней метод кодирования уже стали применительно к Карелии и сопредельным областям Русского Севера достаточно надежным инструментом для более эффективных обследований сооружений деревянного зодчества, получив практическую апробацию в ходе историко-архитектурных экспедиций. Они оказались достаточно полезными при обработке архивных и литературных источников, ибо сокращали время на фиксацию необходимых сведений, и особенно при хранении и последующей обработке информации благодаря применению перфокарт и в перспективе — ЭВМ. Думается, что рассмотренные классификация и метод кодирования могут оказаться полезными и для исследователей деревянного зодчества в целом, а их применение, возможно, стать прецедентом при разработке единой методики комплексного изучения традиционной народной культуры, призванной объединить усилия специалистов смежных научных дисциплин.

¹⁴ См.: Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии (Тезисы докладов). Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, Союз композиторов КАССР, 1981; Криничная Н. А. Конференция «Местные традиции материальной и духовной культуры Карелии». — Сов. этнография, 1982, № 1.

Л. М. Дробижева

АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА: СОЮЗ С СОЦИАЛЬНЫМИ ПСИХОЛОГАМИ*

В ходе нашей дискуссии сложилась ситуация, в чем-то схожая с той, которая была в 60-х годах, когда обсуждался вопрос о предмете социальной психологии и соотношении ее с социологией и психологией. Актуальность социальной психологии была очевидной; и та и другая родительские дисциплины готовы были развивать ее в своем лоне; вопрос заключался в том, быть ли ей направлением внутри них или между ними. Споры решила сама жизнь. Социально-психологические исследования осуществляются и социологами, и психологами, но, судя по тому, что выходят специальные монографии и учебные пособия по социальной психологии, она сложилась также как самостоятельная междисциплинарная наука. Однако в зависимости от того, исследуются ли социально-психологические явления и процессы социологами или психологами, меняются и подход к их изучению, и в известной мере проблематика. То же и в этносоциологии: социальные проблемы в жизни народов изучаются социологами, этнические явления в социальном разнообразии — этнографами. Аналогичная ситуация складывается и с этнопсихологией, с той лишь разницей, что в этносоциологии конкретные исследования ведут как этносоциологи, так и этнографы, а в этнопсихологии делаются первые шаги, причем психологи разрабатывают проблематику, как можно судить по литературе, лишь теоретически. Призыв И. С. Кона к союзу с психологами справедлив, но мне представляется очень важным подчеркнуть, что необходим союз именно с социальными психологами.

Поскольку наша дискуссия должна в известной мере стимулировать исследования в области этнопсихологии, дать им новые импульсы, представляется целесообразным еще раз вернуться к стоящим перед нами задачам. О них говорилось во вступительной статье А. Ф. Дашдамирова, целью которой было наметить методологический подход к изучению этнопсихологических проблем. Поэтому-то в ней не было необходимости обращаться как к примерам психологии отдельных народов, так и к конкретному, операциональному раскрытию тех или иных понятий (см. об этом в выступлении В. И. Козлова и А. А. Леонтьева — «Сов. этнография», 1983, № 2).

Интерес к этнопсихологическим проблемам растет не только в связи с идеологическими задачами, воспитанием интернационализма в условиях закономерного роста национального самосознания. Для управления нашим многонациональным обществом, понимания закономерностей социального поведения людей разных национальностей, их коллективной деятельности — интраэтнической и межэтнической, гуманизации общества необходимо прежде всего выявление ценностных ориентаций, настроений, мнений, мотивов поведения, нравов, привычек, установок, изучение межэтнических взаимодействий, общения и т. п., а значит, развитие социальной, в том числе этнической, психологии. О том, что именно данные явления и процессы должны стать и в известной мере уже стали предметом исследований, говорили практически все участники дискуссии. Но как их изучать?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, что мы принимаем за объект исследования: народ, этнос и личность, включенную в группу (этнос), или индивидов. Если мы возьмем этнос и личность, включен-

* Начало дискуссии см.: Сов. этнография, № 2, 3.

психики народов и особенности поведения личности, определяемые культурой; если объектом становится индивид, то предметом исследования будут свойства индивидов, являющихся членами общества или группы. При психологическом подходе к их изучению, как отмечалось в дискуссии, нужны экспериментально-психологические методы, применение которых репрезентативно для наций, особенно многочисленных, практически вряд ли возможно. «Этносы — не индивиды», — повторим за С. А. Арутюновым («Сов. этнография», 1983, № 2).

Сравнительное изучение протекания психических процессов у представителей разных обществ возможно в рамках психологических методик; однако их не удастся на практике сочетать с методиками, обеспечивающими исследование собственно этнопсихологической проблематики (по И. С. Кону) или социально-психологической в узком значении (по Ю. В. Бромлею), а следовательно, и осуществить комплексный подход к изучению объекта на операциональном уровне в эмпирических исследованиях.

В связи с задачами, стоящими перед учеными, которые занимаются национальными проблемами, важно развивать этнопсихологию в направлении исследования психических процессов, непосредственно связанных с формированием, осознанием и поддержанием людьми (личностями) этнической идентичности (собственно этнопсихологическое направление по И. С. Кону), включив также изучение массовидных явлений психики наций, в том числе общественного мнения, настроений, национальных интересов, ценностных ориентаций, доминирующих в той или иной этнической среде и т. п. (в данный момент мы имеем очевидный факт: когда все эти явления и процессы стали по мере возможностей изучать этносоциологи, что в общем-то вполне соответствовало их задачам, исследования их сразу же зачислили в этнопсихологию).

В выступлении И. С. Кона («Сов. этнография», 1983, № 3) хотелось бы как раз поддержать мысль о значимости *всех* направлений в изучении этнопсихологических явлений при дальнейшем совершенствовании методик и его призыв к междисциплинарной кооперации. Но, подчеркнем, кооперация все же нужна прежде всего с *социальными* психологами. Постараюсь пояснить свою точку зрения. В личности, например, выделяются, как известно, и такие компоненты, как ощущения, память, мышление, способности, типы нервной системы (они фиксируются экспериментально, методики их изучения не рассчитаны на массовое применение), и такие, как направленность личности, социокультурные потребности, интересы, ценностные ориентации, убеждения, мировоззрение. С группой личность связана на уровне всех компонентов, но степень связи, а главное, значимость нейропсихологических и психофизиологических характеристик, с одной стороны, и социально-психологических и социологических, с другой, существеннейшим образом различна для жизнедеятельности этноса как системы.

Не случайно Г. В. Старовойтова, которая считает, что есть врожденные особенности психических функций, обусловленные этнической принадлежностью («Сов. этнография», 1983, № 3). Однако, переходя на личностный уровень, среди психофизических характеристик, в которых «группируются этнопсихологические явления», она ничего, кроме темперамента, не называет. Темперамент может влиять на стиль поведения, взаимодействия, но не *определяет* их. Решающее же влияние на них оказывают ценностные ориентации, потребности, интересы и убеждения. Акцентация внимания на психофизиологических характеристиках личности, имевшая место в 50-е годы, как известно, впоследствии не была принята социально-психологической наукой². А она касалась

¹ Включение в поле зрения этнопсихологии индивида нам кажется вообще не соответствующим социально-психологическому подходу, и смешение этих двух терминов в ходе дискуссии иногда затрудняло понимание позиций авторов.

² См. Платонов К. К. Личность как объект социальной психологии. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975, с. 81.

только личности, этнопсихологи же изучают этнос-группу. Личность становится объектом этнопсихологии лишь как включенная в группу, что определяет специфический подход к ее анализу. Аналогичная проблема стояла в социальной психологии. Психологи тоже считают, что нельзя рассматривать личность вне социальной детерминации, «как изъятую из общественных отношений, из жизни общества»³ — в этом знаменательная черта советской психологии. Но, как пишет Г. М. Андреева, у социальной (в том числе этнической — Л. Д.) психологии есть свой подход: «Как конкретно действует личность в различных реальных социальных группах... Она (социальная психология — Л. Д.) должна не просто ответить на вопрос о том, как формируются мотивы, потребности, установки личности, но почему именно такие, а не иные... в какой мере это зависит от группы, в условиях которой личность действует»⁴.

Кроме того, если объектом этнопсихологии мы считаем этнос, то этим научным направлением должно обеспечиваться исследование и специфически социально-психологических проблем — внутrigрупповых и межгрупповых межличностных отношений, форм складывающегося общения, взаимодействия, которые не решаются общей психологией (если не представлять ее расширительно — как включающую все проблемы социальной психологии). В то же время в ней часть проблем относится к изучению индивида. Какие же основания включать в этнопсихологию все направления, отражающие общепсихологическую рубрику? (см. выступление Г. В. Старовойтовой). Г. В. Старовойтова, выступая с этим предложением, сама считает этнопсихологию разделом социальной психологии и включает специфически социально-психологическую проблематику в ее предметную зону.

То же различие общепсихологического и социально-психологического подхода прослеживается и при изучении конкретных психологических проявлений. Все участники дискуссии включали, например, установки, потребности в предмет этнопсихологических исследований. Но сами установки и потребности, как известно, разные, и в них самих есть различные компоненты. Скажем, элементарные фиксированные установки, проявляющиеся в простейших ситуациях и сложившиеся на основе витальных потребностей, обычно неосознаваемые (они осмысливаются в случаях, когда возникают препятствия для их реализации), а социальные установки содержат не только эмоциональные, но и когнитивные (рациональные) компоненты, сложившиеся на основе предшествующего опыта, под влиянием социокультурных норм, а также поведенческие компоненты. При этом эмоциональные компоненты (централизованность) будут влиять на отношение (установку), но не определять его. (Можно не питать никакой симпатии к гостю, но в силу традиции оказывать ему почтение).

В более значимой общественной среде поведение людей регулируется так называемыми базовыми установками, выражающими, как считает В. А. Ядов, общую направленность интересов личности⁵, ценностными ориентациями. С точки зрения общепсихологического подхода важно экспериментально изучить все установки и все компоненты. С точки зрения социально-психологической (этнопсихологической) изучаются социальные (но не элементарные) установки, а этническая специфика самым существенным образом обнаруживается в когнитивных и поведенческих ее компонентах. Исследование фокусируется на причинах формирования тех или иных установок, на том, в какой мере это зависит от социальной среды и ситуаций. Психолог идет в глубь конкретной личности (Аминова, Иванова, Меликишвили) и интересуется, как сложилось отношение, скажем, к прошлому своего народа, к лицам иных национальностей, какое при этом имеет значение тип личности — авторитарный, маргинальный и т. д. Выясняется, насколько человек реагирует на окру-

³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975, с. 82.

⁴ Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1980, с. 22—23.

⁵ Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии, с. 99.

показую среду или способен абстрагироваться от нее, склонен ли он к подражанию или к самостоятельным действиям, его темперамент, его личный жизненный опыт, связанный со средой.

Этнопсихолога должно интересовать *прежде всего*, насколько нормы этнической среды, традиции, современное общественное мнение программируют эти установки, какую роль здесь играют социальные интересы или культурные традиции и т. п.

В потребностях также выделяются психофизиологические (или витальные) и социальные⁶. Примениительно к людям той или другой национальной принадлежности это могут быть потребности в общении с лицами своего этноса, в познании культуры своего народа и, наконец, общественные потребности. Характерный пример таких потребностей приводит Н. Я. Эйдельман, повествуя о русской мыслящей публике начала XIX в.: «Итак, в 1800-х годах ощутима та общественная, национальная (курсив Н. Я. Эйдельмана — Л. Д.) потребность, которая, конечно, не в один день развилась; потребность исторического осмысления самих себя, своего места в родной и мировой истории, своего будущего, которое существует уже сегодня, зывая, чтобы его разглядели»⁷. Для характеристики социально-психологической жизни народа, конечно же, именно социальные потребности, интересы, ценности, цели, воспринятые лицами той или иной национальности, — важнейший предмет исследования. Ведь именно они вместе с идеологией сплавивают, солидаризуют народы.

Каждая нация, народность могут существовать лишь при внутригрупповом общении и межличностных отношениях. Следующий важный блок тем — это межличностные отношения и общение в группах-этносах. Этносоциологи пока изучали проблему межнациональных личностных отношений. Но практически не разрабатывались проблемы межличностных отношений и общения внутри этнической общности.

Что касается общения, то речь идет не только о выявлении этнических особенностей в манере непосредственных контактов людей, этике общения той или другой общности⁸, а об изучении его в более широком социально-психологическом плане. Обратим внимание на необходимость уяснения соотношения межличностных отношений и общения, а также его структуру. Если в социально-психологической литературе эти явления выделяются и соподчиняются, причем они занимают очень большое место — в учебной и научной литературе им посвящаются специальные разделы⁹, то в этнографической, исторической литературе, работах по научному коммунизму они в лучшем случае просто перечисляются, а нередко и подменяются. Относительно межличностных национальных отношений уже приходилось высказываться, и они, как известно, в методологическом и конкретно-эмпирическом плане освещались шире: показано, что межличностные национальные отношения не ограничиваются только контактом, а вплетены в более широкую систему общественных отношений в социальной системе; определены сферы их проявления, характер, возможные типы отношений (дружественный, нейтральный, конфликтный) и факторы, определяющие эти типы.

Межнациональные отношения находят проявление в общении. Отношение, как известно, может складываться у людей не только к межличностным контактам, но и к персонифицированным социальным институтам и учреждениям, а также к явлениям и событиям общественной жизни¹⁰.

⁶ Потребностями и механизмами преобразований их и целей действия во внутренне осознанное побуждение и мотив, как известно, успешно занимался А. Н. Леонтьев (см. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и сознание. — Симпозиум 13. XXIII Международной психологической конгресс. М.: Наука, 1966, с. 9 и др.).

⁷ Эйдельман Н. «Последний летописец». — Новый мир, 1983, № 2, с. 205.

⁸ См. Баженов Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.

⁹ См., например, Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971; Андреева Г. М. Указ. раб.

¹⁰ См. подробнее: Мясцев В. Н. О взаимосвязи общения, отношения и обращения как проблемы общей и социальной психологии. — В кн.: Социально-психологические

Общение же есть форма и способ связи между людьми, процесс реализации отношения в социальной деятельности.

Общение обеспечивает внутриэтнические и межэтнические связи. На значимость этнических связей в этнических процессах, особенно в современных условиях, уже не раз обращалось внимание¹¹, тем не менее *механизмом передачи* информации в ходе межэтнических контактов пока никто конкретно не занимался. Этнографы обычно описывают уже результаты взаимодействия этносов — проникновение тех или иных элементов культуры одного народа в быт другого. В этнографической и этносоциологической литературе фиксируются факты общения (межнациональные браки, соседские, деловые контакты), но сам механизм общения, и в том числе передачи информации, не изучался. Между тем важность данной проблемы очевидна и потому, что без исследования ее нельзя полно представить этнические процессы, и потому, что практика дальнейшего совершенствования социалистического образа жизни в связи с расширением национальных контактов требует совершенствования культуры внутринационального и межнационального общения¹².

Социальные психологи выделяют три стороны, или параметра, общения. Б. Д. Парыгин пишет о психическом контакте, возникающем между людьми и реализующемся в процессе их взаимного восприятия; обмене информацией посредством вербального или невербального общения; взаимодействии и взаимовлиянии¹³. Г. М. Андреева включает в структуру общения три взаимосвязанных стороны: коммуникативную (обмен информацией), интерактивную (состоящую в организации взаимодействия, т. е. не только обмене знаниями, идеями, но и действиями) и перцептивную, означающую процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания¹⁴.

Казалось бы, для этнографии достаточно изучение лишь обмена информацией и взаимодействий между людьми, что соответствовало бы, видимо, представлению о коммуникации как процессе обмена информацией¹⁵. Такой подход в последнее время уже «взят на вооружение», как можно судить по дискуссии, статьям и готовящимся диссертациям. Однако с точки зрения этнопсихологической и этносоциологической, важно в методологическом отношении и при практическом осмыслении эмпирического материала не упустить существенный момент, а именно: констатируя формально передачу информации, не забывать, что при общении *людей* любая информация не только передается и воспринимается, но и формируется. Поэтому было бы упрощением рассматривать общение просто как передачу информации. Селекция ее зависит от многих факторов, в том числе единства системы значений, готовности воспринимать (доверие, недоверие) и т. д. В этой области также необходим учет социально-психологических знаний. Итак, этнопсихология, на наш взгляд, может успешно развиваться этнографами, философами, историками лишь в союзе с этносоциологами и *социальными* психологами.

и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми (Тезисы Всесоюзного симпозиума 1—3 декабря 1970 г.). Л.: Изд-во ЛГУ и ЛГПИ, 1970. с. 114; Парыгин Б. Д. Указ. раб., с. 190, 192.

¹¹ См. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977; Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. № 2. М.: Наука, 1972.

¹² См. постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Правда, 21 февраля 1982 г.

¹³ Парыгин Б. Д. Указ. раб., с. 97—98.

¹⁴ Андреева Г. М. Указ. раб., с. 97—98.

¹⁵ Специальное внимание на это обращено в указанной статье С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова.

Когда мы рассматриваем конкретные примеры проявления этнической психологии, кажется, что все знаем об этой науке, для нас несомненно наличие у каждого этноса специфических психологических черт. Однако уже разработка методики изучения этнической психологии вызывает большие трудности. Об этом свидетельствует и дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» вокруг статьи А. Ф. Дашдамирова («Сов. этнография», 1983, № 2).

Высказывается точка зрения, что, поскольку это «психология», ее следует изучать методами психологической науки. Однако определение «этническая» концентрирует наше внимание на специфике этой науки — на психологии этноса, а этнос, точнее, отдельные его стороны изучаются представителями самых различных наук. Следовательно, интересующая нас проблема имеет междисциплинарный характер. И естественно, что на эмпирическом уровне каждая наука будет своими традиционными методами исследовать психологию конкретных этносов, пытаясь воссоздать определенные, близкие предмету этой науки черты единого, цельного портрета этноса¹.

Уже наши предки обратили внимание на черты, отличающие одни народы от других («здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»), на необходимость внимательного отношения к этим различиям («в чужой монастырь со своим уставом не лезут»)². Некоторые современные ученые эту специфику возводят в абсолют, пытаясь определить этнос, нацию как «союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей»³. Поиски различий идут по всем направлениям. Вот одно из них: «Разум одинаков, но используется людьми различно, согласно их расовому, культурному и социальному положению. Все люди равны между собой по разуму, но не по форме использования этого разума, что опять же отделяет одних людей и одни народы от других»⁴.

Марксистско-ленинская теория исторического развития, признавая единство всемирно-исторического процесса, единство человеческой культуры, закономерностей ее развития, ни в коем случае не отрицает национального многообразия, этнической специфики, проистекающих прежде всего из своеобразного, в своем роде уникального историко-культурного опыта этноса⁵.

На изучение этнической психологии претендуют ныне психологи, философы, языковеды, литературоведы, фольклористы, этнографы, истори-

¹ Изучение этнической психологии требует уточнения терминологии, связанной с психологией и с этнографией. Традиция заставляет употреблять термин «этническая психология», но, несомненно, более точны и предпочтительны такие термины, как «этническая психика», «психические особенности этноса». Если первый стоит в одном ряду с такими названиями наук, как «этническая география», «этническая лингвистика» и т. д., то второй должен обозначать сам феномен как объект изучения. См.: Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику. — Сов. этнография, 1983, № 3, с. 67—75.

² В первом определении заключено реальное постоянное противопоставление: «мы и не мы». В этом аспекте могут быть рассмотрены и самоназвания многих народов. Так, у многих аборигенов Приамурья и Сахалина основным самоназванием является термин, обозначающий в переводе «местный человек», «человек» («мы — люди»): «н-най» — у нанайцев, «нани» — у ульчей, орочей и ороков, «элькан бэйнини» или «элэкэм бэйа» — у негидальцев, «нивх» — у нивхов. Оппозиция «свой — чужой» — важная проблема этнопсихологии. См., например: *Cata A. Stosunek swój — obcy w kulturze ludowej. — Ethnografia polska. Wrocław, Warszawa, 1982, t. XXVI, z. 2, s. 203—214.*

³ Об этом см.: Клюев Б. И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М.: Наука, 1978, с. 239.

⁴ Сед Л. Поиски латиноамериканской сущности. — Вопросы философии, 1982, № 6, с. 60.

⁵ См., например: Блэтраш Д. Наша цель: социализм цветов Франции. — Проблемы мира и социализма, 1982, № 8, с. 27—32; Бауэр Р. Закономерное — в богатстве опыта. Дialeктика общего и особенного в строительстве социализма. — Там же, с. 70—76.

ки, социологи⁶. И в этом нет ничего странного, ибо все эти науки и еще многие другие изучают человека, этносы, вернее, компоненты, характеризующие этносы. Однако окончательное обобщение выводов этих наук должен осуществлять этнограф. Таким образом, очевиден и представляется плодотворным междисциплинарный подход к исследованию проблемы. В этом случае границы, отделяющие психологию от смежных с нею наук, обозначены особенно нечетко⁷.

Психологии различных этносов могут быть разнообразными и обладать как положительными, так и негативными чертами. Очевидно, что последние формируются исторически, под влиянием конкретных причин, а поэтому являются преходящими. Вообще этническая психология не есть неизменная характеристика. Задача науки — вскрыть закономерности ее функционирования. Мне хотелось бы на конкретных примерах показать роль различных факторов в формировании этнической психологии и значение разных наук в ее изучении.

Общеизвестна взаимосвязь этнопсихологии с языком, мышлением, хотя эта проблема до сих пор обсуждается в науке. Но несомненно, народы отличаются прежде всего по языку, и закономерно, что в основу классификации народов в этнографии положен этнолингвистический принцип. Посредством общности разговорного языка люди осознают свое единство.

В Сингапуре у китайцев нет единого языка, все его жители говорят на диалектах тех провинций Китая, откуда вышли их предки. Связи по языку среди сингапурских китайцев являются или совсем недавно были более сильными, чем многие другие⁸. В литературе отмечалось, что бурятские буддисты были недовольны своими ламами прежде всего потому, что они пренебрегали родным языком, заменяли его при богослужениях непонятным для бурят и, как они считали, их духов тибетским языком. К тому же ламы игнорировали национальные обычаи, презирали предания старины и т. д.⁹

В письменности также находят отражение не только законы и дух языка, но и самосознание народа, его этническая психология. Даже виды письменности, заимствованные или созданные на заимствованной основе, со временем воспринимаются как свои, специфические (например, уйгурское письмо у монголов).

Советский лингвист Е. Д. Поливанов в свое время ввел такое понятие, как психофонетика, понимая под этим отношение языкового мышления этноса к известным качествам звуков. Он подчеркивал, что отнюдь не все физиологические и физические различия между звуками имеют одну и ту же ценность для языка как средства общения. Вот к какому выводу он пришел: «Отношение языкового мышления к известному качеству звука может быть различно»¹⁰. Так, русский человек прекрасно различает звуки «р» и «л», тогда как для китайца или японца такое

⁶ Об этом см.: Мэнюел Ф. Е. О пользе и вреде психологии для истории. — В кн.: Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977, с. 262—288; Тудэв Л. Национальное и интернациональное в монгольской литературе. М.: Наука, 1982; Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии. — Сов. этнография, 1983, № 1, с. 3—16; Громыко А. А., Старушенко Г. Б. Социальные и национальные факторы развития освободившихся стран. — Социол. исслед., 1983, № 1, с. 3—9. Не так давно И. В. Подберезский выступил с докладом «Филиппинская этнофилософия» (см. «Народы Азии и Африки», 1983, № 1), с. 155.

⁷ Это отмечалось, в частности, на симпозиуме «Понятийные основы психологии», состоявшемся в 1975 г. в Университете штата Небраска в США. Подробнее см. Wetherick N. E. The Foundations of Psychology. — In: Philosophical Problems in Psychology. L., 1979, p. 89—110.

⁸ Об этом см.: Решетов А. М. Сингапур. — В кн.: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1974, с. 232—252; Савенков Ю. Сингапурские этюды. М.: Наука, 1982.

⁹ Жамцаранов Ц. Краткий отчет о поездке к бурятам с научной целью, по поручению Русского Комитета. — Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., декабрь, 1906, № 6, с. 35.

¹⁰ Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, с. 214.

различие звуков чуждо¹¹. Известный русский монголовед А. Д. Руднев вспоминал своего знакомого китайца, работавшего в Китайском посольстве в Петербурге, который не мог различать такие русские слова, как был, бил, быть, пыл, пил, пыль, пиль, хотя помимо родного языка, в общем, сносно говорил по-русски и свободно по-французски¹². Психология китайца всегда была и до сих пор связана со спецификой китайского языкового мышления¹³. В свое время еще И. Г. Гердер отмечал: «Все рассказы о китайском языке сходятся в том, что он несказанно способствовал формированию всего облика народа с присущим ему искусным и сложным образом мыслей; ведь всякий язык — это сосуд, в котором отливаются, сохраняются и передаются идеи и представления народа»¹⁴.

Китайский язык теснейшим образом связан с символикой, которая пронизывает всю жизнь китайца. Эти символы — тоже часть китайского самосознания, формирующая психологию китайца. В известной мере правильным будет утверждение, что китаец мыслит символами. Например, в недавнем прошлом проводилась церемония торжественного обмывания ребенка на третий день после его рождения, в связи с чем перед изображением девяти богинь-покровительниц Цзюняннан ставились подношения — «радостные плоды». Название каждого предмета являлось символом-омофоном, т. е. фонетически звучало так, как общеизвестное благопожелание. Например, плоды личжи — «установить новую ветвь», т. е. продолжить род; плоды жужуба, цзаор — пожелание рождения сына; каштаны (лицзы) — получить наследника и т. д.¹⁵ Если на картине изображены плоды персика или ветви сосны, то именно китаец воспримет не только ее красоту, но и символику: персик — это символ и пожелание долголетия, бессмертия, а ветка сосны — символ долгой жизни.

Для вскрытия проявлений этнической психологии важны и факты политической истории. Так, самосознание корсиканского народа, основные принципы поведения корсиканцев, специфические черты их культуры, закреплявшие в совокупности специфику их этнопсихологии, уже сложились в полной мере к началу нового времени. В XVIII в. этот комплекс окреп в ходе борьбы против генуэзцев. Не сумев усмирить корсиканцев, Генуя продала остров Франции по договору 1768 г. Новые хозяева методами жестокого террора пытались добиться повиновения, однако корсиканцы не приняли и новых правителей. Когда же во Франции произошла революция и на Корсике стали утверждаться новые буржуазные порядки, жители острова начали склоняться к корсиканско-французскому единству, что способствовало формированию и закреплению корсиканско-французской этнической психологии. Этому в определенной степени благоприятствовало то обстоятельство, что во главе верховной власти во Франции в конце XVIII — начале XIX в. стоял Наполеон I — корсиканец по происхождению¹⁶. В XIX—XX вв. Корсика превратилась в один из самых бедных департаментов Франции, и это способствовало обострению корсиканского самосознания. В связи с этим корсиканцы начали добиваться по крайней мере регионального самоуправления, которое было им дано только в 1982 г. В свою очередь новая ситуация, видимо, будет консервировать ориентацию корсиканцев на их традиционные ценности, создавать благоприятную почву для поддержания специфики корсиканской этнической психологии.

¹¹ Подробнее см.: Поливанов Е. Д. Указ. раб., с. 215—217.

¹² Руднев А. Д. Материалы по говорам восточной Монголии. СПб., 1911, с. IX.

¹³ Подробнее см.: Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. — Тр. Ин-та востоковедения им. Н. Н. Нариманова при ЦИК СССР. Т. 15. М., 1930, с. 3—33.

¹⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977, с. 297.

¹⁵ Иванов А. И. Символический орнамент в Китае. Описание нефрита из коллекции А. В. Верещагина. — Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914, с. 175, 176.

¹⁶ Подробнее см.: Casanova A., Rovere A. Peuple corse, révolutions et nation française. P., 1979.

Географический фактор также оказывает влияние на становление психологии каждого этноса, формируя ее региональные отличия. Так, для монгольского арата, кочевавшего по бескрайней пустыне Гоби, именно этот пейзаж кажется привычным и самым удобным, а для скотовода севера Монголии таким представляется горно-долинный вариант. Народы Приамурья и Приморья теснейшим образом связаны с микросредой, отдавая предпочтение среди самых различных занятий, в том числе городских, рыболовству, охоте, оленеводству и т. д. Несомненно, что на характер голландцев наложила отпечаток постоянная борьба с морем. Специфика японского ландшафта приучила японского земледельца работать старательно, тщательно и с большим напряжением в течение всего года, что находит проявление и в отношении японцев к современным занятиям.

Культура этноса и ее формы играют исключительно важную роль в формировании разнообразия этнической психологии, которая в свою очередь оказывает большое влияние на развитие культуры. Культура этноса — это в значительной мере форма материализованного воплощения этнической психологии.¹⁷ Формирование культуры и связанных с нею поведенческих стереотипов всегда происходит в тесном взаимодействии с соседними народами.

Этнограф в состоянии своими обычными методами изучить эти явления во всем их многообразии¹⁸. Именно методом наблюдений, бесед побывавший в 1911 г. у хотонов Б. Я. Владимирцев зафиксировал пренебрежительное отношение монголов-дэрбэтов к хотонам, которые были рабами — личными подданными одного дэрбэцкого князя, исповедывали мусульманство, ходили с бритыми головами. В то же время дэрбэты считали себя родственниками этого князя, поклонялись бурханам и носили волосы.¹⁹ Дэрбэт всегда ждал, чтобы хотон при встрече первым здоровался с ним. Как видим, определенная группа признаков влияет на отношение одного этноса к другому; в отношении к другим народам будет действовать другой набор и других признаков, может быть, только частично совпадающих с предыдущими. Но все они происходят из одного большого, именно для определенного этноса характерного набора признаков, а сочетание тех или иных черт в данном варианте всегда является уникальным. Если же два этноса находятся к третьему в оппозиции по одинаковому набору признаков, то это не значит, что у первых двух наблюдается полная одинаковость всех черт: они несомненно будут обладать и оппозиционными признаками. По этим признакам-оппозитам народы и выделяют друг друга, принимая один набор как благоприятный и категорически отвергая другой как необычный, нелогичный, смешной. Этнический автостереотип определяется именно положительно оцениваемым самим этносом комплексом отличительных черт.

В этом плане значительный интерес представляет вопрос о так называемых негативных чертах этноса. Они зафиксированы в сочинениях разных авторов. Так, в сочинении Льва Африканского есть специальный раздел «Пороки и достойные порицания качества африканцев»²⁰. Интересные факты и соображения о чертах этнической психологии разных народов содержатся в записках путешественников, а также ряда зару-

¹⁷ В этом плане хороший пример представляет китайская культура и связанный с нею образ мышления, этнической психологии. См., например: *Köster H. Gibt es ein chinesisches Denken? — In: Sinologica. Zeitschrift für chinesische Kultur und Wissenschaft. Basel, 1971, B. XII, S. 14—28.*

¹⁸ В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на работы П. Г. Богатырева. См.: *Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. — В кн.: Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971, с. 297—366.*

¹⁹ См.: *Владимирцев Б. Я. Турецкий народец хотоны. — Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. Т. XXIII. Пг., 1916, с. 265—277.*

²⁰ *Лев Африканский. Африка — третья часть света. Пер. с итал. Матвеева В. В. Л.: Наука, 1983, с. 52—54.*

основных исследователей". Очевидно, можно дать оценку, объяснив тому или иному явлению, которое мы со стороны воспринимаем как отрицательные черты психологии того или иного этноса, но важнее другое — почему такие черты проявились и укрепились.

Подход к оценке определенных черт этнической психологии как негативных у разных этносов различен. Умелое ведение торговых дел, гадание или даже земледелие как область занятий у одних народов воспринимается как отрицательное качество, а у других — как несомненно положительное, что, конечно, связано с преобладающими у них видами деятельности. Например, у ряда этносов сохраняется или сохранялось до недавнего времени традиционное представление о времени. Если для американца «время — деньги», если немец пунктуально выполняет условия договора, то у ряда народов Востока еще в конце XIX в. было противоположное отношение ко времени. Проводники-монголы говорили путешественнику Н. М. Пржевальскому: «Хорошие люди никогда не торопятся, это делают только воры и разбойники». Приведу еще одно свидетельство об отношении монголов в прошлом веке ко времени. После того как погонщик привел верблюдов для каравана с опозданием на два-три дня, он объяснил с невозмутимым видом нанимателю: «Да я посмотрел с утра... Погода будто плохая, облака на небе... Я и подумал, что ты не поедешь!.. Куда торопиться-то? Дней в году много...»²¹

В свое время, стараясь объяснить негативные черты этнической психологии, В. Г. Белинский писал: «В этом-то стремлении к самостоятельности и оригинальности, проявляющейся в любви к родным обычаям, заключается причина взаимной ненависти у народов младенчествующих»²².

Рассмотрим еще один важный для формирования этнической психологии вопрос. Часто можно слышать об эндогамии, понимаемой как барьер, запрет для биологического смешения определенных группировок. Однако факты этнографии свидетельствуют о том, что такой барьер совсем исчезает с ликвидацией культурного барьера и тем самым устраняются препятствия для брачных контактов на межнациональном уровне. В декабре 1958 г. мне предложили поговорить с одним стариком, отличавшимся хорошим знанием обычаев яо района Даяошань. Все его считали своим, он говорил на нескольких языках яо этого района и плохо владел ханьским. В ходе беседы удалось выяснить, что в свое время он молодым парнем-хань ушел в горы, спасаясь от наказания, женился на девушке яо и полностью ассимилировался в яоской среде.

Известно, что хуэй и хань отличает прежде всего религия; язык у них общий. Хань, вступающий в брак с женщиной хуэй (мусульманкой), должен отказаться от поклонения своим предкам и божествам, не есть свинину и не отмечать праздники ханьского праздничного календарного цикла, прежде всего Праздник весны. Такой человек переставал считать себя хань, и дело здесь не только в изменении его самосознания, но и психологии: он весь был ориентирован на восприятие хуэйских культурных ценностей, всецело предпочитая их ханьским. Здесь мы сталкиваемся с изменением определенного этнического стереотипа.

Психология человека подвижна, она подвергается заметным и порой весьма существенным изменениям в течение жизни человека, если налицо не просто факт языкового и культурного влияния, а восприятие и осознание другого языка и другой культуры как своих. Яркий пример — творчество Пабло Пикассо разных периодов. По темпераменту и мировосприятию он всегда оставался настоящим испанцем, но без многообразных и глубоких контактов с мировой и прежде всего французской художественной культурой он в наше время не стал бы тем, чем он стал — одним из величайших художников мира. И это естественно, ибо каждая национальная культура — часть единой мировой культуры. Та-

²¹ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978, с. 270—286.

²² Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921, с. 35.

²³ Белинский В. Г. Собр. соч. в трех томах. Т. 1. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948, с. 23.

ких примеров можно привести немало: Стендаль, Ф. Лист, Г. Аполлинер, А. Модильяни, С. Айни, У. Сароян.

В этнической психологии под влиянием каких-то внешних воздействий, новых внешних факторов, затрагивающих ее глубинные пласты, могут появиться новые оттенки. Так произошло с уйгурами. Около середины II тысячелетия н. э. они утратили свое историческое самоназвание, с которым в истории Центральной Азии связаны многие выдающиеся события. Древние уйгуры были одним из культурнейших народов этого региона. И когда в 1921 г. на Съезде джунгарских и алтышаарских трудящихся в Ташкенте было принято решение восстановить этот этноним, он быстро, буквально в течение нескольких лет вытеснил в общем все их локальные самоназвания: кашгарлыки, турфанлыки, таранчи и т. д.²⁴ Принятие этого этнонима способствовало возрождению чувства гордости за славные исторические свершения великих предков этого этноса — исторических уйгуров.

Процессы интернационализации быта, культуры в наше время естественны, закономерны, они протекают исключительно интенсивно, но ни в коем случае не следует недооценивать необходимости создания и поддержания условий для проявления этнической специфики, естественной эволюции этнической психологии — от преобладания этнического к добровольному признанию принадлежности к новой, межэтнической общности и таким образом формированию психологии новой исторической общности. В наше время такой общностью является единство, складывающееся в рамках границ современных государств.

Среди наиболее значительных итогов развития СССР за 60 лет Советской власти Ю. В. Андропов назвал формирование социалистических наций, образующих ныне новую историческую общность — советский народ. «Все теснее переплетаются интересы республик, все плодотворнее становятся взаимопомощь, взаимосвязи, направляющие в единое русло созидательные усилия наций и народностей Советского Союза. Всестороннее развитие каждой из социалистических наций в нашей стране закономерно ведет к их все большему сближению»²⁵.

При изучении современного этнонационального развития народов исключительную важность приобретает анализ уровней осознания этносами сопряженности данной этнической культуры и этнической культуры других этносов, мировой культуры. В наше время своеобразные черты этнической психологии проявляются и выступают ярче у тех народов, в жизни которых происходит резкая ломка традиционных устоев жизни, отчетливо проявляется осознание ими своей «самобытности» и даже отрицается позитивный характер влияния культуры других народов. Настойчивое утверждение исключительных положительных качеств господствующего этноса, особенно если оно закреплено в государственной политике капиталистических стран, приводит, с одной стороны, к росту национализма в его среде, с другой стороны, к быстрой ассимиляции небольших этносов, которые хотят подняться до уровня более высокой культуры.

Несомненно, что национальная культура, этническое самосознание, этническая психология выступают как сумма признаков, отличающих один народ от другого. Вопрос о том, насколько активно выступают эти признаки, представляет и научный, и практический интерес. Ответ на него поможет понять, представляют ли они собой только факторы, направленные прежде всего на поддержание устойчивости этнической общности, или факторы, способствующие активным межэтническим контактам.

Для процессов сближения народов, формирования психологии новых исторических общностей существенно не только знание одним народом

²⁴ Подробнее см.: Исхаков Г. М., Решетов А. М., Седловская А. Н. Современные этнические процессы у советских уйгуров. — В кн.: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980, с. 74—93.

²⁵ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. — Коммунист, 1983, № 1, с. 5.

культуры других народов; прежде всего важно то, как представители этого народа оценивают иную культуру и способны ли к ее восприятию.

Социально-психологическая настроенность как личности, так и любой группы на восприятие культурных ценностей другого этноса определяется разными факторами (мировоззрение, социальное положение, образование и т. д.)²⁶. Одно заимствование, казалось бы, не столь существенное влечет за собой другие изменения, более значительные, многоплановые. Например, Ч. П. Фитцджеральд показал, что переход в Китае к использованию стула привел к целой «домашней» революции, произошло изменение другой мебели, одежды, целого ряда традиционных привычек²⁷. Широко известна роль конфуцианства в китаизации различных народов, в распространении ханьского этнопсихологического стереотипа²⁸.

Специфику этнической психологии каждого этноса следует искать не только и не столько в материальных объектах культуры, а в манере представителей этноса понимать, воспринимать эти вещи²⁹. История изучения материальной культуры — будь то жилище или пища, одежда или утварь — показывает, что со временем менялось, уходило одно и приходило другое, но значительно дольше сохранялось специфическое видение окружающего мира членами данной этнической группы, отражавшееся, по их мнению, в предметах культуры.

Поэтому этнопсихологию, равно как и этническую географию, этнолингвистику, этносоциологию, следует рассматривать как этнографическую субдисциплину, изучающую прежде всего этническую специфику поведения личности и всей общности, определяемую культурой, языком соответствующего этноса.

В связи с этим представляется важным и необходимым усиление внимания этнографов к изучению таких проблем, как социализация детей, народный этикет, восприятие вещей, отношение к ним и т. д. Последние явления могут находить отражение в народном искусстве, рисунках, символике, даже в снах³⁰ и т. д.

Этнопсихологические исследования уже имеют немалые традиции. На их важность обращали внимание основоположники марксизма-ленинизма³¹. Подготовленный Институтом научной информации по общественным наукам АН СССР совместно с Институтом этнографии АН СССР реферативный сборник «Современная зарубежная этнопсихология» содержит также и солидную библиографию на русском и западноевропейских языках³². В последние годы на русском языке вышли работы, в которых предпринята попытка создания этнопсихологического портрета народа, например исследования о японцах³³. Несомненно, что проводимая теперь на страницах журнала «Советская этнография» дискуссия

²⁶ Дробизева Л. М. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. М.: Наука, 1973.

²⁷ Fitzgerald Ch. P. Barbarian Beds. The Origin of the Chair in China. Canberra — London, 1965.

²⁸ Hisayaki Migakawa. The Confucianization of South China. — In: The Confucian Persuasion/Ed. Waight A. F. Stanford, California, 1960, p. 21—46.

²⁹ Эта мысль неоднократно высказывалась и развивалась В. Г. Белинским. См.: Белинский В. Г. Собр. соч. в трех томах. Т. I, с. 7—89, 181—223, 402—417 и т. д.

³⁰ Скотовод получает удовольствие, когда он во сне оказывается со скотом на прекрасном пастбище, рыболов — у какого-то водоема, богатого рыбой и т. д. Само собой разумеется, что каждый из них ведет себя в этой привычной для него ситуации в соответствии со своими, традиционными для своего этноса нормами поведения.

³¹ См., например: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 598—617; т. 2, с. 433—507.

³² Современная зарубежная этнопсихология. М.: Наука, 1979, с. 229—253. Разумеется, приведенная здесь библиография является далеко неполной; например, в ней отсутствует статья Я. Я. Рогинского «О психотехническом исследовании разных племен и народов» (В кн.: Наука о расах и расизм. Тр. НИИ антропологии МГУ. В. IV. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с. 81—104), рецензия С. А. Токарева на кн. Густава Шпета «Введение в этническую психологию» (В. I. М., 1927.—Этнография, 1927, № 2. с. 403—406) и т. д.

³³ Федоренко Н. Т. Японские записи. М.: Советский писатель, 1974; Овчинников В. В. Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы. М.: Молодая гвардия, 1971; Пронников В. А., Ладанов В. А. Японцы. М.: Наука, 1983.

по проблемам этнопсихологии сыграет свою положительную роль в развитии исследований по названной тематике.

Необходимость разработки проблем этнической психологии настоятельно требует выработки специальной программы исследований. Мне вспоминается то положение, когда в нашем институте впервые встретились этнографы и социологи. По крайней мере часть социологов скептически или даже нигилистически относилась к этнографии и методам ее исследований. Теперь этносоциологическое направление — реальность нашей науки, а использование этносоциологических методов в изучении современной культуры и быта сельского и городского населения убедительно доказало свою целесообразность и научную эффективность³⁴. Ныне никто не сомневается в плодотворности сотрудничества этнографов и социологов. Очевидно, тот же путь должна пройти и этническая психология. Но для этого должны появиться этнопсихологи — специалисты, работающие согласованными методами по специально подготовленной программе. И тогда практика научной деятельности поможет решить целый ряд возникающих сложных проблем, а методика изучения основного объекта этнографической науки — этноса обогатится и обретет новые возможности и перспективы.

³⁴ См., например, коллективные работы: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин: Периодика, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М.: Наука, 1980.

В. П. Левкович

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В советской общественной науке уже ставился ряд проблем, связанных с изучением этнического сознания (работы Ю. В. Бромлея, Л. М. Дробижевой, В. И. Козлова, М. И. Куличенко, Н. Джандильдина и др.). Наряду с философским, социологическим, историческим, этнографическим и другими подходами к рассмотрению этого феномена правомерен и социально-психологический подход. Поскольку в нашей литературе идеологический и теоретический уровни этнического сознания представлены достаточно полно, мы остановимся на некоторых элементах структуры обыденного этнического сознания, составляющего важный компонент сознания этноса как регулятора поведения широких масс населения.

Этническое сознание и самосознание — это однопорядковые, но не тождественные явления. В жизнедеятельности этнической группы они выступают как целое, как одна из форм отражения этносом своего единства и отличия от других этнических общностей. Поэтому расчленение этнического сознания и самосознания возможно лишь в абстракции как методический прием, необходимый для их более детального изучения. Одним из возможных способов дифференциации этнического сознания и самосознания представляется их рассмотрение под углом зрения специфики отражаемой ими реальной действительности.

В этническом сознании отражается наличие других этнических групп и отношение к ним данного этноса. Возникновение этнического сознания связано со способностью этнической группы выделять себя из окружающих ее других этнических групп и противопоставлять себя (группу — мы) иным этническим группам (группам — они). Это предполагает формирование у данной этнической группы сложной системы образов, отражающих особенности чужой этнической группы и эмоционального отношения к ней, что в свою очередь предопределяет и вос-

принимает отдельный представитель чужой этнической группы. Так возникает этнический стереотип как один из элементов этнического сознания. Формируясь на уровне обыденного сознания группы, этнический стереотип объективируется в ее языке, системе народных обычаев и традиций, в преданиях, легендах, мифах, поверьях, приметах, предрассудках и т. д.

Этническое самосознание возникает и развивается в рамках этнического сознания. Так же как самосознание индивида нельзя рассматривать как самостоятельное явление психики (оно — то же сознание, только имеющее иную направленность), так и этническое самосознание — это то же этническое сознание, но направленное на другой объект. Осознание особенностей других этнических групп предполагает и осознание специфики своей группы. Представление о себе как об особой реальности позволяет этнической группе смотреть на себя как на особый объект. Способность этнической группы к самоотражению и есть этническое самосознание. Оно проявляется в форме построения ряда субъективных образов, нередко препятствующих созданию объективного представления о собственной группе.

Этнический стереотип как один из существенных компонентов этнического сознания представляет собой осознание характерных с точки зрения данного этноса признаков других этнических общностей, что осуществляется в форме построения образа чужой этнической группы (группы — они). Содержание этнических стереотипов обусловлено определенными историческими и культурными условиями. Качества, приписываемые тому или иному народу в одни периоды его истории, могут изменяться или исчезать в другие периоды.

Формально-аналитический подход к этническому стереотипу позволяет выделить в нем следующие компоненты, сходные по структуре с социальной установкой: 1) констатация особенностей чужой этнической группы; 2) отношение к этим особенностям, предполагающее их оценку; 3) формирование определенного типа поведения по отношению к данной этнической группе.

Механизм формирования когнитивного компонента этнических стереотипов еще недостаточно ясен. Из-за ограниченности межэтнического общения познание другой этнической группы нередко осуществляется на основе абсолютизации и переноса черт, свойственных отдельным ее представителям, на этнос в целом. Ю. В. Бромлей подчеркивает, что этническое сознание не только абсолютизирует некоторые реально существующие этнические свойства, но и склонно приписывать как «своему», так и «чужим» этносам несуществующие черты. В результате формируется лишь приблизительное, упрощенное представление об основных свойствах и признаках другой этнической группы.

Этническое сознание предполагает не только констатацию специфики чужой этнической группы, но и эмоционально-аффективное отношение к ней, выражающееся в ее положительной, отрицательной или нейтральной оценке. При этом возможно преувеличение негативных качеств отдельных представителей другой этнической общности и перенос их на всех представителей данного этноса. В результате могут возникнуть антипатии к чужой этнической группе, предубеждение против нее, которые, закрепляясь, превращаются в отрицательный этнический стереотип. Значительную роль в возникновении негативной оценки чужой группы играет явление этноцентризма, отмечавшееся многими социологами и этнографами. Превращение собственной этнической группы в эталон может стать при определенных условиях основой для формирования в ней высокой неадекватной самооценки, т. е. гипертрофии позитивных характеристик представителей своей этнической группы, а также в утверждении превосходства своей культуры.

В этноцентризме изначально не заложено враждебного отношения к другим народам. Оттенок враждебности он приобретает лишь под влиянием реакционной идеологии и национальной политики государств, использующих этот феномен для разжигания национальной розни. По-

этому этноцентризм, испытывающий на себе большое влияние идеологии, может быть правильно понят и оценен лишь в соответствующем социальном контексте.

Констатация и оценка специфики чужой этнической группы формирует и определенный тип поведения по отношению к ней. Например, на основе ограниченной и неточной информации о другой этнической группе может сформироваться отрицательный этнический стереотип, проявляющийся не только в негативных суждениях и оценках всех членов этой группы, но и в негативном поведении по отношению к ним. Между представителями таких этнических групп могут складываться негативные межличностные отношения, выражающиеся в предвзятости, неприязни, презрении, недоверии друг к другу. Это нередко приводит к ослаблению и дезорганизации общения, а при наличии определенных условий и к возникновению конфликтных ситуаций. Однако в этническом стереотипе может иметь место несоответствие осознанных намерений (вербального поведения) и действий (реального поведения) — явление, известное в литературе как расхождение между ценностными ориентациями и явным поведением. Так, негативная оценка представителей чужой этнической группы и выраженная враждебность к ним на вербальном уровне не обязательно реализуется в поведении. Подобную ситуацию описывает Лапьер, в течение двух лет путешествовавший по США вместе с двумя студентами китайского происхождения. Систематические наблюдения позволили Лапьеру констатировать нормальное, дружелюбное отношение обслуживающего персонала гостиниц и ресторанов по отношению к своим спутникам. Из 251 случая лишь в одном китайцам было отказано в получении комнаты. По окончании поездки Лапьер разослал письменные запросы в те места, которые он и его спутники недавно посетили, о возможности принять иностранцев китайского происхождения. Из 128 полученных ответов 92% содержали отказ, один был положительным, остальные — неопределенными¹.

Таким образом, этнический стереотип неоднозначно реализуется в вербальном и реальном поведении. Указанное несоответствие Лапьер объяснял наличием принципиальной разницы между реакциями на вербальную ситуацию и ситуацию, предполагающую невербальные действия. Причины несогласованности вербального и реального поведения в этническом стереотипе в настоящее время изучены недостаточно. Очевидно, чтобы объяснить это несоответствие, надо учитывать объяснения, данные некоторыми советскими и зарубежными психологами.

Советские психологи (Л. И. Божович, Т. Е. Конникова и др.) объясняют расхождение между намерением и реальным поведением тем, что поведение человека побуждается не одним, а многими мотивами. Основная линия поведения определяется направленностью личности, т. е. суммой устойчивых мотивов поведения. Явное поведение, нередко побуждаемое неосознаваемыми мотивами, может противоречить планируемому, но не общей направленности личности, определяющей в конечном итоге конкретные акты поведения.

Соотношение между вербальным и реальным поведением в сфере межэтнических взаимодействий в значительной степени связано с формированием побудительных мотивов поведения личности и ее направленности. Этнический стереотип — это групповой эталон, сложившийся на основе общественного мнения одной этнической группы о наиболее ярких характеристиках другой. Для того чтобы этот эталон был реализован в поведении отдельной личности, необходимо, чтобы он был соотносен со сложной системой личностных потребностей, убеждений, идеалов, самооценок, являющихся внутренними регуляторами поведения личности. В свою очередь потребности, убеждения, идеалы становятся активной действенной силой и способствуют выбору определенной линии поведения только в том случае, если они формируют соответ-

¹ La Piere R. T. Attitudes Versus Action.— In: Attitude Theory and Measurement. N. Y., 1967.

ствующие мотивы, являющиеся побудителями деятельности человека.¹ Для того чтобы в этническом стереотипе намерение личности реализовать стереотип в своем поведении не расходилось с действием, этот стереотип, как и любая социальная норма, должен быть либо интернализирован (в этом случае он становится единственным возможным мотивом деятельности), либо рационально принят индивидом как справедливый, необходимый и полезный.

Несоответствие между намерением и действием неоднократно отмечалось и зарубежными исследователями, которые объясняют это противоречие различными особенностями субъекта деятельности. Де Флер и Уэсти исходили из противоречивых влияний нормативных и ценностных предписаний референтной группы, с одной стороны, и той группы, в которой человек действует в данный момент, — с другой².

Неоднородность структуры предполагает включенность индивида в различные подструктуры в рамках этого этноса (принадлежность к различным классам, слоям, профессиональным, возрастным и другим группам). Каждая из этих групп может иметь свои специфические нормы и ценности, отличные от норм и ценностей, выработанных и принятых этносом. Этнический стереотип как часть ценностно-нормативной системы этноса не идентичен для всех входящих в него групп. Поскольку индивид как член данного этноса может одновременно принадлежать к нескольким группам, реализация этнического стереотипа на уровне индивидуального поведения (вербального или реального) будет зависеть как от ориентации индивида на эталоны, предписанные группой, так и от стереотипов, принятых в той группе, в которую индивид включен в данный момент. Большое значение для реализации этнического стереотипа на уровне вербального и реального поведения имеет степень принятия индивидом ценностно-нормативной системы референтной группы и группы членства. Например, негативный этнический стереотип, выработанный референтной для индивида группой, может быть усвоен им чисто внешне, т. е. знание данного стереотипа не интернализуется и не становится убеждением личности, которая реализует его в своих высказываниях, не желая вступать в конфликт с референтной группой. В этом случае в реальной жизненной ситуации, предполагающей контакты с конкретными представителями чужой этнической группы, негативные высказывания в их адрес могут и не реализоваться в поведении, поскольку, во-первых, отрицательный этнический стереотип нередко разрушается, не получая подкрепления в реальном общении, и, во-вторых, индивид в реальном поведении может ориентироваться на положительный этнический стереотип, выработанный той группой, в которую он включен в момент общения с представителями другого этноса.

Большое влияние на формирование этнических стереотипов оказывают различные внеэтнические факторы, и в первую очередь социально-классовая структура этноса. Этнические стереотипы, отражающие мнения, бытующие в различных классах, группах и слоях населения, могут оказаться в рамках одного этноса не только не однородными, но прямо противоположными по содержанию. В то же время стереотипы различных этнических групп, принадлежащих к одним и тем же классам или социальным слоям, нередко оказываются идентичными. Исследования показали, что в сходных социально-экономических условиях формируются сходные стереотипы.

² De Fleur M. R., Westie F. R. Verbal Attitudes and Overt Acts.— In: American Sociological Review, 1958, v. 23.

**АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ — КОМПЛЕКСНЫЙ
РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД****(ответ оппонентам)**

Дискуссия, организованная журналом «Советская этнография» по проблемам этнопсихологии,—убедительное свидетельство того, насколько важны, актуальны обсуждавшиеся вопросы, насколько назрели и одновременно сложны и необходимы вытекающие из них научно-исследовательские, научно-практические задачи.

Общий вывод из состоявшегося обсуждения, отражающий, как нам кажется, мнение всех участников дискуссии, можно выразить так: национально-психологические, этнопсихологические проблемы—это реальность, требующая специального, предметного, комплексного подхода. От слов пора переходить к делу, активнее действовать; для этого складываются необходимые условия—такова общая тональность обсуждения, и в этом, пожалуй, его главный итог.

Вместе с тем, в целом положительно оценивая эти итоги, хотелось бы выразить надежду, что разговор о проблемах становления этнопсихологии как специальной научной дисциплины, ее предмете, методологии и методах, начатый журналом, не завершится лишь публикуемыми материалами. Напротив, думается, что он привлечет внимание научной общественности, будет иметь творческое, конструктивное продолжение и в итоге даст практические результаты. В том, чтобы значительно расширить рамки обсуждения, есть большая потребность, диктуемая сложностью, многопрофильностью, комплексностью этнопсихологической проблематики. Полезный вклад в ее освещение и разработку могли бы внести многие авторитетные ученые, специализирующиеся в области изучения этнических, национальных и интернациональных процессов в современном мире. В силу неразработанности многих поднятых вопросов делать «окончательные» выводы пока преждевременно. Не говоря уже о том, что есть и немало таких проблем, которые по тем или иным причинам еще не были рассмотрены. Многие сюжеты, возникшие и получившие то или иное обоснование в материалах «Круглого стола», обобщены и проанализированы в статье Ю. В. Бромлея («Сов. этнография», 1983, № 3), что освобождает нас от необходимости касаться этих вопросов, затронутых в ходе дискуссии. Поэтому представляется целесообразным ограничиться некоторыми общими замечаниями, вызванными либо необходимостью уточнения отдельных вопросов, либо дополняющими уже высказанные нами соображения.

Прежде всего хотелось бы пояснить, что наша статья содержит попытку определить—в первом приближении—наиболее важные, с нашей точки зрения, аспекты проблем, требующих специальных этнопсихологических исследований, не претендуя, при этом, разумеется, ни на исчерпывающую полноту, ни на окончательность суждений. Последующие выступления существенно дополнили и значительно расширили круг вопросов, требующих включения в сферу этнопсихологии. Мы попытались очертить—во многом условно—своего рода модель, структуру национальной психологической проблематики, не подкрепляя ее конкретными примерами, взятыми из общественно-психологической жизни тех или иных народов. И дело здесь не столько в так называемой философской направленности статьи, сколько в отсутствии вполне достоверных эмпирических материалов, добытых научным путем. Таким образом, речь идет о необходимости развертывания на профессиональном уровне этнопсихологических исследований, в ходе которых и должны пройти «испытания» те или иные теоретические конструкции, предлагаемые различными авторами.

Главное, к чему мы стремились,—это обосновать и раскрыть принципиальное положение о том, что методологической, идейно-теоретиче-

ской основой этнопсихологии служат марксистско-ленинская теория наций и национальных отношений, принципы пролетарского социального интернационализма. Состоявшаяся дискуссия, кстати, неопровержимо доказала, что вне прочной и всесторонней связи с идеями: положениями марксизма-ленинизма о нациях и национальных отношениях, о пролетарском, социалистическом интернационализме этнопсихология не может оформиться как строго научная, самостоятельная и продуктивная дисциплина.

Принципиально важнее значение этого положения, его решающую роль можно проиллюстрировать на примере поднятых в ходе дискуссии вопросов: о предмете этнопсихологии, соотношении социальной и общей психологии в этнопсихологических исследованиях, так называемой биосоциальной природе некоторых явлений этнической психики и их значения и др.

Некоторые ученые в своих выступлениях подчеркнули необходимость широкого применения методов общей психологии при изучении психологических особенностей и характерных черт этнических, национальных общностей. В. И. Козлов («Сов. этнография», 1983, № 2) справедливо видит одну из важных причин отставания этнопсихологии в слабом внимании, уделяемом ей до сих пор психологами, специалистами по социальной психологии. Несомненно, участие психологов в этой работе может и должно обеспечить здесь необходимый уровень профессионализма. Представляется также бесспорным то, что без познания индивидуальных, личностных проявлений этнической, национальной психологии невозможно воссоздать более или менее объективно общественно-психологические особенности той или иной общности. Национальная принадлежность накладывает свой отпечаток на психологическую деятельность личности, и с этим нельзя не считаться¹. Но можно ли согласиться с тем, чтобы исследования этнической, национальной психологии осуществлялись только или преимущественно средствами общей психологии? К чему может привести включение этнопсихологии в общую психологию? Не возникает ли здесь опасность сведения коллективно вырабатываемых, формирующихся на протяжении исторических процессов становления, развития и взаимодействия общностей и групп специфических общественно-психологических черт и характеристик к их индивидуальным проявлениям? Эти вопросы вызваны суждениями Г. В. Старовойтовой, рассматривающей этнопсихологию как специфический раздел общей психологии («Сов. этнография», 1983, № 3), А. А. Леонтьева («Сов. этнография», 1983, № 2), предлагающего включить национальные аспекты психологии социальных групп, классов, общества в социальную психологию и исследовать их обособленно, в отрыве от этнических моментов психики индивида, особенностей его психофизиологической структуры, которые, будучи названы им этнопсихологией, должны быть исключительным предметом общей психологии.

Полностью разделяя соображения Ю. В. Бромлея по поводу такого раздвоения единой научной дисциплины, хотелось бы вместе с тем напомнить о следующем. Нация, как и предшествующие ей формы социально-этнических объединений, есть историческая общность людей. Отсюда со всей непреложностью вытекает коллективный, групповой характер общественно-психологических явлений и процессов, рожденных, обусловленных реальными социально-экономическими, политическими факторами внутреннего развития и взаимодействия национальных общностей.

Национальная психология — надиндивидуальное явление, отражающее объективные социальные, национальные процессы. Но это не только не исключает, а, напротив, предполагает всестороннее изучение индивидуально-личностных проявлений национально-психологических особенностей. И соответственно этому необходимо привлечение специали-

¹ Соображения об исследовании национально-психологических особенностей личности изложены в моей статье «Социально-психологические проблемы национальной принадлежности личности» («Сов. этнография», 1977, № 3).

ов по общей психологии. Точно так же, как, скажем, исследование психологии рабочего класса, осуществляемое социальной психологией, предполагает выяснение психологических характеристик личности рабочего, что может быть достигнуто при активной помощи общей психологии.

Нам думается, что главной сферой активности общей психологии должны стать проблемы «этнизации» индивидов, выяснение психологического механизма социального, социально-культурного наследования этнических особенностей, в том числе и таких, как этнические особенности протекания психических процессов восприятия, памяти, а также особенностей, связанных с данным национальным языком.

Правда, вопрос здесь осложняется утверждениями о якобы генетической обусловленности некоторых этнических явлений психики, предложениями о необходимости изучения неких врожденных свойств, требующих развертывания специальных биопсихологических аспектов в этнопсихологических исследованиях. Анализ этих рассуждений содержится в статье Ю. В. Бромлея. Мы согласны с тем, что этот вопрос исключительно сложен. Он требует кропотливых исследований, опираясь на которые только и можно было бы делать какие-то умозаключения. На наш взгляд, во всяком случае биопсихологические исследования имеют определенное значение, когда речь идет о малочисленных, замкнутых, изолированных этнических группах, племенах и т. п. Однако главная и первоочередная задача этнопсихологии: отвечая на требования жизни, разрабатывать прежде всего актуальные, связанные с широкой социальной практикой общественно-психологические проблемы, имеющие отношение к национальным и интернациональным процессам. Здесь следует подчеркнуть, что нация — не просто разновидность этнических общностей, но наиболее зрелая, высшая их форма, своего рода «конечный пункт» их социально-исторического движения, за пределами которого встают иные, интеграционные, интернациональные процессы высшего социального порядка. Попутно заметим, что «национальное» и «этническое» не употребляются нами как синонимы и мы вовсе не отождествляем стоящие за этими понятиями однопорядковые, но разнокачественные и разномасштабные явления. В нашей статье акцентируются проблемы не просто вообще этнической, а именно национальной психологии как предмета первоочередного внимания.

Сказанное не следует воспринимать как отрицание или принижение значения изучения этнических образований таксономически иных уровней. Но и среди них непросто обнаружить такие замкнутые общности, обособленность которых оказалась бы способной отражаться на каких-то биологических, психофизиологических контактах.

Главное, к реальным проблемам и определению значимости этнических моментов психики следует подходить адекватно объективному положению вещей. А если так, то примеры изучения 15 и даже десятков индивидов какой-то изолированной этнической группы не могут служить достаточно веским аргументом в решении вопросов о роли психофизиологических факторов в передаче от поколения к поколению национально-психологических черт и особенностей.

Природа национальной специфики (как и этнической специфики вообще) обусловлена прежде всего и главным образом известной обособленностью общностей, исторически неповторимым сочетанием одних и тех же факторов их общественного бытия. Как указывал В. И. Ленин: «... при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»². Именно в силу этого с той или иной мерой интенсивности проявляются черты своеобразия в социально-политической, духовной, общественно-психологической жизни каждой страны, каждого народа. И именно поэтому национально-психологические особенности

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

мы рассматриваем преимущественно в качестве своеобразных форм проявления, существования, протекания общечеловеческих, общечеловеческих и конкретно-исторических, социально-классовых явлений и их характеристик.

Из сказанного отнюдь не вытекает отрицание личностных аспектов национально-психологических проблем. В нашей статье ясно указана на важность и необходимость этнопсихологических исследований личности как в связи с ее этнической (национальной) принадлежностью так и в плане ее участия в межэтническом, межнациональном взаимодействии. Таким образом, речь идет об изучении личности, включенно в группу — нацию, народность, этническую группу (см. выступление Л. М. Дробижевой — «Сов. этнография», 1983, № 4).

Этнические, национальные различия сами по себе не ведут к признанию превосходства одного народа над другим. Точно так же выяснение связи тех или иных особенностей с физиологическими или якобы врожденными биологическими факторами также автоматически не ведет к расизму. Все это бесспорно. Но здесь встают вопросы другого порядка: как совместить признание врожденности, генетической обусловленности определенных национальных черт психики с социально-историческим процессом сближения и последующего слияния наций и национальных культур; не способствует ли такая точка зрения утверждению представлений о несовместимости традиций и культур народов, имеющих различное этноисторическое происхождение, невозможности их сближения и т. п.? Видимо, такие вопросы не следует оставлять без ответа, и при этом должна в полной мере учитываться реальная практика сближения наций и народностей СССР, их сплочения в составе новой исторической общности.

И еще одно соображение по этому поводу. Выявленные современной наукой этнические различия в мыслительных процессах, в восприятии и т. д., как правило, не осознаются людьми настолько, чтобы заметно отражаться на поведении личности в многонациональной среде; они не становятся барьером при общении представителей различных национальностей. Речь идет о том, как важно не преувеличивать значения подобных различий и, учитывая их, правильно, объективно соотносить с теми явлениями, обусловленными социокультурными факторами, которые, символизируя своеобразие той или иной общности, приобретают различительную роль.

Что же касается родства этнопсихологии с «материнскими» науками, то, вероятно, не следует идти по пути отождествления ее ни с одной из них в отдельности. Этнопсихология рождается и будет развиваться именно на стыке социологии и этнографии, социальной и общей психологии, на базе принципов научного коммунизма, социалистического интернационализма. Речь идет о плодотворной интеграции соответствующих знаний, средств и методов указанных наук, нацеленной на исследование и разработку принципиально новой проблематики. Думается, для этого созрели необходимые предпосылки, что подтверждается и настоящей дискуссией. Дело сейчас за организационным обеспечением этнопсихологических исследований; может быть, стоит подумать о создании специальной междисциплинарной секции в Научном совете по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР, о планировании исследований этого профиля в соответствующих научных подразделениях, действующих в составе институтов философии, этнографии, социологических исследований АН СССР, институтов философии и истории республиканских академий наук. Важно и другое. Учитывая сложности начального этапа становления этнопсихологии, следовало бы на первых порах ограничить исследования более узкими и конкретными задачами, как это предлагается в статье В. И. Козлова («Сов. этнография», 1983, № 3). Видимо, наиболее правильный путь — восхождение от сравнительно простых к более сложным задачам. Вопрос заключается в том, чтобы выработать правильную исследовательскую стратегию на этапе становления новой научной дисциплины.

Необходимо и более внимательное отношение к зарубежному опыту подобных исследований. Об этом много и справедливо говорится в материалах дискуссии. В связи с этим представляется уместным подчеркнуть принципиальное значение классового подхода к трудам буржуазных ученых, к немарксистским этнопсихологическим концепциям. Идеальным, методологическим ориентиром в этом отношении служит известное указание В. И. Ленина: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими приказчиками (класса капиталистов.— А. Д.)... и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»³. Утверждение А. А. Леонтьева о допущенном нами отождествлении национального сознания и самосознания представляется искажением нашей позиции. Это явное недоразумение! Национальное сознание и самосознание — это не тождественные явления. Самосознание народа — ядро национального сознания, однако к нему не сводится все многообразие содержания последнего⁴. Это положение специально не разворачивалось в нашей статье, поскольку мы сосредоточились на рассмотрении структуры национальной психологии и соответствующего ей уровня национального самосознания, но оно само собой разумелось.

По поводу других замечаний А. А. Леонтьева. Как уже отмечалось, в нашей статье ставились лишь некоторые, важные, с нашей точки зрения, вопросы изучения национально-психологических проблем. В одной статье, тем более постановочного характера, всех вопросов не охватишь. Однако из этого нельзя делать вывод об отрицании их автором. Это, в частности, относится и к проблемам изучения национальных особенностей сознания личности с позиций общей психологии. Вообще спорить о том, что не сказано в критикуемой статье, видимо, не самый удачный метод полемики. Для того-то и ведется дискуссия, чтобы, дополняя друг друга, совместными усилиями осветить проблему с максимальной полнотой.

В ходе развития этнопсихологии, совершенствования ее средств и методов предстоит многое сделать для разработки собственного понятийно-терминологического аппарата этой молодой научной дисциплины. Поэтому с порога отвергать понятия «национальные потребности», «национальные интересы», «социальный темперамент» или какие-то иные понятия по причине того, что они еще не наполнены научно апробированным психологическим, социально-психологическим содержанием, вряд ли целесообразно. Но как раз над этим-то и предстоит поработать; и без такой работы не сдвинуть с места и всю проблематику в целом. Речь идет о живом процессе отбора наиболее целесообразных понятий и терминов, их углубленной разработке, в ходе которой, возможно, через какое-то время одни термины отпадут, другие — утвердятся в качестве полезных и содержательных. Но так или иначе, этнопсихология всегда будет нуждаться в понятиях, отражающих эмоционально-психологические состояния представителей этнической общности, манеру их поведения, этнические установки и ценностные ориентации, а также лежащие в их основе интересы и потребности реального существования и развития данной нации, народности, национальной или этнической группы.

Разумеется, общие декларации, абстрактные рассуждения, не подкрепленные конкретной работой, пользы делу не приносят. Но, как верно заметил Ю. В. Бромлей, в существующей ситуации теоретические споры отнюдь не излишни, ибо именно теория прокладывает путь конкретно-эмпирическим исследованиям. Обсуждение понятий «психический склад», «национальный характер» и др. нельзя считать бесплодным (такое мнение высказывалось некоторыми участниками дискуссии) уже потому, что объективно оно способствует накоплению знаний в соответ-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

⁴ По этой проблеме мы имели возможность высказаться в статье «Классово-интернациональные аспекты сознания и самосознания социалистических наций» («Вопросы философии», 1977, № 4).

ствующих областях, привлекает внимание ученых, стимулирует поиск решения проблем. Пока недостаточен эмпирический материал для широких теоретических обобщений, теоретическая мысль обязана строить гипотезы, искать подходы к работе индикаторов общественно-психологического своеобразия национальных общностей, освещая тем самым путь конкретным этнопсихологическим изысканиям. Это разные, предполагающие, питающие друг друга стороны одной общей комплексной работы.

Мы разделяем беспокойство В. И. Козлова о том, что непрофессиональный, примитивный подход к проблемам национальной психологии таит опасность дискредитации самой идеи этнопсихологических исследований. Но отсюда никак не вытекает вывод, что национальный характер, психический склад нации не являются признаком существования данной общности. При этом В. И. Козлов ссылается на дискуссию о понятии «нация», прошедшую в 60-е годы, имея в виду оставшийся открытым вопрос о так называемом четвертом признаке нации. Конечно, о понятиях можно и нужно спорить. Можно включать или не включать в определение понятия «нация» ту или иную ее характеристику — это особая тема разговора, к которому, может быть, стоит вернуться. Но любое реальное явление, так или иначе характеризующее данную общность, ее самостоятельность, устойчивость, своеобразие, по самой логике вещей не может не считаться показателем этой самостоятельности, устойчивости, этого своеобразия, т. е. ее признаком.

В материалах дискуссии немало говорилось о трудностях этнопсихологических исследований, о практической невозможности создания для каждого народа своего рода социально-психологического паспорта. Нам думается, что подобные паспорта не только невозможны, но и не нужны, ибо подобная задача не только иллюзорна, но, может быть, и вредна. Задача этнопсихологии, на наш взгляд, не в том, чтобы суммировать особенности людей, обусловленные их этнической, национальной принадлежностью. Она заключается в том, чтобы раскрыть и показать, как под влиянием данных, исторически сложившихся конкретных социально-экономических, политических и культурных условий формируются, закрепляются, передаются последующим поколениям традиции, обычаи, привычки, установки и ценностные ориентации, вкусы и предпочтения, морально-психологические и волевые черты и особенности, главные, преобладающие тенденции эмоционально-психологической сферы, реальные проявления национального самосознания, национальных чувств и настроений. Все это очень сложная, трудная, но и чрезвычайно увлекательная задача, имеющая огромное научное и общественно-практическое значение.

Хотелось бы сказать еще об одном важнейшем направлении этнопсихологии, требующем, может быть, специального обсуждения. Речь идет об общественно-психологических проблемах межэтнического, межнационального общения и взаимодействия (без учета которого, кстати, невозможно объективное научное познание и собственно национально-психологических проблем).

Необходимость более широких исследований в этом направлении отмечалась Л. М. Дробизевой. Потребность в них диктуется интернационализацией всех сторон общественной и личной жизни в нашей стране, постоянно растущими масштабами межнационального общения, задачами, выдвинутыми партией в области национальной политики, интернационального воспитания трудящихся. Среди них особый интерес для этнопсихологов должны представить проблемы наиболее разумного использования «природных и трудовых ресурсов, климатических особенностей каждой республики, наиболее рациональное включение этого потенциала в общесоюзный...»⁵. Разработка научно-практических рекомендаций, облегчающих решение этих задач, — одна из прямых функций

⁵ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. — Коммунист, 1983, № 1, с. 7.

этнопсихологии. Ведь не придумывать же новые научные дисциплины для исследования поведения людей в многонациональной среде, проблем адаптации в инонациональной среде, психологической стороны интернациональных процессов сближения наций и национальных культур, интеграционных процессов в сфере национальных отношений. С учетом сказанного, название обсуждаемой дисциплины представляется в известном смысле условным, так как этнопсихология призвана изучать общественно-психологические проблемы, обусловленные не только этническими, национальными, но и интернациональными факторами.

Социализм раскрепостил духовные силы и способности людей труда независимо от их национальности. Утверждение социалистического общественного строя, осуществление ленинской национальной политики КПСС, последовательное и бесповоротное решение национального вопроса, доставшегося в наследие от прошлого, создали необходимые условия и предпосылки и для коренных преобразований духовной жизни каждого народа, для формирования новой социалистической культуры, гармонически сочетающей национальные и интернациональные ценности, роста и укрепления сознания и самосознания социалистических наций и народностей на интернационалистской основе. Культурная революция создала прочный фундамент для духовного возрождения ранее угнетенных и отсталых народов СССР, обеспечила подлинный расцвет национальных культур, их активное, плодотворное взаимодействие. Социалистические духовные ценности, являясь всеобщим интернациональным богатством, составляя необходимый компонент каждой национальной культуры и тем самым становятся достоянием представителей каждой социалистической нации, являются национальным достоянием всех народов. Именно поэтому интернационализация духовной жизни при социализме ни в коей мере не может рассматриваться как «денационализация культуры», а есть ее творческое обогащение.

Эти гигантские по своим масштабам и значению интернациональные процессы имеют, безусловно, свою психологическую сторону; с ними связаны непростые социально-психологические проблемы, требующие детального исследования. Советским обществом накоплен ценнейший по своей исторической новизне и перспективности опыт утверждения интернационалистской психологии, интернациональных чувств и установок, интернационального сознания принадлежности к новой исторической общности людей — советскому народу.

Утвердившиеся в сознании всего многонационального советского народа нормы и принципы социалистического интернационализма органически вошли в духовный облик советского человека, в котором соединились лучшие черты и традиции национальной и общесоветской культуры. Существует органическая взаимная связь между культурой и интернационализмом личности. Социалистическая культура, ее основополагающие нормы и принципы являются одним из важнейших условий эффективности интернационального воспитания. Социалистический интернационализм в свою очередь необычайно расширяет рамки духовных потребностей личности. Преодолевая национальную ограниченность, этноцентризм, воспитывая непримиримое отношение к националистическим идеям и стереотипам, социалистический интернационализм формирует уважительное отношение к инонациональным духовным ценностям и традициям, ориентирует на овладение достижениями мировой культуры. Чрезвычайную актуальность приобретают в связи с этим проблемы психологии, патриотического и интернационального воспитания, задачи выяснения общественно-психологического механизма интернациональных процессов в сфере сознания и поведения людей. Большое самостоятельное значение имеет изучение становления, развития, совершенствования интернациональной психологии советского народа как новой исторической общности людей.

В докладе о 60-летиі СССР товарищ Ю. В. Андропов отмечал, что «в духовном наследии, традициях, в быту каждой нации есть не только хорошее, но и плохое, отжившее. И отсюда еще одна задача — не кон-

идет вразрез с нормами советского общежития, социалистической нравственности, с нашими коммунистическими идеалами»⁶. В решении этой задачи немалую роль должны сыграть этнопсихологические исследования природы, форм осуществления и проявления национальных предубеждений, предубеждений, националистических настроений, других негативных явлений в сфере национальных отношений, путей и методов их искоренения.

Поставленные в дискуссии актуальные и вполне реальные проблемы требуют вмешательства именно этносоциологии. Их значение еще больше возрастает в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, подчеркнувшего, что «идеологическая работа в условиях нашей страны, объединяющей свыше 100 наций и народностей, **немыслима без внимательного изучения их специфических интересов и особенностей национальной психологии и культуры**»⁷. Эта принципиальная партийная установка, несомненно, станет важным стимулом усиления научной активности в данном направлении.

⁶ Андропов Ю. В. Указ. раб., с. 8.

⁷ Черненко К. У. Актуальные вопросы идеологической массово-политической работы партии. — Правда, 15 июня 1983 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом номере журнала редакция заканчивает публикацию материалов «круглого стола» по проблемам этнопсихологии, проводившегося в 1982 г. в Москве. Научные итоги дискуссии фактически подведены в статье А. Ф. Дацдамирова в настоящем номере журнала. Ввиду этого, нет, по-видимому, необходимости специально задерживаться на этих итогах как таковых. Редакция считает, со своей стороны, что состоявшийся обмен мнениями был, безусловно, полезен и с научной и с практической точек зрения.

Все участники единодушно признавали актуальность рассмотрения затрагивавшегося круга вопросов для понимания функционирования этносов, т. е. этнических процессов. В ходе дискуссии были уточнены взгляды на предметную область этнопсихологии и наиболее актуальные ее направления, на методологию изучения особенностей психики этнических общностей, привлечено внимание к арсеналу возможных средств, с помощью которых они могут быть исследованы.

Одной из главных целей редакции, когда она предоставила страницы журнала для публикации материалов «круглого стола», было обратить внимание научной общественности на необходимость приступить к конкретному изучению данной проблематики. Но успешно осуществить такое изучение можно имея лишь верные теоретические ориентиры.

В обсуждение были вовлечены представители разных общественных наук — философы, этнографы, социологи, психологи. Не все выступавшие были специалистами в области этнопсихологии, и это, очевидно, иногда отражалось и в их выступлениях. И тем не менее в итоге обнаружилось полное единодушие в основном — в признании, высказанном или подразумевавшемся, того факта, что этнопсихология тем или иным из своих аспектов затрагивает все представленные в дискуссии научные дисциплины. Как равным образом и того, что каждой из этих дисциплин найдется в ходе этнопсихологических исследований такая часть общего дела, которую надлежащим образом можно выполнить методами именно данной науки.

И, таким образом, дело теперь за реализацией такого сотрудничества в конкретной исследовательской практике, которая должна отвечать задачам разработки научно обоснованной национальной политики, способной служить совершенствованию развитого социализма¹.

¹ Андропов Ю. В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. — Правда, 16 июня 1983 г.

З. А. Мадаева

ОБРЯДЫ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ И СОЛНЦА У ВАЙНАХОВ в XIX — начале XX в. *

Вайнахи (чеченцы и ингуши), как и всякий народ, издавна занимавшийся земледелием, веками вырабатывали рациональные эмпирические знания, способствовавшие успешному развитию этой отрасли хозяйства. «От самого земледельца зависели: отбор семенного зерна, хорошая вспашка поля, своевременный сев. На этом кончались те хозяйственные заботы, в которых пахарь мог проявить себя и где успех зависел от его усилий»¹. Однако земледelec был бессилен перед стихийными силами природы — продолжительной засухой, ливнями и грозами. Это бессилие порождало множество суеверий, обычаев, обрядов, свято выполняя которые земледelec верил, что его тяжелый труд будет вознагражден получением хорошего урожая. Большое значение, в частности, придавалось обрядам вызывания дождя и солнца. К настоящему времени эти обряды в быту вайнахов почти не сохранились. Однако полевые материалы, собиравшиеся автором в различных районах Чечено-Ингушетии и в Ахметском районе Грузинской ССР в течение 1978—1981 гг., дают возможность реконструкции некоторых обрядов этого цикла.

Разнообразные формы имели обряды вызывания дождя, широко распространенные в быту многих народов мира. У одних они принимали характер имитативной магии, у других проявлялись в представлениях о «сверхъестественных существах, посылающих дождь»². У всех народов Кавказа были известны такие божества — покровители урожая. «Образы этих божеств у одних народов испытали сильное христианское либо мусульманское влияние, даже слились с какими-нибудь святыми у других сохранили более самобытный вид»³. Таковы Уацилла у осетин, Созереш у адыгов, Диела у вайнахов и др. У вайнахов языческий бог-громовержец назывался Сиели (вероятно, под влиянием христианского святого Ильи). Именно с ним были связаны многие обряды и магические действия, призванные вызвать дождь. На обряды вызывания дождя оказал влияние также ислам: большинство молений, исполнявшихся во время этих обрядов, связывалось с верховным языческим богом Диела (Дела, Даьла), под которым подразумевался Аллах.

Одним из наиболее распространенных был обряд с ряженым. Раздетого мальчика-подростка, реже девушку окутывали ветвями, травами или надевали на голову свисавшие до земли ветви из черной бузины, сноп из конопли или растения «хьогули». Иногда на голову ряженого надевали мешок с отверстиями для глаз, также украшенный зелеными ветвями. Вместо пояса ряженого повязывали веревкой. Главного персонажа сопровождала процессия, состоявшая из 20—30 подростков в вывернутых наизнанку овчинных тулупах. Один из них держал ряженого

* Полевые материалы автора 1978—1980 гг. хранятся в Архиве Ин-та этнографии АН СССР, материалы 1981 г. — в Архиве Чечено-Ингушского НИИ истории, социологии и филологии. Далее в работе даются ссылки только на опубликованные источники.

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, с. 181.

² Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964, с. 21.

³ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976, с. 101.

«под узду», т. е. за веревку. Никто из окружающих не должен был звать в лицо окутанного зеленью, кроме тех, кто его обряжал.

Наряд главного персонажа обряда делал его похожим на движущийся сноп, так как навешиваемые на него растения или ветви связывались в виде снопа — «цлов». Можно предположить, что ранее «цлов» предназначался в жертву божеству Цлу — покровителю погоды и заменял собой человеческую жертву. Интересно отметить и происхождение названия снопа от имени бога Цлу.

В большинстве чеченских обществ ряженный назывался «кьоршкьури» («кьоршкьули»). Вероятно, этот термин происходит от слов «кьора» — град, «ша» — лед; этимология же третьей части слова неясна. Среди горных чеченцев был известен другой термин — «хьогули» — синоним названия растения, применявшегося для окутывания ряженного. В Чеберлоевском обществе (современный Веденский район) нами зафиксировано еще одно название ряженного — «Злеммур», что, по свидетельству местных информаторов, означает «мокрый». Этот термин напоминает имя божества воды Земир, известное в недалеком прошлом у кумыков.

Ингуши называли ряженного «муста гудург», что в переводе означает «облезлый чурбан» (от мустдар — общипывать), или «миста гудург» — «кислый чурбан» (от миста — кислый). У кистин (уроженцы горной Чечни — Майстинское и Мьялхинское общества, переселившиеся в Грузию в XVIII — первой половине XIX вв.) было известно два термина: «хьогули» и «бучIкIа». Кистины же устраивали процессию не только с ряженным, но и с куклой, которую также называли «хьогули»⁴.

Ряженного водили из дома в дом и в каждом дворе выливали на него кувшин воды со словами: «Выйди на дождь» («догIане вала»), а он кружился, прыгал и танцевал, обрызгивая присутствующих. Каждая хозяйка давала участникам шествия (в сравнительно недавнее время ими были только дети) кукурузную муку, мясо, творог, сладости и т. д. По окончании обхода дети делили между собой собранные продукты, причем ряженный получал две доли. В некоторых селах дети устраивали общую трапезу на краю села или у берега речки. Прежде чем развести костер и приготовить еду из полученных продуктов, они сбрасывали наряд с ряженного в речку, а иногда сталкивали туда и его самого. В случае, если речка пересыхала от засухи, то «цлов» бросали в лужу или на чистую лужайку.

Участники шествия обязательно исполняли специальную песню. Первую строку произносил тот, кто держал ряженного «под узду», а затем ее подхватывали все остальные.

У вайнахов нами зафиксировано несколько песен, имеющих, однако, общую основу. В Чечне обрядовая песня пелась так:

Кьоршкьури хIара ю!	Это есть «кьоршкьури»!
ДогIа лохьа, Диала!	Дай дождя, Диела!
ХIуьрта-буьрта, ши буьртиг,	ХIуьрта — зерно, два зерна,
Даьттинца йоккаш,	В масле шварки,
Кехь-кехь кIентий,	Во дворе, во дворе сыновья,
Хьекъийла хьан, баба!	Пусть размножатся у тебя, баба!

Предпоследняя строчка имела различные варианты: «ке-ке кIентий» (во дворе-во дворе сыновья); «кIа-кIа-кIентий» (пшеница-пшеница, сыновья); «хьера-хьера, кIентий» (мельница-мельница, сыновья). Под влиянием ислама в обрядовую песню был внесен и мусульманский текст. После первых двух строчек часто восклицали: «Яраббана Везиндела, амина Диела» (Всемогущий бог Диела, аминь, Диела) или «ЛаилахIа-илл-аллахI» (Нет бога, кроме Аллаха).

⁴ Применение куклы во время вызывания дождя в Чечне и Ингушетии нами не зафиксировано. Но в связи с этим интересно отметить, что чеченцы, например, наряжали куклу во время «белхи» (взаимопомощь). Называли куклу «Злемалг» (ср. с «Злеммур» и Земире). — См.: Архив Ин-та этнографии АН СССР. Полевые материалы автора, 1978—1980 гг.

В горных обществах Чечни, где ряженный назывался «хьогули», пели следующую песню (записано в Чеберлое):

Хьогули хIара ю!	Это есть «хьогули»!
Дога дайта йеана ю!	Приносящая дождь!
Дога дайтахьа, Диела!	Дай дождя, Диела!
Сигал мела дайта,	С неба теплым пролей,
Лавтта хьена доссийта!	На землю масляным (благодатным) разлей!

У кистин нами записан такой вариант:

Хьогули хIара ю!	Это есть «хьогули»!
Дога дайта, ва Диела!	Дай дождя, Диела!
Кхаш хьекъийта, ва Сиела!	Урожайными поля сделай, Сиела!
Даь до бузийтал,	Наполни кукурузохранилище отца,
Наьна кIаь бузийтал,	Наполни амбар матери,
Берза цергал хIоь оллийтал,	Зерно пусть будет с зуб волка,
Саь суькал ка оллийтал!	Колос пусть будет с рог оленя!

Среди ингушей нами записан такой текст обрядовой песни:

Муста-гудург хIар ю!	Это есть «муста-гудург»!
Дога дахьа, Даьла!	Дай дождя, Даьла!
КIа-борц хьувкъийта,	Пшеницу, ячмень уроди,
Кур хьажкIаш ебийта!	Гордую (хорошую) кукурузу уроди!

Вариант этой песни был опубликован в сборнике ингушского фольклора:

Муста-гударг, муста-гударг,	Муста-гударг, муста-гударг,
КIа-борц хьувкъийта,	Пусть на полях уродится
Кур хьажкIаш ебийта,	Просо, ячмень, пшеница
Дога да тхона, Даьла,	и кукуруза тоже,
А-а-мин! ⁵	Дай нам дождя, боже.
	О господи боже! ⁶

Известны также другие песни, исполнявшиеся во время обряда вызывания дождя ⁷.

Как мы уже отмечали, в роли ряженного выступал в основном мальчик-подросток. Но ряженным мог быть и взрослый мужчина, которого также раздевали догола. Иногда в данном обряде главную роль играли девушки и женщины. Проследить историю обряда позволяет анализ термина. В чеченском и ингушском языках к ряженному обращаются как к особе мужского пола. Но в обрядовых песнях, которые, как известно, весьма архаичны, фигурирует женщина. Вероятно, в первоначальном, древнейшем варианте обряда главную роль играла женщина. Об этом говорит и то, что во время продолжительной засухи кумыкские девушки делали куклу в образе женщины, представлявшей божество, и носили ее по селу с просьбой вызвать дождь ⁸.

Глубокая древность происхождения подобного обряда подтверждается семантикой аграрно-магических изображений на сосудах трипольской культуры, исследованной Б. А. Рыбаковым. На них изображены додолы — главные персонажи в обряде вызывания дождя у балканских народов. Это юные девушки, исполняющие танец дождя во время засухи. Раздетые догола додолы обвешиваются травами, ветками, цветами; женщины села обливают их с ног до головы водой. «Символика здесь вполне ясна, — пишет академик Б. А. Рыбаков, — девушка — земля; ее

⁵ ГIалгIай фольклор. Грозный, 1967, т. 2, с. 319 (на инг. яз.).

⁶ Песни вайнахов. Грозный, 1972, с. 102.

⁷ ГIалгIай советски литература исторе очеркаш. Грозный, 1961, с. 14 (на инг. яз.); Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963, с. 16.

⁸ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 323.

наряд — зелень всех видов, а вода, которой обливают додол, — желаемый и просимый дождь»⁹. Ту же самую символику можно видеть и в вайнахском обряде с ряженым.

Не менее распространены были общественные моления, устраивавшиеся с целью вызывания дождя. Их вариации у чеченцев, ингушей и кистин объясняются разной степенью проникновения ислама к этим народам. У чеченцев это происходило следующим образом. Мужчины села или главы с муллою собирались в определенном традиционном месте и устраивали «кровавые жертвоприношения» («меа сагIа»). В жертву приносили обычно быка, корову, несколько баранов в зависимости от состоятельности жителей села. Традиционные места жертвоприношений находились на краю села, у истоков реки, на вершине горы или у могилы человека, известного своей святостью — «зерат» (от араб. «зиярет»). Наиболее популярными были вершины гор: «Дишши корта», «Мизир корта», «Ковтара корта», «Дога доххучу гутIа» (вершина, где просят дождь), «Къорша» (ср. с къоршкъури) и др. «С идеей неба... связан культ гор, горных вершин, „красных горок“, „красных холмов“ — ближайших к небу точек земли... Горы и холмы (в равнинных местах) были не объектом, а местом культа, местом сборищ и принесения жертв. Это явление было общечеловеческим»¹⁰, — пишет Б. А. Рыбаков. Вайнахи в этом отношении не были исключением. Принесение жертв у истоков рек указывает на связь в сознании людей воды земной с водой небесной.

Об общественных молениях имеются и письменные сообщения. Например, в «Терских ведомостях» была помещена заметка, в которой сообщалось, что 10 июня в Веденском округе «стали производиться всеобщие и повсеместные богомоления» с целью вызывания дождя. По рассказам очевидцев, «в это время было совершено немало всяких добрых дел...»¹¹. Собравшись в установленном месте, люди молились о дожде вслед за муллою, который произносил молитву («доIа») из корана. После жертвоприношения процессия трижды обходила село. В традиционном месте устраивалась общественная трапеза. Мясо делили на части и распределяли между жителями села независимо от средств, внесенных ими в общую кассу.

Несмотря на то что общественные моления чеченцев о дожде на первый взгляд выглядят как чисто мусульманские (руководство муллы, молитва из корана, отсутствие женщин), в них можно увидеть и древние языческие элементы (выбор места сборища, кровавые жертвоприношения и др.).

Ингуши молились о дожде в местах, где находились сельские и фамильные святилища (либо их развалины), посвященные какому-нибудь языческому божеству. Наиболее известны были Самеба ЦIу, Ерды, Матлам (Столовая гора, на которой находилось несколько святилищ), Текъа корта («вершина моления») и др.

Интересный обряд вызывания дождя записан нами в Джейрахе (Горная Ингушетия). Все жители села собирались в традиционном месте, где совершали заклятие животных, варили пиво; сюда же приносили обрядовые «текъаргаш» (три круглых тонких пирога и один треугольный — «боджыльг»). Затем начиналось моление. Роль жреца исполнял человек по имени Махъма. Моления о дожде проводились только в среду (в вайнахском традиционном календаре среда была посвящена языческому богу-громовержцу Сиели). Один из присутствовавших молодых людей держал перед жрецом поднос с едой (хлеб, мясо, пироги) и чашу с водкой. Обратившись лицом к востоку, жрец произносил молитву: «Звезды и небо создавший Диела! Землю, траву, солнце создавший Диела! Дай нам хорошее, дай нам дождя. Выверни погоду с непогодой. Сделай урожай тучным. Дай нам то, что мы просим». Все участники моления произносили: «Амины!». Затем жрец выпивал водку и закусывал. По окончании молитвы устраивалась общественная трапеза.

⁹ Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 188.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 285.

¹¹ Нурэддин. Из Веденского округа. — Терские ведомости, 1875, № 30.

Жители Джейраха совершали также моления о дожде на Мат-лам. Уда направлялась процессия, впереди которой вели жертвенного быка, обязательно белого цвета. На вершине горы быка ставили головой к юстоку и начинали моление, по окончании которого быка резали и здесь же варили мясо в больших котлах. Кроме того, для общественной трапезы жители села приносили с собой три сыра, вино, кукурузный чурек.

В корреспонденциях конца XIX — начала XX в., публиковавшихся в газете «Терские ведомости», не раз сообщалось о молениях с целью вызывания дождя (например, в Сагопше, Фуртауге, Плиевском)¹². Всей церемонией в это время уже руководил мулла, а молились чаще всего мечети. Однако старые обряды не забывались и еще в первой четверти XX в. такие моления проводились на Столовой горе жителями Джейраховского и Мецхальского обществ¹³.

Кистины устраивали общественные моления у святилищ, расположенных на возвышенных местах. Здесь также проводилась общественная трапеза после жертвоприношения. Перед этим предназначенное для жертв животное трижды обводили вокруг села, навесив на рога кусок белой материи. Часто в жертву приносили козу рыжей масти. При заклании животного старались кровь пролить на лезвие топора; если же хотели прекратить дождь, то кровь проливали на его рукоятку.

Для вызывания дождя вайнахи использовали множество других способов, широко известных у различных народов. В частности, был распространен обычай раскапывать старые могилы, вынимать из них кости и выставлять их наружу. По народным поверьям предпочитались кости пленника или безвинно погибшего человека, а также кости, найденные во время пахоты. Кистины для вызывания дождя выставляли скелеты из склепов. Ингуши вынимали кость из склепа около храма Тха-ба-Ерды¹⁴; в Малхисте для выполнения обряда использовали мумифицированные трупы из склепа Зейтовых¹⁵.

Вера в то, что раскапывание старых могил вызовет дождь, была очень сильна. Например, Л. П. Семенов указывал, что во время археологических раскопок в 1927 г. местные старики обращались к нему с просьбой не копать, опасаясь проливных дождей¹⁶.

Для вызывания дождя вайнахи использовали и надгробные памятники, каменные кресты, изображения фаллосов, камни. Например, повсеместно в Чечне и Ингушетии был известен обычай валить на землю или сдвигать с места надгробный памятник («чурт»). Жители с. Нихаюй (Шатоевское общество, современный Советский р-н), чтобы переменить погоду, опрокидывали каменный крест, стоявший вблизи села¹⁷. Считалось, что изображение фаллоса у святилища богини Тушоли также обладает силой вызывать дождь¹⁸. Переворачивание почитаемых камней, каменных крестов и другие манипуляции с камнями были магическим приемом, посредством которого люди рассчитывали изменить погоду. Этот обычай был широко известен на Кавказе¹⁹. Тем же объясняется

¹² Шатихин Б. Из селения Сагопш.— Терские ведомости, 1890, № 55; Крашенинников М. В горах (о сел. Фуртауг).— Там же, 1911, № 172; Гребенец Ф. С. Боргаташ.— Там же, 1913, № 234.

¹³ Семенов Л. П. Эволюция ингушских святилищ.— Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Т. 4. М., 1928, с. 459; Мартиросов Г. К. Нагорная Ингушетия.— Изв. Ингушского научно-исследовательского института краеведения. В. 1. Владикавказ, 1928, с. 63.

¹⁴ Харузин Н. Н. Археологическая экскурсия в Чечню и Осетию.— Терские ведомости, 1886, № 62.

¹⁵ Даутова Р. А. Отчет о результатах полевого исследования за 1975 г., с. 10.— Архив Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

¹⁶ Семенов Л. П. Мавзолеев Боргаташ.— Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928, в. 1, с. 232.

¹⁷ Миллер В. Ф. Археологические наблюдения в области чеченцев.— В кн.: Материалы по археологии Кавказа. В. 1. М., 1888, с. 67.

¹⁸ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы.— В кн.: Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.—Л., 1931.

¹⁹ Чурсин Г. Ф. Магия в борьбе с засухой у кавказских народов.— Бюллетень Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1930, № 6, с. 17.

и вайнахов обычай раскапывать во время засухи зараннее закопан-
деньги и алычки.

Как и у других народов Кавказа, у вайнахов был широко распро-
странен обряд вызывания дождя с помощью бросания в воду камешко-
что сопровождалось чтением молитвы. Считалось, что, когда во-
омывшая эти камешки, дойдет до моря, начнется дождь. В Горной Че-
не также существовал подобный обряд. Старики во главе с мулло
молились, а молодежь собирала камни. Их складывали около грамо-
ных жителей, умеющих читать коран, которые нашептывали над них
молитву, а затем откладывали их в сторону. После этого молодежь бр-
сала камни в воду. Одетые мальчики также бросались в воду и пол-
чали за это подарки. По окончании обряда резали жертвенных живот-
ных и устраивали общую трапезу²⁰.

В случае засухи вайнахи часто, подобно другим народам Кавказа²¹
убивали и подвешивали змею. В народных воззрениях образ змеи бы-
тно связан с водой; эта связь широко известна в фольклоре и изобра-
зительном искусстве разных народов и разных эпох²². Как известные
змеи выползают в дождливое время, отсюда и возникла вера в их связь
с желаемой небесной влагой.

Повсеместно был распространен обычай разрушать воронье гнезда
поскольку ворона в народных представлениях является вестницей не-
годы.

Среди обрядов вызывания дождя следует назвать широко известные
на Кавказе обычай пропахивания русла пересохшей речки. У чеченцев
ингушей этот обряд исполняли раздельно как женщины, так и мужчины.
Во дворе наиболее почитаемого в селе человека, считающегося удачли-
вым, благодатным («беркате стаг»), они впрягались в плуг, а затем
протаскивали его вдоль и поперек русла речки; при этом полагалось об-
ливать друг друга водой. У ингушей нам удалось записать песню, ис-
полняемую во время обряда:

Аьргиг-буьртиг, хьаьжкIен буьртиг,	Аьртиг — зерно, кукурузы зерно,
КIе буьртиг, берца буьртиг,	Пшеницы зерно, ячменя зерно,
Дога делхийталахь, Диела,	Дай дождя, Диела,
Хьувкхийталахь, Везиндиела!	Уроди урожай, Великий Диела!

В наиболее полной форме этот обряд записан нами у кистин. Когда
долго не бывало дождя, кистинские женщины начинали подготовку
пропахиванию дна речки. Плуг собирали во дворе дома одной из жен-
щин, выполнявшей роль руководителя обряда — «готана нана» («ма-
плуга»). Затем самую старую женщину в белой одежде сажали на плуг.
Она произносила молитву и давала обет держать пост до дождя и раз-
говеться только дождевой водой. В плуг впрягалось от двух до шести
женщин. Процессия во главе с этой «упряжкой» отправлялась к речке
по дороге все ее участники громко молились о дожде. Сидящая на плу-
ге пела обрядовую песню:

Дога данйтал, ва Диела,	Дай дождя, Диела,
Кхаш хьекхийтал, ва Сиела,	Поля урожайными сделай, Сиела,
ЦIа веле хьо цIа воле,	Если тебя нет дома, то приходи
ЦIа веле хьо Iо хецал	домой,
Цицкан таса лукум дац,	Если ты дома, пролей дождь,
ЖIалена дотта доьша дац!	Кошке бросить крошки нет,
	Собаке налить каши нет!

Придя к речке, женщины два-три раза протаскивали плуг по ее дну
при этом сами падали в воду и обливали друг друга, а также стлкну-
ли в речку проходящих мужчин. Затем женщины, бывшие в «упряжке»

²⁰ Петухов П. С. Из Нагорного округа. — Кавказ, 1866, № 65.

²¹ Чурсин Г. Ф. Указ. раб., с. 17; Миллер В. Ф. Указ. раб., с. 68.

²² Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 191.

подходили по селу; их обливали водой и одаривали деньгами или продуктами. На собранные деньги они покупали жертвенного козленка («ост»; считалось, что козленок также поможет вызвать дождь). Резали козленка на краю села, а его мясом угощали сирот. Перед трапезой старший в селе произносил молитву, которая буквально звучала следующим образом: «Не смотри на нашу грешность, хотя мы и не считаем себя настолько чистыми (безгрешными), чтобы обращаться к тебе; но если не тебя, то у кого мы попросим; если ты нам не дашь, то кто же нам даст? Мы пришли к тебе с просьбой ради рыбы в воде, ради не умеющих говорить животных, ради преданной своему мужу жены. Масляный для земли и благодатный для людей, пошли нам теплый дождь, Сиела!». Трапеза сопровождалась песнями и танцами.

По замечанию Д. К. Зеленина, «очистка и углубление водных источников во время засухи сначала были реальной мерою, средством борьбы с недостатком воды, в частности воды для питья. Впоследствии же это было понято как обряд симпатической магии: открытие подпочвенных „подземных“ вод должно было вызвать по магическому сходству открытие небесных вод, т. е. дождя». Женский характер обряда свидетельствует возможно об оформлении его в эпоху матриархата²³.

Столь долгожданный и просимый людьми у богов дождь не всегда бывал благодатным. Часто созревающий урожай выбивал град. Поэтому вайнахи широко применяли различные средства, способные, по их представлениям, уберечь посевы от градобития. Например, во время града во двор выбрасывали различные железные предметы: топор, мотыгу острием вверх, опрокидывали треножник («очакх», «зедг»), жгли сало или кость жертвенного животного.

Обычай выносить во двор железные предметы во время грозы был широко распространен на Кавказе. В основе этого обычая лежала не только вера в их магическую силу, но и, видимо, опыт, позволивший узнать свойства железа как электропроводника. Вероятно, это свойство и послужило причиной применения железа и в тех случаях, когда это было бессмысленно²⁴.

Интересный обычай бытовал еще в недалеком прошлом у кистин: во время града первенец в семье выскакивал во двор и, повернувшись в ту сторону, откуда шел град, голыми ягодицами, произносил: «Dorluna mehe, doxxhara vina» (букв.: «[град], уйди с ветром, я, первенец, [прошу]). Данный экзотический обычай, имеющий аналогии и у других народов, например Средней Азии, применялся вайнахами и в случае густого и долгого тумана.

Наряду с обрядами вызывания дождя вайнахам были известны и обряды вызывания солнца, еще практиковавшиеся в исследуемый период. Если длительное время шли дожди, то устраивались общественные моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Каждая хозяйка варила кукурузу, мясо, кипятила молоко и раздавала их соседям. Во дворе выставляли закопченный медный котел, да и всю медную посуду в опрокинутом виде. Часто люди всем селом выходили на поиски утопленника или какого-нибудь другого незакопанного трупа. Считалось, что, пока труп не будет закопан, дождь не прекратится. Дождливые дни называли «дак'а малхех' йочуна» (букв.: труп на солнце непогода). Закапывали раскрытые в свое время с целью вызывания дождя могилы, кости; убирали в склепы выставленные на солнце скелеты. Выравнивали поваленный надгробный памятник, каменный крест. Широко был распространен обычай резать козленка и подвешивать его вниз головой. Существовал и другой обычай: выписывать на листе имена больных даршой и подвешивать этот листок на шесте в центре села, чаще всего у мечети. На шесте же помещали и волосы, вылезшие от парши; считалось, что выполнение такого обряда поможет

²³ Зеленин Д. К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов.— Сов. этнография, 1934, № 5, с. 8.

²⁴ Брегадзе Н. А. Рациональные основы некоторых обычаев грузинских земледельцев.— Сов. этнография, 1967, № 2, с. 144.

«высушить» небо. С той же целью выносили под дождь первенца, кипятили в котле дождевую воду, пока она не выпарится и т. п.

В горный районах Чечни с целью прекращения дождя, как и в случае засухи, устраивали процессию с ряженым. Иногда вместо него использовали куклу в виде шеста с перекладной, на которую навешивали зеленые ветви и растения. Теперь на ряженого вместо воды бросали землю, или какие-нибудь сухие предметы, при этом говорили:

Къоршкъури хIара ю,	Это есть «къоршкъури»,
Йекхийта, Диела!	Проясни, Диела!

Во время длительных дождей дети исполняли песни с целью вызывания солнца:

Малх-малх кхетийтахъа, Диела,	Пусть покажется солнышко, Диела,
Хьозуна яй кхьехийтахъа, Диела,	Пусть закипит птичий котел, Диела,
КIига бIаьриг балийтахъа, Диела,	Пусть оседлеет ворона, Диела,
Беллараш гIовтийтахъа, Диела!	Пусть оживут мертвые, Диела!

В настоящее время эта песня потеряла магический смысл и сохранилась в детском фольклоре. Она имеет свои варианты: например, во второй строчке часто произносят «хьозуна хье» (птичий мозг), а в третьей — «КIига бIаьриг кхолийтахъа» (пусть померкнет глаз вороны).

Еще одна песня записана нами в Чеберловском обществе Чечни:

Гъзана мала чIечIкъалац	Пока козий рог не расплавится,
Хьозуна хье кхехкалац,	Пока птичий мозг не закипит,
Цицка мотт баккхалац,	Пока кошачий язык не вывалится,
Малх хьажийталахъ, Диела!	Пусть светит солнце, Диела!

Подведем итоги. В исследуемый период обряды вызывания дождя и солнца значительно трансформировались, в частности под влиянием ислама (особенно у чеченцев). Однако ислам не смог до конца изменить древнюю языческую сущность этих обрядов. Так в них тесно переплетены элементы культа плодородия и культа воды, без которой немыслимо произрастание и созревание урожая. Почти во всех описанных обрядах вода занимает основное место: общественные моления проводятся на берегу рек, здесь же устраивается и общественная трапеза; водой обильно обливают ряженных и друг друга, в воду сбрасывают зеленое облачение ряженого, сталкивают прохожих, что, вероятно, свидетельствует о древних отголосках человеческих жертвоприношений.

В рассмотренных обрядах можно усмотреть и следы культа мертвых, также связанного с культом плодородия. В народном представлении мертвые сородичи способны были оказать влияние на произрастание хлебов, размножение скота, жизнь людей и т. д., отсюда многочисленные манипуляции с костями и скелетами давно умерших предков. В обрядах вызывания дождя и солнца, даже в том виде, в каком нам удалось их зафиксировать, отражены и различные другие представления, как, например, культ камня, культ гор и т. д.

В. М. Куликов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблемы изучения древнерусской музыкальной инструментальной культуры приобретают особую актуальность в связи с находками археологов, обнаруживших в последние десятилетия в различных областях нашей страны подлинные древнерусские музыкальные инструменты или же их фрагменты. Эти находки не только значительно расширили наше представление о древнерусской музыкальной культуре, но и сде-

дали необходимым пересмотр многих положений и выводов музыковедов (инструментоведов), изучавших древнерусский музыкальный инструментарий, однако не имевших в своем распоряжении подлинных музыкальных инструментов древней Руси.

Особый интерес представляют результаты работ Новгородской комплексной археологической экспедиции Московского Государственного университета, Института археологии АН СССР и Новгородского музея-заповедника. На протяжении 1960—1970-х годов в Новгороде были обнаружены сравнительно хорошо сохранившиеся сопели (дудки) XI и XV вв., гусли XI—XV вв., гудки-смычки XII и XIV вв. и несколько варганов. Появилась возможность комплексного исследования проблем древнерусской музыкальной инструментальной культуры с использованием при этом в качестве инструментоведческого материала подлинных древнерусских музыкальных инструментов, памятников древней письменности и изобразительного искусства, а также современных традиционных музыкальных инструментов, бытующих в народе на протяжении многих веков.

Древний Новгород был одним из самых значительных центров традиции музицирования на гусях. Здесь были распространены гусли различных типов и видов. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть и по-новому осветить проблему типологических особенностей новгородских гуслей. Ранее в трудах советских музыковедов Л. П. Тихомирова¹, К. А. Верткова² и др. рассматривались лишь два основных типа новгородских гуслей — крыловидные (ладьевидные) и шлемовидные (треугольные, полуовальные). Однако при раскопках в Новгороде в слоях XI и XIII вв. были найдены гусли, которые можно отнести к типу, ранее не фигурировавшему в трудах по историческому музыкальному инструментоведению. Мы имеем в виду гусли с вырезом около открылка (открылка). Первый из указанных инструментов хранится в Новгородском музее-заповеднике, второй — в Москве, в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки (см. рис.).

Чтобы лучше уяснить типологические и конструктивные особенности этих инструментов, а также выяснить их музыкально-выразительные возможности, следует определить функциональное назначение выреза. Что это — украшение или же необходимая деталь данной разновидности

Новгородские гусли XIII в. Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки

¹ Тихомиров Л. П. История гуслей.— Уч. зап. Тартуск. ун-та, в. 116. Тарту, 1962.

² Вертков К. А. Русские народные музыкальные инструменты. Л.: Музыка, 1975, а. 71—78.

новгородских гуслевидных инструментов, обусловленная определенным способом звукоизвлечения? Для ответа на этот вопрос сравним новгородские крыловидные гусли с вырезом около окрылка (открылка) с другими, родственными по конструкции.

На одной из миниатюр Кентерберийской Псалтири 700 г. имеется изображение струнного щипкового инструмента, в верхней части которого сделан вырез, служащий для звукоизвлечения. Изображению сопутствует следующий комментарий: «Давид играет на северной лире, которая исчезла из района Средиземноморья, где она существовала, и сохранилась в более грубой форме среди тевтонов и кельтов Северной Европы...»³.

Обращает на себя внимание еще один струнный щипковый инструмент, изображенный на одной из миниатюр чешской Велиславовой Библии XIV в. Этот инструмент с корпусом грушевидной формы имеет вырез в верхней части округлой головки. А. С. Фаминцын определяет его как кобзообразный⁴, А. Бухнер называет цистером⁵. А. С. Фаминцын совершенно справедливо полагает, что, несмотря на некоторое сходство с лютневидными инструментами, данный инструмент создан не по образцу лютни, а по какому-то другому типу. Для нас особенно интересно и совершенно очевидно функциональное назначение выреза: он служит для извлечения звуков пальцами левой руки и для удержания инструмента (при исполнении) в вертикальном положении.

Следует обратить внимание на находку польских археологов, обнаруживших при раскопках в г. Гданске датируемые XII—XIII вв. гусли по своим конструктивным и типологическим особенностям идентичным новгородским.

Сопоставление отечественных и зарубежных памятников изобразительного искусства позволяет осветить некоторые вопросы генезиса данного типа гуслей, выявив их лирообразные прототипы.

Одним из таких ценных памятников изобразительного искусства новгородского происхождения являются миниатюры Хлудовской Псалтири XIII в.⁶, на которых изображены чрезвычайно интересные образцы древнерусских струнных щипковых инструментов, обладающих целым рядом весьма существенных признаков, обусловленных их типологическим родством. К таким признакам относятся: наличие плоского резонаторного корпуса с вырезом в верхней части, вертикальное положение инструмента при исполнении, способ звукоизвлечения пальцами двух рук, как на арфе. Идентично и функциональное назначение выреза, служащего для звукоизвлечения. Особая ценность данного источника состоит прежде всего в том, что здесь запечатлен момент исполнения, поэтому мы имеем возможность получить вполне достоверное представление о способе игры на гусях этого типа.

А. С. Фаминцын обратил внимание на родство древнерусских гуслей с прусско-литовским канклесом и на факт распространения в данном восточноевропейском регионе единообразной традиции исполнения на гуслевидных инструментах. В своей книге⁷ он приводит интересные данные, характеризующие процесс исполнения на прусско-литовском канклесе (вертикальное положение инструмента в момент исполнения, способ звукоизвлечения).

Такое широкое распространение единообразной традиции позволяет сделать предположение о наличии ее генетических истоков, общих для народов данного региона. Эту проблему целесообразно исследовать в свете одной из гипотез, согласно которой племена словен и кривичей до

³ Harrison F., Rimmer J. *European Musical Instruments*. L., 1964, fig. 32.

⁴ Фаминцын А. С. Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа. Спб., 1891, с. 96.

⁵ Buchner A. *Musikinstrumente von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Prag., 1971, abb. 58.

⁶ Псалтирь XIII в. из библиотеки А. И. Хлудова. Государственный исторический музей, отдел рукописей. Хлуд. 3, л. 2 об., л. 268.

⁷ Фаминцын А. С. Гусли — русский народный инструмент. Спб., 1890, с. 52—54.

на расселении в новгородско-псковском регионе жили на территории нынешней Польши. Пути переселения этих племен проходили через приорские земли балтов (литовцев и латышей) с первых веков нашей эры до VIII—IX вв.⁸ В этой связи можно допустить мысль о том, что традиция игры на лирообразных, а затем и на гуслеvidных инструментах с вырезом около окрылка (открылка) сложилась задолго до расселения словен и кривичей на Новгородской земле. Прототипом рассматриваемых нами новгородских гуслей могли являться струнные щипковые музыкальные инструменты, типологически близкие тем, которые изображены на миниатюрах Хлудовской Псалтири XIII в. (л. 2 об.) и Кентерберийской Псалтири 700 г. Для этих инструментов характерен плоский корпус овальной или прямоугольной формы с вырезом в его верхней части, вертикальное положение в момент исполнения. В процессе своего развития данный вид лирообразного инструмента претерпел весьма существенные конструктивные изменения, коснувшиеся прежде всего формы и размера корпуса, получившего вид крыла и ставшего значительно большим по отношению к вырезу.

Традиция музицирования на лирообразных и гуслеvidных инструментах с вырезом около окрылка (открылка), а следовательно, и сами музыкальные инструменты данного типа не сохранились в народной музыкальной практике. В древнем Новгороде получили распространение и бытовали вплоть до XIX—XX вв. другие типы гуслей, типологически родственные соответствующим струнным щипковым инструментам народов финно-угорской языковой группы. Здесь можно указать на два основных типа гуслеvidных инструментов, имеющих весьма четко выраженный ареал распространения. Это крыловидные (ладьевидные) гусли, бытовавшие в Новгороде, у народов Прибалтики, карел и финнов на протяжении многих веков вплоть до наших дней. Другой тип гуслей — шлемовидные (полуовальные) гусли имел самое широкое распространение в древнем Новгороде, а в настоящее время бытует у народов Поволжья.

При раскопках в Новгороде были обнаружены интересные образцы гуслей крыловидного (ладьевидного) типа, относящиеся к XIV в. Наиболее раннее изображение гуслей данного типа содержит уже рассмотренная выше миниатюра Хлудовской Псалтири XIII в. Можно предположить, что зарождение и развитие традиции исполнения на крыловидных (ладьевидных) гусях было связано с этнической историей Новгородской земли, которая до прихода сюда словен и кривичей была заселена финно-угорскими племенами. В. В. Седов указывает, что состав населения Новгородской земли сложился в условиях славяно-финнского симбиоза⁹. Указанное обстоятельство могло в решающей степени способствовать формированию однотипного музыкального инструментария данного региона, где получили максимальную степень распространения гусли крыловидного (ладьевидного) типа. Следует отметить, что и другие типологически близкие новгородским музыкальные инструменты сохранились в музыкальном быту народов Прибалтики, карел и финнов.

На протяжении многих веков в Новгороде бытовали гусли шлемовидного типа, изображений которых довольно часто встречаются в отечественных памятниках изобразительного искусства. Сравнительный анализ этих материалов позволяет исследовать типологические особенности данного типа гуслей и выявить инструменты, имеющие определенные, конструктивные различия. К наиболее древней разновидности гуслей шлемовидного типа можно отнести инструмент с корпусом дугообразной формы, запечатленный на одной из миниатюр Хлудовской Псалтири XIII в. (л. 39). Можно предположить, что вслед за дугообразными гусями появляются гусли с полуовальной формой корпуса. Их изображе-

⁸ Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Новгород и русская эпическая традиция.— В кн.: Новгородские былины. М.: Наука, 1978, с. 317.

⁹ Седов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979, с. 74—76.

ния мы находим в памятниках изобразительного искусства, начиная XIV в.

Продолжает оставаться предметом дискуссии феномен типологической общности новгородских шлемовидных гуслей с инструментами народов Поволжья (марийские *кюсле*, чувашские *кёсле*, удмуртский *крэзь*, татарские *гусля*). Полное отсутствие археологических материалов и памятников изобразительного искусства древнего и средневекового Поволжья, содержащих сведения о музыкальных инструментах, не позволяет сделать каких-либо документально обоснованных выводов по этой проблеме. С нашей точки зрения, при изучении вопросов генезиса музыкального инструментария ни в коем случае не следует смешивать два отнюдь не равнозначных момента. Первый — выявление национального типа (прототипа), второй — исследование исторического процесса создания и распространения определенного типа музыкального инструмента, появившегося в результате взаимодействия нескольких национальных музыкальных культур. Типологическая общность музыкального инструментария не может служить неопровержимым свидетельством факта заимствования. Гораздо правильнее говорить о результатах исторического процесса формообразования музыкального инструментария, проходившего в условиях взаимосвязей и взаимовлияний различных национальных музыкальных культур. Под влиянием этих факторов проходили, по-видимому, конструктивные изменения национальных инструментов, являвшихся прототипами созданного позже «межнационального» инструмента, органически вошедшего в музыкальный быт каждого из народов. С нашей точки зрения, именно таким образом и надлежит исследовать проблемы генезиса гуслей шлемовидного типа. Можно предположить, что в процессе взаимосвязей Новгорода с народами Поволжья, имевшими свои национальные прототипы музыкальных инструментов, был создан и получил повсеместное распространение у народов данного региона этот тип гуслей, сделавшихся типичным «межнациональным» музыкальным инструментом.

На основании изложенного выше правомерно сделать следующие выводы. Древний Новгород является одним из самых значительных центров традиции музицирования на гуслях. Наиболее древняя традиция — исполнение на крыловидных гуслях с вырезом около окрылка (открылка), по-видимому, возникла еще до прихода словен и кривичей на Новгородскую землю. В процессе взаимосвязей Новгорода с народами финно-угорской языковой группы были созданы и получили самое широкое распространение крыловидные (ладьевидные) и шлемовидные (дугообразные, полуовальные) гусли, сохранившиеся в народной музыкальной практике до наших дней.

А. П. Рунич

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И ТАМГИ В ДЖИНАЛСКОМ ГРОТЕ У КИСЛОВОДСКА

Во время экскурсии по окрестностям г. Кисловодска рабочий Г. Н. Федоров обнаружил на стене одного из гротов множество рисунков, среди которых есть фигурки человека и животных и различные «таинственные знаки»¹.

Грот расположен на склоне Джиналского хребта, в 9—10 км от Кисловодска. Образовался он на месте выхода на поверхность плотного

¹ См. Рунич А. П. Джиналское святилище.— Кавказская здравница, 22.IX.1979 г. Надо сказать, что в районе г. Кисловодска обнаружено немало исторических памятников. Они, в частности, обозначены на выполненной автором данной статьи археологической карте (находится в Кисловодском краеведческом музее, инв. № 1892).

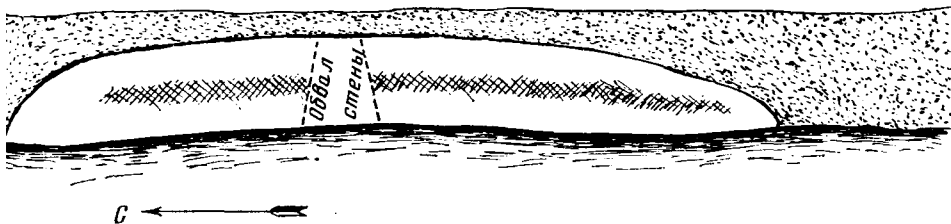

Рис. 1. Джиналский грот (разрез)

линистого песчаника. Ширина грота 42 м, наибольшие глубина и высота его — в центральной части (соответственно 8 и около 5 м), входом он обращен на запад. Пол грота на 30—70 см покрыт перегнившим навозом, песком, золой, глыбами горной породы, обрушившейся со стен и потолка.

Вблизи грота в отвесной скале на высоте около 1 м от ее нынешнего основания вырублено 10 небольших петель (восемь вертикальных и две горизонтальные), напоминающих дверные ручки. Четыре петли находятся севернее грота на расстоянии от 24 до 147 м, шесть — южнее (одна всего в 0,5 м от него). Наличие ручек-петель вблизи грота свидетельствует о несомненной их связи с ним. Очевидно, когда-то они служили конювязью, к ним привязывали верховых лошадей люди, посещавшие грот. Такое предположение подкрепляется, на наш взгляд, и отсутствием на прилегающей к гроту территории следов поселений и укреплений. Склоны Джиналского хребта в районе расположения грота довольно пологие, значительное время года они покрыты травой и издавна используются для выпаса скота.

Петроглифы заполняют почти всю среднюю часть одной стены грота на высоте примерно 1,3—1,5 м от нынешнего уровня пола. Среди рисунков есть фигурки человека (рис. 2, 16), собаки (рис. 2, 5), туров (рис. 2, 8, 11), оленя (рис. 2, 25). Кроме того, на стене вырублено 49 тамговых знаков, но, судя по фрагментам изображений, сохранившихся на обломках стены, их было гораздо больше. Рисунки обозначены контуром. После тщательного изучения рисунков мы пришли к выводу, что все они вырублены железным орудием типа долота или стамески с лезвием шириной 1,3—1,5 см. Последовательными ударами по этому орудю справа и слева выбивали одно за другим треугольные углубления, образуя линию треугольных бороздок — контур рисунка.² Ширина бороздок около 1 см, сохранившаяся глубина 0,4—0,6 см².

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает то обстоятельство, что многие петроглифы Джиналского грота находят аналогии и на Кавказе, и в других регионах. Фигурка человека (рис. 2, 16) сходна с изображением на дольменообразном склепе X—XI вв. у р. Кривой в Карачаево-Черкесии³. Тамговые знаки 7 и 34 напоминают знаки, вырезанные у скального захоронения Гнаказы⁴, а 14 и 21 (рис. 2) — изображения у некрополя Крайда⁵. По мнению Т. М. Минаевой, эти тамгообразные знаки не связаны с «пещерками» (скальными камерами), а «нанесены на скалу позднее»⁶. Но для чего было поздним обитателям вырезать свои родовые тамги именно у древних могил — «домиков мертвых»? Нам представляется несомненной связь тамг со скальными захоронениями.

² Подсчет рисунков и тщательная протирка их выполнены М. А. Гуськовым, которому я выражаю искреннюю признательность.

³ См. Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир. 1971, рис. 20.

⁴ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 17.

⁵ Там же, рис. 22.

⁶ Там же, с. 84.

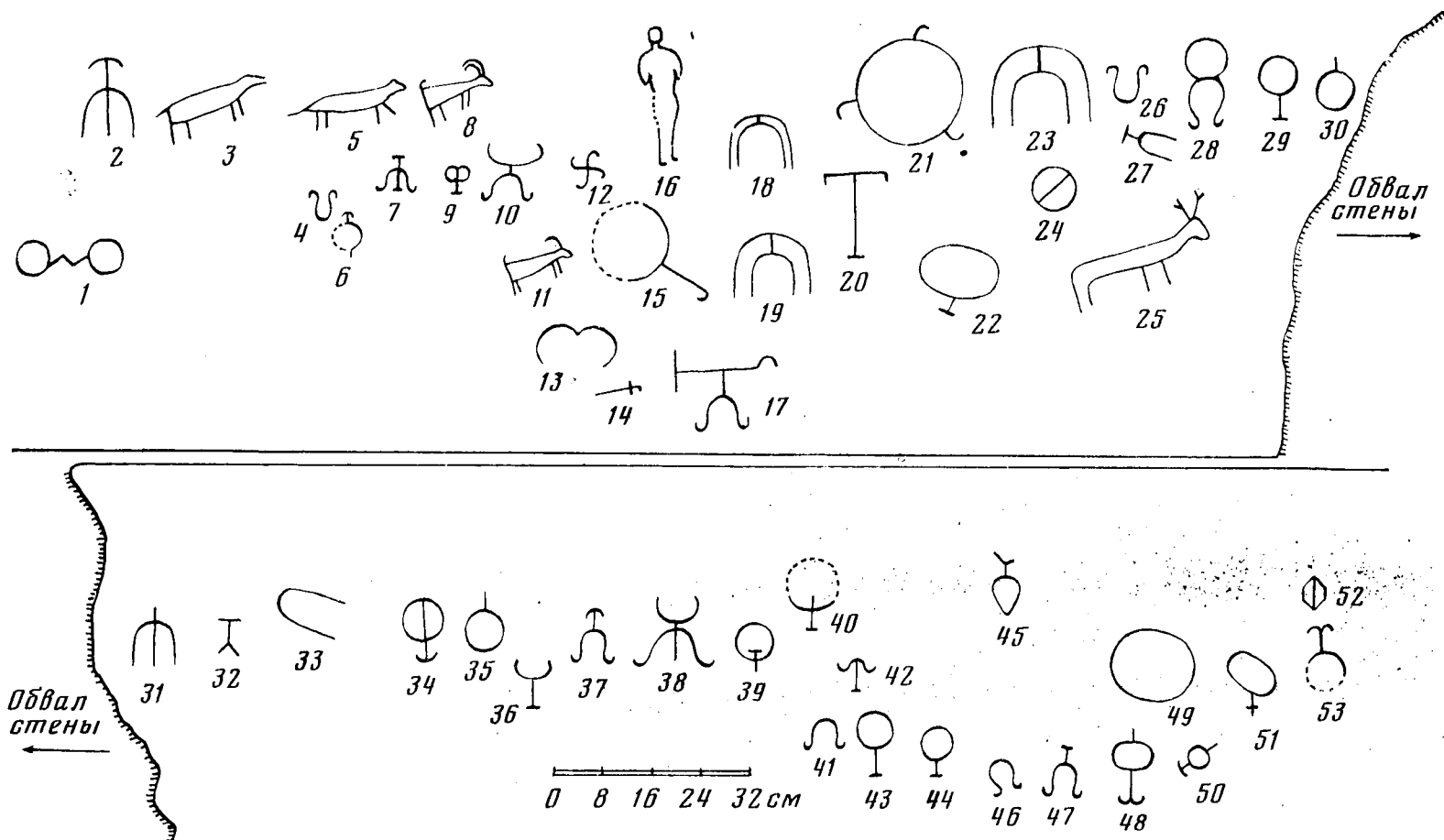

Рис. 2. Наскальные рисунки и тамги в Джангалском гроте.

Большинство джиналских тамговых знаков обнаруживает сходство с кавказскими тамгами, опубликованными Л. И. Лавровым⁷, но 13 знаков (рис. 2, 1, 2, 17, 21, 22, 24, 32, 34, 39, 40, 42, 47, 52) не находят аналогии с зафиксированными им тамгами. Кроме того, в Джиналском гроте есть тамги явно некавказского типа: они очень напоминают изображения, обнаруженные в Турции (рис. 2, 20), в Крыму (рис. 2, 30), в Средней Азии (рис. 2, 46), Иране⁸ (рис. 2, 36). Одна джиналская тамга (рис. 2, 12) близка сарматским тамгам⁹. Наличие в Джиналском гроте тамг некавказского типа отражает, видимо, культурно-исторические контакты народов Северного Кавказа и соседних регионов, имевшие место в период раннего средневековья.

Исследователи высказали мнение, что некоторые кавказские тамги относятся к периоду раннего средневековья¹⁰. Однако клейма-тамги известны значительно раньше. Они встречаются, в частности, на посуде VIII—VII вв. до н. э. Так, на чашке из Березовского могильника № 1 около Кисловодска имеются знаки¹¹, часть которых напоминает тамги Джиналского грота (рис. 2, 18, 19, 23). Клейма-тамги, аналогичные знаку 12 (рис. 2) из грота, имеются на сосудах VI—VII вв.¹² и на керамической посуде X—XII вв.¹³

Интересные сведения о тамгах есть в работах В. П. Пожидаева. Он считал, что тамги-тавра, которыми метили скот, являлись своеобразными фамильными гербами и в прежнее время принадлежали только привилегированным родам и фамилиям¹⁴. Он же сообщал, что скала Кунитыга, находящаяся выше кабардинского сел. Сармакова, у дороги, по которой прогоняли скот, «от верху до низу на протяжении нескольких десятков аршин исписана и изрезана целыми сотнями фамильных знаков»¹⁵. В другой своей работе В. П. Пожидаев писал, что кабардинцы метили своими тамгами не только принадлежащих им животных, но и вырезали знаки собственности на могильных памятниках, дверях кунацких, оружия и на придорожных скалах¹⁶. К сожалению, он не объясняет, с какой целью тамги вырезались на скалах у скотогонных путей. Правда, В. П. Пожидаев отмечает любопытный обычай, связанный с тамгами. У горцев Кавказа, пишет он, «всякий гость, посетив где-либо в дальнем ауле своего кунака, уезжая, почитал своей обязанностью и актом вежливости (вместо визитной карточки) вырезать на дверях кунацкой на память о себе родовое тамга»¹⁷. То же самое имело место в Балкарии, где на дверях и столбах старого дома вырезаны тамги различных людей в память о посещении ими этого дома¹⁸.

Возможно, именно обычаем нанесения тамг на придорожные скалы и двери кунацких объясняется и появление тамговых знаков на стене Джиналского грота. Видимо, их можно рассматривать как «метки», личные тамги тех людей, которые посещали грот и как-то использовали его. Предварительный осмотр грота позволяет предположить, что когда-то грот был культовым местом или святилищем. Имеющиеся на стене

⁷ См. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, табл. I, с. 109—123.

⁸ Там же, табл. IVa, Va, V6, VIa.

⁹ Там же, табл. II.

¹⁰ Азаматова М. К. Адыгский народный орнамент. Майкоп: Адыг. книжн. изд-во, 1960, с. 7.

¹¹ Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья. — Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976, т. III, рис. 3, I.

¹² Рунич А. П. Алаунский могильник в «Мокрой балке» у города Кисловодска. — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975, т. III, рис. 26—31.

¹³ Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы. — Сов. археология, 1970, № 2, рис. 6, 5.

¹⁴ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925, с. 36, 37.

¹⁵ Там же, с. 21, 22.

¹⁶ Пожидаев В. П. Кабардино-черкесская тамга и кабардинский орнамент. — Уч. зап. Кабардинск. НИИ, 1948, т. 4, с. 234.

¹⁷ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды, с. 55, рис. 5.

¹⁸ Медведева О. П. Новые этнографические коллекции музея по Балкарии. — Краеведческие записки Кабардино-Балкарского музея. Нальчик, 1961, в. 1, с. 79—81.

изображения туров и оленей свидетельствуют, вероятно, о бытовавшем среди местного населения культа охоты¹⁹.

В настоящее время, как и в недавнем прошлом, Джиналский грот используется для укрытия пастухов и скота от ненастной погоды. О этом свидетельствуют слои перегнившего навоза и золы на полу, закопченный потолок, а также современные надписи на его стенах, вырезанные ножами и нанесенные краской, которые сильно повредили древние изображения.

¹⁹ О существовании у народов Кавказа в раннем средневековье этого культа свидетельствуют сцены охоты в Хумаринской пещере, см.: *Афанасьев Г. Е., Рунин А. П.* Рисунки в пещере близ Хумары.— *Сов. этнография*, 1975, № 2, с. 106, 107; *Дирр А. М.* Божества охоты и охотничий язык и обычаи у кавказцев.— *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1915, в. 44, с. 1—16.

В. П. Алексеев

НОВАЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ПОД КРАСНОЯРСКОМ

Энеолитический период в окрестностях Красноярска изучен явно недостаточно как в археологическом, так и в палеоантропологическом отношениях. Поэтому любое увеличение соответствующих данных вызывает большой интерес. В данном сообщении речь пойдет о черепе из энеолитического погребения, раскопанного А. Н. Липским в 1966 г.

Погребение расположено у Красноярска, южнее дач Городского отдела народного образования, в гроте, недалеко от дачи искусствоведа Н. В. Лисовского. Им оно и было открыто. При раскопках обнаружилось труположение на спине, головой на юг. Скелет лежал приблизительно на глубине 15—20 см от земной поверхности. Из предметов были найдены ожерелье из створок раковин речной жемчужницы и подвеска из зуба благородного оленя. Они и служат основанием для датировки.

Скелет принадлежал девочке 12—13 лет. Второй моляр полностью прорезался, но на жевательной поверхности идеально виден весь рисунок узора. То, что он не успел стереться, свидетельствует о большей вероятности смерти в 12, а не в 13 лет. Сохранность черепа, к сожалению, далеко не идеальная: разрушены затылочная и основная кости, продавлена лобная кость, обломаны кончики носовых костей. Все же оказалось возможным взять основные размеры черепа и определить расовые особенности индивидуума с теми, разумеется, оговорками, какие вообще необходимы при расовой характеристике одиночных объектов.

Продольный диаметр измерить не удалось. Поперечный диаметр черепной коробки равен 152 мм. Правда, она посмертно деформирована, и в действительности поперечник был меньше, но ненамного. Черепной указатель обычно уменьшается с возрастом — детские и юношеские черепа, как правило, более круглоголовые, чем взрослые. Разница в величине черепного указателя рассматриваемого черепа и взрослых серий составляет около 2,5 единиц¹. Все равно при такой величине поперечного диаметра можно полагать, что исследуемый индивидуум после окончания роста был бы брахицефальным. Этим подтверждается факт

¹ *Довгялло Н. Д.* О росте черепа человека.— *Архив анатомии, гистологии и эмбриологии*, 1937, т. XVII, № 1; *Сысак Н. С.* Материалы для возрастной морфологии черепа человека.— В кн.: *Антропологический сборник*, II (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. L). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

незо- и брахикефалии энеолитического населения окрестностей Красноярска, установленный предшествующими находками².

При большой ширине черепной коробки лобная кость сравнительно низкая (наименьшая ширина 94, наибольшая 113 мм). Узка она и относительно, в процентах к ширине черепной коробки. Такое строение черепной коробки — большая ее ширина, высокий черепной указатель и низкая лобная кость — характерно для центрально-азиатских монголоидов. У них черепная коробка еще низкая; в данном случае определить высоту ее не удалось из-за отсутствия основания черепа. Нельзя ее было определить и по отношению к поперечным точкам ввиду возможного изменения их положения в вертикальной плоскости.

Размеры лица очень малы (ширина лицевого скелета между скуловыми дугами 120, верхняя его высота 58, полная высота лицевого скелета 98 мм). Следует, однако, учитывать, что они заметно меняются с возрастом. В скуловом диаметре разница между 12—14-летними подростками и взрослыми людьми превышает 9 мм, в верхней высоте колеблется от 7 до 8 мм, в полной высоте равна 13 мм. Таким образом, во взрослом состоянии скуловая ширина была бы 129 мм, т. е. равна аналогичной величине на женских черепах центрально-азиатских монголоидов. Верхняя высота и полная высота лицевого скелета были бы равны 65—66 и 110—111 мм. Эти величины немного уступают соответствующим величинам центрально-азиатских серий, но приближаются к ним. О большой ширине лицевого скелета в данном случае свидетельствуют и размеры его в верхней и средней части — 98 мм и 88 мм, во взрослом состоянии они будут 104—105 и 97 мм.

Небо небольших размеров (длина 39, ширина 35 мм), небный указатель приблизительно соответствует обычным средним величинам его в разных краниологических сериях (39,7). Такой указатель называется брахистафинным и свидетельствует о некотором расширении неба. Невелики и орбиты (ширина от максиллофронтальной точки 40,5, высота 31 мм). Особенно мала ширина орбиты от дакриальной точки — 35,5 мм. Но нельзя забывать, что небо и орбиты также подрастают в последние пять лет ростового периода. У взрослого индивидуума они достигли бы, надо думать, средней величины.

Высота носа изменяется от 12—14-летнего возраста до взрослого состояния на 6 мм, ширина — немного меньше чем на 2 мм. Эмпирически наблюдаемые величины на черепе: 25 мм ширина и 43 мм высота носа. Это дает очень высокую величину носового указателя — 58,1. Но с возрастом носовой указатель уменьшается, что видно из простого сравнения величины приращения носовой высоты и ширины. На взрослом черепе высота носа была бы равна 49 мм, ширина — 27 мм. Носовой указатель при этом все равно сохранил бы очень большую величину — 55,1. Напомню, что это не первый череп с абсолютно и относительно широким носом из энеолитических погребений у Красноярска. Мужские черепа из Базаихи и отчасти Перевозного, а особенно женский череп из раскопанного З. К. Глусской в 1955 г. погребения у летних дач Городского отдела народного образования, также широконосы. Нижний край грушевидного отверстия образует инфантильную форму.

Угол носовых костей к линии лицевого профиля, характеризующий выступание их в вертикальной плоскости, увеличивается с возрастом подобно подавляющему большинству других размеров. За время с 12—14 лет до взрослого состояния он увеличился бы на 5°. Наблюдаемая величина — 21°, что говорит скорее о среднем, а не о слабом выступании носа. Но при коррекций на возраст для взрослого черепа мы имели бы угол в 26°, что почти соответствует европеоидным величинам. Также примерно выступает и подносовая ость — 3 балла. Переносье, однако,

² Первым установил этот факт И. Т. Савенков. Он был подтвержден новыми находками: Дебев Г. Ф. Палеоантропология СССР.—Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. IV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948; Алексеев В. П. Энеолитический череп из Красноярска (к вопросу о южной примеси в населении Алтае-Саянского нагорья).—Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, 1960, в. XXXIV.

низкое (дакриальная высота 8,1, симотическая высота 1,6 мм), довольно широкое (дакриальная ширина 23,3, межглазничная ширина 19, симотическая ширина 6,4 мм). Такое соотношение приводит, естественно, к малым величинам дакриального и симотического указателя (соответственно 34,8 и 25,0). На европеоидных черепах подобные величины не исключены, но встречаются редко. В общем такое строение носовых костей, как у исследуемого черепа, чаще всего бывает характерно для смешанных по происхождению европеоидно-монголоидных серий.

Горизонтальная профилировка лицевого скелета почти не меняется в промежутки времени между 12—14 годами и взрослым состоянием. Назомаллярный угол на описываемом черепе — 144° (бималлярная ширина 92, высота 15 мм), зигомаксиллярный — 130° (зигомаксиллярная ширина 85,5, высота 19,5 мм). Это не типично монголоидные показатели, а более всего соответствующие смешанным группам. Глубина клыковой ямки равна 3,5 мм — тоже средняя величина. Обращаясь к вертикальной профилировке лицевого скелета, которая также служит для разграничения больших рас, в частности отделения южных групп негроидного происхождения от монголоидов и европеоидов, видим, что он ортогнатен, т. е. не выступает вперед. Общий угол лицевого профиля равен 85° , угол средней части лица — 83° . Таким образом, по обоим углам новая находка сближается с европеоидными и монголоидными сериями. Угол альвеолярной части лицевого профиля, правда, невелик (75°), но не настолько, чтобы изменить предыдущее заключение. Этим заключением не подтверждается наблюдение о негроидном характере черепа из погребения, раскопанного З. К. Глусской, — череп этот в пределах Красноярска и его окрестностей остается единичной находкой с такими особенностями³.

Нижняя челюсть небольших размеров, но довольно массивная. Ширина ее средняя (мышелковая ширина 109, ширина между гонионами 85 мм), длина скорее малая (длина от мышелков 90, от углов — 70 мм). Ветвь низкая (50 мм), но широкая (36 мм), наклон ее средний (116°). Подбородок выступает значительно (71°).

Своеобразно строение зубной системы. Зубы очень крупные — эта особенность выражена настолько четко, что лишь несомненная по другим краниологическим признакам принадлежность черепа женщине заставляет не сомневаться в определении пола. Лопатообразность резцов выражена очень четко — и на медиальном, и на латеральном резце она может быть оценена баллом 3. Это монголоидный признак. Редукция латерального резца заметна. Скученность зубов и выступание их за пределы зубного ряда, вполне отчетливые в данном случае, также чаще встречаются в монголоидных сериях. Но дистального гребня на тригоне нет, а бугорок Карабелли — европеоидная черта — выражен максимально и должен быть оценен баллом 5.

Если упомянуть в заключение о сфеноидной форме черепной коробки при взгляде сверху и сравнительно слабом рельефе черепа (надпереносье оценивается баллом 2, сосцевидные отростки — баллом 1), то его морфологическую характеристику можно считать полной. Что касается ее генетического значения, то в первую очередь подчеркнем два обстоятельства: а) ни в коем случае нельзя считать, что новая находка отличается каким-то особым своеобразием по сравнению с черепами из Базаихи и Перевозного; б) она подтверждает ранее данную характеристику генезиса энеолитического населения окрестностей Красноярска, образовавшегося в процессе смешения монголоидных и европеоидных форм.

Люди подобного антропологического типа жили в окрестностях Канска⁴ и в Прибайкалье⁵. Та европеоидная примесь, которая была у жите-

³ Их трактовка вызвала дискуссию: *Козинцев А. Г.* Проникали ли в древности негроиды в Сибирь? — Вопросы антропологии, 1974, в. 47.

⁴ *Герасимова М. М.* Неолитические погребения у Долгого озера (Канск). — Вопросы антропологии, 1964, в. 18.

⁵ Сводку данных и мнений см.: *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVI.

лей окрестностей нынешнего Красноярска в энеолитическое время и наличие которой подтверждается новой находкой, распространялась по крайней мере до оз. Байкал. Европеоиды попадали в район Красноярска преимущественно, по-видимому, с юга, из степных районов, в район Кедровки и в Прибайкалье, очевидно, с запада. Европеоидный компонент морфологически очень похож во всех степных районах юга Восточной Европы, в Казахстане и на юге Сибири. Брахикrania черепов из о. Красноярска принесена, следовательно, монголоидным компонентом.

Таким образом, исследуемый череп, как и многие другие неолитические черепа из Южной Сибири, обнаруживает черты смешения между монголоидами и европеоидами⁶. Заметим в связи с этим, что в последние годы антропологи уделяют пристальное внимание вопросу о времени проникновения европеоидов в Центральную Азию⁷ и их роли в формировании центрально-азиатской расы⁸. Весьма вероятно, что в рассматриваемом случае мы сталкиваемся с первыми этапами формирования краниологических особенностей центрально-азиатских монголоидов.

1. Изд-во АН СССР, 1958. После публикации этой книги появилось еще несколько статей с описанием новых единичных находок. Библиографию см.: *Казанцев А. И.* Антропологические данные о скелетах из неолитических погребений Приангарья.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. Новые исследования: *Мамонова Н. Н.* К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973; *ее же*. Население Ангара и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита).— В кн.: Палеоантропология Сибири. Л.: Наука, 1980.

⁶ *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 71, М.: Наука, 1961.

⁷ *Алексеев В. П.* Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974; *Мамонова Н. Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии.— Сб. МАЭ, 1980, в. 36.

⁸ *Гохман И. И.* Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов.— Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1980, в. 36; *Зубов А. А., Золотарева И. М.* Монголы в мировой систематике одонтологических типов.— Вопросы антропологии, 1980, в. 64.

Н. Г. Панкова

ДИНАМИКА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАЙОНЕ ЗОЛОТОГО БЕРЕГА (XV—XIX вв.)

Одной из важных проблем африканистики является динамика этнополитических процессов. В период колониальной экспансии европейских держав была создана концепция о высоком уровне этнополитической дифференциации африканских общностей, которые постоянно враждуют друг с другом. Колониальный захват африканских территорий в XIX—XX вв. провозглашался благом, который нес мир, просвещение и прочие дары цивилизаций африканским народам, якобы неспособным к самостоятельному политическому развитию и самоуправлению. В наши дни эта концепция подверглась всесторонней критике¹. Лингвистические и демографические исследования показали, что так называемая лингвистическая и этническая пестрота присущи преимущественно труднодоступным районам, где находятся изолированные и малочисленные общности, в то время как большая часть населения африканских стран,

¹ *Ольдерогге Д. А.* Проблемы этнической истории современной Африки.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972—1973 гг. Л.: Наука, 1974, с. 60—61.

напротив, достаточного гомогенна в лингвистическом и этническом отношении. Такое положение вещей, опровергающее главный тезис колонизаторов, складывается обычно в результате длительного взаимодействия населения в рамках достаточно больших политических единиц. Поскольку власть колонизаторов в Африке установилась только в XIX-начале XX в., есть основания полагать, что гомогенность африканского населения является результатом спонтанного развития местных общностей, их взаимодействия между собой, а также влияний с других территорий и континентов.

Одним из возможных источников для исследования этнополитических процессов в Африке являются составленные европейцами карты, схемы и описания побережья с прилегающими к нему районами. Вполне понятно, что наиболее подробно отражены на картах районы, где торговые контакты с местным населением были интенсивными и постоянными. Одним из таких районов был Золотой Берег. Подсчеты, проведенные ганским историком К. Дааку на основании португальских источников XVI в., показали, что в XVI в. оттуда поступала примерно 1/3 общемировой добычи золота. Вывозились также слоновая кость, продукты тропического земледелия и ремесла². Позднее отсюда, как и из других районов Гвинейского побережья, вывозили рабов³.

Непосредственное знакомство португальцев с Золотым Берегом произошло во второй половине XV в.⁴ Португальский купец Фернандо Гонмес, организовавший первую экспедицию на Золотой Берег, сообщает о деревне Шама, в которой жило около 800 человек⁵. По мере продвижения к востоку португальцы встречали другие рыбацкие селения. Район Эльмины, где было решено построить крепость, был тщательнейшим образом нанесен на карту. Селения, обозначенные на ней, имеют португальские названия: *Mina Douro* (Золотые копи), *Aldea de duas partes* (Селение из двух частей), *Cabo Corso* (Разбойничий мыс), *Aldea de alto* (Другое селение) и т. п.⁶ Местных названий португальцы тогда еще, вероятно, не знали. Их знакомство с территорией находилось на начальном этапе.

Энергичные попытки наладить и расширить контакты с африканцами предприняли в первой четверти XVI в. начальники гарнизона крепости Эльмина Фернан Лопеш Корреа и Дуарте Пашеку Перейра. Они стремятся обратить в христианство местное население, и в первую очередь правителей, обучают их португальскому языку, обследуют побережье на восток до селения Акара (ныне Аккра, столица Ганы), проникают во внутренние районы. В 1502 г. Эльмину посетил сын правителя Акан — большой политической общности лесной зоны, о которой португальцы слышали от жителей побережья. Он прибыл во главе торговой миссии⁷. В 1513 г. из Эльмины в Акан был послан Лопе Мешиа, который вручил правителю подарки, установил дружеские отношения и договорился о торговле⁸. В 1517 г. в Акане побывала миссия во главе с Николао Гарсиа, которая сначала морем добралась до Акара, где были вручены подарки правителю, а потом двигалась по суше к северу⁹.

² *Daaku K. Y. Pre-Ashanti States.— Ghana Notes and Queries*, 1966, № 9, p. 10—14.

³ *Абрамова С. Ю.* История работорговли на Верхнегвинейском побережье. М.: Наука, 1966, с. 126.

⁴ Ряд современных историков считают, что столетием раньше на Золотом Берегу были нормандские моряки. См.: *Берзина С. Я.* Археологические памятники как источник по истории Африки.— В сб.: *Источниковедение африканской истории*. М.: Наука, 1977, с. 58—61 (о первенстве французов говорится также в широко известной работе работорговца Дж. Барбо, он сообщал также, что французы встретили на Золотом Берегу купцов, вступивших с ними в торговлю).

⁵ *Vogt J. Portuguese Rule on the Gold Coast 1469—1682.— Athens: Univ. Georgia Press*, 1979, p. 8.

⁶ *Fontoura da Costa A.* Uma carta náutica portuguesa, anónima, de circa 1471. Lisbon: Agência Geral Colónias, 1940, p. 11, 19. Цит. по: *Vogt J. Op. cit.*, p. 8.

⁷ *Ibid.*, p. 82—83.

⁸ К сожалению, не сохранилось подробного отчета об этой миссии. См.: *Arquivo Nacional de Torre do Tombo, Lisboa — Corpo. Cronologico*, pt 1, m. 13, doc. 48. Цит. по: *Vogt J. Op. cit.*, p. 83.

⁹ *Arquivo Nacional de Torre...*, pt 2, m. 72, doc. 26.

1519 г. португальцы посылали подарки правителю Ассина — другой общности лесной зоны. В 1520 г. была послана миссия во главе с Жоао Вера к правителю Вассав — общности, расположенной к северо-западу от Эльмины¹⁰.

О том, что собой представляли общности Акан, Ассин и Вассав в начале XVI в., пока сказать трудно. Этот вопрос требует дальнейших исследований. Источники, упомянутые ниже, позволяют предположить, что это были потестарные образования, сложившиеся на базе племен либо союза племен. Первые четко выделяли себя среди соседей, но не обладали ни значительными территориями, ни многочисленным населением. Условно будем называть их в дальнейшем микрообщностями. Вторые, как будет показано далее, подчас распространяли власть на значительные пространства. В дальнейшем в соответствии с данными источников будем называть их в зависимости от их величины и структуры общностями, союзами общностей или конфедерациями, если источники подтвердят данные об их составе.

Как говорилось выше, португальцы, вступая в контакты с местным населением, имели возможность более детально узнать географию Золотого Берега и прилегающих к нему внутренних районов. Из труда П. Перейры нам известно, что в начале XVI в. на Золотом Береге, кроме Шамма, были селения Большое и Малое Фанти, Малое Сабоу, Футу, Коммани, Аксем (или Аксим), Акара¹¹. Во внутренних районах, кроме вышеупомянутых Акан, Ассин и Вассав, португальцам были известны Бремуо или Абрамбо, Борес или Боно, Мандингас, Каркрес или Инкасса (Каасе), Андесес или Союзос. Источником этих сведений были, по всей вероятности, рассказы местных жителей. Они вели постоянный обмен с внутренними районами и утверждали, что там есть более крупные селения, чем на побережье¹².

Несмотря на то что португальцы держали свои сведения в секрете, данные о Золотом Береге появляются на картах мира. Район «Мина» отмечен на карте Абрахама Крескеса, которая вошла в состав знаменитого Каталанского атласа, который относится к концу XIV в.¹³ «Морская навигационная португальская карта», изданная в 1516 г. в Страсбурге Мартином Вальдземюллером, содержит элементы гидрографии Золотого Берега, на ней показан также мыс Трипойнтс, крепость Эльмина и еще три пункта на побережье¹⁴. На карте Диого Хомена, включенной в Каталанский атлас 1565 г., отмечено семь пунктов на побережье¹⁵.

В середине XVI в. Золотой Берег стали посещать английские торговые суда, а в дальнейшем также шведские, датские, голландские и др. К концу столетия на 300 милях береговой линии было построено более 20 фортов и крепостей пяти европейских государств. Успех торговли европейцев полностью зависел от умения установить дружеские отношения с местным населением. Поэтому в XVII—XVIII вв. появляются новые карты, схемы, описания побережья, в которых содержится широкий круг сведений по географии, экономике, этнографии, описания социальных институтов и сообщения о политических событиях. В этот период активную деятельность на Золотом Берегу развернула голландская Вест-Индская компания. Поэтому имеется много документов, принадлежащих голландским авторам.

На карте Иодокуса Хондиуса «Новое описание Гвиней», которая вошла в состав атласа, изданного Меркатором и Хондиусом в Амстердаме в 1606 г., Золотой Берег представлен в соответствии с картографической

¹⁰ Vogt J. Op. cit., p. 84—85.

¹¹ Pereira D. Esmeraldo de Situ Orbis.— Haikluyt Society, Series 2, 1969, v. LXXLX, p. 120.

¹² Ibid.

¹³ Africa on Maps Dating from the Twelfth to the Eighteenth Century. Leipzig, 1968, S. 19, № 8.

¹⁴ Ibid., S. 22, № 12.

¹⁵ Ibid., S. 22, № 13.

традиции, созданные португальцами. Во внутренних районах наметилось положение общностей частично известных из прежних источников: Аннес Большой и Малый, Ассас (вероятно, Ассин), Абораас. Отмечено также положение общностей Бангана, Гаго, Катамани, Квинимберг, Атис, Адвос, Абе, Дагри, Конва, Корибена и Ксабанда. На побережье вблизи от него есть также известные по прежним источникам названия Аксем, Эльмина, Афуто, мыс Корсо и мыс Трипойнтс. Не упоминались прежде Домена, Биамби, Анутини¹⁶. Топономика содержит много португальских слов, что свидетельствует об активном использовании автором португальских источников. Озеро Зем названо на голландский латинский «Земзее». Карта Хондиуса расширяет наши представления о географии Золотого Берега, но она явно фрагментарна и отражает положение, относящееся не к началу XVII в., а скорее всего, к несколько более раннему времени.

В 1629 г. анонимный голландский автор составил новую карту Золотого Берега непосредственно на месте, в селении Моуре (микрообщность Фанти). В легенде к карте говорилось, что источником для нее послужили рассказы европейцев и местных жителей. На ней показано 10 больших и малых микрообщностей, живущих на побережье, и 33 микрообщности — во внутренних районах. Это, по-видимому, первая полная политическая карта Золотого Берега. Несмотря на заведомую схематичность границ территорий, занимаемых микрообщностями, и возможные ошибки, о которых будет сказано ниже, карта представляет огромный интерес. Она снабжена подробными комментариями. Они сообщают о товарах и драгоценных металлах, имеющихся в различных частях Золотого Берега; о занятиях местных жителей¹⁷, о составе прибрежных микрообщностей. Из 10 прибрежных микрообщностей четыре имеют по одному селению, одна — два, одна — четыре, две — пять, одна — шесть, одна — восемь. Состав Агвано, названной также «страной Янккомом», не указан — видимо, потому, что это «дикий угол», населенный «очень воинственными людьми»¹⁸.

В легенде к карте упоминается также, что к устью р. Пра приходило торговать с европейцами местные жители из микрообщностей Джабел Мампа и Васса, расположенных выше по ее течению. Жители Банка, находящейся к северу от Васса, торгуют не с населением побережья, а с аканами — жителями Акан, Аким и Аканижа. Это свидетельствует о том, что в начале XVII в. торговлю с европейцами вели преимущественно жители узкой прибрежной зоны, регулярная связь с внутренними районами отсутствовала. Неоднократные попытки португальцев, предпринимавшиеся в XVI в. для налаживания таких связей, видимо, результатов не дали.

Подробным образом описываются особенности управления в прибрежных микрообщностях. Автор сообщает, что Анта управляется «как республика» и не имеет единоличного главы (обозначаемого им на европейский лад термином «King»), местного термина для обозначения главы общности, нет. Коммендо, Фету и Сабоу были прежде под властью одного правителя, и их население называли общим именем «адесина», так же как единым именем называют фанти из разных селений. Одна половина жителей возле крепости Эльмина раньше подчинялась правителю Коммендо, а другая — правителю Фету¹⁹. Теперь у них, «как в республике», пишет автор, отмечая также огромное влияние португальского губернатора в этом селении. Оно очень многолюдно. Жители его делятся на три группы, в каждой из которых имеется свой старший («мэр»). Жители селения Моуре подчиняются жителям Сабоу и платят им конт

¹⁶ Ibid., S. 48, № 56.

¹⁷ Солеварение в Ампеа, Футу, Сабоу, Моуре, Дон Педро, Рио Амнжса, Рио Идако; рыболовство в Бетеридж, Папом-Пандо, Такораридж (Анте), Манквесанки, Аборбидж, Айоба, Миджна; земледелие в Анамабо.

¹⁸ Leupen, Collections, № 743. — Цит. по: Daaku K. Y. and Dantzig A. van. An Annotated Dutch Map of 1629. — Ghana Notes and Queries, 1966, № 9, p. 14—15.

¹⁹ Там же. Описание микрообщностей ведется от мыса Корсо к востоку.

рибуцию. Они обязаны также нести военную службу в войске правителя Сабоу, когда тот воюет против Эльмины. Воинов Моуре возглавляет собственный военачальник — «кабосейрос».

Анта часто воюет с Адом, Сабоу — с Атиж, жители Коммендо — с населением Абрамбое, которое в свою очередь враждует с жителями Аканьяжа из-за тяжелой войны, которая была 10 или 11 лет назад. Автор пишет, что теперь Абрамбое друзья Шаат (Schaat (?)), которые, по-видимому, тоже враги Аканьяжа. На карте общность Шаат не показана. Автор не очень уверен также в правильности этого названия и поэтому ставит возле него знак вопроса. Не исключено, что это первое упоминание о Союзе Ашанти, образование которого в этом случае можно отнести к первой половине XVII в.

На карте не отмечены также упоминавшиеся у Д. П. Перейра Мандингес, Андесес и Союзос. Андесес скорее всего можно идентифицировать с Аданси, о котором сообщается в португальских источниках²⁰ как об основном золотодобывающем районе²¹. В начале XVII в. Аданси стала частью Аким и, видимо, по этой причине не указана на карте²². Союзос, по всей вероятности, можно идентифицировать с Инсоко, которая показана на карте 1629 г. в северной части района. По поводу названия Мандингес можно сказать, что общности, говорящие на языке мандинго, издавна жили в Западном Судане к северу от лесного пояса Гвинеи. Торговцы мандинго проникали в тропические леса и на побережье Гвинейского залива. Знакомство с ними, возможно, и было причиной, по которой жители побережья сообщали португальцам о городе или стране Мандингес, употребляя это слово во множественном числе как собирательное название для всех северных народов.

Ряд микрообщностей на карте имеет одинаковые или очень сходные названия: трижды встречается название Нил, два раза — Квахоу, два — Бонноу, есть также Игвижра, Инкасса Игвижра, Большая Инкасса, Акан, Аканьж и Большой Аканьж. Причины появления сходных или одинаковых названий могут быть самые разнообразные. Прежде всего возможны ошибки из-за слабой осведомленности информаторов. Например, Нил не встречается ни на ранних, ни на более поздних картах и описаниях. Скорее всего это название ошибочно. Географическое и этническое наименование Кваху бытует до наших дней, упоминается в работах О. Далпера, В. Босмана, Дж. Барбо, отражено на картах более позднего времени. На них также дважды встречается название Кваху, разделенные микрообщностями Тафу и Камана. Здесь, безусловно, сказалось действие географического фактора. Тафу и Камана локализованы на холмистых возвышенностях, как это видно на более поздних картах. Общности Кваху расположены на равнинах вдоль р. Вольта. По-видимому, информаторы имели в виду территории, которые занимали родственные по языку группы населения. В том случае, когда по соседству расположены общности с наименованиями типа Инкасса и Большая Инкасса, можно предположить, что это результат сегментации.

Отметим также, что одна из микрообщностей внутренних районов имеет двойное название — Дахоу Атиж. На карте 1729 г., речь о которой пойдет дальше, они обозначены как две отдельные микрообщности. По всей вероятности, в начале XVII в. они представляли собой федерацию, которая впоследствии распалась.

Карты Африки, выпущенные в Амстердаме в 1631 г. вышеупомянутым Г. Хондиусом, в 1642 г. В. Янсоном, в 1671 г. Фредериком де Витом²³, содержат мало новых сведений о Золотом Береге, особенно о

²⁰ Daaku K. Y. Op. cit., p. 10—14.

²¹ В устных преданиях народов Золотого Берега говорится, что «Аданси» — место, «где бог начал создавать мир» (см. Reindorf C. C. The History of Gold Coast and Asante. Basel, 1950, p. 48). По мнению ганского историка Кваме Дааку, отсюда вышли все правящие кланы общностей Аким, Кваху и Ашанти (см.: Daaku K. Op. cit.). Однако скорее всего это лишь легенда.

²² Daaku K. Y. Trade and Politics on the Gold Coast 1600 to 1720. Oxford, 1970, p. 148.

²³ Africa on Maps., p. 26, № 18; p. 27, № 19.

внутренних районах. Они почти полностью повторяют карту Хондиус 1606 г. Некоторое уточнение в положение общности Кинимберим вносит Хондиус в карте 1631 г., где она размещена по обоим берегам р. Вольта, что делает вероятной ее идентификацию с Камана, известной по карте 1629 г. и расположенной по берегам Вольты южнее Кваху.

О политико-географическом и этнополитическом положении на Золотом Берегу во второй половине XVII в. можно узнать из работ О. Даппера, В. Дж. Мюллера, В. Босмана и Дж. Барбо. К этому времени Золотой Берег был хорошо известен и сложилась традиция описывать его с запада на восток от мыса Трипойнтс, как в свое время знакомился с ним первые европейские мореплаватели. Описание О. Даппера почти полностью повторяет данные карты 1629 г. Разночтения незначительны²⁴. О. Даппер отмечает, что у аканов («akanieg»), — имея в виду, по всей вероятности, население общностей с корнем «акан»: Акан, Аким или Большой Аканиж, Аканиж, — язык одинаков с языком жителей Фету, Ати, Сабу, Коммендо, Абрамбое и Фанти²⁵. Это позволяет наметить ареал родственного по языку населения. Данные карты 1629 г. сообщают, что к востоку от Коммендо за р. Пра в Анта язык иной, чем в Коммендо²⁶, отмечая таким образом юго-восточную границу этого ареала. Однако, отмечает О. Даппер, при этом языком торговли является ломаный португальский.

Непосредственная торговля с внутренними районами по-прежнему налажена слабо. Товары с побережья идут в г. Абонзе (возможно, Бонно), где их покупают жители внутренних районов.

О. Даппер сообщает также, что «территория Аква принадлежит (по-видимому, подчиняется) Фанти»²⁷.

Вильгельм Иоган Мюллер, капеллан в датском форте на Золотом Берегу (1661—1669 гг.), детально описал микрообщность Фету. Работа была опубликована в Европе вскоре после его возвращения. Большой интерес представляет структура управления микрообщности, так как она, по-видимому, была типичной для всего региона или по меньшей мере для побережья²⁸. Мюллер отмечает также постоянные войны между Сабу и Фанти, Сабу и Атти, Коммендо и Адом, Фету и Абрамбое, Аккара и Эквеа²⁹.

В. Босман, чиновник голландской Вест-Индской компании, служил в Эльмине во второй половине XVII в. Он также оставил описание Золотого Берега, первое издание которого появилось в 1704 г. Несколько позже (в 1746 г.) вышла упомянутая выше книга Дж. Барбо, побывавшего на Золотом Берегу в последней трети XVII в. По данным Босмана и Барбо, на политической карте Золотого Берега произошли следующие изменения. Микрообщности Адом и Аквамбоу получили выход к морю. На побережье возникли две новые микрообщности — Джаби и Акрон. Аккра стала составной частью Аксаму³⁰. Анта разделилась на Верхнюю и Нижнюю, так как была ослаблена постоянными войнами с соседним Адомесе (по-видимому, Адом)³¹. Дж. Барбо утверждает, что прежде Аксем и Анта были единой общностью, но постоянные войны с соседним Адомесе настолько их ослабили, что они утратили свое могущество и единство³².

²⁴ Например, микрообщность в нижнем течении р. Пра на карте 1629 г. названа Sabue, а у Даппера — Tabeu.

²⁵ A Provisional Translation of an Extract from Dapper O. Beschreibung von Afrika. Amsterdam 1670.— Ghana Notes and Queries, 1966, № 9, p. 16.

²⁶ Daaku and van Dantzig. Op. cit.

²⁷ A Provisional Translation..., p. 17.

²⁸ Главой микрообщности был охин, а его приближенными казначей — дей и военачальник — брафу (один из вариантов «брассо»).

²⁹ Birmingham D. A note on the kingdom of Fetu.— Ghana notes and Queries, 1966, № 9, p. 30—32.

³⁰ Bosman W. A New and Accurate Description of the Coast of Guinea. N. Y., 1967, p. 5; Barbot J. A Descriptions of the Coast of North and South Guinea and the Ethiopia Inferior, Vulgarly Angola, Being a New and Accurate Account of the Western Maritime Countries of Africa.— A Collections of Voyages and Travels. L., 1746, v. 5, p. 145.

³¹ Bosman W. Op. cit., p. 15.

³² Barbot J. Op. cit., p. 154.

Во внутренних районах В. Босман называет не упоминавшиеся раньше и не обозначенные на карте 1629 г. общности Кабестерра, Денкира, Асанта и Теки-анкан; Дж. Барбо — Иггина, Афиенте, Данкерис, Кабестерра и Мекзара³³. Из них Кабестерра и Иггина указаны на карте 1729 г. Можно предположить, что они сформировались в середине XVII в. и оказались довольно устойчивыми. Денкира, или Данкерис, по данным карты 1729 г., является союзом из нескольких ранее известных микрообщностей, нанесенных на карту 1629 г. Асанта и Афиенте, без всякого сомнения, можно идентифицировать с Ашанти. В XVIII—XIX вв. этот военно-торговый союз превратился в главную политическую силу Золотого Берега.

Так же как и их предшественники, В. Босман и Дж. Барбо уделяют большое внимание отношениям между общностями Золотого Берега. Сообщается, что Фету потеряла независимость и теперь подчиняется Коммендо, но тем не менее это сильная микрообщность и соседи ее опасаются³⁴. Фету и Коммендо часто воюют с соседней Абрамбое, которая, по-видимому, зависит от Фету, так как несколько раз в году правитель Фету назначает в Абрамбое ритуальные праздники³⁵. Под покровительством Фанти находятся Большой и Малый Акрон, которые состоят между собой в союзе. О зависимости Аква от Фанти не упоминается. Акваму получает подати от Аккры. В то же время Аким «предъявляет права феодального типа» по отношению к Акваму³⁶. По-видимому, Акваму может противопоставить силу притязаниям Акима и на этом основании отказаться признать былую зависимость от него. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, является свидетельством возвышения Акваму. Именно поэтому, вероятно, она покорила Аккру, расположенную на побережье, обеспечив себе льготные условия для торговли с европейцами.

Столь сильное соперничество между микрообщностями предполагает наличие военной организации для защиты территории и населения. В самом деле, из вышеназванных работ узнаем, что правитель Коммендо имеет гвардию из 500 человек, а в случае необходимости может созвать армию в 20 тыс. человек³⁷. Микрообщность Фанти возглавляет военачальник брассо. У фанти имеются также молодежные воинские подразделения, которые возглавляет особый сановник мэнсерос³⁸. Большая часть мужского населения Акваму занята войной (по-видимому, для захвата пленников, которых продают работоторговцам). В мирное время мужчины служат наемниками у соседей, хозяйством занимаются женщины и пришлые негры³⁹.

О структуре управления общностей Золотого Берега авторы XVII в. пишут, что они возглавляются либо выборным советом, либо правителем, власть которого ограничена советом. Микрообщности первого вида именовались у европейских авторов республикой (*republic*), «типа республики» (*kind of republic*); второго — «королевствами» или «княжествами» (*kingdom*); там, где вид управления не совсем ясен, употреблялось нейтральное слово «страна» (*country*)⁴⁰. Местных терминов для обозначения этих форм правления источники XVI—XVII вв. не сообщают⁴¹. Прибрежные микрообщности Золотого Берега того времени фор-

³³ Bosman W. Op. cit., p. 5; Barbot J. Op. cit., p. 145, 187—191.

³⁴ Bosman W. Op. cit., p. 51.

³⁵ Barbot J. Op. cit., p. 154—155, 170, 172.

³⁶ Bosman W. Op. cit., p. 69; Barbot J. Op. cit., p. 184.

³⁷ Bosman W. Op. cit., p. 39; Barbot J. Op. cit., p. 154—155.

³⁸ Bosman W. Op. cit., p. 57, 164, 193.

³⁹ Ibid., p. 70.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Судя по сообщениям более позднего периода, существовала серия типов микрообщностей со следующими названиями: «ахурин», «асокоре» — ассоциации сельских поселений (см. Rattray R. Ashanty Law and Constitution. L., 1956, p. 148), «оман» — общность полнского типа с городом во главе (см. Попов В. А. Традиционная социальная организация ашанти в предколониальный период: 1806—1874 гг. Л.: ЛМИ, 1977: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук, с. 11—12), «аман», «аманту» — союз, конфедерация оманов и др.

мировались на базе довольно ограниченного числа поселений⁴². Каждое из них управлялось по какому-либо из указанных выше типов и вынуждено было в силу обстоятельств признавать над собой власть верховного правителя микрообщности, в сущности, не слишком превосходившей локального правителя в военной силе. Соперничество между правителями Золотого Берега внутри общностей было, по-видимому, обычным явлением. Так, например, В. Босман пишет, что у фанти каждая часть (т. е. город, деревня, локальное объединение городов и деревень) имеет своего вождя, которые иногда стараются избежать подчинения брассо⁴³. В Аксаму позиции правящей верхушки были более сильными. Тот же автор пишет, что здесь «только кинг и его друзья — свободные люди, остальные — их рабы»⁴⁴. Авторы отмечают также имущественное неравенство и сословное расслоение⁴⁵.

Европейские форты на побережье активно играли дезинтегрирующую роль. Имеется много свидетельств этого явления. Например, «постройка бранденбуржцами форта в Аксике разделила жителей, — пишет В. Босман. Часть их перешла под защиту пришельцев, ожидая менее обременительных форм правления»⁴⁶. Местное население в свою очередь старалось обеспечить себе наибольшие выгоды в торговле, используя соперничество между европейцами из разных стран. Известно, что в 1671 г. правитель Коммендо отправил посольство к королю Франции с просьбой воздвигнуть в Коммендо крепость и открыть там торговлю, намереваясь избежать торгового посредничества голландцев в крепости Элымина⁴⁷.

Дальнейшее развитие этнополитических процессов на Золотом Береге можно проследить по карте, составленной французским картографом М. д'Анвилем в 1729 г., ровно через 100 лет спустя после появления голландской карты, о которой шла речь выше. На карте уточнены очертания береговой линии, в прибрежных районах обозначена гидрографическая сеть, границы микрообщностей даны схематично, но не условно, как на карте 1629 г. Обозначено также местоположение прибрежных поселений. По карте д'Анвиля видно, что значительно возросло количество прибрежных поселений. Если источники XVII в. утверждают, что количество селений в прибрежных микрообщностях колеблется от одного до восьми, составляя в среднем два-три, то по карте д'Анвиля лишь в Анта по берегу расположено 12 селений, в Коммендо — пять, в Фету — пять, в Фанти — шесть, в Агонна — пять, в Аккра — пять⁴⁸. Кроме того в прибрежных общностях имелись обычные селения и за пределами береговой линии. Можно предполагать, что население в прибрежных районах значительно возросло.

Продолжалось возвышение общности Аквамбо, или Аксаму. Она разрушила Аккру, которая в прошлом веке попала к ней в зависимость. Территория Аксаму за столетие значительно увеличилась. В ее состав вошел ряд общностей, покоренных военной силой, другая часть победленных платила дань. О военном могуществе Аксаму говорит тот факт, что в 1689 г. она нанесла поражение воинственному «княжеству» Агонна⁴⁹, который, впрочем, по примечаниям д'Анвиля, к 1729 г. был опять свободным и очень могущественным. Аксаму начала XVIII в., видимо, уже нельзя считать микрообщностью. Более правильно будет квалифицировать его как союз, объединивший в своих границах ряд обособленных прежде микрообщностей. Карта д'Анвиля фиксирует Аксаму в рас

⁴² Как португальские источники, так и авторы XVII в., включая картографические материалы, согласно сообщают, что в прибрежных микрообщностях, как правило, было по несколько селений, в среднем два-три.

⁴³ *Bosman W. Op. cit.*, p. 57.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 64.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 131—134, 168, 193; *Barbot J. Op. cit.*, p. 236, 240, 249, 255, 263, 270, 282, 291.

⁴⁶ *Bosman W. Op. cit.*, p. 5, 17.

⁴⁷ *Barbot J. Op. cit.*, p. 154.

⁴⁸ *Daaku K. Y. Trade and Politics...*, map 4.

⁴⁹ *Boahen Adu. Topics in West African History. Longmans, 1964*, p. 67—69.

вете его могущества. В 1730 г. соединенные силы Акима, Кваху и Агон-
и вторглись в Акваму и разрушили его⁵⁰. После этого союз распался
и в дальнейшем попал под влияние Ашанти.

Формирование союзов общностей в этот период происходило также
в других частях Золотого Берега. Карта д'Анвиля фиксирует этот ин-
тересный и важный переходный момент. В отличие от упоминавшихся
уже отношений политической зависимости (типа вассальной или про-
ектората), когда подчиненные общности либо выплачивают дань, либо
делают подарки своим покровителям и т. п., но сохраняют за собой свою
территорию, свои границы, союзы общностей на карте д'Анвиля обозна-
чены в общих границах. Кроме того, они имеют зависимые от них микро-
общности за пределами этих границ.

Всего во внутренних районах обозначено три союза общностей типа
kingdom», в состав которых входит соответственно пять — семь микро-
общностей, два союза типа «country», один из которых имеет в своем
оставе три микрообщности, состав двух других не обозначен. Еще один
союз состоит из «country» Адом, «geripublic» Абоков и район Мампа (или
Компа), у которой не указан тип правления. Эти шесть союзов объеди-
няют 25 прежних микрообщностей. В своих прежних границах остались
только шесть микрообщностей внутренних районов, но из них Атти под-
чинена Акани, а Латаби, Эквеа и Буну — Акваму. Преобладание союзов
над былой мозаикой микрообщностей очевидно.

Карта д'Анвиля снабжена примечаниями, которые позволяют судить
о взаимоотношениях между общностями. Они сообщают, что союз Дин-
кира составил преимущественно в результате покорения соседних
общностей микрообщностью Динкира: Старый Иссини был разрушен и
после этого, видимо, включен в состав союза, Аовин, а точнее, часть его
подчинена Динкира. Остальные части, возможно, избежали такой уча-
сти, объединившись с Динкира на базе договора. Комментариев такого
рода в источнике нет. Известно, что к концу XVII в. Динкира был одним
из самых сильных союзов на Золотом Берегу. Европейцы делали по-
пытки наладить с ним торговые связи. В. Босман сообщает, что в 1692 г.
туда были посланы специальные миссии из Голландии, Англии и Бран-
тенбурга с предложением добрых взаимоотношений⁵¹. Однако в начале
XVIII в. союз Динкира был сильно ослаблен ашантийцами, о чем сооб-
щается в комментариях д'Анвиля.

В составе союза Ашанти д'Анвиль показывает семь общностей: Тро-
пасса, Малая Тропасса, Боно, Ванкве, Инта, Бютани, Инсокко. Он от-
мечает также, что имеется еще ряд «стран», неизвестных ему. Согласно
традиции ядром Ашанти был союз пяти микрообщностей — оманов⁵²,
который называют «амантоо»⁵³, т. е. в этот период союз Ашанти был
довольно обычной для Золотого Берега XVII в. конфедерацией микро-
общностей. Как было показано на примере Акваму и Динкира, во второй
половине XVII в.⁵⁴ на базе таких союзов начали формироваться союзы
союзов. Положение членов таких объединений в значительной степени
зависело от того, каким путем они были включены в его состав. После
того как Ашанти в начале XVIII в. добился независимости от своего
бывшего сюзерена Динкира, победив его на поле брани, к нему присое-
динилось на основе договора еще несколько союзов: Венчи, Оффинсо,

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Bosman W. Op. cit., 159, 219.

⁵² В литературе более позднего периода, посвященной Ашанти, по этому вопросу
существуют большие разногласия. В. А. Попов показал, что количество микрообщностей,
из которых составила конфедерация, и их названия у разных авторов не совпадают.
(Попов В. А. Ашантийцы в XIX в. М.: Наука, 1982, с. 19). Анализ данных позволил
ему сделать вывод, что наиболее вероятными организаторами следует считать оманов
Мампонг, Нсута, Беквай, Кокофу и Джуабен. Города с такими названиями находятся
ныне в 100—150 км от г. Кумаси, который был столицей Ашанти.

⁵³ «Аман» — множественное число от «оман».

⁵⁴ Подобные «союзы союзов», возможно, были и раньше. Португальцы, например,
сильным «государством» считали Акан, но, по мнению ганского историка К. Дааку,
это был союз нескольких крупных общностей (см.: Daaku K. Op. cit., p. 146—147).

Джаман, гечиман и др. Их относили к категориям «амансин». В результате военных походов Ашанти были захвачены Банда, Эджису, Мо, Ва Паму, Абеаси и др. Они считались «амантеасе»⁵⁵. Были также случаи, когда для того чтобы одержать победу над противниками, ашантийцы вступали в союзы, которые иногда сохранялись длительное время, а иногда оказывались недолговечными. Союз с Нкоранса, который был заключен при покорении северных территорий, существовал более 100 лет. Союз же с фанти, направленный против Акима, распался вскоре после победы над ним в 1764 г.⁵⁶ При этом укажем, что в подобных союзах военные силы объединялись только в период совместно проводимых кампаний и сохранялась автономия во внутренних делах.

К середине XVIII в. союз Ашанти стал наиболее могущественным политическим объединением на Золотом Берегу. Его границы активно продвигались к побережью. В 1807 г. после битвы при Коромантине состав Ашанти был включен союз Фанти. Однако закрепиться в этом районе ашантийцам не удалось, и в 1811 г. они были вынуждены его покинуть. В 1826 г. был сделан новый успешный натиск, но в 1828 г. снова пришлось отступить⁵⁷. По договору 1831 г. Ашанти отказался от притязаний на побережье. Тем не менее войска ашантийцев выходили к морю также в 1868 и 1873 гг. За пределами Фанти очень сильны были позиции ашантийцев в прибрежных городах Эльмина, Кейп-Кост, Аннамабу и Аккра. Прежде они были вассалами Динкира и Акваму, которые в XVIII в. были включены в состав Ашанти. Историк В. Балмер пишет, что глава союза Ашанти — ашантихене был фактическим владельцем этих городов и получал ренту с европейских фтортов, расположенных возле них⁵⁸. По-видимому, это не совсем так, поскольку из-за притязаний Ашанти шли постоянные споры. Вершины могущества союза Ашанти достиг к началу XIX в., когда он превысил по размерам своей территории современную Гану, объединив в единую политическую общность большую часть микрообщностей, известных из документов XVI—XVII вв.

Однако именно в начале XIX в. союз Ашанти вступил в период кризисов, которые привели его к падению. Военная мощь Ашанти базировалась на четко разработанной системе управления, которую ашантийцы создали сами, и на огнестрельном оружии, приобретенном у европейцев. Арсенал огнестрельного оружия создавался за счет работорговли, которая была навязана африканцам европейскими капиталистическими государствами и в XVIII в. достигла наивысших размеров. Работорговля разрушительно действовала на экономику и привела к упадку сельского хозяйства и ремесла. Торговля на Золотом Берегу получала все более одностороннее направление⁵⁹. В результате внутренние экономические связи стали более слабыми, чем даже в XVII в.

Отмена работорговли в начале XIX в. требовала перестройки всей сферы деятельности, а экономические трудности способствовали развитию сепаратистских настроений, что проявлялось в восстаниях и волнениях в различных областях Ашанти. В 1752 г. было восстание в Динкира, к которому примкнули Джимаан, Тюфель и Вассав⁶⁰. В 1764, 1765, 1799, 1811, 1814, 1818, 1823 и 1826 гг. были волнения в Джимаан, Банда, Аким, Аквапим, Вассав, Фанти, Динкира и других местах⁶¹. В некоторых случаях борьба была очень упорной. Некоторые исследователи говорят даже о «гражданской войне». Кроме сепаратистских выступлений, были выступления против местных правителей.

Чтобы поддерживать единство страны, правители Ашанти уже в конце XVIII в. начали серию административных реформ, пытаясь преодо-

⁵⁵ Понов В. А. Указ. раб., с. 22—23.

⁵⁶ Balmer W. T. A History of Akan Peoples. L., 1925, p. 77.

⁵⁷ Ibid., p. 102, 103, 118, 122, 129.

⁵⁸ Ibid., p. 108.

⁵⁹ Burton R. F. and Cameron V. L. To the Gold Coast for Gold. L., 1883, v. 2, p. 329—

⁶⁰ Balmer W. Op. cit., p. 77.

⁶¹ Boehn A. Op. cit., p. 79.

леть обособленность различных частей страны и распространить свое влияние на все сферы общественной, политической и экономической жизни⁶². Для этой цели ашантихене назначал своих военачальников правителями в различные области. Усилиям ашантийцев сохранить и упрочить целостность своего политического объединения противодействовали европейские государства, которые намеренно разжигали рознь между Ашанти и прибрежными общностями в период работорговли, а в XIX в. перешли к политике колонизации Африки. В XIX в. было восемь англо-ашантийских войн. Они сопровождались активными кампаниями в поддержку сепаратизма общностей, входивших в союз Ашанти. Совместное давление внутренних и внешних сил способствовало дезинтеграции союза. Южные оманы по договору 1826 г. объявили себя независимыми⁶³. После поражения Ашанти в англо-ашантийской войне 1873 г. от союза отделились северные территории Гонджа, Кракие, Джимаан. В начале нашего века вся территория Ашанти вошла в состав английской колонии.

На побережье к началу XIX в. сформировались четыре крупных общности: Нзима, Аханта, Фанти и Гомоа⁶⁴. Фанти стала доминирующей и самой влиятельной из них на побережье. Исследования А. Боахена показывают, что в этот период Фанти состояла из ассоциации 19 очень небольших по величине оманов. В ее состав вошли прежде независимые Коммендо, Фету, Асебу. В. Балмер пишет: «Фанти никогда не объединялись под властью одного правителя. Их политическая общность имела форму ассоциации, главными членами которой были вожди Абура, Манкессима и Анамабу»⁶⁵. Границы этой ассоциации в течение XVII—XVIII вв. значительно расширились. В 1801 г. она занимала более половины береговой линии на той территории, которая подробно показана на карте 1629 г. Оманы Фанти протянулись от Виннеба до Коммендо, где в 1629 г. было четыре микрообщности. Кроме того, в границы Фанти вошла часть бывшей территории Агонна, которая к началу XIX в. разделилась на собственно Агонна и Гомоа — прибрежную общность, в состав которой входили три омана и собственно Гомоа.

Уменьшение числа прибрежных общностей, рост их территорий свидетельствуют о том, что политическая интеграция происходила и в этом регионе, хотя и не столь интенсивно, как во внутренних районах. Замедление темпов политической интеграции было результатом постоянного вмешательства европейцев во внутренние дела прибрежных общностей, хотя местному населению и удавалось в какой-то степени реализовать свои потребности в интеграции вопреки внешнему влиянию. Но в начале XIX в. прибрежные общности оказались перед альтернативой подчиниться Ашанти или призвать на помощь чужеземцев, несмотря на опасность оказаться в их власти.

Колониальные державы охотно оказывали помощь оружием, снаряжением, посылали на Золотой Берег военных советников. Это укрепляло их позиции, давало возможность активно воздействовать на события. В 1822 г. на Золотой Берег был послан английский губернатор. В 1844 г. между ним и 8 правителями оманов Фанти был подписан договор «Бонд» о взаимоуважении и защите личности и собственности, который англичане считали договором о протекторате. Впоследствии он фигурировал как юридическое обоснование колониальной аннексии.

Среди местного населения прибрежных районов неоднократно были выступления против союза с чужеземцами, которых дальновидные люди считали более опасными, чем их соседи ашанти⁶⁶. Популярность этой точки зрения возрастала по мере того, как действия союзников-колони-

⁶² Иорданский В. Б. Тупики и перспективы Тропической Африки. М.: Наука, 1970, с. 86—87.

⁶³ Boahen A. Op. cit., p. 81.

⁶⁴ Boahen A. Politics in Ghana, 1800—1874.— In: History of West Africa, v. 2. Harrow, 1971, p. 169, 173.

⁶⁵ Balmer W. Op. cit., p. 82.

⁶⁶ Balmer W. Op. cit., p. 102—108.

заторов становились все более беззащитными. Так, например, в 1844 г. был арестован и выслан правитель Ассина, который колебался в выборе союзника между Ашанти и англичанами⁶⁷. Такая же судьба постигла в 1872 г. главу конфедерации Фанти Ганти IV, а после захвата Ашанти — ашантихене.

Отпор колонизаторам стал еще более актуальной проблемой во второй половине XIX в., когда в результате англо-ашантийских войн позиции Ашанти были сильно ослаблены. Напротив, англичане не только укрепили свои позиции военными успехами, но в результате целенаправленной дипломатической деятельности сумели также избавиться почти от всех европейских конкурентов на Золотом Береге, кроме голландцев. В конце 60-х годов Англия начала переговоры с Голландией об обмене фортами на Золотом Берегу. В случае обмена ряду оманов фанти — союзников голландцев угрожала потеря независимости. Их соседи в этот период проявляли недовольство английскими колонизаторами, которые фактически распоряжались у них в оманах. В 1868 г. была создана Конфедерация Фанти, одной из главных целей которой было отстоять независимость своей земли совместными усилиями. В газете «Африкан Таймз», которая издавалась в Лондоне африканцем Фитиджеральдом, было опубликовано обращение к жителям Золотого Берега с призывом объединиться, организовать самоуправление и добиться полной независимости от всех европейских колонизаторов⁶⁸. Конфедерация Фанти существовала всего четыре года. Делались попытки вступить в союз с Ашанти, так как было очевидно, что военные силы Фанти недостаточны, чтобы противостоять колонизаторам. Эта цель заставляла фанти преодолеть прежнюю вражду. Англичане в этот период приняли самые активные меры, чтобы не допустить союза Ашанти и Фанти, а также разединить самих фанти. Они опирались на достаточно живучие сепаратистские настроения у правителей мелких оманов — оманхене, которые только в периоды непосредственной угрозы их владениям соглашались на совместные действия. Другим фактором, ослаблявшим Конфедерацию Фанти, была традиция взаимодействия с англичанами, насчитывающая не одно десятилетие, которая сочеталась с недоверием к своим давним врагам ашантийцам. Следует отметить, что в этот же период и в других частях Золотого Берега развернулись движения за объединение⁶⁹. Однако населению этого региона уже не удалось противостоять хорошо организованному и оснащенному новейшей военной техникой силам колонизаторов, которые к тому же сумели не допустить политического объединения всей страны. К началу нашего века территория Золотого Берега стала английской колонией.

Рассмотренные материалы показывают, что политическая ситуация на Золотом Береге в исследуемый период имела следующие отчетливо выраженные стадии: доминирование микрообщностей, доминирование союзов микрообщностей и союзов союзов — конфедераций, дезинтеграция конфедераций и союзов. Доминирование микрообщностей было связано с господством натурального хозяйства и слабо развитым обменом. До прихода европейцев на побережье регулярные торговые связи сформировались по всему региону, но более активно велась торговля во внутренних районах Золотого Берега с расположенными к северу общностями, которые, видимо, выступали посредниками в торговле со средневековыми государствами Западного Судана. Вероятно, по этой причине во внутренних районах Золотого Берега сложились более крупные политические объединения, чем на побережье, о чем свидетельствуют португальские источники XVI в. Именно в то время к северу от побережья существовали общности или союзы общностей аканов, о которых до сих пор известно недостаточно. Они послужили базой для формирования общего языка аканов, о котором сообщали португальские и голландские авторы XVII в.

⁶⁷ Ibid., p. 140.

⁶⁸ Limberg L. The Fanti Confederation. 1868—1872. Göteborg, 1974, p. 42.

⁶⁹ Ibid.

Развязанная европейцами работорговля поставила перед жителями Золотого Берега задачи политического объединения, которое могло бы гарантировать защиту территории и населения от работорговцев. Микрообщности Золотого Берега, до этого периода достаточно стабильные, приобретают активный, динамический характер. Особенно показательны в этом отношении рассмотренные выше материалы XVII в. Ряд микрообщностей возвышается, расширяет свои границы, покоряет соседей, заставляет их платить дань или, напротив, берет их под свою защиту. Возникают и распадаются союзы микрообщностей, начинается процесс создания конфедераций на базе союзов. В такой обстановке логично ожидать возвышения какого-либо одного наиболее консолидированного объединения. Во внутренних районах с начала XVIII в. такую роль играет Конфедерация Ашанти, на побережье к началу XIX в. доминирует ассоциация Фанти, которая во второй половине XIX в. достигает ненадолго стадии конфедерации. Формирование политической организации у народов Золотого Берега проходило в ходе активного противодействия колонизаторам на основе собственных традиций и своего политического опыта, являющегося существенным вкладом в политическую культуру человечества.

В течение XIX в. несколько раз создавалась возможность объединения всего Золотого Берега силами местного населения либо путем завоевания прибрежных общностей союзом Ашанти, либо через объединение путем переговоров конфедераций Ашанти и Фанти. Однако дальнейшей консолидации препятствовало вмешательство европейских стран, которое на протяжении XIX в. неоднократно принимало форму прямого военного захвата территорий. Ослабленные военным и дипломатическим вмешательством Конфедерации Золотого Берега вступили в стадию политического регресса и превратились в конгломерат больших и малых общностей. Однако отчетливым свидетельством былого единства служат доминирование взаимопонимаемых языков и наличие этнических общностей, насчитывающих в наши дни сотни тысяч человек⁷⁰. Этническое название этих общностей свидетельствует о формировании их в рамках конфедераций Золотого Берега.

⁷⁰ По переписи 1960 г.: ашанти — 895 тыс., фанти — 758 тыс. См. *Вологодина В. Н.* Языковая ситуация в Гане.— СЭ, 1975, № 3, с. 54.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. П. Кобычев

ОБ ОДНОЙ ПОЗАБЫТОЙ ГИПОТЕЗЕ [к этногенезу восточных романцев]

От создания мира в лето 6867 (1359) отоле, произволением божием, начася Молдавская земля. Прииде Драгоше воєвода от Угорской земли, от Марамуреша, за туром на лов и господствова два лета.

Молдавская Путнянская летопись

В Европе не много найдется народов, которые появились бы на исторической арене так поздно, как молдаване и румыны, образующие в языковом отношении (вместе с небольшим числом рассеянных по балканским странам аромун) особую восточнороманскую лингвистическую группу. Это тем более удивительно, что восточные романцы не пришельцы в Европе, но относятся к числу ее коренных обитателей.

Сколь поздним, столь же загадочным представляется и происхождение этих народов, известных в средние века под собирательным именем волохов (разночтения: *валахи, власи, влахи*).

В специальной литературе существуют две основные гипотезы о происхождении восточных романцев: карпатская (или автохтонная) и балканская (миграционная)¹.

Согласно первой из них, предки румын и молдаван — потомки древних фракийских племен — гетов и даков, живших к северу от Дуная, которые подверглись в языковом отношении романизации в период господства в этих местах римлян во II—III вв. н. э.

В обоснование этой теории выдвигается много разнообразных фактов, главным образом из области материальной культуры древних фракийцев и современных румын и молдаван. Так, например, румынским историкам, этнографам и археологам удалось установить определенную преемственность древних местных форм рала с элементами римского плуга, некоторых приемов земледелия древних дакийских племен и современных румынских крестьян (в том числе обработка проса, способы подрезки виноградной лозы, рыболовства, выплавка и обработка железа в крестьянском производстве); в покрое одежды, в обрядовых действиях: культ быка, медведя, театрализованные представления с масками, орнаментальные мотивы, музыкальные инструменты и т. д.² Во всем этом сторонники континуитета (непрерывности развития местного этноса в Северном Придунавье и его романизации в римскую эпоху) видят прямое доказательство своей правоты, хотя многие из указанных явлений можно обнаружить и у других народов в самых отдаленных уголках евразийского континента. Иначе говоря, сходство отдельных элемен-

¹ Подробнее см.: Полевой Л. Л. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, в. 1, с. 46—90.

² Рикман Э. А. Проблема этногенеза в современной румынской историографии. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 232—244.

тов материльной и духовной культуры может иметь конвергентное (независимое) происхождение и объясняться стадильным развитием общества. Нельзя исключить и фактор взаимовлияний и контактов между племенами и народами, имевших место на протяжении истории (ими можно объяснить близость румынских и иранских мелодий, сопровождающих родильные обряды у этих народов и являющихся наследием проживания в Карпатско-Дунайском регионе многочисленных сарматских племен в раннем средневековье). Поэтому нам представляется совершенно справедливым замечание советского исследователя Э. А. Рикмана, что для подтверждения континуитета необходимо «убедиться в индивидуальной принадлежности развивающихся явлений только предкам румын», а главным образом проследить их эволюцию «от гетто-дакийской эпохи до современности»³. Тем более, что все это не имеет никакого отношения к процессу глоттогенеза, т. е. к романизации коренного населения в период римской колонизации. Факты же говорят об обратном.

Римское господство в Дакии, т. е. к северу от Дуная, длилось всего лишь немногим более полутора столетий: с 106 по 271 г.— срок незначительный для того, чтобы сельское население, жившее полунатуральным хозяйством и слабо связанное с торговым обменом, полностью отказалось от родного языка и перешло на чуждую ему латинскую речь, обычаи и культуру. Для сравнения можно сослаться на такие провинции Римской империи, как Реция и Далмация, где римское владычество длилось многие сотни лет, и тем не менее романизация не пустила здесь глубокие корни. Более того, до нас дошло свидетельство современников, которые прямо указывают, что, покидая Дакию под напором «варварских» племен, римский император Аврелиан вывел из нее на южный берег Дуная все римское и тяготевшее к римской культуре население, как о том сообщает Флавий Веспасиан. «Видя опустошение Иллирика и Мёзии, [Аврелиан] покинул провинцию задунайскую Дакию, учрежденную Траяном, отчаявшись в возможности удержать ее; он упразднил в ней войско и провинциальные власти и выведенные оттуда народы (имеются в виду колонисты. Разрядка наша — В. К.) поселил в Мёзии (т. е. на территории современной Болгарии, к югу от Дуная — В. К.), которую назвал Дакийей своего имени»⁴.

И. Т. Кругликова пишет в заключение своей монографии, посвященной истории Дакии рассматриваемого периода: «Таким образом, становится понятным, почему римское влияние не было решающим для этих племен (т. е. для даков и других соседних с ними племен того времени. — В. К.), продолжавших развиваться своим путем и после ухода римлян из Дакии»⁵.

Кратковременность пребывания римлян к северу от Дуная и последующее переселение их вместе с тяготеющими к римской культуре колонистами к югу от этой реки способствовали тому, что многие исследователи еще во второй половине XVIII в. стали искать истоки восточнороманского этноса на Балканском полуострове, на территории древних Мёзии и Иллирии, исключив из этого ареала Дакию, т. е. собственно Карпатский регион. Так возникла гипотеза о прерывности романского этнического элемента в районе, прилегающем к Карпатам, где позднее возникают Валахское и Молдавское государства. По мнению придерживающихся этой гипотезы, значительно позднее — в период славянских передвижений на Балканы — романское население, уступая якобы натиску славян, стало перемещаться на север, в сторону Трансильвании, где его и застаёт писаная история.

Балканская гипотеза опирается на более солидную историческую базу, чем теория непрерывности романского элемента в Карпатах. Во-

³ Там же, с. 248.

⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1949, № 3, с. 266.

⁵ Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. с. 74, 162.

первых, римское господство на Балканах, в Мёзии и далее на запад в Иллирии было несравненно более прочным и длительным, чем к северу от Дуная. Во-вторых, романское население здесь (на правом берегу Дуная в среднем и нижнем его течении) сохранялось, судя по некоторым данным, вплоть до IV—VI вв., а местами, как, например, в городе Далмации, по свидетельству Константина Багрянородного, до X включительно.

К сожалению, наука не располагает никакими достоверными сведениями, позволяющими документально подтвердить предполагаемое передвижение романизованного населения с юга на север навстречу бесчисленным волнам варварских вторжений, начиная с гуннов, протобугар, готов, авар и кончая массовым переселением славянских племен VI—VII вв. на всем протяжении Нижнего и Среднего Дуная, которое завершилось заселением ими большей части Балканского полуострова и ассимиляцией прежнего гето-фракийского населения. Каким образом могло в этих условиях осуществиться никем не замеченное встречное движение романского населения на север трудно представить. Кроме того, требует развернутого обоснования почти неизвестный в истории прецедент перехода земледельческого оседлого населения, каким были древние римляне, к подвижному пастушескому образу жизни. А именно такими бродячими «пастухами» и «охотниками» рисуют нам средневековых волохов все без исключения письменные источники.

Так, византийский писатель Кеккавмен, живший в XI в. и оставивший самое первое известие о волохах на Балканах, сообщает, что «скотовлахов и семьи от апреля месяца и до сентября находятся на вершинах гор и в самых прохладных местах»⁶. Подобно этому первое точно датированное известие о волохах к северу от Дуная, где-то на территории Добруджи или Молдавии, принадлежащее византийскому историку Никите Хониату и относимое к 1164 г., также именует этот народ бродячими «охотниками», проживавшими в пределах Галицкой Руси⁷. Это сообщение интересно тем, что как бы перекликается с рассказом Путинянской молдавской летописи, приведенным в начале статьи, в эпиграфе об охотнике Драгоше, и хотя этот рассказ можно считать типичным образчиком «бродячего» фольклорного сюжета, нет сомнения в том, что подобного рода легенда могла возникнуть или получить распространение в том только случае, если для этого имелась благоприятная среда у оседлого земледельческого населения сюжет о приходе на прародину вслед за зверем не может иметь места в принципе.

Скотоводами волохи предстают перед нами и в законнике сербского короля Стефана Душана, составленном в 1349 г., и во всех последующих документах этого региона⁸. Румынский историк С. Драгомир, изучавший социально-экономическое положение волошских селений на Балканах в XIV—XV вв., вынужден был признать существование у них «почти исключительно» скотоводческого хозяйства⁹, черты которого в значительной степени сохранились и в фольклоре современных румын и молдаван¹⁰. К такому же выводу пришел и чешский историк И. Мацурек, исследовавший вопрос о волохах в Западных Карпатах в XV и последующих веках¹¹.

Скотоводство было основным занятием волохов или населения сел находившихся на так называемом «волошском праве» в Галицкой Руси и практически во всех других местах Карпато-Дунайского региона. Со временем это привело к тому, что этноним *валах* (*влах*, *влас*) в значи

⁶ Советы и рассказы Кеккавмена. М.: Наука, 1972, с. 259.

⁷ Лисяню-Рона Г. Дакия в классических авторах. Т. II, с. 139. Цит. по кн.: Мохов Н. А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1978, с. 58.

⁸ Подробнее см.: Симпозиум о средневековом катуну. Сараево, 1961. Краткое содержание докладов (на сербохорватском языке).

⁹ Dragomir S. Vlăhi din nordul peninsulei Balcanice în evul mediu. București, 1960, p. 110.

¹⁰ Подробнее см.: Мохов Н. А. Указ. раб., с. 77—79.

¹¹ Macurek J. Valaši v západních Karpátech v 15—16 století. Ostrava, 1959 s. 108.

тельной мере утратил былое этническое содержание и стал своего рода символом пастуха, владельца больших стад (скотовода), наконец, вообще жителя горной местности, даже лесника, горца-стражника или проводника, т. е. перешел в разряд социально-хозяйственной терминологии и культурных понятий¹².

Все сказанное достаточно хорошо известно, и если мы остановились на этом вопросе еще раз, то лишь для того, чтобы показать, что и Балканская гипотеза прерывности не менее уязвима, чем автохтонная Карпатская теория¹³. Можно даже сказать, что практически ни та ни другая гипотезы не располагают достаточно весомыми и убедительными доказательствами своих положений, но исходят исключительно из имевшего место некогда пребывания в Карпато-Балканском регионе римлян, язык которых лежит в основе всех современных романских языков Европы. Это приводит к тому, что в исторической науке нередко говорят о своего рода «загадке» и даже «чуде» этногенеза восточных романцев, которому фактически нет объяснения¹⁴. А между тем никакого чуда не будет, если в решении этого вопроса следовать строго историческим фактам во всей их полноте, а не утвердившимся концепциям и устоявшимся взглядам.

Разгадка кроется в средневековом наименовании предков современных восточных романцев — *волохи*, которое восходит к кельтскому племенному названию *volcae* (*волки*)¹⁵, на что обратил внимание еще в конце 40-х годов С. П. Толстов. Ход его рассуждений был предельно прост. Он сопоставил карту расселения кельтских племен в античную пору с современным ареалом распространения романских языков и народов в Европе. Оказалось, что карты почти полностью совпали, кроме района Карпат и Подунавья. Однако внимательно изучив исторические данные, С. П. Толстов убедился, что кельты в свое время обитали в значительном числе и в Карпато-Балканском регионе — там, где в наши дни проживают румыны, молдаване и разрозненные группы аромун. Из всего этого автор сделал вывод о существовании некоей «структурной близости» между кельтскими языками и древней латынью, что, очевидно, и способствовало поглощению первых из них вторыми¹⁶. Но лингвисты не согласились с выводами С. П. Толстова и категорически исключили какие-либо «особые отношения», якобы имеющиеся между кельтскими языками и латинским, если не считать их общую принадлежность к индоевропейской семье языков. В результате гипотеза С. П. Толстова не получила признания в романистике и была предана забвению. И напрасно.

Дело, разумеется, вовсе не в том, что кельтские языки легче, чем какие-либо другие из европейских языков, подвергались латинизации, а в том, что кельты, и прежде всего та их часть, которая продвинулась в конце античного периода в район Карпат и Северного Подунавья, были уже за много столетий до того основательно романизированы в пределах Апеннинского полуострова. Это хорошо прослеживается по письменным источникам.

Из античных источников известно, что в начале V в. до н. э. кельты, обитавшие до того на юге современной Франции, в сравнительно короткий срок овладели всей Галлией, Пиренеями, переправились в Британию, в то время как другая их часть двинулась на восток и заняла большую часть севера Апеннинского полуострова, которая с тех пор получи-

¹² Грацианская Н. Н., Королук В. Д. Проблема этногенеза моравских волохов в современной чехословацкой историографии.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 254.

¹³ Гросу Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука в Молдавской ССР. М.: Наука, 1970, с. 50.

¹⁴ Lot E. Les invasions barbares. V. 1. P., 1937, p. 278.

¹⁵ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958, с. 93; см. также: Иванов В. В., Топоров В. Н. К вопросу о происхождении этнонима «валахи».— В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М.: Наука, 1979, с. 61—66.

¹⁶ Толстов С. П. Нарцы и волохи на Дунае.— СЭ, 1948, № 2, с. 35—36.

ла наименования Цизальпинской Галлии. В 390 г. до н. э. кельты напали на Рим, который, согласно легенде, спасся от окончательного разгрома якобы лишь благодаря «бдительности» гусей, посвященных капитолийской богине Юноне.

Минули столетия. Рим окреп и в свою очередь начал распространять свою власть на соседние племена и районы, в том числе захватил и север Апеннинского полуострова, т. е. Цизальпинскую Галлию. Жившие здесь кельты были частью покорены римлянами, а частью снялись со своих мест и двинулись далее на восток, вниз по долине Дуная¹⁷.

Страбон прямо указывает, что в силу особенностей социальной организации варваров, в данном случае именно кельтов, они довольно легко усваивали римскую и греческую культуру и образованность («Они легко доступны соображениям пользы... способны... воспринимать и образование и науку»¹⁸), что неизбежно должно было сопровождаться усвоением и языка более высокоорганизованных и господствовавших народов, т. е. той же латыни, в ее народном произношении. Именно здесь, в пределах Апеннин, в Цизальпинской Галлии, кельты могли (для этого были все объективные условия, в том числе длительность совместного проживания) усвоить романский язык, поскольку, подчинив их своей власти, римляне, как сообщает Страбон, «предоставили италийцам права гражданства и решили даровать то же самое почетное право галатам, живущим по эту сторону Альп»¹⁹. И далее, завершая краткое изложение этнической истории народов севера Апеннинского полуострова, добавляет: «Хотя в настоящее время все они римляне, но тем не менее некоторые из них называются омбрами и тирренцами, а также генетами, лигурами и инсурбами»²⁰ (разрядка здесь и выше наша.— В. К.)

Последнее замечание очень существенно для рассматриваемого вопроса, так как помогает понять, почему термин *влах* (*волох*) в средние века в древнеславянском, польском (*włoch*), а также в словацком стал в равной степени обозначать как романизированное население Карпато-Дунайского региона, так и жителей собственно Апеннинского полуострова (собственно Италии).

С позиций кельтской теории (в нашем ее аспекте) легко объясняется пастушеский, подвижный образ жизни восточных романцев и их «гнездовое» расселение в разных местах Карпат и Балкан, в том числе в таких отдаленных районах, как задунайская Паннония, которая в некоторых источниках позднего средневековья называется «пастбищами римлян»²¹, или Трансильвания — место исхода непосредственных предков румын и молдаван, согласно их летописной традиции (ср. выше эпиграф к настоящей статье) и народным преданиям²².

Кельты в свое время чрезвычайно широко распространились по всему Прикарпатыю и Подунавью. В частности, в верховьях Дуная (Истра) уже при Геродоте обитало кельтское племя *волохов*, далее к северо-востоку от них жили *бойи* (откуда средневековое название Чехии — Богемия), на средней Тиссе — *котины*, в Паннонии, в междуречье Дуная и Тиссы, — *япиги* (*япиды*) и т. д.²³. При этом весьма характерно, что одни и те же кельтские племена источники упоминают зачастую в самых раз-

¹⁷ Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964, кн. IV, гл. 4, § 1, с. 186.

¹⁸ Страбон. Кн. IV, гл. 4, § 2, с. 186.

¹⁹ Страбон. Кн. V, гл. 1, § 1, с. 200.

²⁰ Там же, § 10, с. 204.

²¹ Анненский А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. — Исторический архив, 1940, т. III, с. 77.

²² Следует оговориться, что исторические судьбы кельтов в разных местах были неодинаковыми. На западе и в Центральной Европе они довольно быстро осели на землю и смешались с покоренным местным населением, тогда как в интересующем нас регионе (в Прикарпатье и на Балканах) волохи сохранили пастушеский быт вплоть до начала II тысячелетия н. э. В настоящей статье нас интересуют, разумеется, только последние.

²³ Filip J. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956, p. 472—474.

их местностях, что свидетельствует об их мобильности и скотоводческо-пастушеском типе хозяйства. Так, например, *волки-тектосаги* фиксируются почти одновременно в Италии (в Цизальпинской Галлии), Франции в районе города Толосы (соврем. Тулуза), в Греции, в Припатской котловине (т. е. в Паннонской низменности) и даже в далекой Малой Азии. «Носители этих названий,— пишет чешский археолог Филип,— часто меняли свое местожительство или часть их отделяла от племенного объединения»²⁴.

Археологический «средневековый материал эпохи кельтского господства очень богат», добавляет далее этот автор и помимо прочего показывает «экономическое и общественное перерождение кельтской среды различных этапах развития»²⁵.

Проживая разбросанно среди других народностей, часто в меньшинстве, кельты нередко попадали под их влияние и ассимилировались ими. Рабон сообщает, например, о япидах, уже в его время представлявших собой народ, смешанный «из иллирийцев и кельтов», который с начала правления Августа находился под прямой властью римлян²⁶.

Чересполосно с другими народами жили кельты и в Нижнем Подунавье и на Балканах («На юг от Истра обитают иллирийские и фракийские племена и все смешанные с ними кельтские и некоторые другие роды вплоть до Греции») ²⁷.

Степень распространения кельтской экспансии была, по-видимому, значительно большей, чем принято думать. Объясняется это тем, что, поселившись на огромных пространствах Юго-Восточной Европы, кельты не смогли образовать единого мощного государства, которое могло бы к ним внимание историков. Известны лишь отдельные небольшие временные политические и военные образования (дунайский юз боев или объединение трех галатских племен в Малой Азии). Между тем все, кто в той или иной мере интересовались кельтской проблемой, были поражены обширностью расселения кельтов и, как следствием этого, их культурным влиянием на окружающие народы.

В I тысячелетии до н. э. кельты заселяли большую часть территории дунайской Внутренней и Южной Германии, а собственно германские племена в то время обитали главным образом в Ютландии, Скандинавии и прибалтийских районах.

Отголосок этого можно усмотреть в сообщении Цезаря о том, что было время, когда галлы (римское наименование кельтов.— В. К.) превосходили храбростью германцев, сами шли на них войною и, вследствие избытка населения при недостатке земли, высылали свои колонии за Рейн. Таким образом, самые плодородные местности Германии около Геркинского леса... захватили вольки-текстосаги (т. е. *волки*—*волохи*.— В. К.) и там поселились. Народ этот до сих пор живет там и пользуется большой славой за свою справедливость и военную доблесть»²⁸ (разрядка наша — В. К.). Упомянутый геркинский лес тянулся вдоль Дуная вплоть до Карпат, где кельты соприкасались с даками, чем и объясняется наличие отдельных элементов кельтственности в культуре последующего восточнороманского населения этих мест.

А. А. Шахматов относил к кельтскому населению большую часть дунайской Восточной и Южной Германии, Польши и даже части западных районов Центральной России вплоть до Верхней Волги, Южной Прибалтики и Карпат, в том числе названия рек *Висла*, *Везер* (от кельтского *veis*, *vis* — течь). К этому следует прибавить массу топонимов на всем указанном пространстве, образованных от названий различных

²⁴ Ibid., p. 473.

²⁵ Ibid., p. 474.

²⁶ Страбон. Кн. IV, гл. 6, §10, с. 209.

²⁷ Страбон. Кн. VII, гл. 1, § 1, с. 290.

²⁸ Гай Юлий Цезарь. Гальская война. Кн. VI, § 24.— В кн.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей... Пер. и комментарии акад. Покровского М. М. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 97.

кельтских племен, как, например: *Галич*, *Галац* — город в Румынии (ср. *Галата* — квартал Стамбула), нас. пункт *Голотнеск* в Полоцкой земле, *Голота* — в бывшем Лиепайском уезде Витебской губернии, *Galiuwa* — урочище в Ковенском уезде, или летописная *Болоховская земля* и другие аналогичные топонимы, произведенные от этнонима *волы* и исчисляемые в обрисованном ареале многими десятками²⁹.

«Чудовищный разлив кельтской речи в Европе» признавал академик Н. Я. Марр, основываясь на утверждении античных авторов о том, что «будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и граничит со Скифией Понтийской... Здесь кельты и скифы смешиваются»³⁰. Подтверждением последнего могут служить такие выходящие в описываемую пору составные этнические названия, как *келтоскифы*³¹ или *Галлогреция*³².

О том, что кельты жили на обширных просторах Центральной и Южной Восточной Европы, свидетельствует и археология, по данным которой с кельтскими племенами можно связать и латенскую культуру, и последующие археологические культуры, в том числе распространенные и в украинской Галиции, Северном Причерноморье до низовьев Кубани включительно³³.

Впрочем, археология далеко не всегда в состоянии подтвердить сказанное, поскольку, по признанию одного из ведущих археологов-кельтологов Я. Филипа: «Это только лишь предположение, что начало поздних могильников соответствует исторически доказанному приходу кельтов в Среднюю Европу и Италию около 400 г. до н. э., равным образом является только предположением мнение, что кельты во время своего прихода принесли уже в готовом виде латенскую культуру»³⁴.

Действительно, если строго следовать историческим сведениям, то образование латенской культуры не совпадает с началом движения кельтов со своей прародины. Достаточно сказать, что кельты на Верхнем Дунае были известны уже Гекатею и Геродоту (V в. до н. э.). В IV в. до н. э. кельты обитали у Адриатического моря, в Далмации и служили в войсках Александра Македонского³⁵. Латенская же культура формируется фактически лишь в III в. до н. э. Очевидно, потому, что латен, или собственно кельтская культура, возникла значительно позднее, когда кельты в какой-то мере осели в тех или иных местах и смешались с местным населением. Это признают и археологи, которые, говоря словами Я. Филипа, считают латенскую культуру «результатом замечательного взаимодействия различных составных частей (т. е. предшествовавших ей местных культур аборигенного населения), которым кельтская среда придала определенный характер»³⁶. Для нашей темы важно подчеркнуть особенно то обстоятельство, что по своему содержанию латенская культура была весьма близка к собственно римской, или латинской культуре³⁷. Отмечается также определенное воздействие на формирование латена и со стороны эллинистической художественной традиции³⁸.

Упадок в начале нашей эры латенской культуры во многих случаях был связан с падением могущества кельтов и разгромом их политических центров, как, например, в Богемии, где племя боев было едва ли не це

²⁹ Шахматов А. А. К вопросу о славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912.

³⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. II. Галмарий, § 11, с. 71.

³¹ Плутарх. Там же; Страбон. Кн. XI, гл. 6, § 2, с. 517.

³² Страбон. Кн. XII, гл. 5, § 1, с. 577.

³³ Будзиля В. И. Латенская культура на территории Закарпатья: Автореф. дис. в соискании уч. ст. канд. истор. наук. Киев, 1966, с. 24.

³⁴ Filip J. Op. cit., p. 478.

³⁵ Страбон. Кн. VII, гл. 3, § 8, с. 308.

³⁶ Filip J. Op. cit., p. 506.

³⁷ Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы, и в частности славянских земель. Пер. Ф. К. Волкова. СПб., 1898, с. 441.

³⁸ Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, с. 4.

ликом уничтожено даками Борейбисты³⁹. Ослабленные и разрозненные кельтские племена в последующую эпоху уцелели лишь в горных районах, где сохранили свой прежний полупастушеский, полукочевой образ жизни, ярко описанный Плутархом применительно к кельтоскифам Прикарпатья и Северного Причерноморья. Они «не кочуют непрерывно, но каждое лето, снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войну по всему материку»⁴⁰. Надо полагать, что и сам термин *кельтоскифы* следует понимать не столько как этнически смешанный конгломерат племен (что, разумеется, тоже могло иметь место), но главным образом как отражение указанного пастушеского (*скифского* в глазах античных авторов) способа хозяйствования и быта. Но именно такими и застает волохов средневековья писаная история — пастухами, полуномадами, пока они не образовали свои самостоятельные государства — Молдавию и Валахию.

Подводя итог изложенному, необходимо еще раз подчеркнуть, что проблема происхождения восточнороманских народов отнюдь не исчерпывается сказанным. Формирование любого этноса — процесс, далеко не однозначный и хронологически не единовременный. В этом плане этногенез восточных романцев не представляет собой исключения. Помимо кельтского ядра в состав современных румын и молдаван и других групп романизованного населения Балканского полуострова вошли, вне всякого сомнения, потомки древнего фракийского (прежде всего гето-дакийского) населения. В эпоху «великого переселения народов» здесь проживали и частично осели многочисленные пришлые «варварские» племена, которые также оставили свой след в этом процессе. Огромную роль в сложении и всей этнической истории восточнороманского этноса сыграли славяне, вклад которых в физический облик, язык, культуру этих народов трудно переоценить. Достаточно сказать, что, например, в современном молдавском языке славянские слова составляют заметную часть обиходного речевого фонда. Славянскими по происхождению являются большинство терминов земледелия, многие понятия материальной и духовной культуры, социальных отношений. На славянском языке написаны первые молдавские летописи. Однако учет всех этих явлений лежит вне компетенции данной статьи. Мы ставили перед собой гораздо более скромную задачу — привлечь внимание специалистов к роли кельтских племен на ранних этапах сложения восточнороманских народов, которая, по нашему мнению, до сих пор недостаточно учитывалась исследователями, и прежде всего в отношении того, кто мог оказаться первоначальными носителями и хранителями романской речи в интересующем нас регионе. В какой степени это нам удалось, пусть судит сам читатель.

³⁹ Страбон. Кн. VII, гл. 3, § 11, с. 278.

⁴⁰ Плутарх. Т. II. Гай Марий, гл. XI, с. 71.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
члена-корреспондента АН СССР
ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ОЛЬДЕРОГГЕ
[к 80-летию со дня рождения]*

Управитель Бурга.— Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее А СССР, 1928, т. 3, в. 2, с. 384—394.

Глиняные фигуры из юго-западной Абиссинии.— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР (далее Сб. МАЭ), 1929, т. 8, с. 324—329, илл. Рез. на нем. яз.

Женская статуэтка племени бага.— Изв. АН СССР, серия 7. Отделение обществ. наук, 1934, № 3, с. 235—244, илл.

Название Ливии в древнеегипетских надписях.— Изв. АН СССР, серия 7. Отделение обществ. наук, 1935, № 6, с. 519—537, илл.

Выставка абиссинских коллекций (Краткий путеводитель). М.—Л.: Изд-во А СССР, 1935. 35 с., илл. (АН СССР. Музей Ин-та антропологии, этнографии и археологии).

Энгельс и проблема происхождения отцовского рода.— Тр. Ин-та этнографии А СССР (далее ТИЭ). М.—Л., 1936, т. 4, с. 851—869.

Население и социальный строй в Эфиопии (Абиссинии).— Советская этнография (далее СЭ), 1936, № 1, с. 10—39, илл. Рез. на франц. яз.

Отв. ред.: Абиссиния (Эфиопия). Сб. статей. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936, 583 илл.; статья — Население и социальный строй, с. 35—197, илл., табл.

Определение времени и пространства в языках банту (локативные классы).— В кн Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Сб. статей. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 367—382. Рез. на франц. яз.

Кольцевая связь родов или трехродовой союз (Gens triplex). (Из истории развития социального строя первобытной общины). Тезисы докт. дис., защищенной в Ученом совете Института этнографии в марте 1945 г.— Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее КСИЭ), 1946, в. 1, с. 23—25.

Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии.— СЭ, 1946, № 4, с. 171—186.

Рец.: *Winkler H. A. Rock Drawings of Southern Upper Egypt. I. Sir Robert Moun Desert Expedition, Egypt Exploration Fund. London, 1938.*— СЭ, 1946, № 2, с. 243—244.

Рец.: *Wulsin F. R. The Prehistoric Archaeology of North-West Africa. Cambridge Mass., 1941.*— In: Papers of the Peabody Museum of Amer. Archaeology and Ethnology Harvard Univ., v. 19, 1.— СЭ, 1946, № 2, с. 248—249.

Из истории семьи и брака. (Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке).— СЭ, 1947, № 1, с. 13—27.

Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи (по неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева).— СЭ, 1947, № 4, с. 234—238, илл. Пер. Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswissenschaftliche Beitrage, Berlin, 1948, № 2, S. 85—94.

Северная Африка.— В сб.: Советская этнография. Л., 1947, т. 6—7, с. 234—253.

О социальном строе отсталых племен Южной Африки.— СЭ, 1948, № 1, с. 180—188.

Параллельные тексты с таблиц острова Пасхи «кохау ронго-ронго» (дополнение к статье Б. Г. Кудрявцева).— Сб. МАЭ, 1949, т. 11, с. 222—236, илл.

Хамитская проблема в африканистике.— СЭ, 1949, № 3, с. 156—170.

Фигурки предков племени бари.— Сб. МАЭ, 1949, т. 10, с. 207—212, илл.

Африка. III. Этнографический очерк.— БСЭ, Изд. 2-е. Т. 3. М., 1950, с. 527—534, илл.

* Всего перу Д. А. Ольдерогге принадлежит более 200 работ.

Малайская система родства.— ТИЭ, 1951, т. 14, с. 28—66.

Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма.— ТИЭ, 1951, т. 12, с. 41—66 (в соавторстве с И. И. Потехиным). То же в кн.: *Anglo-americká ethnografie ve službach imperialismu*. Praha, Nakladatelství Československo-Sovětského Institutu, 1953, с. 73—112 (на чешск. яз.). То же в кн.: Вэй дигочжуи фууды ин мэй миныйзусюэ. Пекин, 1958, с. 64—102 (на кит. яз.).

Происхождение народов Центрального Судана. (Из древнейшей истории языков группы хауса-котоко).— СЭ, 1952, № 2, с. 23—38.

Древности Бенина. I. (По коллекциям Музея антропологии и этнографии).— Сб. МАЭ, 1953, т. 15, с. 357—410, илл.

Этнический состав современного населения Западной Тропической Африки.— СЭ, 1953, № 1, с. 125—136 (в соавторстве с И. И. Потехиным).

Язык хауса. Краткий очерк грамматики, хрестоматия и словарь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1954, 170 с.

Отв. ред. (совместно с И. И. Потехиным) кн. «Народы Африки»* (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Изд-во АН СССР, 1954, 732 с. и автор статей: Древнейшая история коренного населения Африки. Антропологические типы Африки. Языки и письменность народов Африки, с. 33—128; Магриб, с. 129—177, илл. (в соавторстве с Б. В. Луцким и И. И. Потехиным); Западный Судан, с. 259—358, илл. (в соавторстве с И. И. Потехиным); Эфиопия и страны Красноморского побережья, с. 359—396, илл. (в соавторстве с И. И. Потехиным и М. В. Райт); Западная Тропическая Африка, с. 467—523, илл. (в соавторстве с И. И. Потехиным); Мадагаскар, с. 617—651, илл. (в соавторстве с А. С. Орловой).

Древности Бенина. II. (Ухув-элао бенинских царей).— Сб. МАЭ, 1955, т. 16, с. 283—307, илл.

Die Gesellschaftsordnung Songhais im 15 und 16. Jahrhundert.— Deutsche Akad. der Wiss. zu Berlin. Institut für Orientforschung. Veröffentlichungen, № 26. Berlin, 1955, S. 243—251.

Отв. ред. кн.: *Крачковский И. Ю.* Введение в эфиопскую филологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955, 214 с. Автор предисловия — с. 4—10.

Происхождение языка хауса. М.: Изд-во АН СССР, 1956, 29 с. (Доклады советской делегации на V Междунар. конгрессе антропологов и этнографов). Текст на русск. и англ. яз.

Следы именного класса людей в языке хауса.— Сов. востоковедение, 1956, № 5, с. 130—132.

Древности Бенина. III. (Условные значки и рисунки на бенинских бивнях).— Сб. МАЭ, 1957, т. 17, с. 345—361, илл.

Народы Африки.— В кн.: Очерки общей этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 255—337, илл. (в соавторстве с А. С. Орловой и Н. В. Охотиной). То же в кн.: *Ethnografia Continentelor. Studii de Ethnografie Generală. I. Date Generale*, Australia și Oceania, America, Africa/Sub red. Tolstov S. P., Levin M. G. și Ceboksarov N. N. București: Editura Științifică, илл. То же в кн.: Путун миныйзусюэ гайнянь. I. Пекин, 1960, с. 193—247, илл. (на кит. яз.).

Следы существования письменности у народов Верхней Гвинеи до европейской колонизации.— КСИЭ, 1957, в. XXVIII, с. 68—72.

Искусство народов Западной Африки в музеях СССР. М.—Л.: Искусство, 1958, 94 с., илл. Рез. на франц. яз.

Некоторые вопросы изучения систем родства (К 80-летию выхода в свет книги Л. Г. Моргана «Древнее общество»).— СЭ, 1958, № 1, с. 3—10.

Народы континентальной Африки.— В кн.: Всемирная история. М.: Соцэкгиз, 1958, т. 4, гл. 2, с. 38—51, илл.

Языки Африки.— Современный Восток, 1958, № 9, с. 85—86.

Отв. ред.: *Africana*. Африканский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР — Наука, сб. II — ТИЭ, т. 43, 1958; сб. III — ТИЭ, т. 52, 1959; сб. IV — ТИЭ, т. 72, 1962; сб. V — ТИЭ, т. 76, 1963; сб. VI — ТИЭ, т. 90, 1966; сб. VII — ТИЭ, т. 93, 1969; сб. VIII — ТИЭ, т. 96, 1974; сб. IX — ТИЭ, т. 100, 1972; сб. X — ТИЭ, т. 103, 1975; сб. XI — ТИЭ, т. 105, 1978; сб. XII — ТИЭ, т. 109, 1980; сб. XIII — ТИЭ, т. 111, 1982 (далее: *Africana*, № сб.).

* Авторскому коллективу труда «Народы Африки» присуждена в 1955 г. премия АН СССР.

В сб. *Africana III* статьи: Система родства баконго в XVI в., с. 5—35; Исследования языков Бельгийского Конго, с. 205—208.

Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. С приложением текста и перевода рукописей хауса, выполненного И. Н. Быковой, Д. А. Ольдерогге И. А. Осницкой, З. Л. Пугач, М. А. Смирновой. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960, 267 с. илл. (ТИЭ, т. 53) *.

Система нкита. (Взаимоотношения родов у нкунду по данным конца XIX — начала XX в.).— В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (ТИЭ, т. 54), с. 173—195.

Основные черты развития систем родства. М., 1960. 24 с. Текст на русск. и франц. яз. [Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов. Париж июль — авг. 1960 г.].

То же.— СЭ, 1960, № 6, с. 24—30.

Отв. ред.: Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. М.—Л.: Изд-во АН СССР (ред. совместно с В. И. Беляевым). Т. 1.— Арабские источники VII—X веков, 1960. 399 с. Т. 2.— Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары, 1965. 455 с.

Современное состояние и проблемы изучения языков Африки.— Вопросы языкознания, 1961, № 4, с. 20—32.

Искусство Тропической и Южной Африки.— В кн.: Всеобщая история искусств. Т. 2.— Искусство средних веков. Кн. 2. М.: Искусство, 1961, с. 497—514, илл.

Отв. ред.: Суахили-русский словарь. Около 18 тыс. слов. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 560 с., табл. Автор предисловия — с. 3—5.

К вопросу о границах слова в языках нефлективного строя.— В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 190—192.

Сессия Постоянного комитета Международных конгрессов антропологических и этнологических (этнографических) наук (Прага, авг. 1962 г.).— СЭ, 1963, № 1, с. 131—133 (в соавторстве с И. Р. Григулевичем и Т. А. Трофимовой).

В кн.: Африка. Энциклопедический справочник, т. I. М.: Сов. энциклопедия, 1963, статьи: Архитектура и изобразительное искусство, с. 161—178; Багирми язык, с. 251; Бамбара язык, с. 253; Банту языки, с. 256—257; Бари язык, с. 258; Бушменские языки, с. 284; Вай язык, с. 285—286; Гвинейские языки, с. 322; Готтентотские языки, с. 333; Занде языки, с. 364—365; Койсанские языки, с. 417; Кушитские языки, с. 450—451; Семито-хамитские языки.— Там же, т. 2, с. 187; Суданские языки, с. 220; Хамитские языки, с. 287; Юшманов Николай Владимирович, с. 352; Языки и письменность народов Африки, с. 352—363.

Отв. ред.: Хауса-русский словарь. Около 18 тыс. слов. М.: ГИС, 1963, 459 с. Автор предисловия — с. 5—7.

Отв. ред.: Сундьята. Мандингский эпос. Пер. с франц. В. Капраловой и А. Ольдерогге. М.—Л., 1963. 151 с. Автор предисловия — с. 5—14.

Описательные системы родства народов Западного Судана. М.: Наука, 1964. 18 с. На русск. и англ. яз. [Доклад на VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук Москва, авг. 1964 г.].

Отв. ред. серии: Сказки и мифы народов Востока, М.: Наука. Автор предисловия Земледельческие орудия Западного Судана. (Бамбара и сонгаи. Республики Мали).— В сб.: *Africana VI*, с. 3—10.

The Study of African Languages in Russia.— In: *Russia and Africa*. М.: Nauka Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1966, p. 16—24.

Le Roi-Forgeron et l'ancienne culture Africaine. Rapport présenté par M. Olderogge (URSS), au I Festival Mondial de l'Art Nègro-Africain, Dakar, 1966, 21 p.

Отв. ред. серии: Страны и народы Востока/Под общ. ред. акад. Струве В. В., члена-кор. АН СССР Ольдерогге Д. А. М.: Наука (с в. 6 под общ. ред. только Д. А. Ольдерогге). Глав. ред. вост. лит. В. 5 — 1967; в. 6 — 1968; в. 7—9 — 1969; в. 10 — 1971; в. 12—14 — 1972; в. 15 — 1973; в. 16—17 — 1975; в. 18 — 1976; в. 19 — 1977; в. 20 — 1979; в. 21, 22 — 1980; в. 23, 24 — 1982.

Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки.— В сб. *Africana VII*, с. 177—185. Рез. на франц. яз.

* В 1966 г. удостоена золотой медали им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (ВГО)

О некоторых этнолингвистических проблемах Африки.— В кн.: Вопросы социальной лингвистики (сб. статей). Л.: Наука, 1969, с. 135—157.

Les Anciennes relations entre l'Arménie et l'Ethiopie (Histoire d'une Ecriture). 18 с. [Доклад для IV Междунар. конф. эфиопистов, 1969].

The Art of Africa. Negro Art. From the Institute of Ethnography, Leningrad. Dmitry Oldorogge and Werner Forman (Text by D. Oldorogge. Notes on the Plates by Z. Pugach and I. Golovanova). London, New York, Sydney, Toronto: Hamlyn House, 1969. 47 p. with cart, 76 ill.

Eine Swahili-Wortliste aus dem Jahre 1811 aus den handschriftlichen Materialien von Admiral Krusenstern.— In: Wort und Religion. Kalima na Dini. Studien zur Afrikanistik, Missionswissenschaft. Festschrift für Prof. Ernst Dammann zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1969, S. 19—27.

Отв. ред. серии: Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Наука, 1969—1970. *Пронн В. Я.* Морфология сказки, 1969; *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише), 1970; *Рифтин Б. Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия»), 1970, и др.).

В. И. Ленин и проблемы возникновения государства. По африканским материалам.— В кн.: Краткое содержание докл. годичной научн. сессии Ин-та этнографии АН СССР, 1969. Л., 1970, с. 5—7.

В сб.: *Africana VIII*, статьи: Астраханец в Томбукту в 1821 г. (Путешествие Варги, уроженца Кизляра в Западный Судан), с. 3—22, илл. Рез. на англ. яз.; Словарь языка суахили 1811 г. (Из рукописных материалов адмирала Крузенштерна), с. 75—82, илл.

Об изучении эпоса народов Африки (современное состояние).— В сб.: *Africana IX*, с. 3—16.

Сиди-африканцы в Индии.— Страны и народы Востока, в. XIV, 1972, с. 147—152.

Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки.— В кн.: Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л., 1973, с. 3—11.

Ред. кн.: *Лот А.* Фрески Тассилин-Аджер. Л., 1973. Автор предисловия.

В кн.: Краткое содержание докл. годичн. научн. сессии Института этнографии АН СССР 1972—1973. 23—26 июля 1974 г. Л., 1974, статьи: Африканские языки в словаре Петербургской Академии наук 1787—1789 гг., с. 22—23; Проблемы этнической истории современной Африки, с. 60—61.

Род и община: соотношение форм рода и типов общины.— В кн.: Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. М.: Мысль, 1974, с. 97—107.

Японские исследования по этнографии Африки.— СЭ, 1974, № 3, с. 165—177.

Готлоб Краузе — выдающийся немецкий ученый-африканист (1850—1938).— СЭ, 1974, № 5, с. 86—93.

Отв. ред. кн.: Языки Африки. Аннотированная библиография. М.: Наука, 1974. 125 с.

Брат—сын матери (Псевдоматриархат).— В сб.: *Africana X*, с. 3—8.

Из истории армяно-эфиопских связей: алфавит Маштоца.— Древний Восток, 1975, № 1, с. 207—217.

В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975, статьи: Иерархия родовых структур и типы большесемейных общин, с. 6—19; Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки, с. 20—59.

История изучения в России африканских языков.— Сб. МАЭ, т. XXXI.— Из культурного наследия народов Америки и Африки. Л.: Наука, 1975, с. 118—123.

Предисл. к кн.: *Gaggen-Torn H. И. Л. Я.* Штернберг. М.: Наука, 1975, с. 3—12.

Рец. *Freeman-Grenville G. S. P.* Chronology of African History. L., 1973.— Вопросы истории, 1975, № 10, с. 193—197.

Проблемы этнической истории Африки.— В кн.: Этническая история Африки, доколониальный период. М., 1977, с. 3—17.

Отв. ред. кн.: *Гаудио А.* Цивилизация Сахары. М., 1977. Автор предисловия — с. 3—7.

Язык как исторический источник.— В кн.: Источниковедение африканской истории. М., 1977, с. 8—37.

Изучение африканских языков в России.— В кн.: Изучение Африки в России. До-революционный период. М., 1977, с. 16—29.

Эпиграфия. В сб.: *Africana XI*, с. 3—12.

А. Швейцер в Африке.— В кн.: Швейцер А. Между водой и девственным лесом. Лит. памятники. Л., 1978, с. 339—357.

Древние связи культуры народов Африки, Индии и Индонезии.— Страны и народ Востока, 1979, т. XX, с. 172—185.

Денг-карлики южных стран.— В сб.: Africana XII, с. 3—5.

Глава «Древние миграции в Африке».— В кн.: Histoire Générale de l'Afrique. T. I Méthodologie et préhistoire. P., UNESCO, 1980. То же на англ. яз.— В кн.: General History of Africa. V. I. Methodology and Prehistory. P. UNESCO, 1981.

Sprache und Gesellschaft in Afrika. Aspekte der Kulturgeschichte.— In: Sozialer Wandel in Afrika und die Entwicklung von Formen und Funktionen afrikanischer Sprachen B., 1980, v. 2—31.

Migrations and ethnic and Linguistic differentiations. General history of Africa. V. I. Methodology and African Prehistory. UNESCO International Scientific Committee for the Drafting of a General History of Africa. Heinemann, California: UNESCO, 1981, p. 271—286.

Рец. на кн.: Библиография Африки. Т. 1—2.— Народы Азии и Африки, 1981, № 4, с. 220—224.

Система счета в языках народов Тропической и Южной Африки, ч. I.— В сб. Africana XIII, с. 3—33.

Африканские языки и общая лингвистика (из истории изучения языков Африки) (совместно с А. А. Жуковым).— Вопросы языкознания, 1982, № 4, с. 121—125.

Лингвистические данные в реконструкциях истории первобытного общества.— СЭ 1982, № 1, с. 56—59.

Памяти Николая Сергеевича Петровского.— Народы Азии и Африки, 1982, № 4, с. 217—218.

Опыт языкового строительства в СССР и его значение в решении национально языкового вопроса в странах Африки.— В кн.: Советский опыт решения национального вопроса и его значение для народов Африки и Азии. Ереван, 1982, с. 255—267 (в соавторстве с А. А. Жуковым).

Эпиграфия. Избранные статьи. М.: Наука, 1983, 280 с.

ОБЪЕДИНЕННАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ ЭТНОГРАФОВ, ПОСВЯЩЕННАЯ 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

23—24 декабря 1982 г. в Ленинграде состоялась Объединенная научная сессия Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ИЭ), Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ) и кафедры этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (ЛГУ), посвященная 60-летию образования СССР.

На первом заседании было заслушано восемь докладов. Сессия открылась докладом зам. директора Института этнографии Р. Ф. Итса «60 лет СССР и задачи советской этнографии». Рассказав о вкладе советских этнографов в проведение в жизнь ленинских принципов национальной политики, докладчик подчеркнул, что одна из основных задач советских этнографов — и далее способствовать решению практических задач национальной политики в условиях социализма. Другая не менее важная и почетная задача — охрана памятников культуры, а также пропаганда результатов новых достижений в экономике и социально-культурной жизни народов СССР.

Директор Музея этнографии народов СССР И. И. Баранова в докладе «ГМЭ народов СССР к 60-летию образования СССР» подробно остановилась на научно-просветительной работе Музея среди населения, подчеркнув, что в последние годы в связи с привлечением к разработке экспозиций большого коллектива этнографов, материал подается более этнографично, чем раньше. Кроме того, докладчица отметила, что как в исследовательской, так и в экспозиционной работе коллектив ГМЭ стремится показать единство традиционного и современного в культуре и быте народов СССР. Обладая огромной источниковедческой базой, богатыми собраниями коллекций предметов и иллюстративного материала, музей продолжает интенсивное комплектование этих фондов, их научную обработку. В настоящее время начато создание сводных каталогов. Ведется большая методическая работа, готовятся рекомендации по музееведению для этнографических музеев страны.

К 60-летию образования СССР в музее была открыта новая большая экспозиция.

В. П. Курылев, Ф. Д. Люшкевич, Т. Д. Равдоникас, Р. Р. Рахимов и Г. Н. Симakov (ИЭ) выступили с докладом «60-летие образования СССР и основные тенденции этнических процессов у народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана». На основе анализа громадного фактического материала, накопленного к настоящему времени главным образом в результате полевых исследований, в докладе утверждалось, что у народов указанных регионов можно отметить наличие трех основных тенденций в этнических процессах. Во-первых, небывалый расцвет за годы Советской власти национальной культуры у каждого народа Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Во-вторых, взаимное обогащение культур этих народов лучшими достижениями всех народов региона, возникновением в этих культурах общерегиональных черт. И наконец, их интернационализация, формирование и включение в повседневную жизнь этих народов общесоветских компонентов культуры и быта, и в конечном результате создание в нашей стране новой исторической общности людей — советского народа.

В докладе В. А. Дмитриева (ГМЭ) «К вопросу об уточнении некоторых терминов теории заимствований (Этнос — источник, этнос — реципиент, канал заимствования)» на материалах русско-северокавказских контактов было выявлено различие между понятиями донор, индуктор и источник для этноса, из культуры которого происходят заимствования.

А. В. Гадло (ЛГУ) выступил с докладом «Некоторые актуальные проблемы формирования народностей Северного Кавказа в советской историографии». Докладчик отметил большое значение целенаправленной деятельности общесоюзных академиче-

ских и вузовских центров по подготовке национальных научных кадров, способ решать сложные вопросы этнической истории, и по созданию в автономиях Севера Кавказа национальных научных центров и школ. А. В. Гадло подчеркнул, что эта деятельность — одно из ярких проявлений ленинской национальной политики КПСС в отношении народов бывших окраин царской России и проходила она в тесной связи общим процессом национально-государственного строительства и культурной революцией на Кавказе.

Н. А. Бутинов (ИЭ) в докладе «Независимые государства Океании» показал, что деколонизация Океании — это прямой и непосредственный результат победы Советского Союза над фашистской Германией и милитаристской Японией во второй мировой войне. Докладчик остановился на социально-экономических, культурных и языковых проблемах, стоящих перед молодыми океанскими государствами в настоящее время.

В докладе Б. Н. Путилова (ИЭ) «Советская фольклористика — год 60-й» были выделены некоторые общетеоретические и методологические аспекты, обусловленные многонациональным характером науки о фольклоре, определившимися в ней в последние десятилетия. Сложилось понятие о фольклоре как о феномене народной культуры, обладающем общими для всех народов признаками, возникающем и развивающемся в некоторых общих закономерностях и потому поддающемся успешному изучению в рамках общей научной методологии. Для фольклористики наших дней характерен появившийся комплексный подход: стремление изучать фольклорные явления в их контексте народного быта, системы народных представлений и реальной народной истории. Советские фольклористы осуществляют большую работу по открытию, сохранению и включению в современную культуру богатств многонационального фольклора.

А. М. Решетов (ИЭ) выступил с докладом «Опыт СССР и Зарубежный Восток», в котором на примере Монгольской Народной Республики и Социалистической Республики Вьетнам показал значение образования Союза ССР и проведения в жизнь ленинской национальной политики для социально-экономического и культурного строительства в странах Зарубежной Азии.

На втором заседании также было заслушано восемь докладов.

В докладе В. П. Дьяконовой и Л. В. Хомич (ИЭ) освещалась деятельность советских этнографов в области изучения быта, культуры и языка народов Сибири, Севера и Дальнего Востока за 60 лет и подчеркивалась необходимость продолжить работу по сбору этнографических материалов в разных районах Сибири и их обобщению, так как все еще отсутствует монографическое описание некоторых народов Сибири или их групп. По мнению докладчиков, особенно необходимы полевые исследования по вопросам традиционного природопользования, а также мировоззрения народов Сибири.

Группе коряков-оленьеводов, проживающей на севере Олуторского района Корякского автономного округа Камчатской области (бассейны рек Ачайваяма, Апуки и Пхачи) был посвящен доклад В. В. Горбачевой (ГМЭ), основанный на полевых материалах. Докладчица отметила, что в силу географической отдаленности и особенностей производства ачайваямцы длительный период сохраняли в своей культуре ряд архаических черт и пережитков первобытнообщинного строя. Однако социалистическая реконструкция хозяйства привела к коренным изменениям во всех сферах материальной и духовной культуры.

Д. Г. Савинов (ЛГУ) в докладе «Ареальные историко-культурные исследования тюркских народов Южной Сибири» пришел к заключению, что этнокультурные ареалы на юге Сибири часто перекрывают выделенные археологами культурные области. Одним из ярких примеров этого, по мнению докладчика, может служить древнетюркский этнокультурный ареал. Докладчик дал краткую периодизацию смены хозяйственно-культурных и этнических типов в изучаемом регионе и определил в нем места древних тюрков. По мнению Д. Г. Савинова в истории Сибири можно выделить такие крупные культурные комплексы, как уйгурский, кыргызский, кыпчакский и т. п.

В докладе А. В. Коновалова (ГМЭ) «Казахи южного Алтая как этническая группа» рассматривалось значение основных признаков этноса (язык, территория, общность культуры, самосознание, общность происхождения) для определения понятия «этническая группа». Особое внимание было уделено природно-географическим факторам (среда, полиэтническое окружение, относительная изолированность).

Доклад Е. Ф. Кононовой (ГМЭ) был посвящен результатам полевых исследований 1980 г. в болгарских селах Одесской области, где болгары являются наиболее многочисленной этнической группой. В отличие от других переселенцев (гагаузы, мо-

ване, украинцы) они и сейчас сохраняют родной язык и элементы традиционной культуры, особенно при строительстве жилища и в интерьере жилого дома. Поездка 1980 г., отмечалось в докладе, показала перспективность сбора в ближайшие годы всех видов материала по традиционной культуре болгар-переселенцев, живущих в западных районах Одесской области.

Н. Н. Цветкова (ЛГУ) выступила с докладом «Антропология в системе вузовского образования». Она охарактеризовала основные задачи антропологии как науки, подчеркнула ее связь с философией и ее роль в борьбе с расизмом. Докладчица отметила необходимость расширения курса практической антропологии, более подробного освещения вопросов расообразования и проблем антропогенеза.

На сессии был показан ряд новых этнографических фильмов.

В принятой резолюции отмечается, что опыт работы первой Объединенной научной сессии оказался плодотворным. Признана целесообразность проведения подобного рода совместных конференций и сессий. Институту этнографии АН СССР (Ленинградская часть), Государственному музею этнографии народов СССР и кафедре этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета рекомендовано заключить договор о творческом сотрудничестве.

В. П. Курылев, Е. А. Окладникова

СЛАВИСТИКА В ЭТНОГРАФИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

6—8 апреля 1983 г. в Смолянче (Чехословакия) состоялось очередное заседание редколлегии международного многотомного труда «Этнография славян», на котором редакторы томов обменялись информацией о ходе работы.

В те же дни по традиции состоялся теоретический коллоквиум. На этот раз была избрана тема «Славистика в этнографической науке социалистических стран — состояние и перспективы». После вступительного слова директора Этнографического института Словацкой Академии наук Б. Фидовой докладчики из ГДР, НРБ, ПНР, СССР, СФРЮ и ЧССР прочитали 15 докладов, в которых рассматривались различные аспекты развития этнографической славистики — проблемы историографии (С. т. Генчев, НРБ — «Формирование болгарской этнографической проблематики в рамках славистики»; М. Моравцева, ЧССР — «Народная культура славян в чешском революционном движении 1848 г.»; З. Урбан, ЧССР — «К современным задачам изучения истории славянской этнографии»; С. Броучек, ЧССР — «К чешско-словацкому сотрудничеству в этнографии в конце XIX в.»; К. В. Чистов, СССР — «Славистика в институте этнографии АН СССР»), современное состояние славистики (В. Жаджиников, НРБ — «Этнографическая славистика в Болгарии»; А. Робек, ЧССР — «Современная чешская этнография и Болгария»; В. Фролец, ЧССР — «Этнографическая славистика в Университете Брно») и, наконец важнейшие задачи и проблемы современной славистики (Ю. В. Бромлей, СССР — «Основные тенденции современных этнокультурных процессов у славянских народов СССР»; Ф. Фёрстер, ГДР — «Итоги исследования серболужицких рабочих»; В. Урбанцева, ЧССР — «Словацко-словацкие взаимодействия»; Я. Подолак, ЧССР — «Некоторые актуальные задачи сравнительной этнографии славян»).

Докладчики и выступавшие в прениях говорили о необходимости параллельно с изучением отдельных славянских народов, развивать этнографическую славистику как комплексную историко-сравнительную дисциплину, исследующую этногенез, этническую и культурную историю славян и современные этнические процессы в славянских странах и в странах, в которых расселены славянские этнические группы. Вместе с тем, выступавшие отмечали, что многие проблемы современной этнографической славистики разрешимы только в масштабах всей Европы как историко-этнографической области, либо по крайней мере в масштабах той подобласти (Восточная Европа, Центральная Европа, Балканы), в которой живут изучаемые славянские народы.

Два доклада (В. Гашипариковой, ЧССР — «Каталогизация народной прозы славянских народов» и С. Бурласовой, ЧССР — «Сравнительные славистические исследования и словацкое этномышкетоведение») были посвящены проблемам и задачам

выдвинула идею создания регионального указателя сказочных сюжетов западных славян по образцу вышедшего в 1979 г. «Сравнительного указателя сюжетов. Восточнославянская сказка».

К. В. Чистов

Х КОНФЕРЕНЦИЯ АССОЦИАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ МУЗЕЕВ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

С 5 по 11 сентября 1982 г. в ВНР проходила X конференция Ассоциации европейских музеев под открытым небом, организованная на базе Этнографического музея под открытым небом в г. Сентэндре. В ней приняли участие работники 51 музея под открытым небом, специалисты-музееведы, этнографы, архитекторы, реставраторы, искусствоведы, скансенологи из Австрии, Бельгии, Великобритании, ВНР, ГДР, Дании, Нидерландов, Норвегии, НРБ, ПНР, СРР, СССР, ФРГ, Финляндии, ЧССР, Швеции. Заседания проходили в городах Залаегерсег и Вишеград.

Обсуждались следующие основные темы: «25 лет Декларации ИКОМа» (Международного совета музеев при ЮНЕСКО), «10 лет Ассоциации европейских музеев под открытым небом в обществе», «Проблемы сохранения памятников в музеях под открытым небом», а также темы предыдущих совещаний — изучение и экспозиция народной культуры в этнографических музеях такого типа. В докладах, представленных на данной конференции, освещалось состояние современных музееведческих исследований по теории и практике музеев под открытым небом.

Конференцию открыл президент Ассоциации европейских музеев под открытым небом д-р А. Цеппелиус (Коммерн, ФРГ), представивший краткий отчет о деятельности Ассоциации за 1980—1982 гг.

На следующем заседании А. Цеппелиус выступил с докладом «25 лет ИКОМа — Декларация о музеях под открытым небом — попытка подведения итога». Докладчик коснулся истории появления декларации, проанализировал все ее 12 разделов, исходя из современного состояния музеев этого типа. Если музеи, сказал докладчик, рассматривать как учреждения (общественные институты), при помощи которых общество сохраняет свое культурное наследие, следует признать, что они принимают участие в общественном развитии. Декларация помогла выделению музеев под открытым небом как особого типа. Однако в настоящее время в связи с развитием музееведения, большим опытом, накопленным в последние годы при создании скансенов, появлением новых форм этих учреждений и их экспозиций она все больше приобретает роль установок; ее постулаты, взятые в обобщенном виде, способствуют выявлению общих тенденций развития у самых разных музеев. Декларация, по мнению докладчика, остается действенной, но в настоящее время многие ее конкретные положения нуждаются в переработке.

В ряде докладов давалась оценка положений Декларации, характеризовались достижения в области теории и практики музеев под открытым небом в социалистических странах в период 1945—1982 гг. Высокой оценки заслужил опыт музеев народной архитектуры и быта в Киеве, Львове и музея в Шушенском. Подчеркивалось, что одна из основных задач архитектурно-этнографических экспозиций под открытым небом — комплексный показ этнографических памятников. Обращалось также внимание на большое значение историзма экспозиций и связь с культурным строительством сегодняшнего дня.

Г. Б. Томпсон (Ольстер, Великобритания) посвятил свой доклад статусу музеев под открытым небом в современном обществе и оценил их значение. Докладчик обратил внимание на необходимость применения более четкой терминологии в музееведении. Он призвал обсудить соотношение терминов «музей под открытым небом» и «народный музей», которые далеко не всегда выступают как синонимы. Еще один термин, полувживший значительное распространение в литературе, — «музей-скансен», от которого происходят словообразования — «скансенология», «скансенское музееведение» (особенно это характерно для польской музееведческой теории).

Прослеживая историю терминов, докладчик указывает, что самый первый музей под открытым небом, основанный Артуром Гезелнусом в 1873 г., был задуман именно

как «народный музей» (имеется в виду «Нордиска музет»). «Музей-скансен» был создан на 18 лет позднее, в 1891 г. Термин «народный музей» представляется докладчику более общим, нежели термин «музей под открытым небом». В докладе был поставлен вопрос о необходимости развития теории музеев под открытым небом, особенно разработки методологии, что должно повысить роль этих учреждений в культурном развитии современного общества.

А. Курец (Сентэндре, ВНР) в докладе «Некоторые теоретические и практические проблемы музеев под открытым небом Венгрии» отметил необходимость совершенствования научной и просветительской деятельности этих музеев. Он рассказал о научной концепции центральной этнографической экспозиции ВНР под открытым небом — музея в Сентэндре. Ее суть заключается в том, чтобы при комплексном показе материала можно было моделировать и представлять не только отдельные сооружения и предметы, но и образ жизни этноса. В музее показываются рабочие процессы главных хозяйственных занятий, а также промыслов и ремесел, традиционных для венгров. Предполагается участие посетителей в активных формах экспозиции, таких, например, как показ и обучение плетению корзин, обработка конопля, пахота, сев, косьба, молотба и т. п. В рамках отдельных секторов оборудованы действующие мастерские: кузница, гончарня, ткацкая мастерская и т. п. Музей проводит фольклорные праздники, где дети и взрослые обучаются народным традиционным песням и танцам. На таких праздниках фольклорными коллективами воссоздаются элементы народной обрядности: свадьба, праздник урожая, праздник сбора винограда и т. д.

И. Балашша (Сентэндре, ВНР) в докладе «История венгерских музеев под открытым небом» выделил в истории музеев этого типа в Европе три периода. Это «период первых установлений», или «скансеновский» — от основания музея Скансен в Стокгольме до 1910-х годов. Второй период — время между двумя мировыми войнами. Третий период (с 1950-х годов до настоящего времени) назван докладчиком периодом «современной истории». Начало музеев под открытым небом у венгров докладчик отнес к 1885 г. (организация выставки интерьеров). В основном же венгерские скансены создавались в третий, современный период истории музеев под открытым небом с применением самых новых методов.

Несколько иную периодизацию для венгерских музеев предложил Л. Варга (Будапешт, ВНР), особо выделивший выставку «Сохранявшаяся деревня», которая составляла часть большой экспозиции, посвященной 1000-летию Венгрии (1896 г.). «Сохранявшуюся деревню» докладчик считает первым музеем под открытым небом в Венгрии.

Доклад М. Лене́на (Бокри́к, Бельгия) «Общественное значение музеев под открытым небом в настоящее время» был посвящен актуальной теме. Докладчик высказал точку зрения, что в условиях развивающейся культуры этноса традиционная концепция музеев под открытым небом требует нового осмысления. В структуре музея, с его точки зрения, должна быть представлена не только этнография села, но и этнография города. Необходимо также преодолевать статичность экспозиции, активно искать новые формы воздействия на посетителей. В современных условиях, сказал М. Лене́н, важное значение приобретает проблема оптимизации процесса взаимодействия культурных ценностей прошлого с современностью.

Р. Вендт (Шверин, ГДР) подчеркнул необходимость социально-классового подхода к созданию этнографических экспозиций в музеях под открытым небом, ознакомил участников конференций с опытом работы музея под открытым небом города Шверин-Мюсс.

Я. Штика (Рожнов, СССР) в докладе «Музей под открытым небом как центр культурной и общественной жизни» рассказал о деятельности музея в Рожнове, который функционирует уже почти 60 лет, а его посещаемость в последнее время составляет от 300 до 400 тыс. человек в год. Музей имеет положительный опыт демонстрации памятников фольклора и традиционной духовной культуры. С этой целью с 1965 г. проводится цикл фольклорных праздников, получивший название «Народное лето». Вначале это были просто выступления-концерты в музее фольклорных ансамблей по субботним и воскресным дням. В настоящее время речь идет о широкой кампании национального значения, которая все более подчиняется идеологическим целям музея. Цикл начинается с «Праздника майского дерева» (1 мая); далее проводятся «Праздник выгона овец на горное пастбище», «Обряд срубания майского дерева». Затем следуют праздники, приуроченные к уборке зерновых, ярмарка, праздник урожая и т. д. Весь цикл «Народное лето» состоит сейчас из 40 разнообразных программ и охватывает период

с мая до середины сентября. Все праздники проводятся в соответствии с традиционным сельскохозяйственным календарем. За это время в музее успевают выступить до 60 народных ансамблей. Программа составляется советом, в который входят специалисты работники радио и телевидения, а также представители различных регионов. В зависимости от характера обычаев часть представлений проводится либо в интерьере, либо в экстерьере музейных объектов. Большая часть программы предназначена для сцен. Новым шагом в работе музея стало проведение воскресных дней различных регионов. В таких однодневных «фестивалях» участвуют не только фольклорные ансамбли, но и самодеятельные артисты (певцы, сказители и т. п.); в программу входит также показ творчества народных умельцев. Музей стремится вовлечь в такие фольклорные праздники самих посетителей. Цикл «Дыхание родины» музей также подготавливает совместно с работниками радио и телевидения. Основное его содержание — народная культура. Популярны художники, писатели, артисты рассказывают о связи своих занятий с народной культурой. Музей при этом стремится «стереть» барьер между артистом и слушателем. Пример тому — разучивание народных песен с посетителями, которое проводится в музее. Музеем издано уже 15 сборников народных песен. Такие праздники транслируются по местному телевидению и радио.

Во всех программах музея постоянно участвует до 85 народных умельцев. Во время ярмарки (проводится по традиции 14 августа) число приехавших мастеров еще возрастает. В 1982 г. ярмарку посетило около 30 тысяч человек. Музей проводит также и зимние праздники, например, демонстрацию цикла рождественских песен. Число посетителей таких праздников достигает 10 тысяч человек.

И. Янович (Сент-Эндре, ВНР) рассказал о современных способах консервации этнографических памятников из дерева, железа, тканей. Обсуждение этой темы продолжил Фроде Кирк (Лингби, Дания), осветивший проблемы консервации экспонатов в музее под открытым небом в Лингби. Он подчеркнул важность обучения методам реставрации, передачи знаний от опытных рабочих молодым. Отдел сохранения древних памятников и исторических зданий в Дании, сказал он, планирует создание школы для обучения старинным приемам, традиционным методам ремесла, что, разумеется, предполагает сотрудничество этой школы с музеем в Лингби. Большой интерес участников конференции вызвала информация польских этнографов об истории крупнейшего реставрационного объединения Польши — Государственной студии по сохранению культурного достояния (ПКЗ), созданного 32 года назад. Кооперация ПКЗ с музеями под открытым небом происходит на нескольких уровнях. Во-первых, это изучение деревенских поселений с целью выявления объектов, представляющих интерес для экспозиций под открытым небом; во-вторых — участие специалистов студии в составлении планов музеев-скансенов; и наконец, перевозка памятников в музей и их реставрация. В последнее время появилась новая область сотрудничества, связанная с изучением проблем комплексного сохранения природной и культурной окружающей среды.

К. Баумгартен (Росток, ГДР) указал, что идея музея-скансена часто изменялась; это приводит к появлению разных форм таких музеев. В докладе охарактеризована новая форма скансена — «Культурно-историческая тропа». Его специфика заключается в том, что экскурсия в таком музее будет искусно спланированной прогулкой по живой и населенной деревне. При этом предусматривается демонстрация экстерьеров, посещение ряда зданий и сооружений, представляющих культурно-исторический интерес и использующихся в соответствии с целями музея под открытым небом.

А. Н. Давыдов (Архангельск, СССР) в докладе «Экология культуры этноса и музей под открытым небом» предложил ввести понятие «экология этноса», которое бы включало в себя экологию природной среды обитания этноса (национальный ландшафт) и культурную экологию как взаимосвязанные части единого целого. В музее под открытым небом моделируются обе стороны экологии этноса: национальный ландшафт и культура. Под моделированием культуры этноса понимается экспозиционное воплощение предметов и явлений национальной культуры в их традиционной взаимосвязи и взаимообусловленности. Не отдельная вещь (экспонат), но сам музей под открытым небом всей системой своей экспозиции приобретает для этноса значение символа, образа национальной культуры в ее традиции и развитии. Вместе с тем музей под открытым небом в настоящее время выступает как одно из необходимых условий сохранения экологии культуры этноса, является существенным фактором в передаче этнических ценностей.

С. А. Сергачев (Минск, СССР) познакомил конференцию с научной методикой создания экспозиции Белорусского государственного музея народной архитектуры и

та. В основу планировочной структуры этого музея положена крестьянская усадьба юнца XIX — начала XX в. с традиционным комплексом жилых и хозяйственных построек. Секторное решение экспозиции позволяет представить комплексно народную архитектуру и старинный быт различных историко-этнографических районов республики: Поозерья, Поднепровья, Центрального региона, Понеманья, Восточного и Западного лесья.

О. М а ч е л ь (Брно, ЧССР) информировал о развитии музея под открытым небом в Стражнице, представляющем народную архитектуру и традиционную культуру словацкого региона. О. Ш у б е р т (Вайльхойм, ФРГ) коснулся вопросов теории экспозиции, проблемы подбора и показа памятников народного зодчества в музеях под открытым небом. По его мнению, при отборе памятников для музея при прочих разных характеристиках лучше отдавать предпочтение более ранним объектам. Докладчик отметил, что музеи данного типа отличаются комплексным решением экспозиции, специфичной показа народной культуры.

У. Е. Е. В р у м (Энкхуизен, Нидерланды) познакомил конференцию с историей и методами формирования секции под открытым небом музея Зюдерзее, где экспонируются дома рыбаков и различные хозяйственные постройки, в значительной степени имеющие отношение к рыболовству, и рассказал, как эта секция соотносится с другой экспозицией — музеем рыбацких судов и мореплавания.

На конференции происходил обмен мнениями по ряду проблем, связанных с теорией и практикой музеев под открытым небом.

Участникам конференции была предоставлена возможность познакомиться с венгерскими музеями под открытым небом. Тематические экскурсии были проведены в Этнографическом музее под открытым небом в Сентэндре, музее керамики «Фазекашаз» в Мадьярсомбаттфе, региональных музеях-скансенах в Шалафе-Питерсере, Сомбатхее (музей деревни области Ваш), музее дер. Гёчей в Залаэгерсеге, Этнографическом музее под открытым небом в Тихани и некоторых других. Опыт венгерских специалистов признан весьма ценным.

На заключительном заседании Ассоциации европейских музеев под открытым небом, состоявшемся в Залаэгерсеге, проф. К. А р е н с (Гамбург, ФРГ), избранный ее новым президентом, дал высокую оценку совещания.

Руководство Ассоциации выступило с предложением создать выставку о деятельности европейских музеев под открытым небом, базой которой станет Хелмс-музей (Гамбург, ФРГ).

А. Н. Давыдов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле — августе 1981 г. кафедра этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ им. Жданова провела 13-й полевой сезон, посвященный изучению традиционной культуры и быта народов СССР. В экспедициях участвовали сотрудники кафедры, аспиранты и студенты I—IV курсов.

Якутский этнографический отряд (начальник — Р. Ф. Итс) собирал материалы по теме «Проблема традиционного природопользования народов Севера и Сибири»; этнографическая группа отряда изучала культуру эвенков-оленьеводов в поселках Ингра и Бестях Нерюнгринского района. В этих поселках после завершения строительства участка БАМ отмечено возрождение традиционного природопользования. Возврат к традиции характерен для многих сторон жизни, что проявляется и в этническом самосознании. Были собраны све-

дения о социальной организации и семейно-брачных отношениях местных эвенков в прошлом. Собран интересный материал о шаманском бубне и костюме.

Палеоэтнографическая группа Якутского этнографического отряда (начальник — Р. И. Бравина) изучала якутские погребения XVIII—XIX вв. на территории Сунтарского района Якутской АССР и собирала этнографический материал по традиционной погребальной обрядности. Были обследованы старые и новые кладбища на маршруте в 200 км, раскопаны и сняты планы 8 грунтовых и 2 разобранных надземных захоронений. Выявлены надмогильные сооружения четырех типов: так называемые *чардат*, срубные, многоугольные срубы, строения в виде беседок. Надмогильные кресты над крестьянскими погребениями имеют детали традиционных якутских коновязей — *сэргэ*. Среди предметов

составляющего инвентаря — *чороны* (кубки для питья кумыса), нож, ножицы, элементы убранства коня (удила, стремяна, седло) и т. п. В ходе работы было сделано 120 зарисовок надмогильных сооружений и предметов погребального инвентаря.

Южносибирский палеоэтнографический отряд (начальник — Д. Г. Савинов) продолжил исследование памятников домонгольского периода на территории Новосибирской области. Из могильника Венгерова VII получены материалы по этнокультурной истории населения Барабинской степи, начиная от эпохи бронзы и кончая XVII—XVIII вв. Особый интерес представляют раскопки погребальных сооружений XI—XII вв., наименее изученного периода этнической истории этого региона; получены первые палеоантропологические материалы и серии предметных находок (керамика, наконечники стрел), среди которых — бронзовая ажурная пластина с изображением представителя аборигенного населения начала II тысячелетия.

Тартасская этнографическая группа работала в с. Венгерове — административном центре Венгеровского района Новосибирской области, основанном в середине XVIII в. В селе живут представители разных национальностей, однако преобладают русские. Расположение села близ Московского тракта стимулировало развитие в нем более 30 ремесел. В начале XX в. в Венгерове жили ткачи, шерстобиты, кожевники, шорники, мукомолы и т. д. Группа изучала традиционные женские домашние ремесла (пряжание, ткачество, вышивку) и их современное состояние. Записана последовательность технологических процессов, зарисованы и сфотографированы станки и инструменты.

Курганская этнографическая группа работала в Куртамышском районе Курганской области. Исследовалось русское население в деревнях Коновалово и Закоулово, и казахское — в дер. Северное. Изучались жилища и хозяйственные постройки. Типовым жилищем русских в настоящее время здесь являются так называемые «крестовики» — деревянная срубная четырехкамерная изба с четырехскатной крышей, которую начали строить в 1900-е годы. Раньше ставили срубные избы-пятистенки с двускатной крышей, крытой горбылем или досками. У казахского населения встречается несколько типов домов, в том числе русский бревенчатый дом с сенями и дом прямоугольной формы с камышовыми стенами, обмазанными саманом.

Западно-Сибирский этнографический отряд (начальник — В. А. Козьмин) продолжил исследование традиционной и современной культуры коренного населения Тазовского и Красноселькупского районов Тюменской области (тазовские ненцы и селькупы). Изучалась этнодемография района, собирались материалы по оленеводству, охоте и рыболовству, средства передвижения, типу поселений, жилищ, одежде, религиозным представлениям. Описаны способы выпаса оленей, а также оленья упряжь и варианты *аргишей* (карет из нартов), записаны названия различных типов нартов, их конструктивных деталей. Зафиксирован традиционный селькупский календарь, отражающий годовой хозяйственный цикл и не потерявший значения до настоящего времени. Собраны подробные сведения об орудиях охоты, организации охотничьего промысла, промысловой одежде и жилище охотников, а также о способах лова рыбы.

Сотрудники отряда засняли шесть черно-белых и одну цветную пленки, сделали чертежи кроя мужской и женской зимней одежды.

Карельский антрополого-этнографический отряд (начальник — Н. Н. Цветкова) проводил полевые исследования в Северной и Средней Карелии: в Медвежьегорском (села Паданы, Чёбино, Шалговарааы) Беломорском (села Нов. Машозеро, Тунгуда), Муезерском (села Ругозеро, Ондозеро, Тикша, Реболы, Колвасозеро) и Калевальском (села Калевала, Войницы, Вокнаволок) районах. Цель работы — изучение этнодемографических процессов, сбор материалов по традиционной и современной культуре, а также антропологическое обследование.

Были описаны традиционные постройки охотников и рыболовов на местах промысла, охотничье снаряжение, орудия лова, обряды и поверья, связанные с охотой и рыбной ловлей; изучены жилища и хозяйственные постройки карелов конца XIX—70-х годов XX в. и выявлено их сходство с северорусскими постройками этого же периода. Составлено 20 планов домов-дворов. Записаны поверья, связанные с жилищем и хозяйственными постройками, с предохранением скота от порчи, а также народные приметы и заговоры против болезней и несчастий.

Антропологическое обследование проводилось по следующей программе: антропоскопия и антропометрия головы, лица и тела, получение отпечатков ладоней и пальцев, определение групповых факторов

рови (системы АВО и Резус), антропологическое фотографирование.

Все собранные материалы сданы в архив кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ.

Н. Н. Цветкова

* * *

С 15 июля по 3 августа 1982 г. Западно-Сибирский этнографический отряд Сибирской экспедиции кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова продолжил полевые исследования традиционной культуры коренного населения Западной Сибири. В состав отряда, руководимого В. А. Козьминым, входили студенты М. И. Васильев, В. П. Демиденко, О. П. Денисова. Отряд работал в поселках Тазовский, Гыда, Антипаюта и фактории Юрибей Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

Программа исследования предусматривала сбор материала по современному расселению, формам хозяйства, основным элементам материальной культуры, связанным с хозяйством, у ненцев Гыданского полуострова.

В ходе экспедиции получены статистические сведения о численности, расселении, брачных связях, антропонимии, личном оленеводстве, профессиональной занятости коренного населения Гыданского полуострова. Собранный материал свидетельствует о хозяйственной переориентации коренного населения района. В отличие от

прошлого, в настоящее время на первый план выступает не тундровое оленеводство, а рыболовство, что отразилось на хозяйственном цикле и народном календаре. Очевидно, это связано с формированием здесь в период социалистического строительства крупных рыбопромышленных центров, в частности таких, как Гыданский рыбозавод.

Вместе с тем полевые материалы позволяют говорить о сохранении традиционных форм материальной культуры коренного населения района. Они зафиксированы в конструкции, планировке и внутреннем убранстве чума — основного типа современного жилища ненцев, в типах хозяйственных построек, а также одежды. Практически полный комплекс ее сохранился у женщин, у мужчин — только производственная одежда.

Большой материал собран по средствам передвижения — лодкам, лыжам, оленному транспорту и собаководству (описаны все бытующие типы нарт, упряжи и упряжки), частично — по утвари, пище и таким видам домашнего производства, как изготовление одежды, утвари, средств передвижения.

Участники экспедиции собрали также материалы по духовной культуре. Записано несколько вариантов преданий о *сихитря*, жанр *ва'ал*, сделаны описания свадебного и погребального обрядов.

Собранные материалы переданы на кафедру этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова.

В. А. Козьмин

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

В США, как «стране иммигрантов», всегда были актуальны вопросы, связанные с межэтническими отношениями и этническими процессами, но особенную остроту эта проблематика приобрела в 60—70-е годы, ставшие, с одной стороны, свидетелями «обострения национальных противоречий в капиталистических странах; разгула в них национализма, шовинизма и расизма»¹, а с другой — резкой активизации борьбы широких масс американских негров и ряда дискриминируемых национальных меньшинств за свои права. В эти годы наблюдается интенсивный приток новых иммигрантов, преимущественно из стран Азии, Латинской Америки и Океании (между 30 июля 1969 г. и 30 сентября 1979 г. в США прибыло 4,3 млн. иммигрантов)². Рухнула шовинистическая модель американизации, согласно которой все прибывающие в США иммигранты различной этнической принадлежности должны были перенимать нормы и ценности уоспов (WASP — белые англосаксонские протестанты). Заколебались также и представления о том, что в условиях капиталистического общества индустриализация со свойственной ей нивелировкой национально-культурных особенностей ослабляет этнические чувства и формирует более или менее однородную современную стандартизированную национальную общность в гигантском «плавильном котле». Это ассимиляционистское представление, неразрывно связанное с комплексом методологических идей функционализма, социального либерализма и политической конвергенции в буржуазном обществоведении США, уступило место различным вариантам «этнического плюрализма»³ и «нового партикуляризма». В обстановке обострения социальных противоречий и кризиса теоретических основ буржуазной социологии, вызвавшего «не только сдвиги в тематике исследований, в частности рост интереса к процессам социального изменения на макроуровне, но и потребность методологической переориентации»⁴, новые американские концепции этнических процессов стремились вписаться в новую обществоведческую «конфликтную ориентацию»⁵.

На протяжении четверти века после окончания второй мировой войны, по мнению одного из ведущих специалистов по этническим процессам П. Л. ван ден Берге, «многие исследования по расовым и этническим отношениям несли на себе несомненный идеологический отпечаток тезиса о примате среды и культуры, разделяемого коммунистическо-либеральным антифашистским альянсом». Немецкие беженцы-антифашисты (Теодор Адорно и др.) благодаря своим исследованиям о социально-психологических корнях расовой и этнической предубежденности оказали влияние на целое поколение американских обществоведов. Шведский социал-демократ Гуннар Мюрдаль, изучавший «проблему негров» в Америке, показал, что она является и «проблемой белых». Клод Леви-Стросс опубликовал под эгидой ЮНЕСКО официальную концепцию ООН о «расе». Американский этнограф Чарльз Уэгли по поручению ЮНЕСКО исследовал межрасовые отношения в Бразилии и попытался связать их с классовыми отношениями. Ведущие американские интеллектуалы этого периода — У. Лойд Уорнер, Гордон Олпорт, Отто Клайнберг, Джон Доллард и мн. др.⁶ — представляли монолитный идеологический фронт и проводили буржуазно-либеральную линию в вопросе о расе и этнических процессах «фактически эта традиция еще и по сей день достаточно сильна в Америке и Европе»⁷.

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М.: Политиздат, 1982, с. 13.

² America's Melting Pot. — Newsweek, 1983, Jan., 17, p. 21.

³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. Очерк 1.

⁴ Кон И. С. Социология. — В кн.: Экономическая энциклопедия: политическая эконо-
мия. М.: Сов. энциклопедия, 1980, т. 4, с. 8.

⁵ Bash H. H. Sociology, Race and Ethnicity: A Critique of American Ideological Intrusions upon Sociological Theory. N. Y., 1979, ch. 7 — Ideology and the Inhibition of Conflict Orientations, p. 148—168.

⁶ Van den Berghe P. L. Ethnic Phenomenon. N. Y., 1981, p. 2; Adorno T. W. et al. The Authoritarian Personality. N. Y.: Harper, 1950; Myrdal G. An American Dilemma. N. Y.: Harper, 1944; Lévy-Strauss C. The Race Question in Modern Science. P.: UNESCO 1952; Race and Class in Rural Brazil/Ed. Wagley Ch. P.: UNESCO, 1952; Warner W. I. Introduction. — In: Davis A. W., Gardner B. B., Gardner M. R. Deep South. Chicago Univ. Chicago Press, 1941; Allport G. W. The Nature of Prejudice. Cambridge (Mass.). Addison-Wesley, 1954; Klineberg O. Characteristics of the American Negro. N. Y.: Harper 1944; Dollard J. Caste and Class in a Southern Town. Garden City (N. Y.): Doubleday Anchor, 1957.

⁷ Van den Berghe P. L. Op. cit., p. 2.

Идеологический климат изменился в конце 1960-х и особенно в 1970-х годах. Вследствие обострения социальных противоречий в США и в других развитых капиталистических странах начался подъем борьбы национальных меньшинств за свои права, вызвавший всплеск этнических чувств. Сам термин «этничность», появившийся в этот период, обозначает исходную абстракцию современных американских попыток построить теоретическую модель этнических процессов, аналогичную исходной абстракции стоимости в политэкономии, и в сущности соответствует совокупности тех общественных отношений, которые проявляются в различных этнических феноменах, факторах, чувствах и идентификациях — от элементарных «чувства принадлежности к своей этнической группе» (эквивалент потребительной стоимости) и «чувства отличия от представителей других этнических групп» (эквивалент меновой стоимости) до сложнейших диалектических проявлений национализма и интернационализма. Как видим, понятие «этничность» имеет многомерную структуру⁸. Как отмечалось в «Предисловии» к известному сборнику «Этничность: теория и опыт», термин «этничность» отражает во многом новый феномен современного мира, возникновение «новой социальной категории», которая, по уверениям ряда буржуазных ученых, столь же существенна для понимания сегодняшнего мира, как и категории социального класса⁹.

Специальность по этничности в этот период начали всячески подчеркивать неудачи попыток как «американизировать» иммигрантов, так и заставить их жить «в жестко сегрегированном обществе»¹⁰.

Стало модным открывать и подчеркивать «этнические идентичности» и «корни». Возникли «националистические» движения, такие, как «черный национализм» в США, а некоторые правительственные учреждения, университеты и отдельные интеллектуалы приняли разрабатывать системы квот и программы «аффирмативных действий», налаживать этнические исследования и создавать службы по делам национальных меньшинств и т. п. Появилась точка зрения, что ассимиляционизм был оправданием политики «этноцида», общественеды призывали государство признать этнические и расовые чувства, даже основывать распределение ресурсов на критериях расы и этничности.

Любой ученый, который в 1950-х годах стал бы доказывать, что американские черные — это нечто другое, чем просто темнокожие, бедные и подавляемые американцы, в лучшем случае заслужил бы репутацию романтика, в худшем — фашиста. К концу же 1960-х годов под влиянием кризиса социальных и межэтнических отношений в США начались поиски «черной души», «черной культуры», «черного английского языка» и т. д., а некоторые исследователи, например Артур Дженсен, зашли так далеко, что открыли особый вид «черного разума»¹¹. В академической же среде, считает П. Л. ван ден Берге, «воцарились идеологическое и политическое смятение, anomia и цинизм»¹². Концепцию «правильного котла» критиковали за ее несоответствие реальности, стремление сгладить этническую самобытность и культурные особенности¹³. «Американизация», как отмечал в 1982 г. известный американский общественед Н. Глейзер, превратилась в бранное слово, а самыми насущными требованиями этнических групп стали равноправное участие в соперничестве за экономические ресурсы, профессиональный статус и политическое представительство. «Это верный путь к конфликту, — считает он. — Возможно, столь разруганная цель ассимиляции все же может научить нас, как лучше справиться с нашим многоэтническим обществом»¹⁴.

Таким образом, модель «правильного котла», отражающая объективные ассимиляционные процессы в условиях США, продолжает сохранять определенную привлекательность. Отмечается, что «американский правильный котел» работает в целом весьма успешно¹⁵. Однако для объяснения роста этнического самосознания и обострения межэтнических противоречий в ходе углубляющегося кризиса капиталистического общества в США понадобилось дополнить эту модель новыми концепциями.

Американский исследователь У. Коннор констатировал, что преобладающей ориентацией в США стал именно «этнический партикуляризм». На протяжении 1960—1970-х годов «черный национализм», возвышение «белых этников»¹⁶, «чиканоизм», «американское индейское движение» и множество других этнически окрашенных выступлений превратились в часть повседневной жизни страны. Соответственно прослеживается существенный сдвиг в общественном мнении от принятия модели «правильного котла» в сторону требований более плюралистичного общества. Вместе с тем имеются бесспорные данные, включая статистику смешанных браков, которые как бы подвергают серьезному сомнению утверждения об ослаблении тенденции к ассимиляции. Все же, как пишет У. Коннор, принципиальное значение имеет то, что большинство пишущих о

⁸ Vincent J. The Structuring of Ethnicity. N. Y.: Harper & Row, 1973; TeSelle S. The Rediscovery of Ethnicity. N. Y., 1974.

⁹ Ethnicity: Theory and Experience/Ed. Glazer N., Moynihan D. P. Cambridge (Mass.), 1975, p. 3.

¹⁰ Greeley A. Why Can't They Be Like Us. N. Y., 1969.

¹¹ Jensen A. How Much Can We Boost S. Q. and Scholastic Achievement? — In: Environment, Heredity, and Intelligence. Cambridge (Mass.): Harvard Educational Review Report Series, 1969, № 2, p. 4.

¹² Van den Bergh P. L. Op. cit., p. 4—5.

¹³ Novak M. The Rise of Unmeltable Ethnics. N. Y., 1972.

¹⁴ Glazer N. Ethnicity — North, South, West. — Commentary, May 1982, v. 73, № 5, p. 78.

¹⁵ Krug M. Teaching the Experience of White Ethnic Groups. — In: Teaching Ethnic Studies. Concepts and Strategies. 43 Yearbook/Ed. Banks J. A. Washington, 1973, p. 259.

¹⁶ Weed P. L. The White Ethnic Movement and Ethnic Politics. N. Y., 1973.

этнических процессах придают первостепенное значение этническому плюрализму¹⁷.

Ведущие американские специалисты признают, что перелом в теоретических взглядах исследователей этнических процессов произошел в первой половине 1960-х годов. П. Л. ван ден Берге указывает, что некоторые из его «более ранних формулировок духе функционализма (особенно в работах до 1963 г.) в ретроспективе кажутся довольно наивными»¹⁸, а другой видный американский авторитет по этническим процессам — Р. Шермерхорн в 1974 г. в специальной статье, открывающей первый номер нового американского журнала «Ethnicity», усматривает во второй половине 60-х годов «водораздел обществоведения двадцатого века»¹⁹, переход к новой этносоциологической парадигме²⁰. В предисловии к своей книге «Межэтнические отношения» Э. К. Френсис, на протяжении почти 20 лет работавший в США, констатирует, что волнения черных опять привлекли внимание общественности к межэтническим отношениям. Кроме того, говорит он, в послевоенные годы наблюдается резкий рост этнического самосознания и межэтнических конфликтов в освободившихся от колониальной зависимости странах «третьего мира», а наплыв иммигрантов из стран Содружества в Англию и из иностранных рабочих в ФРГ породил межэтнические проблемы, аналогичные тем, которые испытывали США в разгар индустриализации. «Неудивительно, что объем публикаций по проблематике межэтнических отношений постоянно растет»²¹. Однако до сих пор в этих публикациях, считают ученые, «нет никакой согласованности» относительно терминологии и ее концептуализации, а исследовательская методика «эклектична»²².

Поворот в ориентации американской этносоциологии обозначился после выхода в 1963 г. книги Н. Глейзера и видного американского политического деятеля Д. Мойнихана «По ту сторону плавильного котла»²³. Вывод авторов о непригодности господствовавшей тогда теоретической парадигмы «плавильного котла» оказался чуть ли не покушением на один из идеологических устоев американского общества. И до сих пор нередко подчеркивается, что американское общество все же представляет собой «плавильный котел», где «составляющие его группы никогда полностью не сплавлялись»²⁴.

Н. Глейзер предложил термин «кипящий котел» (boiling pot), поскольку, как он говорит, если раньше «проблемы этнического как источника конфликтов внутри государств и между государствами представлялись всего лишь пережитком прошлого, то теперь мы должны переместить их в самый центр нашего внимания»²⁵. Другие американские обществоведы на примере США тоже приходят к выводу, что этнические группы существуют вечно и никогда не сплавятся²⁶, что в 60-е годы произошло «открытие» женщин, «черных»²⁷, что разнообразные этнические группы не только продолжают сохранять свои специфические черты и устойчивые традиции, но в последние годы существенно вырос уровень их этнического самосознания²⁸. Те, кто ссылается ныне на «плавильный котел», почти всегда относятся к нему совершенно отрицательно²⁹. Наблюдается подлинный «бум» исследований этнического³⁰.

¹⁷ Connor W. Review Article: Ethnicity, Race, and Class in the United States. Ethnic and Racial Studies, 1980, № 3, p. 355.

¹⁸ Van den Berghe P. L. Race and Ethnicity: Essays in Comparative Sociology. N. Y.: Basic Books, 1970, p. 3.

¹⁹ Schermerhorn R. A. Ethnicity in the Perspective of the Sociology of Knowledge.— Ethnicity, 1974, v. 1, № 1, p. 3.

²⁰ Подробнее см.: Таболина Т. В. Кризис американской этносоциологии: смена парадигмы. — ИНИОН АН СССР, № 10699, 27.07.82.

²¹ Francis E. K. Interethnic Relations: An Essay in Sociological Theory. N. Y.: Elsevier, 1976, p. XI.

²² Obidinski E. Methodological Considerations in the Definition of Ethnicity.— Ethnicity, 1978, v. 5, № 3, p. 213.

²³ Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. Cambridge (Mass.), 1963.

²⁴ Mathias Ch. McC., Jr. Ethnic Groups and Foreign Policy.— Foreign Affairs, 1981, v. 59, № 5, p. 975.

²⁵ Glazer N. The Universalization of Ethnicity. Peoples in Boiling Pot.— Encounter, 1975, v. 44, № 2, p. 17.

²⁶ Sizemore B. A. Shattering the Melting Pot Myth.— In: Teaching Ethnic Studies..., p. 74.

²⁷ Kammen M. Introduction: The Historian's Vocation and the State of the Discipline in the United States.— In: The Past Before Us. Contemporary Historical Writing in the United States/Ed. Kammen M. Ithaca, 1980, p. 19—46.

²⁸ Banks J. A., Gay G. Ethnicity in Contemporary American Society: Towards the Development of Typology.— Ethnicity, 1978, v. 5, № 3, p. 250.

²⁹ Gleason Ph. Confusion Compounded: The Melting Pot in the 1960s and 1970s.— Ethnicity, 1979, v. 6, № 1, p. 15.

³⁰ Lahart K. What Happens When the Melting-Pot Fire Goes Out.— Newsday, 1971, June, 5, p. 4. Рост интереса американских ученых к исследованию этнических процессов выразился в создании нескольких новых специализированных журналов. С 1974 г. издается журнал «Ethnicity: An Interdisciplinary Journal of the Study of Ethnic Relations». N. Y.: Acad. Press; с 1973 года «The Journal of Ethnic Studies: A Publication of Interdisciplinary Scholarship, Opinion, and Creative Expression». Bellingham: Western Washington Univ.; с 1978 г. в Лондоне выходит международный журнал «Ethnic and Racial Studies». О возросшем числе публикаций по этнической проблематике свидетельствует изданный в 1981 г. «Библиографический указатель литературы по этничности и национальности» (см.: Bentley G. C. Ethnicity and Nationality: A Bibliographic Guide. Seattle, 1981, XXII, 380 p.).

В последние годы исследователи, переосмысливая и зачастую гипертрофируя роль национальных отношений и этнического фактора в историческом процессе, склонны приписывать их неустраняемыми формами социальной жизни, способными, словно некие этнические Протеи, обновляться и модифицироваться. «Поэтому, возможно, надежда обойтись в обществе без этничности столь же утопична,— считают Н. Глейзер и Д. П. Мойнихэн,—как и надежда обойтись без социальных классов»³¹. По мнению этих исследователей, этнические группы — это «главные элементы общества», а «этничность — основной центр мобилизации интересов»³². Известный американский обществовед Д. Белл тоже полагает, что в нынешних условиях этничность играет более важную роль, чем класс, «как средство достичь власти и привилегий»³³. Подобные подходы ныне характерны для американских социологов³⁴.

Выдвижение на первый план «этничности» используется и для борьбы с марксистско-ленинским пониманием общественного развития. На это четко указывают американские коммунисты. Так, по мнению национального председателя ЦК КП США Г. Уинстона, Н. Глейзер и Д. П. Мойнихэн хотели бы подменить концепцией «этничности» марксистскую концепцию классовой борьбы. Концепция «этничности», как отмечает Г. Уинстон, нацелена на создание атмосферы, в условиях которой позитивные программы черных, направленные на получение работы и образования, могут быть превращены в «обратный расизм». Если класс подменяется «этничностью», то тем самым одна раса натравливается на другую, в то время как следует ориентировать многонациональный рабочий класс на совместную борьбу с господствующим классом³⁵.

Развитие национальных отношений в условиях эксплуататорского строя предопределяет сохранение неравноправного, приниженого положения этнических меньшинств, периодическое обострение национального вопроса. В. И. Ленин считал, что, хотя классовый антагонизм далеко отодвинул на задний план национальные вопросы, возможно «временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса»³⁶. Творческий марксистско-ленинский анализ такого сложного и имеющего глубокие исторические корни социального феномена, как межэтнические отношения, предполагает учет того, «...каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху»³⁷. Только с учетом методологического принципа историзма можно увидеть истоки и перспективы развития межэтнических отношений, их соотносительности с другими социальными и экономическими факторами, объяснить их кажущееся доминирование в той или иной фазе общественного развития.

Повышенное внимание американских обществоведов к этнической проблематике исторически объяснимо, но отсутствие цельного взгляда на историю общества не позволяет им правильно понять современные этнические процессы. Они сами сознают это. Этничность, говоря словами Т. Парсонаса, — «ускользающее понятие, ее очень трудно определить каким-либо точным способом»³⁸. В. И. Ленин в полемике с субъективистской социологией отмечал отсутствие «твердого признака» для различения в «явлениях... этнографических» тех или иных подразделений типа «групп» до тех пор, пока не берется за вооружение «теория классовой борьбы» и «понятие общественно-экономической формации», что «устанавливает *приемы*... сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью»³⁹. Марксизм впервые вскрыл органическую связь национального вопроса с социальной, классовой структурой общества, с господствующим типом собственности. Иными словами, корни национальных отношений уходят в социальную почву. «...Решение национального вопроса,— отмечает Ю. В. Андропов,— может быть найдено только на классовой основе»⁴⁰. В то же время национальные различия, истоки которых уходят в доклассовую эпоху, сохраняются и в постклассовой эпохе. Национальные различия «будут существовать долго, много дольше, чем различия классовые»⁴¹. Однако национальные различия в коммунистическом обществе, снованном на принципе «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» и соответственно предполагающем возвышение гармонично и всесторонне развитой личности, должны исчезнуть. «Наша конечная цель очевидна,— подчеркнул Д. В. Андропов.— Это, говоря словами В. И. Ленина,— „не только сближение наций, но и слияние их“»⁴². Консервация этнических различий свойственна буржуазному национализму, а не пролетарскому интернационализму.

К слиянию наций, к преодолению национальных различий и противоречий призывают лучшие умы человечества. «И у вас, и у нас,— писал, например, великий американский поэт Уолт Уитмен 20 декабря 1881 г. в своем обращении к России,— разнобо-

³¹ Glazer N., Moynihan D. P. Introduction.— In: Ethnicity: Theory and Experience, 4.

³² Glazer N., Moynihan D. Beyond the Melling Pot, p. XXIV.

³³ Bell D. Ethnicity and Social Change.— In: Ethnicity: Theory and Experience, p. 100.

³⁴ Thompson R. H. Ethnicity Versus Class: An Analysis of Conflict in a North American Chinese Community.— Ethnicity, 1976, v. 6, № 4, p. 306.

³⁵ Winston H. Class, Race and Black Liberation. N. Y.: International Publishing, 77, p. 58—59.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 239.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 265.

³⁸ Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change in Ethnicity.— In: Ethnicity..., p. 53.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 428, 429.

⁴⁰ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М.: Политиздат, 1982, с. 7.

⁴¹ Там же, с. 10.

⁴² Там же.

разные племена и наций, которому во что бы то ни стало предстоит спаяться и свиться в единый союз»⁴³. Ограниченность современных американских представлений «этничности» и о принципиальной неустраимости «этнического плюрализма» наглядно выявляется при сопоставлении их с этим глобальным взглядом на главенствующую с точки зрения советских ученых, «исторически закономерную и прогрессивную тенденцию к укрупнению народов»⁴⁴.

Выявившиеся многомерность, многофакторность, системность этнических процессов способствовали формированию множества концепций, которые можно классифицировать по четырем основным аспектам любой изучаемой этнической системы. Во-первых, каждая система возникла исторически, несет в себе «генетические» тенденции, характеризуется в своем поведении теми или иными латентными факторами. Во-вторых, любая система состоит из элементов или подсистем, которые взаимодействуют друг с другом, интегрируются и поэтому обладают теми или иными интеграционными факторами. В-третьих, каждая система составляет часть более широкого целого, вынуждена приспособляться к окружающей среде и характеризуется теми или другими адаптационными факторами. Наконец, в-четвертых, каждая система активно стремится реализовать те или иные свои потенции, максимизировать свой статус в динамике отношений с другими системами и тем самым отличается своими «целевыми факторами»⁴⁵.

В рамках же каждой из четырех выделенных сфер исследования можно наметить в соответствии с марксистско-ленинской гносеологией, этапы восхождения от эмпирического уровня к абстрактно-формальному и затем от абстрактно-формального к конкретному. Разрывая взаимодополняющие друг друга этапы восхождения от эмпирической конкретики к абстрактному и этап восхождения от абстрактного к конкретному, буржуазные ученые, как правило, погружаются в «вечный» спор между двумя крайностями — «индуктивизмом» и «дедуктивизмом», «эмпиризмом» «рационализмом», «веберизмом» и «структурализмом» и т. д.

В первой (латентной) сфере исследования основной спорный вопрос — являются ли «раса», «национальность», «этничность» чем-то изначально данным, «первозданным» биологически и культурно наследуемым или же они обусловлены социальной ситуацией. Соответственно в современных американских публикациях по этнической проблематике встречаются две крайности — «культурно-биологическая» и «социально-ситуационная». Есть попытки сформулировать синтезирующую точку зрения.

После того как совершился рассмотренный выше перелом в понимании «этничности» и этнической группы, динамики образования и существования этнических групп потребовалось по возможности всестороннее понимание этноса, в том числе и в биогенетико-культурном ракурсе. Особенно разработана социобиологическая и эмпирически ориентированная концепция П. Л. ван ден Берге, согласно которой «этноцентризм» расизм глубоко укоренены в нашей биологии и, как можно ожидать, сохраняются даже в индустриальных обществах, будь они капиталистическими или социалистическими. П. Л. ван ден Берге переносит механизм животной «социальности», базирующейся на генетике, на человеческое общество и считает «этничность» продолжением родственного «непотизма». Тем самым этнические процессы интерпретируются в терминах отношений биологическо-культурного родства и человек предстает не как «совокупность общественных», а во многом как «сгусток родственных» отношений.

Концепция такого рода противостоят социально-ситуационные и структуралистско(формально)-ориентированные концепции, выделяющие этнические группы и процессы в ситуациях межэтнического, или, шире, социального, взаимодействия в тесной связи со средой. Так, текучесть этнических групп подчеркивал Ф. Барт. Хотя последний и признавал, что члены этнической группы имеют некоторые общие этнические черты, он в то же время рассматривал эту рассеянную общую культуру скорее как воплощение или результат, чем как первичную и определяющую характеристику этнической групповой организации⁴⁷. Американский ученый В. Абрuzzi попытался углубить концепцию «этнических границ» Ф. Барта с помощью экологического подхода⁴⁸.

На практике даже те обществоведы, которые придают первостепенное значение именно социально-ситуационной дифференциации взаимодействующих групп, все же используют ряд культурных критериев для идентификации этнических общностей. Например, М. Хехтер при исследовании процессов этнического взаимодействия берет за основу этническую специализацию в профессиональной структуре обществ. При этом он вынужден ссылаться на «объективные культурные признаки», служащие узами «э

⁴³ Уитмен У. Письмо о России (1881). — В кн.: Писатели США о литературе. Прогресс, 1982, т. I, с. 120.

⁴⁴ Бромлей Ю. В. Предмет и задачи этнографии. — В кн.: Этнография/Под ред. Бромлей Ю. В. и Маркова Г. Е. М.: Наука, 1982, с. 8.

⁴⁵ Кураташвили А. А., Литвинова Г. Е. Проблема определения качества жизни в буржуазных фальсификаторах. — В кн.: Наука — обществу. Материалы Республиканской научной конференции 2—3 ноября 1978 г./Под ред. Бокучава С. А. Тбилиси: Мецниереба, 1978, с. 69—89.

⁴⁶ Van den Berghe P. L. Ethnic Phenomenon, p. XI.

⁴⁷ Barth F. Introduction. — In: Ethnic Groups and Boundaries/Ed. Barth F. Boston, 1969, p. 11.

⁴⁸ Abruzzi W. S. Ecological Theory and Ethnic Differentiation Among Human Populations. — Current Anthropology, 1982, v. 23, № 1, p. 13—21.

ческой солидарности» перед тем, как показать их «вторичность» в распределении занятий и доходов ⁴⁹.

Судя по всему, американские ученые при создании концепций этнических процессов обычно используют биолого-культурные формулировки, которые, по словам М. Бэнтона, хотя и достаточно легко ослепляются, но пока не имеют достаточно разработанной альтернативы ⁵⁰.

Синтезирующую концепцию попытался выдвинуть в 1976 г. американский ученый Ч. Ф. Кейес, считающий, что культура играет роль первичной определяющей характеристики этнической группы. В то же время он принял во внимание тот факт, что в ходе социально-экономических (структурных) взаимодействий содержание культуры часто значительно меняется ⁵¹. Он говорит: «В то время как этнические группы объединяются идеей общего происхождения, их особая форма является следствием структуры межгрупповых отношений» ⁵². Ч. Ф. Кейес анализирует эту структуру, исходя из концепции «обмена», «коммуникации», разработанной М. Моссом и К. Леви-Строссом.

Отмечая, что в рамках любого общества имеется много культурных различий — в религии, языке, искусстве, ремесле и т. д. ⁵³, Ч. Ф. Кейес утверждает, что эти различия сами по себе не предполагают этнического разделения, а становятся существенными для понимания этнических групп лишь в динамике обмена между ними. Исходя из этого, Ч. Ф. Кейес делает вполне резонный вывод, что «этническая группа не может быть определена только в терминах культуры» ⁵⁴. Однако диалектика взаимоотношения «биологически-культурно наследуемого» и «социально-ситуационного» в этнических процессах до сих пор остается предметом дискуссий в американской этносоциологии.

Во второй (интеграционной) сфере исследования этнических процессов основной вопрос состоит в том, являются ли межэтнические отношения в каждом конкретном случае уникальными (идиографическими) или же подчиняются неким универсальным схемам. Проблематика этой сферы связана с общим пониманием исторического процесса и неизбежно касается спора между веберизмом и марксизмом.

Ближе к эмпирическому уровню стоит понимание межэтнических отношений Э. К. Френсисом, сознающим желательность создания «дедуктивно сформулированной теории» межэтнических отношений, но считающим эту задачу недоступной. Более «узкие» теории, согласно Э. К. Френсису, — обязательные ступени к всеохватывающей объясняющей теории (хотя многие «респектабельные» науки развиваются без такой теоретической системы). Эти теории, с его точки зрения, способствуют лучшему пониманию человеческих дел и даже обеспечивают предсказание с большей или меньшей степенью вероятности ⁵⁵.

Не претендуя на полноту и окончательность теоретического осмысления этнических процессов, Э. К. Френсис в духе веберизма строит обобщения на основе «эмпирических» (парадигматических) этнических ситуаций. Конструируемые «идеальные типы» — не универсальные «коды» и структуры, выявляемые структуралистами и лежащие под эмпирической поверхностью, а «полумэмпирические» абстракции на пути восхождения от более простых к более сложным социальным структурам ⁵⁶, от племен без правителей (ацефальных обществ) к политически организованным обществам, от племенных обществ к империям и национальным государствам. Э. К. Френсис указывает, что его прежде всего интересует специфическая роль «этничности» в различных схемах социального взаимодействия, а также интеграция этнически различных групп в существующие социальные единицы. Схема Э. К. Френсиса содержит ряд интересных моментов, но не претендует на выявление глубинных тенденций этнических процессов, универсальных закономерностей межэтнического взаимодействия.

Напротив, структуралистски (формально) — ориентированная схема межэтнических взаимодействий Р. Шермерхорна ⁵⁷ стремится наметить центробежные и центропритягательные силы, действующие между большими и малыми, подчиненными и доминирующими этническими группами, и выявить «условия, стимулирующие или тормозящие интеграцию этнических групп в окружающие их общества». Р. Шермерхорн сводит исследование взаимоотношений этнических групп к исследованию способов их интеграции (и форм конфликта) как «зависимых переменных», а также предлагает выделять

⁴⁹ Hechter M. The Political Economy of Ethnic Change.— American Journal of Sociology, 1974, v. 79, № 5, p. 1155.

⁵⁰ Banton M. Choosing Our Relations.—Times Literary Supplement, 1975, February, 6, p. 145.

⁵¹ Keyes Ch. F. Toward a New Formulation of the Concept of Ethnic Group.— Ethnicity, 1976, v. 3, № 3, p. 203.

⁵² Ibid., p. 208.

⁵³ Важность коммуникационного аспекта межэтнического взаимодействия подчеркивается советскими учеными. См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— Расы и народы. М.: Наука, 1972, в. 2, с. 8—30.

⁵⁴ Keyes Ch. F. Op. cit., p. 210.

⁵⁵ Francis E. K. Interethnic Relations, p. 5.

⁵⁶ О веберизанском понятии «идеального типа» и «идеалтипических» генерализациях см.: Гайденоко П. П. Социология Макса Вебера.— В кн.: История буржуазной социологии XIX — начала XX века/Под ред. Кона И. С. М.: Наука, 1979, с. 258—262; Канусти Г. Г. Концепция идеальных типов Вебера и познание многообразия исторической действительности.— Философские науки, 1981, № 1; Льюис Дж. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера. М.: Прогресс, 1981.

⁵⁷ Schermerhorn R. A. Op. cit., p. 14.

независимые и внешние переменные этнического взаимодействия, находить инвариантные отношения (правила комбинаций) между независимыми и зависимыми переменными (факторами) в специфических условиях различных обществ. В конечном счете попытка Р. Шермерхорна объединить «системно-функциональный анализ» в духе Т. Парсонса (подчеркивающего равновесие и согласованность функций «этнической системы») и ретространствующая в последние два десятилетия в американской социологии «теория конфликта сил» в духе Р. Дарендорфа отличается эклектизмом, сводит сложные процессы межэтнических взаимодействий к простейшим механистическим схемам. Сто же формальны и механистичны схемы Л. Вирта⁵⁸, Г. Симпсона и Дж. Ингера⁵⁹. Гаскела и Г. Кэссиди⁶⁰, У. Дж. Уилсона⁶¹, Г. ван Амерсфорта⁶² и др., не учитывающие диалектику этнических процессов в контексте социально-экономических факторов.

Таким образом, как констатируют П. Брасс и П. Л. ван ден Берге, американским ученым не удалось создать целостную теорию этничности, и даже наиболее амбициозные и усложненные попытки в этом направлении, подобные попыткам Р. А. Шермерхорна и Э. К. Френсиса, не были успешными⁶³. Эту точку зрения разделяют и другие американские специалисты. Так, Е. Обидински говорит, что, хотя число исследований «этничности» и этнических групп увеличилось, а диапазон их расширился, становится все очевиднее, что среди обществоведов нет концептуального согласия; различия же, определения этнических признаков делают невозможным обсуждение этнических проблем и приводят к эклектической исследовательской методике⁶⁴.

Попытки объяснить процессы этнического взаимодействия и интеграции неизбежно подводят американских обществоведов к задаче найти закономерности этнических процессов и соотнести их с более широкими законами исторического развития, т. е. осуществить синтез этнического и общесторического. Некоторые американские специалисты считают, что такая целостная теория не может быть создана, поскольку социально-исторические события всегда определяются уникальным сочетанием факторов, которые, однако, могут быть разложены на составные элементы. Во взаимоотношениях этноэлементов обнаруживается известная регулярность. «Мы думаем,— говорят эти ученые,— что феномены этничности и национализма демонстрируют достаточно повторяющихся схем и предсказуемых соотношений, чтобы позволить нам проводить обобщения без нелепого свёрхупрощения»⁶⁵.

В зарубежной методологической литературе обычно различают «эмическую» и «этическую» исходные исследовательские установки⁶⁶. Некоторые американские специалисты стремятся ныне к равноправию обоих подходов и выступают против гипертрофирования одного из них. В этом плане характерна обзорная синтезирующая статья У. Коннора⁶⁷. Рассматривая работы О. Паттерсона⁶⁸ и У. Дж. Уилсона⁶⁹, он отмечает, что эти авторы, исследуя взаимоотношения этнических процессов «изнутри» и этноэмических сил «извне», приходят к выводу, что «класс» важнее, чем «этничность», для объяснения современной этнической ситуации. У. Коннор довольно высоко оценивает книгу У. Дж. Уилсона, «Исторический обзор расовых отношений в США скорее приводит его к заключению,— говорит У. Коннор в статье,— что межэтнические отношения в значительной мере испытывали влияние групповой конкуренции (или в известной мере отсутствие таковой) на рынке труда. Он утверждает, что значительные изменения в экономической структуре будут изменять этническую конфигурацию конкурирующих групп и тем самым существенно влиять на отношения между ними»⁷⁰. Однако У. Коннор

⁵⁸ Wirth L. The Problem of Minority Groups.— In: The Science of Man in the World Crises/Ed. Linton R. N. Y., 1945, p. 354—363.

⁵⁹ Simpson G. E., Yinger J. M. Racial and Cultural Minorities. N. Y., 1953.

⁶⁰ Cassidi H. Full-Circle. The Moral Force of Unified Science/Ed. Haskell E. N. Y., 1972, p. 67.

⁶¹ Wilson W. J. Power, Racism and Privilege: Race Relations in Theoretical and Sociological Perspectives. N. Y., 1973, p. 32.

⁶² Van Amersfoort H. «Minority» as a Sociological Concept—Ethnic and Racial Studies, 1978, v. 1, № 2, p. 229.

⁶³ Brass P. R., van den Berghe P. L. Ethnicity and Nationalism in World Perspective.— Ethnicity, 1976, v. 3, № 3, p. 200.

⁶⁴ Obidinski E. Op. cit., p. 213.

⁶⁵ Brass P. R., van den Berghe P. L. Ethnicity and Nationalism in World Perspective, p. 197—198.

⁶⁶ Применительно к исследованию «этничности» подобное различие установок приводит, например, американский специалист по этническим процессам Дж. Де Vos, который отмечает, что «эмический» подход предполагает осмысление исследуемого объекта как бы «изнутри», в его специфических свойствах и закономерностях функционирования, тогда как «этнический» подход предполагает осмысление как бы «извне», с точки зрения стороннего наблюдателя и тем самым исходя из «интересов», свойств и закономерностей окружающей системы, среды. См.: De Vos G. Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation.— In: Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change/Ed. De Vos G. and Romanucci-Ross L. Palo Alto, Cal., 1975, p. 17.

⁶⁷ Connor W. Review Article: Ethnicity, Race and Class in the United States.— Ethnic and Racial Studies, 1980, v. 3, № 3, p. 355—359.

⁶⁸ Patterson O. Ethnic Chauvinism: The Reactionary Impulse. N. Y., 1977.

⁶⁹ Wilson W. J. The Declining Significance of Race: Blacks and Changing American Institutions. Chicago, 1978.

⁷⁰ Connor W. Op. cit., p. 357.

люстяно подчеркивает, что этнический фактор не идентичен экономическим силам, но имеет свою специфику.

Еще более четко проводится мысль о неразрывности этнического и общесоциологического у П. Л. ван ден Берге. По его словам, «этничность иногда выходит на первый план по отношению к классу, касте, расе, возрасту, полу и другим критериям группового единения, и поэтому возможности возникновения этнического конфликта значительно изменяются от места к месту и от периода к периоду. В любом случае сложная динамика этнических отношений в данном стратифицированном обществе может быть понята только в связи с классовыми отношениями. Любая попытка преуменьшить значение влияния класса на этничность или этничности на класс приводит к серьезным искажениям реальности. В действительности априорная теоретическая позиция, что одно важнее другого, является несостоятельной»⁷¹.

Невозможно понять развитие «этничности» для групп, указывает также М. К. Ховард, без исследования природы политико-экономической структуры общества. Исследователь рассматривает «этничность» как момент диалектического процесса взаимодействия между внешними и внутренними факторами, ассоциированными со способом интеграции⁷².

Стремящиеся к синтезу различных подходов американские ученые все же стараются держаться ближе к эмпирическому подходу и выявлять этническую специфику исследуемого объекта, что было свойственно неокантианско-веберовскому историцизму. П. Л. ван ден Берге пишет, что придерживается «позиции историцизма» и выступает против «незрелых некомпетентных и/или тривиальных утверждений, которые выдаются за теорию. Настоящее состояние сравнительного знания об этничности позволяет сделать лишь несколько эмпирических обобщений и выдвинуть несколько односторонних гипотез. Любая попытка сконструировать большую каузальную и детерминистскую модель наверняка окончится неудачей. На уровне современных знаний мы можем выделять главные детерминирующие факторы этнических ситуаций и на основе ряда независимо воспроизводимых сочетаний этих факторов конструировать идеальные типы, а также выделять и обобщать важный эмпирический материал. Однако мы еще редко имеем возможность предсказать эволюцию общества в целом»⁷³.

Как видим, американские обществоведы при попытках теоретических обобщений часто берут на вооружение веберовскую методологию выделения в каждой исторической эпохе и ситуации «идеальных типов» тех или иных этнических общностей⁷⁴. Однако М. Вебер, как известно, в духе неокантианства принес «право объекта» в жертву «праву субъекта», ограничился созданием теоретических «утопий», недостатки которых (хотя бы в анализе этнических процессов) ныне очевидны для некоторых этносоциологов⁷⁵. Ввиду явной нецелостности веберовства ныне в американском обществоведении возрастает интерес к комплексной универсальной теории всемирно-исторического развития, прежде всего к марксизму, хотя зачастую к вульгаризированным или ревизионистским (неомарксистским) версиям.

В третьей (адаптационной) сфере исследований основной вопрос сводится к тому, представляет ли этническая идентификация и соответственно адаптация этнических чувств к социальному целому индивидуально-личностное или социально-индуцируемое явление.

Американские ученые стремятся проводить исследование этнических групп и индивидуального «этнического человека» (этнофора) посредством методов социальной психологии, психологии развития и теории личности. Этническая идентификация, неотрывная от кровнородственной, групповой и культурной идентификации, понимается эмпирически-ориентированными буржуазными учеными или как результат личностного осознания, или как процесс социальной адаптации. По мнению же ряда структуралистски (формально)—ориентированных зарубежных специалистов, для изучения межэтнической общности и межэтнических различий необходим комплексный и детализированный подход, такой, как метод межгруппового факторного анализа, развитый Л. Р. Такером⁷⁶.

⁷¹ Van den Berghe P. L. Ethnic Pluralism in Industrial Societies..., p. 244.

⁷² Howard M. C. Ethnicity and Economic Integration in Southern Belize.— Ethnicity, 1980, v. 7, № 2, p. 121.

⁷³ Van den Berghe P. L. Ethnic Pluralism in Industrial Societies..., p. 244.

⁷⁴ Обращение к этнической тематике в целом прослеживается в западной социологии уже на рубеже XIX—XX вв., и М. Вебер достаточно основательно разбирал вопросы, с ней связанные, в конце первой мировой войны. Опубликованы эти материалы были в 1922 г. в книге «Экономика и общество», в которой уже сформулированы понятия этнической группы, этнической общности. См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922.

⁷⁵ См., например: Hechter M. Ethnicity and Industrialization: On the Proliferation of the Cultural Division of Labor.— Ethnicity, 1976, v. 3, № 3; Smith A. The Concept of Social Change: A Critique of the Functionalist Theory of Social Change. L., 1973; Walzstein J. Social Conflict in Post-Independence Black Africa: The Concepts of Race and Status-Group Reconsidered.— In: Racial Tensions and National Identity/Ed. Campbell E. O. Nashville, Tenn., 1972.

⁷⁶ Tucker L. R. An Interbattery Method of Factor Analysis.— Psychometrika, 23, 1958, p. 111—137. Идея этого метода применительно к изучению этнических процессов заключается в том, что индивидуумы из разных этнических групп сопоставляются по разным наборам личностных параметров и выявляются общность и различия по этим параметрам, в том числе этническим. См. об этом: Triandis H. C., Malpase R. S., David-son A. R. Psychology and Culture.— Annual Review of Psychology, 24, 1973, p. 355—378.

Аспекты идентичности личности *

Способ идентификации личности	Источники идентификации	
	социальные роли	история индивидуальной жизни
Через других	Социальная идентичность (адаптационная)	Персональная идентичность (интеграционная)
Через себя	Самоконцепция (целевая)	Эго-идентичность (латентная)

* Как видим, целевая «самоконцепция» — это набор представлений индивида о том, каким сам должен быть. Самоконцепцию иногда рассматривают как концепцию высшего порядка, в которую включаются такие концепции низшего порядка, как самодосприятие и самооценка (См.: *De Leuita D. J. The Concept of Identity*. N. Y., 1963, p. 158—164).

Адаптационная «социальная идентичность» соответствует тому, как другие идентифицируют личность в терминах социальных ролей или категорий (См.: *MacCall J., Simmons H. L. Identities and Interaction*. N. Y., 1966, p. 64).

Интеграционная «персональная идентичность» соответствует тому, как другие определяют личность в терминах уникальной комбинации приписываемых личности признаков (См.: *Goffman E. Stigma*. N. Y., 1963, p. 57).

Наконец, латентная «эго-идентичность» представляет собой психологическое ядро того, что личность означает для себя (См.: *Erikson E. H. Childhood and Society*. N. Y., 1963, p. 261—262). Это ядро обычно эмпирически изучается путем психиатрических или психоаналитических «глубинных интервью».

А. Р. Бусс и Дж. Р. Ройс выявляют при помощи этого метода этнокультурные общности и этнокультурные различия⁷⁷. При этом иногда объединительные тенденции классифицируются как «этические» процессы, а разделительные — как «эмические»⁷⁸.

Эмпирически ориентированные концепции этнической идентификации и адаптации можно классифицировать, вслед за А. Дашефским и Г. Шапиро, в соответствии с двумя главными источниками идентичности личности: социальными ролями, которые представляют собой общепризнанные модели социального поведения, и историей индивидуальной жизни. Личность также идентифицирует себя или через других, или через себя. В результате выделяются четыре аспекта идентичности⁷⁹ (см. таблицу).

Нужно отметить, что методы изучения личности, в том числе ее этнического самосознания и этнической идентификации, следуют в целом четырем главным социальным психологическим ориентациям: бихевиористской, интеракционистской, когнитивистской и психоаналитической⁸⁰.

Проявления «этничности» на уровне этнофора и этнической группы обнаруживают ряд нюансов и никоим образом не сводимы к кровнородственным связям. «Способ, посредством которого люди идентифицируют свою этничность, — отмечает, например, Л. Муллинс, — многообразен и следует иерархизированному таксономическому уровню: а уровень, на котором происходит идентификация, зависит от ситуации»⁸¹. Действительно, этническое самоопределение человека, как постоянно подчеркивают марксисты, носит социальный характер, неразрывно связано с другими аспектами целостной личности или групповой идентификации.

В четвертой (целевой) сфере исследования этнических процессов основной спор идет о том, является ли этническое самовыражение индивидов и групп формой борьбы: надстроечный (культурный) статус или проявлением соперничества за базисные (структурные) дефициты. Имеется ряд концепций синтезирующего характера, в том числе ориентирующихся на марксизм.

Одна группа культуроцентрических концепций, ведущая начало от Э. Дюркгейма, который уподобляет процесс этнической интеграции физическому явлению осмоса, характеризуется склонностью к эмпиризму. Это теории «аккультурации»⁸², которые из

⁷⁷ Buss A. R., Royce J. Detecting Cross-Cultural Commonalities and Difference Intergroup Factor Analysis.— *Psychological Bulletin*, 1975, v. 82, № 1, p. 128.

⁷⁸ Pike K. L. Etic and Emic Standpoints for the Description of Behavior.— In: *Communication and Culture*. N. Y. etc., 1966. По словам Дж. Берри, «эмическое относится только к отдельному обществу, в то время как этическое не связано только с данной культурой и отражает универсальные аспекты мира (или если не является совершенно универсальным, функционирует более чем в одном обществе)». См. *Berry J. W. Cross-Cultural Comparability*.— *International Journal of Psychology*, 4, 1969, p. 123.

⁷⁹ См.: *Dashevsky A., Shapiro H. M. Ethnic Identification Among American Jew Socialisation and Social Structure*. Lexington, Mass., 1974, p. 4—7.

⁸⁰ Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во МГУ, 1978.

⁸¹ Mullings L. «Tribalism», Ethnicity, and Group Cohesion.— In: *Group Cohesion/E* Kellerman H. N. Y., 1981, p. 118.

⁸² Durkheim E. *The Division of Labour in Society*. N. Y., 1964.

⁸³ Redfield R. *Culture Contact Without Conflict*.— *American Anthropologist*, 193 v. 41.

яют этнические процессы с точки зрения тех или иных целевых установок, имеющих в виду включение традиционного общества в модернизирующееся и модернизированное.

Ко второй группе относятся концепции так называемой «мобилизации»⁸⁴, т. е. интенсификации этнических процессов при межэтническом контакте. Здесь на первый план выдвигаются те формы и средства, с помощью которых достигается интеграция разнородных этнических компонентов в единое социокультурное целое, и особенно подчеркивается роль харизматического лидера, политических элит, национальных символов, стереотипов и т. д. в национальной интеграции.

Та группа «структуроцентрических» концепций, для которой характерно тяготение к эмпиризму, создает свои идеалистические обобщения, отталкиваясь от факта экономической «неинтегрированности» периферийных регионов, зачастую населенных национальными меньшинствами. Согласно этим концепциям «этнического разделения труда» экономическое неравенство регионов порождает межэтнические неадаптированности и конфликты, идеологически прикрываемые возрождаемыми традиционно-культурными символами⁸⁵. Ряд американских исследователей связывают обострение межэтнических отношений в Испании, Канаде, Бельгии, во многих странах «третьего мира» с экономической дискриминацией отдельных регионов в ходе неравномерного развития капиталистической экономики⁸⁶. Иногда экономическая отсталость и неадаптированность периферии в свою очередь рассматривается как следствие тормозящего влияния сохраняющейся традиционной культуры⁸⁷.

Другой группе структуроцентрических концепций свойственны стремления к структуралистски (формально) — ориентированным обобщениям и акценты на «врожденные» латентные факторы. Эти концепции во многом отталкиваются от идей французского этносоциолога-структуралиста Ж. Баландье о «внутреннем колониализме»⁸⁸, подчеркивающего формальные структурные различия между центром и периферией, городом и деревней и т. д. и проводящего аналогии между заморской колониальной эксплуатацией и «внутренним колониализмом» как поиском «внутренних Америк»⁸⁹. Считается, что ситуация «внутреннего колониализма» в основном обусловлена социально-экономическими факторами и порождается воспроизводящейся отсталостью периферии, которая ведет к дискриминации по языку, религии, этнической принадлежности⁹⁰, а также к дискриминации на рынке труда и по месту расселения («геттоизация»). Подобная ситуация укладывается в распространенную леворадикальную схему «зависимого развития»⁹¹. Негритянский социолог Д. Блекуэлл считает, что постоянный социально-экономический гнет и дискриминация черных американцев привели к тому, что они оказались в положении «внутренней колонии, которой манипулируют и управляют белые». По словам другого негритянского социолога, Р. Блаунера, концепция «внутреннего колониализма» напоминает, что «США обязаны своим существованием колониализму»⁹². «Экономика этих „внутренних колоний“ капиталистических стран, как отмечают советские ученые, болезненно реагировала на связанные с развитием государственно-монополистического капитализма и научно-технической революции структурные сдвиги, которые привели к ломке традиционной хозяйственной специализации и профессиональной ориентации широких слоев трудящихся»⁹³.

Следует отметить, что «структуроцентристские» концепции, абсолютизируя разделение труда, действительно приводящее в условиях капитализма к социальным и этническим антагонизмам, зачастую делают перекус в сторону вульгарного экономизма.

⁸⁴ Deutch K. W. Social Mobilization and Political Development.— American Political Science Review, 1961, v. 55, p. 493—514.

⁸⁵ Gordon D. C. Self-Determination and History in the Third World. N. Y., 1971, p. 26.

⁸⁶ Об этом см.: Regional Development and Planning/Ed. Friedmann J., Alonso W. Cambridge (Mass.), 1964; Baer W. Regional Inequality and Economic Growth in Brazil.— Economic Development and Cultural Change, April 1964, v. 12, p. 268—285; Riegelhaupt J. F., Forman Sh. Bodo Was Never Brazilian: Economic Integration and Rural Development Among a Contemporary Peasantry.— Journal of Economic History, May 1970, v. 30, № 1, p. 100—116; Morph G. Ethnic Groups and Developmental Models: the Case of Quebec.— In: Ethnicity in an International Context/Ed. Said A., Simmons L. New Jersey: Transaction Books, 1976.

⁸⁷ Banfield E. C. The Moral Basis of Backward Society. N. Y., 1958.

⁸⁸ Balandier G. Sociologie actuelle de l'Afrique Noire. P., 1963, p. 7.

⁸⁹ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949, p. 57.

⁹⁰ Capitalism Under Development in Latin America. N. Y., 1969; Casanova P. G. Internal Colonialism and National Development.— Studies in Comparative International Development, 1965, v. 1, № 4, p. 27—37; Stavenhagen R. Classes, Colonialism and Acculturation.— Ibid., 1965, v. 1, № 5.

⁹¹ Латинская Америка, 1979, № 1—3. Марксистскую критику концепций «зависимого развития» см.: Ласбаль Х. К вопросу об уровне капиталистического развития Латинской Америки.— Рабочий класс и современный мир, 1981, № 1, с. 123, 124.

⁹² Blackwell J. The Power Basis of Ethnic Conflict in American Society.— In: The Uses of Controversy in Sociology/Ed. Coser L., Larsen O. N. Y., 1976, p. 191; Blauner R. Colonized and Immigrant Minorities. N. Y., 1967; idem. Internal Colonisation and Ghetto Revolt.— Social Problems. Spring 1969, v. 16, p. 393.

⁹³ Баграмов Э. Национальное угнетение в странах капитала.— Международная жизнь, 1982, № 11, с. 65.

наша нация, из этого недостатка не свободна и концепция М. Хехтера⁹⁴. Это ведь исходит из факта «культурного разделения труда» в капиталистическом обществе особенно в городе, из резких контрастов, возникающих в ходе капиталистической индустриализации, не только классовых, но и региональных. «Самые недавние мигранты скапливались на дне стратификационной системы»; они ассоциировались с теми или иными культурными группами⁹⁵. Вертикальная классовая борьба дополняется горизонтальной конкурентной борьбой между различными группами трудящихся, зачастую самоорганизующимися, как отмечал еще М. Вебер, по этническому признаку⁹⁶. «Разумеется», — отмечает М. Хехтер, — обострение межэтнического конфликта служит интересам буржуазии как класса, стремящегося предотвратить развитие солидарности пролетариата»⁹⁷. Буржуазия даже поощряет развитие этнического самосознания среди рабочих, поддерживая, например, особые церкви для рабочих-иммигрантов и национальных меньшинств⁹⁸. Конкретный анализ социального поведения показывает, как отмечает Р. Томпсон, что «этничность» и класс — не эквивалентные функции, а противоположные принципы социальной организации⁹⁹ в контексте борьбы за общественный прогресс. Д. Дж. Гроув признает, что «внутригрупповое распределение благ столь же важно, как и межгрупповые различия», но «немногие исследователи делают упор на классовое разделение внутри каждой этнической группы»¹⁰⁰.

Научно-технический прогресс, указывают многие американские этносоциологи, лишь способствует углублению культурно-этнического разделения труда. Создается так называемый «двойной рынок рабочей силы», который способствует разжиганию этнического антагонизма¹⁰¹, разрыв между высококвалифицированной рабочей силой «ядра» и «средним рабочим» периферийного происхождения увеличивается¹⁰², культурно-этническая дифференциация воспроизводится и даже возрастает¹⁰³. Это, бесспорно, верные наблюдения. Однако американские буржуазные обществоведы обычно почти не касаются вопроса о механизме проявления этнического и классового на уровне социального действия. Они, как правило, ограничиваются описанием стратификационного аспекта социального конфликта. Термин «класс» применяется ими для обозначения не отношения к собственности, а социально-экономического статуса. Утверждается, например, что использование кем-либо этнической принадлежности становится социально приемлемым средством для достижения классовых интересов в сфере общественной жизни¹⁰⁴, а «этничность» трактуется как «поведенческий отклик» на действия других¹⁰⁵. В результате «этничность» выступает как форма идентификации, альтернативной классовому сознанию¹⁰⁶. Тем самым фактически выхолащивается смысл классовой борьбы, которая сводится к вечной конкурентной борьбе за ресурсы и статус, и одновременно сужается понимание этнического.

Против такого вулгаризированного понимания этносоциальной ситуации в США выступают американские коммунисты: «Народ нашей страны состоит из людей самого различного национального происхождения и различных национальностей, — отмечается в «Новой программе Коммунистической партии США». — Многие из них подвергаются дискриминации по причине их расовой принадлежности и цвета кожи. У различных этнических групп стремятся отнять их прогрессивную культуру, историческое наследие и традиции. Правящий класс систематически сталкивает эти группы друг с другом, чтобы с еще большей легкостью их всех эксплуатировать»¹⁰⁷.

Интенсификация этнических процессов в капиталистических странах зависит от расстановки и борьбы классовых сил не только в данной стране, но и в международ-

⁹⁴ *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development 1536—1966. L., 1975; *idem.* Ethnicity and Industrialization: On the Proliferation of the Cultural Division of Labor.— *Ethnicity*, Sept. 1976, v. 3, № 3, p. 214—224.

⁹⁵ *Hechter M.* Ethnicity..., p. 218; *Bosanquet N., Doeringer P. B.* Is There a Dual Labor Market in Great Britain?— *The Economic Journal*, 1973, v. 83, p. 421—435.

⁹⁶ *Weber M.* Economy and Society/Ed. Roth G., Wittich C. N. Y., 1968, p. 341—342.

⁹⁷ *Hechter M.* Ethnicity..., p. 222.

⁹⁸ *Reich M.* The Economics of Racism.— In: *Problems in Political Economy*/Ed. Gordon D. M. Lexington, 1971.

⁹⁹ *Thompson R. H.* Ethnicity Versus Class: An Analysis of Conflict in a North American Chinese Community, p. 306—326.

¹⁰⁰ *Grove D. J.* A Test of the Ethnic Equalization Hypothesis: a Cross-National Study.— *Ethnic and Racial Studies*, 1978, v. 1, № 2, p. 175.

¹⁰¹ *Bonacich E.* A Theory of Ethnic Antagonism.— *American Sociological Review*, 37, 1973, p. 547—559.

¹⁰² *Doeringer P. B., Piore M.* Internal Labor Markets and Manpower Analysis. Lexington, 1973, ch. 8.

¹⁰³ *Bowles S.* Unequal Education and the Reproduction of the Social Division of Labor.— In: *Schooling in a Corporate Society*/Ed. Carnoy M. N. Y., 1972.

¹⁰⁴ *Bell D.* Ethnicity and Social Change.— *Ethnicity, Theory and Experience*, p. 141—174; *Bennett J. W.* Introduction.— In: *The New Ethnicity: Perspectives from Ethnology*/Ed. Bennett J. W. St. Paul, West, 1975, p. 3—10.

¹⁰⁵ *Staiano K. V.* Ethnicity as Process: The Creation of an Afro-American Identity.— *Ethnicity*, 1980, v. 7, № 1, p. 27—33.

¹⁰⁶ *Vincent J.* The Structuring of Ethnicity.— *Human Organization*, 33, 1974, p. 376—377.

¹⁰⁷ Новая программа Коммунистической партии США. Народ против власти монополий.— США: экономика, политика, идеология, 1983, № 2, с. 127.

ном масштабе, особенно в связи с усилением международной миграции рабочей силы, с ростом борьбы развивающихся стран за установление более справедливого нового международного экономического порядка. Американские ученые не могут не видеть, что до тех пор, пока усугубляется существующее региональное и межгосударственное экономическое неравенство, «культурное разделение труда» будет сохраняться, как и актуальность этнических конфликтов в обозримом будущем.

И действительно, трудно быть оптимистом в капиталистическом мире, раздираемом экономическими, социальными и политическими антагонизмами. Некоторые американские этносоциологи вынуждены признавать зависимость этнического неравенства и соответственно межэтнических конфликтов «от глобальной динамики межгосударственного неравенства», несправедливого распределения благ и ресурсов между народами¹⁰⁸.

Признав этот очевидный для марксизма факт, тот же Д. Дж. Гроув задает вопрос: не поможет ли преодолению существенных социально-экономических различий между этническими группами «радикальное переструктурирование общества»? В качестве «возможных лабораторий для ответа на этот вопрос» он указывает на социалистические страны¹⁰⁹, но, как и полагается буржуазному ученому, ссылается на отсутствие надежной статистики об этнических процессах в этих странах, уклоняется от обсуждения и анализа действительно великого социального эксперимента по преодолению национальной розни, созданию новой исторической общности людей — единого многонационального советского народа.

Американское буржуазное обществоведение вынуждено было осознать реальную проблематику этнических процессов в классовом обществе, но оказалось неспособным дать ответы на поставленные им же ключевые проблемы. Эти ответы могут дать и дают советские и зарубежные ученые-марксисты, увязывая проблемы этнических процессов и межэтнических отношений с закономерностями и перспективами классовой борьбы в мировом масштабе. Они приходят к выводу, что преодоление этнических антагонизмов предполагает уничтожение общества, основанного на эксплуатации человека человеком.

Т. В. Таболина

¹⁰⁸ Grove D. J. Op. cit., p. 190.

¹⁰⁹ Ibid.

НАРОДЫ СССР

Ф. Т. Валеев. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. Историко-этнографические очерки. Казань: Татарское книжное издательство, 1980. 232 с.

Книга Ф. Т. Валеева — итог почти 30-летней работы по изучению этнографии коренного татарского населения Омской и Тюменской областей. В ней освещаются вопросы происхождения западносибирских татар, их этнического состава, численности и административного управления во второй половине XIX — начале XX в., характеризуются хозяйство, материальная и духовная культура. Основным источником для написания работы послужили материалы собственных полевых этнографических изысканий автора. Особую достоверность придает им то, что сам автор татарин по национальности и коренной житель Западной Сибири прекрасно знает язык, фольклор и нравы изучаемого народа. Им использованы также литературные и архивные данные, отдельные экспонаты из коллекций Омского и Тобольского краеведческих музеев.

Своего рода историческое введение к книге — первая глава — «Происхождение и этнический состав западносибирских татар». В вопросе об этногенезе изучаемого народа Ф. Т. Валеев придерживается уже высказывавшегося в науке мнения: у истоков этногенеза западносибирских татар стояли различные племена юга лесной, лесостепной и степной полос Западной Сибири, сложившиеся из угроязычных, кетоязычных и саяно-алтайских групп, постепенно смешавшихся между собой и подвергшихся тюркизации; ближайшими же историческими предками западносибирских татар были кыпчаки, принимавшие непосредственное участие в формировании многих современных тюркских народов (с. 15, 16). В процессе длительного исторического развития, вплоть до наших дней не прерывались этнокультурные контакты сибирских татар с уграми Западно-Сибирской низменности и с тюрками Саяно-Алтая.

В позднее средневековье и позже, вплоть до новейшего времени они имели прочные этнокультурные связи с башкирами, казахами, народами Средней Азии и татарами Поволжья. Роль каждого из этих компонентов в формировании западносибирских татар автор рассматривает отдельно, привлекая различные источники, в том числе и свои полевые материалы.

В вопросе о связях западносибирских татар с народами Средней Азии Ф. Т. Валеев акцентирует внимание исключительно на формировании так называемых «бухарцев» — этнографической группы, сложившейся из потомков узбеков-сартов, таджиков и отчасти уйгуров, переселившихся в XVI—XVIII вв. в Западную Сибирь с торговыми и миссионерскими целями, а после присоединения Сибирского Ханства к России и в поисках более выгодных условий для занятий земледелием и ремеслами (с. 29—33). Внимание автора к «бухарцам» оправданно: в процессе слияния с местным населением

они сказались, судя по материалам автора, весьма заметное воздействие на быт и культуру отдельных групп сибирских татар. Никак не умаляя значения «бухарцев» на этих этапах этнической истории сибирских татар, хочется напомнить и о более ранних контактах, а также о генетических связях тюркоязычного населения Западной Сибири с узбеками. Речь идет о так называемых узбеках степей Дашти-Кыпчака на рубеже XV—XVI вв., переселившихся в Среднюю Азию в связи с походами Шейбани-хана. Особенно активные генетические связи предков западносибирских татар и даштичакских узбеков восходят, видимо, к тому периоду, когда после монгольского завоевания в Восточной части Дашти-Кыпчака шел сложный процесс формирования на кыпчакской основе единой в своих общих чертах культуры тюркоязычных кочевых и полукочевых народов. Западносибирские татары составляли северную периферию этого обширного степного мира. О контактах данного периода свидетельствуют помимо многих параллелей в языке и культуре полукочевых в прошлом узбеков и западносибирских татар общие родоплеменные названия и этнонимы, такие как *таз*, *тогуз*, *каргал*, *айтамгалы* (у татар *аялы*), *тулянгит*, *Еланлы* (у узбеков этноним *джиланны*, *джилатамгалы*)¹.

Близкие контакты кочевых узбеков Дашти-Кыпчака и западносибирских татар осуществлялись и во второй четверти XV в., когда Тура (Кыял-Тура) была столицей государства Абулхайр-хана. В это время в состав кочевых узбеков, видимо, вошли «осколки» сибирских татар, которые позже, на рубеже XV—XVI вв., переселились в Мавераннахр вместе с Мухаммедом Шейбани-ханом, внуком Абулхайр-хана. На такую мысль наводит этноним *курдак*, зафиксированный только у тарских и тобольских татар (с. 22) и у узбеков даштикыпчакского происхождения². Думается, что не случайно самоназвание *узбек* (а не *сарт* или *бухарлык*) отмечено Ф. Т. Валеевым у части тарских и тюменских «бухарцев» (с. 29).

Активные связи кочевых узбеков, ушедших в Мавераннахр, с соплеменниками, оставшимися в Сибири, продолжались, видимо, и в период Сибирского ханства, ибо политические и экономические связи его со Средней Азией были прочными.

Рассматривая вопрос об уровне этнического развития сибирских татар, автор, полагаясь на Х. Г. Гимадия и Н. А. Томилова, приходит к заключению, что они в конце XIX — начале XX в. в ходе развития капитализма в Сибири сформировались в народность, а не включились в процесс сложения татарской буржуазной нации, протекавший в Поволжье, как полагают указанные выше авторы (с. 44, 45). Вопрос о консолидации сибирских татар с татарской социалистической нацией Ф. Т. Валеев на данном этапе оставляет открытым, считая, что его решение будет зависеть «от степени интенсивности этнокультурных связей между этими общностями» (с. 46).

Автор освещает также вопрос о сближении западносибирских татар с русским населением, начавшемся со времени присоединения Западной Сибири к русскому государству и активно протекающем в наши дни. Это сближение благотворно повлияло на их хозяйственную жизнь, быт и культуру.

Вторая и третья главы посвящены численности, расселению и административному устройству западносибирских татар.

Собственно этнографические главы (IV — «Занятия», V — «Материальная культура», VI — «Свадебные обряды. Воспитание детей», VII — «Духовная культура») насыщены новым фактическим материалом и содержат ряд интересных подробностей, ценных для дальнейшего сравнительно-исторического изучения как самих сибирских татар, так и довольно широкого круга других народов. Ф. Т. Валеев и сам стремится освещать отдельные темы в сравнительно-историческом плане, но этот метод не во всех разделах книги применен им в равной мере. Кроме того, порой трудно судить о полноте привлекаемых данных, ибо далеко не всегда имеются ссылки на использованную литературу. Так, свое предположение о возможном проникновении «в XVIII в. и ранее» (с. 80) деревянных ступ к западносибирским татарам (в частности, тарским) с Саяно-Алтая Ф. Т. Валеев аргументирует наличием общего для тарских татар и алтайцев названия крупной похлебки *кочо* (с. 80). Между тем похлебка под тем же названием (в нескольких фонетических вариантах) бытовала у их соседей казахов (что отмечено автором), а также у каракалпаков, полукочевых узбеков, киргизов и туркмен. Сказанное позволяет отнестись распространение похлебки под названием *кочо* среди тюркоязычного населения восточной части Дашти-Кыпчака и сопредельных областей к более раннему, чем предполагает автор, времени. Думается, что прав Л. Будагов, связывавший этимологию казахского слова *куше* (вернее, *коже*) с персидским *каши*, *качи* — «суп»³. О том, что кушанье *кочо* было заимствовано тюркоязычными кочевниками Средней Азии и Дашти-Кыпчака у своих соседей ираноязычных земледельцев, у которых *кочи* — мучная каша, а похлебка или каша из дробленой пшеницы или других круп — *кашк*⁴, свидетельствует восприятие кочевниками (по мере развития у них земледелия) и

1 Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, см. указатель этнонимов.

174. 2 Там же, с. 99, 233, 234.

3 Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II. СПб. с. 156.

4 Ethn. Андреев М. С., Таджики долины Хуф. В. 2. Сталинабад: Изд. Акад. наук ССР, 1958, с. 83, 382; Таджики Каратегина и Дарваза, В. 2. Душанбе: Донгис 377. 1933, 234; Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе 107 1973, с. 173; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Иш-полий.— в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1975, с. 95.

туальных функций указанным блюдам, в частности приговотивание их в праздник Навруз — день весеннего равноденствия или в день первой запашки⁵.

Поскольку мы коснулись темы о пище, отметим, что автор выявил много самобытного в этой области народной культуры западносибирских татар, но, пожалуй, черт, общих обширному кругу тюркских народов, намного больше. На это обратил внимание и автор. На поздних этапах, согласно исследованию Ф. Т. Валиева, значительное влияние на пищу сибирских татар оказали татары Поволжья и особенно «бухарские». В этой связи обращает на себя внимание термин *санса баурсак* — «хворост» в виде длинных лепешек (с. 130). Не происходит ли первое слово этого термина от уйгурского *саңза* в том же значении? Если так, то оно могло быть занесено уйгурами, которых автор упоминает в числе переселенцев из Средней Азии (с. 29).

Значение содержащихся в рецензируемой книге этнографических материалов как первоисточника для сравнительно-исторического анализа возрастает благодаря богатству терминов (жаль, что нет их указателя). Однако автором термины использованы в этом плане недостаточно. Правда, рассмотрение всех приведенных в работе терминов — большая самостоятельная задача, но все же приходится сожалеть, что некоторые из них не обыграны. Например, по данным автора, слово *утау* у тарских татар обозначает время совместного пребывания новобрачных в доме родителей молодой (с. 167). Между тем оно свидетельствует и о бывших кочевнических традициях, ибо *утау/ютау* — вереносное свадебное жилище (в частности, юрта) у ряда кочевых в прошлом тюркских народов, в частности казахов⁷ и узбеков даштыкыпчакского происхождения. Думается, что на кочевнические традиции указывают и названия двух половин пятистенного дома сибирских татар: *кара эй* («черный дом») — первая, кухонная часть его и *ак эй* («белый дом») — вторая, чистая половина (с. 116), ибо также обозначались (например, у тех же казахов) продымленная юрта для повседневной жизни семьи рядового кочевника и богатая юрта, крытая белым войлоком, где пища не готовилась и где принимали гостей или жила байская семья.

О тесных генетических связях западносибирских татар с тюркоязычными соседями убедительно свидетельствуют и обряды свадебного цикла и их терминология, на что обращает внимание и автор. Большинство их восходит, на наш взгляд, к кыпчакскому племени. Ф. Т. Валиев справедливо отмечает и отдельные древнетюркские элементы; только нельзя не возразить автору относительно слова *яр* — «возлюбленный», «возлюбленная» в свадебной песне *яр-яр*: оно никак не древнетюркское, а таджикское.

Освещению свадебных обрядов предпосланы краткие сведения об основных формах семьи, и в одном абзаце охарактеризовано положение женщины в семье. Последний вопрос изложен; к сожалению, весьма обобщенно и трафаретно (с. 157). Говоря о бесправном положении девушки в прошлом автор подчеркивает, что ее нередко выдавали замуж за человека, которого она даже не видела. Это значит, что и юноша женился, не видя свою невесту. Думается, что в данной ситуации повинен не столько ислам, сколько господство патриархальных отношений, при которых молодежь находилась в подчиненном положении. Характеризуя бесправное положение замужней женщины, автор отмечает, что она превращалась в рабыню мужа, который «мог ее оскорбить, постоянно унижал человеческое достоинство, избивал, калечил, при ее жизни мог жениться на другой» (с. 157). Вряд ли такая характеристика, когда все черно, соответствует действительности. Разве мало было семей, особенно среди трудового народа, в которых супруги в любви и согласии вели хозяйство и растили детей?

Положение женщины у народов, исповедовавших ислам, как и у других народов, в значительной степени определялось значимостью ее труда в хозяйстве. Существенную роль играла форма семьи: в больших патриархальных семьях, как известно, положение женщины (особенно невесток) было более тяжелым, чем в малых. Не было оно одинаковым и в различных социальных слоях общества. Сказанное отнюдь не снимает отрицательной роли ислама в закреплении женщины. Влияние его в значительной мере определялось степенью воздействия мусульманского духовенства на разные условия и группы данного конкретного общества⁸.

В главе о духовной культуре рассматриваются устное народное творчество, декоративно-прикладное искусство, народные знания, традиционная метрология и календарь, а также религиозные верования. При освещении последнего вопроса основное внимание уделяется описанию и анализу пережитков доисламских верований, ибо мусульманство, распространение которого среди сибирских татар началось примерно с XIV в., отнюдь не искоренило их прежних верований и представлений.

⁵ Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата: Наука, 1967, с. 138; Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Алма-Ата: Наука, 1980, с. 249; Этнография каракалпачков. XIX — начало XX века. Ташкент: ФАН, 1980, с. 137, 138 и др. работы.

⁶ Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961, с. 161, 162.

⁷ Фиельструп Ф. А. Свадебное жилище турецких народностей. — в кн.: Материалы по этнографии (Этнографический отдел. Гос. Русского музея). Т. 3, в. I. Л., 1926, с. 111—112.

⁸ В последние годы опубликован ряд этнографических исследований, достаточно объективно освещающих положение женщины в прошлом у отдельных тюркских народов нашей страны, исповедовавших ислам. См., например: Мухамедова Р. Г. Татары-шаршары. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972, с. 141—147; Культура и быт казахского колхозного аула, с. 173—177; Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов. Алма-Ата, 1973, с. 69—80 (на казахском языке); Этнографические очерки оренбургского сельского населения. М.: Наука, 1969, с. 198—204.

В верованиях западносибирских татар автор прослеживает много общего с верованиями других тюркских мусульманских и немусульманских народов, в частности отмечает присутствие в их пантеоне таких древнетюркских божеств, как Иер-су Умай, а также духа Натигай. Наиболее подробно освещены представления сибирских татар о божестве Умай.

Рассматривая представления западносибирских татар о душе, автор касается термина *кот/кут* близкого по значению, как считает Ф. Т. Валеев, к слову *джан* (в магом проищношении *чан, йэн*) — «душа» (с. 199, 200). При этом автор, ссылаясь на монографию о татарах Поволжья и Приуралья⁹, отмечает, что «некоторые исследователи термин „кот“ считают термином домусульманского представления о душе» (с. 20). Однако Г. В. Юсупов, автор соответствующего раздела названной книги, более острожен — *кот* им отнесен к ряду таких слов, «прямой смысл которых ныне забыт, которые можно хотя бы косвенно соотнести со значением „душа“»¹⁰. Осторожность эта оправдана ввиду многозначности данного слова как в прошлом¹¹, так и в настоящее время (что видно из материалов Г. В. Юсупова и Ф. Т. Валеева) и несомненной сложности путей формирования и последующей трансформации понятий и представлений, им обозначавшихся. Думается, что при дальнейших изысканиях по этому интересному вопросу окажется плодотворным начатое Б. А. Литвинским сопоставление тюркского *кот/кут* с представлениями иранских народов о *фарне*¹².

В конце рецензируемой книги дана краткая характеристика революционных преобразований в культуре и быту западносибирских татар за годы Советской власти приводятся конкретные данные об участии их представителей в Великой Отечественной войне, об их трудовых и культурных достижениях.

Книга значительно выиграла бы, если бы ее завершало серьезное заключение, в котором были бы сведены материалы, характеризующие своеобразие отдельных этнографических групп изучаемого этноса, чтобы создалось цельное впечатление об этнокультурном облике каждой из них. Это позволило бы, с одной стороны, выявить истоки своеобразия, с другой — резко оттенить общие для всех групп черты и тем самым определить степень близости их между собой в конце XIX — начале XX в. и тенденции этнических процессов накануне Октября.

Отмеченные выше недостатки книги не снижают, однако, ее большого научного познавательного значения.

Б. Х. Кармышева, Х. А. Аргынбаи

⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967, с. 345.

¹⁰ Там же.

¹¹ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969, с. 471—475.

¹² Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968, с. 106, 107.

М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. Мангазея. Мангазейский морской ход/Ред. Белов М. И. Ч. I. Л.: Гидрометеиздат, 1980; Мангазея. Материалы о культуре русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв./Ред. Рабаков Б. А. Ч. II. М.: Наука, 1981.

Мангазея — «златокопичающая государева вотчина» XVII в. — как исторический памятник была хорошо известна в России уже с 60-х годов XIX в. не только отечественным историкам, но и представителям русской интеллигенции. Далекая, почти легендарная Мангазея вызывала интерес ученых (П. Н. Бужинский, Д. Н. Анучин и др.) и волновала воображение путешественников. Поскольку остатки городища Мангазеи надо было «открывать», ее посещали любители древностей, оставляя свои впечатления от романтической встречи с одним из первых русских арктических городов, путь к которому лежал через «Большую океанскую пучину» — Ледовитый океан. «В настоящее время от города Мангазеи остались лишь одни развалины. На берегу торчали бревенчатые постройки, нижние оклады зданий, тянувшихся вдоль высокого обвалившегося берега. Сохранилось едва только одно строение, — судя по архитектуре, — башня... Берег обваливается, и остаются мелкие предметы, как стрелы и ножи... Я нашел наконец стрелы», — писал в 1914 г. омский биолог И. Н. Шухов, побывавший на Мангазейском городище.

Несмотря на то что памятник буквально «вызывал к раскрытию», археологические работы на нем не производилось до 40-х годов нашего века, хотя исторические сведения о нем публиковались в трудах крупных советских историков — исследователей Севера Сибири, Арктики (С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин, В. А. Александров, М. И. Белов и др.). В 1946 г. на Мангазее проводились разведочные археологические работы по руководством В. Н. Чернецова, ни в коей мере, однако, не сократившие «разрыв», существовавший между письменными свидетельствами о памятнике и его материальной сущностью, продолжавшей оставаться загадкой.

С выходом двухтомного исследования о Мангазее этот разрыв исчез: исторические сведения о городе, составившиеся на основании письменных документов, наконец, органически «соединились» с представлением о реальной Мангазее, открытой археологическим путем.

Вещественные материалы, ставшие научной базой настоящего исследования, были получены во время многолетних (1968—1969, 1970—1973 гг.) стационарных археологических раскопок экспедиции, организованной Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом при участии Института археологии АН СССР. Поэтому вполне закономерно, что ученые, проводившие эти работы в поле, — начальник экспедиции М. И. Белов и сотрудники ИА АН СССР О. В. Овсянников и В. Ф. Старков — выступают и как основные авторы монографии. В тяжелых климатических и бытовых условиях сибирского Заполярья, в зоне вечной мерзлоты, стационарными археологическими работами было вскрыто 15 тыс. м² площади древнего поселения, обнаружены и исследованы практически все наиболее важные, ключевые части деревянных городских креплений (кремль) и жилой застройки (посад), прослежена и реконструирована планировка Мангазейского поселения в целом, собран огромный материал по жилищно-хозяйственному комплексу, промыслам, занятиям и культурно-бытовому укладу первооткрывателей богатств Сибири (всего около 3000 предметов). Раскопки Мангазеи убедительно показали, что культурный слой памятников позднего средневековья, богатый и выразительный, обладает огромным потенциалом информативности и может наряду с письменными документами служить самостоятельным источником при решении широкого круга историко-культурных проблем, связанных с историей и этнографией позднего феодального города.

«Мангазея» — первый капитальный труд, написанный на комплексной археологической и документальной источниковедческой базе, о русском городе в Сибири как о военном форпосте, экономическом и культурном центре Северной Сибири, сыгравшем выдающуюся роль в освоении русским населением приполярной зоны Сибири, территории по Енисею, Лене, Анадырю, о первом арктическом морском порте в зауральских землях.

Мангазея — это первый раскопанный (в значительной своей части) сибирский город эпохи великих русских географических открытий и первоначального освоения гигантских пространств «зауральской земли». История Мангазейского «морского хода», тесная связь населения города и всего ритма жизни Мангазеи с морем, с «летописью» освоения Арктики ставят ее в исключительное положение: средневековая Мангазея была настоящими «морскими арктическими воротами» Сибири. Находки частей полярных судов XVI—XVII вв. представляются особо важными: наряду с находками графических изображений мангазейских судов, выполненных на кочевых (судовых) досках древними мастерами, они позволяют реконструировать «облик» древнерусского полярного корабля.

Авторы продемонстрировали попытку, и попытку успешную, монографического — исторического и археолого-этнографического — исследования памятника. В этнографии и смежных исторических дисциплинах монографическое исследование и описание поселений как историко-этнографических объектов или этнических, этнографических, локальных общностей — один из самых результативных методов и путей изучения¹. Помимо полноты охвата социально-экономической и культурно-бытовой жизни монографические исследования дают представление о динамике жизни, о «живом организме» явления, о неразрывности и взаимодействии всех уровней и пластов культуры. Естественно, что такому монографическому исследованию всегда предшествует многолетняя работа по сборанию, фиксации, интерпретации и, наконец, объединению всех исторических, археологических и этнографических «слагаемых» — самая скрупулезная, но и необходимая часть научного труда.

Следует подчеркнуть, что авторы удачно нашли и использовали все «слагаемые», создав масштабное по охвату явлений произведение: цельное представление о Мангазее складывается на основе описания различных сторон хозяйственной, общественной и культурно-бытовой жизни населения, причем каждая из этих сторон охарактеризована максимально полно. Мы бы даже сказали, что название второго тома — «Материальная культура» — гораздо уже его содержания и выводов, тем более что авторы исследования мангазейский комплекс на фоне и в контексте северно-русской и сибирской жизни и традиционной культуры.

Обращаясь к структуре и содержанию исследования, особое внимание следует обратить на главу, в которой изложены результаты раскопок экспедиции (часть I, гл. I, с. 9—28). Она небольшая по объему, однако в сочетании с 26 таблицами подробнейших планов раскопок, на которых архитектурные остатки тщательно и четко зафиксированы и расчленены на строительные горизонты, подтвержденные стратиграфической относительной хронологией и абсолютной датировкой (дендрохронология основана на 230 спилах), представляет собой ценнейшую источниковедческую базу не только для данного исследования, но и для всех, кто в дальнейшем пожелает обратиться к материалам раскопок.

Все разделы монографии содержат наиболее проблемные или малоосвоенные аспекты социально-экономической жизни конца XVI—XVII в., быта и традиционной культуры русского населения Сибири. Имеются в виду такие проблемы, как зарождение становление городского «организма»; анализ социального состава постоянных или временных северных (европейских) и сибирских поселений; основные этапы строительства и структура военно-оборонительных сооружений (острог, город); строительные приемы и формирование жилищно-хозяйственного комплекса как основной единицы

¹ Село Вирятново в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. — ТИЭ, т. XLI, М.: Изд-во АН СССР, 1958; Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975, ч. II — Забайкалье,

застройки поселения; хронологические «срезы» планировки поселения. Авторы уточняют или предлагают свое решение о времени появления и процессе формирования севернорусского дома-дворца, о характере его внутренних связей, о типах жилищ, об особенностях материальной культуры русского населения на этапе первоначального освоения зауральских земель. Справедлив вывод авторов о значительной роли, которую сыграли мангазейцы в продвижении русского населения в восточно-сибирские земли и распространении там многих русских традиций в бытовом укладе и материальной культуре.

Вещественный материал позволил несколько по-иному взглянуть на историю городского жилища в Сибири, внести новые или дополнительные данные по изучению влияния севернорусских домостроительных традиций в сложении сибирского жилого комплекса так сказать, в «натуральном виде». Мангазейский посад показывает строительную технику и приемы возведения жилищ в Сибири с рубежа XVI—XVII вв. (т. е. более раннего времени, чем было известно до сих пор), архитектурно-планировочные решения городских дворов-усадеб, наконец, массу строительных деталей: приемы настила пола, устройство дверных проемов и печей, элементы декора и т. д. Сравнение мангазейского жилища с более поздними памятниками показывает, таким образом, что влияние севернорусских традиций на домостроительство в Сибири сказывалось особенно ярко в начальном периоде освоения зауральских земель.

Авторы дают развернутую картину занятий и быта населения «непашенного» сибирского города. Эта картина впечатляюща и убедительна, поскольку она создана на тщательном вещеведческом анализе нескольких тысяч предметов XVII в., отражающих все своеобразие социально-экономической жизни и культурно-бытового уклада населения города, основу хозяйства которого составляли пушные промыслы.

Сухолупные средства транспорта (несколько типов нарт и лыж, причем на некоторых лыжах сохранились даже остатки берестяных и ременных креплений), промысловые ловушки, деревянные, костяные и железные наконечники стрел, накладки на лук, разнообразнейший набор утвари, обуви, бытовых изделий из дерева, бересты, кожи, кости и металлов — такова еще одна часть этнографического «наследия» мангазейцев. Большую ценность представляют классификация, описание и интерпретация бытовых коллекций мангазейцев, позволившие выделить слой привозных товаров, намного превосходящий по объему местную продукцию; определить функционально-бытовой характер ремесленных изделий; показать строгий, почти аскетический уклад жизни в суровых условиях, лишенный при этом своеобразного колорита, характерного для промыслового быта Севера вообще. Одна из сторон этого быта — выделение ряда категорий предметов промысловых станововищ, некоторая архаичность быта и т. д. (ср. культурно-бытовой уклад жизни поморов, находки в заливе Симса, на Шпицбергене).

В монографии затронут и важный вопрос о межэтнических контактах, о взаимодействии и взаимовлиянии русской культуры и культуры местного этнического слоя. Эта тема в работе, пожалуй, только намечена, но мнение авторов о максимуме взаимовлияния в сфере хозяйственных традиций (промысловый инвентарь, средства передвижения, способы охоты, условия быта в экстремальных условиях) находится в верном русле. Вместе с тем археологический материал позволяет «удревнить» некоторые русские виды и типы орудий производства, промыслов, утвари, обуви.

Существенно, что рассматриваемая работа является единственным в своем роде фундаментальным исследованием поселения и культуры (в широком смысле) его жителей на первоначальном (конец XVI—XVII в.) этапе освоения Сибири, т. е. воссоздающее зримое представление о важном звене в историко-культурном процессе, некоей временной «точке отсчета». Думается, что степень научной значимости подобного рода работ определяется тем, что они становятся достоянием не одной дисциплины (археологии, истории, этнографии), а вносят существенный вклад в общепризнанное знание.

Мы не хотим сказать, что рассмотренные в монографии проблемы решены с исчерпывающей полнотой, а все высказанные авторами суждения бесспорны. Многие вопросы остаются открытыми, некоторые станут предметом дискуссий. Однако все это не снимает заслуги авторов, своими руками расколавших почти исчезнувший город, скрупулезно восстановивших ряд социально-экономических и бытовых сторон жизни его жителей, по-новому подошедших к проблемам, связанным с историей городских поселений на Русском Севере и в Сибири. Надеемся, что предложенные авторами концепции и высказанные точки зрения будут «выверяться» в дальнейшем во всей совокупности севернорусского и сибирского материала, в результате чего определится соотношение своеобразных и общесибирских черт мангазейского многофункционального «непашенного» позднефеодального города.

Таково источниковедческое и исследовательское значение опубликованного труда. В заключение хочется еще раз отметить историко-этнографическую репрезентативность и значение опубликованных в работе материалов. Они дают уникальную возможность изучать и правильнее интерпретировать многие поздние явления культуры и вещественные памятники, характерные для населения Севера и Сибири, глубже и дифференцированнее относиться к той роли, которую сыграло русское население Севера Восточной Европы в сложении сибирского варианта традиционной русской культуры.

*Т. А. Бернштам, Б. И. Шаньгин
И. П. Шаскольский*

История Закарпаття в эпоху средневековья, судьбы его древнего населения, происхождение закарпатских украинцев, их связи с жителями остальной восточнославянской территории давно уже стали объектом пристального внимания историков и археологов, лингвистов и этнографов. Пожалуй, самая сложная проблема древнего прошлого Закарпаття, этого интереснейшего в историческом плане региона, лежащего на границе Восточной и Центральной Европы,— это время появления здесь славян. Начиная с XIX в. и до наших дней, каких только не было выдвинуто теорий и гипотез относительно времени и этапов славянского заселения закарпатской области, а также ее политической принадлежности в средние века! Далеко не все из них, однако, выдержали проверку временем, поскольку, базируясь на весьма скудных и отрывочных свидетельствах письменных источников, не были подкреплены достаточными доказательствами. Так, не подтвердилась ведущая свое начало от легендарного Нестора-летописца гипотеза о карпато-дунайской прародине славян. Во многом лишь историографический интерес представляли господствовавшие в русской дореволюционной и венгерской буржуазной историографии идеи о позднем освоении славянами Закарпаття (в XI—XII или XII—XIV вв.). Прояснить эту сложную и запутанную проблему удалось лишь с помощью археологических данных, однако до недавнего времени археологические изыскания носили здесь случайный и эпизодический характер. Только в последние годы начались планомерные раскопки славянских памятников Закарпаття. Результаты их и обобщены в рецензируемой книге, автор которой вложил немало труда в изучение проблемы, далеко выходящей «за рамки сугубо регионального вопроса» и связанной «с общей проблемой исследования материальной и духовной культуры древних славян» (с. 6).

Территориальные рамки исследования также во многом выходят за пределы Закарпаття, составляющего часть более обширного региона — бассейна Верхней Тиссы, включающей восточные районы Словакии, Венгрии, Румынии и Закарпатскую область Украины. Отдельно, что автор книги, описывая памятники Закарпаття, привлек сходные материалы из соседних районов Верхнего Потисья, что позволило создать более полную картину исторического развития местного славянского населения.

В разделе I рецензируемой монографии представлена историография вопроса о заселении славянами Верхнего Потисья и охарактеризованы привлекаемые источники. Основное место в работе занимает раздел II, в котором дана обстоятельная характеристика известных к настоящему времени раннесредневековых славянских памятников Закарпаття. Касаясь проблемы происхождения раннесредневекового славянского населения Закарпаття, С. И. Пеняк предполагает, что «славянская культура второй половины I тысячелетия н. э. на территории Верхнего Потисья непосредственно сформировалась на базе трех культур: культуры карпатских курганов, пшеворской и пряшевской, существовавших в римскую эпоху (с. 21). С этим мнением трудно согласиться, поскольку истоки достоверно славянской пражско-корчакской культуры V—VII вв. прослеживаются лишь в одной из групп пшеворской культуры в междуречье Вислы и Одера, а генетические связи пшеворского населения Закарпаття с раннесредневековыми славянами пока еще не доказаны¹. Памятники пряшевской культуры и культуры карпатских курганов, не имеющие ничего общего с культурой пражского типа, оставлены местным неславянским населением, которое было ассимилировано пришлыми славянскими племенами в процессе миграции из области их первоначального обитания, локализуемой лингвистами и археологами в античную эпоху в более северных районах между Вислой и Одером или Днепром и Одером². Таким образом, приходится констатировать, что пока нет достаточно веских оснований датировать расселение первых славянских групп в Закарпатье временем ранее VI в.

Даже при беглом обзоре помещенного в книге списка, насчитывающего всего 42 раннесредневековых славянских памятника Закарпаття, сразу же бросается в глаза преобладание в нем поселений и погребений дофеодалного периода VI—IX вв. и наличие лишь единичных, причем плохо исследованных памятников X—XIII вв., что не могло не ограничить возможности реконструкции картины исторического развития закарпатского региона в древнерусскую эпоху. Перейдя к характеристике памятников, автор проследивает определенные закономерности в топографии славянских селищ VII—IX вв., располагавшихся в пригодных для земледелия низинных и предгорных районах группами по три-четыре памятника. Характер этих групп, так же, как и выделенных в книге более крупных четырех районов концентрации памятников в долинах рек Уж, Латорица, в верховьях и на левобережье Тисы, пока не выяснен (с. 93). Можно предположить, что первые, вероятно, соответствуют соседским общинам, а вторые — малым племенам. Однако не исключено, что в ряде случаев эти скопления памятников имеют естественно-географический характер. Более точный и аргументированный ответ должны дать дальнейшие массовые раскопки выявленных гнезд поселений. Археологические исследования в Закарпатье пока не подтверждают высказанное недавно в литературе предположение о том, что славяне, жившие на склонах Карпат, еще в римскую эпоху

¹ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 116—117.

Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М.: Наука, 1976, с. 40, 118, 203.

познакомились с отгонно-пастушеским скотоводством³. Здесь, как и в соседних областях Польши и Словакии, славянское население начинает осваивать горные районы лишь в XI—XIII вв., когда у них, по всей видимости, и зарождаются основы пастушеского хозяйства, получившего более широкое развитие с началом валашской колонизации. Освоение горной зоны С. И. Пеняк связывает с бегством крестьян-наступления венгерских феодалов, но, вероятно, определенную роль в этом процессе сыграли также сугубо экономические причины, заставлявшие славянское население расширять жизненное пространство.

Предложенная в монографии классификация немногочисленных славянских городищ Закарпаття (Ужгород, Вары, Дидове и др.), изученных гораздо хуже селищ, как нам представляется, предвзятый характер, поскольку на данном этапе исследования трудно точно определить их функции (с. 96). Град в Ужгороде уже конце IX в. служил местопребыванием местного князя и являлся раннефеодальным центром. Среди остальных же городищ пока нет возможности выделить феодальные общинноплеменные центры.

В книге дано достаточно полное описание домостроительства, хозяйственных производственных сооружений закарпатских славян. Интересно, что наряду с широко распространенными по всему славянскому миру в VI—VII вв. полуземляничными жилищами прямоугольной формы с печами-каменками в Закарпаття открыты овалынные подземлянки, а также двухкамерные постройки полуземляничного типа на поселениях Ужгороде (урочище Радванка), у сел. Оросиево и Холмок. Возможно, одна часть такой двухкамерной полуземлянки с отопительным сооружением являлась жилой, а вторая, обычно без него, имела хозяйственно-производственное назначение. Причем в отличие от близлежащих славянских поселений Поднестровья и Волины в Закарпаття преобладают жилища не столбовой, а срубной конструкции; быть может, это объясняется их более поздней датировкой, которую еще предстоит обосновать⁴.

Погребения по обряду трупосожжения в могильниках и курганах, открытые в Ужгороде, у сел. Червенево, Знячево, аналогичны славянским погребальным памятникам VI—IX вв. соседних областей Украины, Румынии, Словакии. Заслуживает внимания интересное наблюдение автора о взаимосвязи степени кремации умерших (полностью сожженные или полусожженные кости) с типом погребений под курганными насыпями (в урне, кучке и разбросанном состоянии), связанной, по-видимому, с эволюцией погребального ритуала (с. 103). В отличие от близлежащей Восточной Словакии в Закарпатской области пока не обнаружены ни биритупольные славяно-аварские могильники, ни христианские кладбища XI—XIII вв. с трупоположениями.

Анализ археологических находок позволил автору монографии впервые в литературе дать достаточно полное описание занятий древнеславянского населения Закарпаття. Не вызывает сомнений сделанный в работе вывод, согласно которому «основной отраслью хозяйства в Закарпаття на протяжении второй половины I тысячелетия н. э. было земледелие» (с. 109), а «разведение домашних животных играло большую, но не основную роль» (с. 115). Однако намеченную автором периодизацию вех развития земледелия (замена подсеки пашенной системой, переход от перелого к двухполью, а затем к трехполью) нельзя признать окончательной из-за недостаточной аргументированности, вызванной отчасти отсутствием находок зерен растений в материале славянских памятников Закарпаття.

В работе хорошо показано развитие у закарпатских славян в эпоху раннего средневековья металлургического производства, в котором С. И. Пеняк видит влияние позднелатенских традиций. Связанная с ним металлообработка описывается на примере различных орудий труда, предметов вооружения и украшений, большая часть которых относится к числу случайных, не привязанных к определенным памятникам находок, что, конечно, несколько ограничивает их познавательные возможности. Много места в книге отведено характеристике керамики, в эволюции которой намечаются четыре хронологических этапа, относящихся соответственно к VI—VII, VIII—IX, X—XI и XII—XIII вв. Хотя границы между этапами в известной степени условны, в целом они верно отражают картину развития гончарного производства. Чтобы использовать керамику для определения относительной хронологии поселений и погребений, следовало бы составить более подробную и точную классификацию форм лепной и гончарной посуды и разработать их корреляцию по комплексам. Необходимо, на наш взгляд, заострить внимание на проблеме освоения раннесредневековым славянским населением Закарпатского гончарного круга. Вопреки высказанному ранее мнению автора, на основе археологических данных нельзя проследить непрерывность в использовании гончарного круга в Закарпаття от латенской и римской эпох до раннего средневековья⁵. Вероятнее всего легкий ручной круг был принесен сюда на рубеже VII—VIII вв. из соседнего Среднеподунавья, где сохранились более прочные традиции провинциально-римской культуры. Его появление в Закарпаття связано с находками так называемой подунайской керамики, основная область распространения которой охватывает Моравию и Словакию.

³ Королюк В. Д. Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи. — В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев: Штиинца, 1978, с. 177—198.

⁴ Заметим, однако, что остатки срубов в полуземлянках встречаются крайне редко, не всегда прослеживаются и столбовые ямы, и по сему у археологов нет единого подхода к методике определения срубных жилищ: одни считают, что они появились только в VIII—IX вв. (И. П. Русанова, Б. А. Тимошук), по мнению других (П. А. Раппопорт), они господствовали у славян уже в VI—VII вв.

⁵ См.: Балагурі Е. А., Пеняк С. І. Закарпаття — земля слов'янська. Ужгород: Карпати, 1976, с. 125—127.

только так можно объяснить тот факт, что у находившихся на одинаковом уровне социально-экономического развития славянских племен Поднестровья и Волыни гончарный круг появился гораздо позднее: на рубеже VIII—IX вв. или даже в IX в.⁶

В последних разделах монографии автор на основе изучения материальной культуры и отрывочных данных письменных источников делает выводы об уровне общественных отношений, племенной и политической принадлежности древнеславянского населения Закарпатья. Некоторые из высказанных здесь положений, по его собственному признанию, носят спорный характер, ввиду недостаточной изученности памятников и слабой разработанности археологической методики реконструкции социальных, политических и этнических процессов, датировка которых осложняется из-за невозможности на данном этапе исследования прочно обосновать хронологию памятников. В книге весьма убедительно доказывается восточно-славянский характер культуры закарпатского населения, в которой выявлены и отдельные западно-славянские черты. К сожалению, сведения о его древнем племенном названии не сохранились, но методом исключения С. И. Пеняк помещает здесь летописных белых хорватов, локализуемых обычно на довольно широкой территории между верховьями Вислы и Днестром. Учитывая определенную близость раннеславянских памятников Закарпатья и Поднестровья, можно согласиться и с мнением о последовавшем в VI в. переселении сюда части хорватских племен через карпатские перевалы из района Верхнего Днестра и Прута. Это переселение совпадает по времени с появлением в Закарпатье славянских памятников пражской культуры. В VII в., пишет автор, состав местного славянского населения пополнился за счет новых групп хорватов, а в IX—XI вв. здесь наблюдается приток выходцев из других восточно-славянских племен (уличей, тиверцев, дулебов), пришедших из Прикарпатья, спасаясь от нападений кочевников. Однако в археологическом материале передвижения славянских групп с востока в Закарпатье в VII—XI вв. пока, как нам кажется, не фиксируются. Зато ряд признаков (раннее появление гончарного круга и подунавской керамики, находки некоторых орудий труда, украшений и предметов вооружения, в частности глиняных пряслиц с линейным и зигзагообразным орнаментом) дают возможность выдвинуть предположение о проникновении сюда каких-то западно-славянских племен в конце VII — начале VIII в. из Среднего Подунавья, а точнее из юго-западной части Словакии, где они подвергались притеснениям со стороны авар. Западно-славянским влиянием, по нашему мнению, и объясняется некоторое своеобразие культуры закарпатских славян на фоне остальных восточно-славянских областей.

Проанализировав систему хозяйства и уровень развития социальных отношений, С. И. Пеняк пришел к закономерному выводу о том, что славяне Закарпатья во второй половине I тысячелетия н. э. «переживали последнюю стадию первобытнообщинного строя: эпоху военной демократии и образования классового общества» (с. 147). По мнению исследователя, не вызывающему возражений, строй военной демократии возник у славянских племен Верхнего Потисья несколько позже и просуществовал дольше, чем в других частях славянского мира, что могло быть вызвано определенной замкнутостью данного региона на силу его естественно-географических условий. В то же время следует признать преждевременным и неубедительным высказанное далее положение, согласно которому «на конце I тысячелетия в Верхнем Потисье археологическими и письменными источниками засвидетельствовано существование целиком оформленной феодальной государственной власти с институтом феодальной иерархии» (с. 149). Возникшее не позднее конца IX в. закарпатское племенное княжество белых хорватов так никогда и не достигло стадии раннефеодальной монархии, приход венгров и последующее включение Закарпатья в X—XI вв. в состав венгерского государства прервали ход его поступательного развития⁷.

Затронув дискуссионный вопрос о политической принадлежности Закарпатья до начала X в., автор убедительно доказал несомненный факт вхождения местного хорватского княжества в состав Руси, видимо, на правах вассала и данника киевских князей. Удаленность от Киева и горная преграда — Карпаты мешали им удерживать постоянный контроль над Закарпатьем, поэтому не исключено, что какое-то время в X в. оно находилось под политическим и культурным влиянием Великой Моравии (в момент усиления последней). Традиционные этнические связи Закарпатья с соседними восточнославянскими областями не были оборваны. В XI—XIII вв. и позднее сюда все раз направлялись новые потоки восточно-славянского населения: жители Галицкого княжества, а затем украинцы.

Разумеется, далеко не на все вопросы раннесредневековой истории Закарпатья сейчас можно дать точный и исчерпывающий ответ. Так, предстоит еще проследить процесс феодализации в XI—XIII вв. и зарождения здесь городов, этапы его включения в структуру венгерской державы, картину взаимоотношений славян с пришлыми неславянским населением (мадьярами, и позднее — с немецкими колонистами). Рецензируемая книга существенно продвигает вперед изучение всех процессов социально-экономического, политического и культурного развития Закарпатья в эпоху раннего

⁶ См.: Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ: Наук. думка, 1976, с. 41—42.

⁷ К сожалению, автор не использовал здесь помимо немногочисленных письменных источников исторические предания («Загибель Боржавського замку», «Про Мукачівський замок»), повествующие об ужгородском князе Лаборце и находившихся в Потисье владениях болгарского правителя Салана. См.: Мельник В. М. Украинско-венгерские отношения в украинском фольклоре Карпатского региона. — Соб. этнография, 1977, № 5, 93—96.

средневековья, вводит в научный оборот новый интересный материал и создает удобный плацдарм для будущих исследований. Изложенная в монографии С. И. Пика целостная концепция, несомненно, привлечет внимание специалистов, занимающихся историей Закарпатья.

В. Б. Перхун

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы / Отв. ред. Тодрев С. А. М.: Наука, 1981, 184 с.

Трудно переоценить важность изучения современных этнонациональных процессов в старой Европе: они имеют целый ряд характерных особенностей, и появление сборника, посвященного им, как нельзя более своевременно. Книга написана специалистами Сектора народов зарубежной Европы Института этнографии АН СССР, выпустившего уже десятилетие тому назад сборник по сходным проблемам¹ и посвятившего С. А. Токареву, который ныне выступил как ответственный редактор рецензируемого издания.

Во введении изложены основные теоретические принципы сборника и указана его основная тема — национальные движения. Они, разумеется, вырастают из этнических процессов, обусловленных процессами социально-экономическими. Национальные движения, вплетаясь в ткань социальной истории, нередко осложняют и даже затемняют ее классовую сущность, как отмечается во введении. Так неоднократно бывало и в странах Европы, где национальные движения последних 200 лет способствовали созданию ряда национальных государств. Процессы этого рода представляют собой одну из трех тенденций этнических движений, которые выделяются во введении. Две другие — борьба за родной язык и за самобытную культуру. Отмечена неизбежность движений у малых народов и его положительная роль в языковой интеграции. Движения за самобытную культуру рассматриваются как безусловное благо, в частности для культурного взаимовлияния народов. Во многих случаях это действительно так, но в них может способствовать их разобщению. Вообще же все эти три безусловно важные тенденции действуют в едином комплексе, и аксиологические оценки их не могут быть всегда однозначными, как и оценки тех или иных национальных движений, которые должны рассматриваться конкретно, что особенно важно в наше время, время так называемого «этнического возрождения».

Разумеется, нынешние этнические процессы и национальные движения нельзя понять, не зная их исторических корней, но современная специфика этих процессов движений обусловлена их глобальным характером, воздействием на них научно-технической революции. Решить эту проблему достаточно сложно, но поставить ее было уместно во введении к сборнику, название которого начинается со слова «Современные». Между тем она не поставлена, и авторы почти всех статей, видимо, не считая своей задачей ее разработку.

Три статьи сборника посвящены народам Британских островов. В статье И. Н. Гродовой «Шотландцы. Тенденции этнического развития» обстоятельно разбирается этническая и этнокультурная история шотландского народа начиная со средневековья. Шотландцы практически перешли на английский язык, на котором начиная с XVIII в. часто на шотландские же темы, писали выдающиеся писатели-шотландцы, вошедшие в английский, европейскую, мировую литературу. Самый известный из них, пожалуй, Вальтер Скотт. Джеймс Макферсон, автор «Песен Оссiana», представляющих собой стилизацию под народные сказания, а вернее литературную мистификацию, оказавшее большое влияние на европейский романтизм, культивировавший национальные традиции, способствовал даже возникновению европейской этнографии и фольклористики. Сходным образом повлиял Оссиан и на художественное сознание России².

В статье подчеркивается, что шотландская культура продолжает развиваться и в английском языке и «до сих пор среди шотландцев высоко развито национальное самосознание» (с. 30). Точнее, вероятно, это самосознание в последний период усилилось. Автор прослеживает историю национального движения и националистических организаций в Шотландии начиная с XVIII в. Подчеркнута их особая активизация после второй мировой войны, связанная с упадком старых, «классических» отраслей промышленности и с малым развитием современной индустрии. Отмечен и стимул, полученный националистическим движением в связи с добычей нефти у берегов Шотландии. Жа,

¹ Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1970.

² Гольдберг М. Я. Рецензия на кн.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л., 1980. — Сов. этнография, 1982, № 5, с. 148, 150.

полько, что не получило полного освещения в борьбе за «деволюцию» (практически за политическую автономию), развертывавшаяся в Великобритании; новейшим ее этапом были референдумы последних лет.

Языковая ситуация в Ирландии — тема статьи А. П. Павленко, — представляет собой характерный и существенный для проблематики сборника сюжет. Статья показывает насильственное подавление ирландского языка в первые века английского господства. Язык этот уже в XIX в. был практически вытеснен английским на всем острове, за исключением некоторых западных районов. В этом процессе немалую роль сыграла эмиграция — временная и постоянная — множества ирландцев в Англию. С конца XIX в., отмечается в статье, начинается организованное движение за возрождение национальной культуры и языка, так называемое «Ирландское возрождение»³.

С 20-х годов нашего века после образования Ирландского свободного государства (имевшего статус доминиона), усилия возродить ирландский язык и ввести в стране двуязычие предпринимаются и на правительственном уровне, но, как показано в статье, дают мизерные результаты. Вызывает поэтому удивление «гимн» жизнеспособности ирландского языка (с. 43—44), что противоречит как предшествующему тексту, так и непосредственно следующему, заключительному абзацу. Автор привел в начале своей статьи, но недостаточно использовал мысль Ф. Энгельса, что чем больше ирландцы усваивали английский язык и забывали свой, тем больше становились ирландцами⁴. С феноменом сохранения и усиления национального самосознания при потере национального языка у шотландцев читатели уже познакомились. Ирландцы дают гораздо более яркий и драматичный его пример.

Этнические судьбы отторгнутой от Ирландии в первые десятилетия нашего века ее северной части освещены в статье И. Н. Гроздовой «Национальный аспект Ольстерской проблемы». В ней подробно разбирается история населения этого края, особенно в средние века. Помимо коренных обитателей — ирландцев здесь живут ныне потомки переселившихся в этот район на протяжении веков шотландцев и англичан. Как известно, первые в конфессиональном отношении относятся к католикам, вторые и третьи — к протестантам, и это разделение издавна используется английскими властями. О глубине разрыва свидетельствует то обстоятельство, что межконфессиональные браки в Ольстере — редкость (с. 65). При этом шотландцы, как правило, пресвитериане, англичане же примыкают к англиканству.

В статье показана дискриминация католиков в экономической, социальной, политической жизни; соперничество за рабочие места принимает форму вероисповедной розни.

Обстоятельно описаны жилища, обычаи, праздники указанных групп населения, в числе последних и день «битвы на Бойне» 12 июля, сопровождающийся оранжистскими парадами и антикатолическими погромами.

Автор считает, что население Ольстера делится на три этнические группы: ирландцев, шотландцев и англичан, среди которых ирландцы составляют большинство. При этом он опирается на статистику вероисповедного разделения (с. 62). Однако тезис о трех группах населения Ольстера вызывает сомнения. Едва ли в накаленной обстановке межконфессиональной вражды, которая господствует в Ольстере XX в., этнокультурные особенности потомков шотландцев и англичан могли сохранить существенное значение, особенно для их самосознания. Повторим, что речь идет о *потомках* двух народов, и тенденция к их объединению, по словам самого автора, появилась в конце XVIII в. (с. 62). Так называемые «шотландо-ирландцы» (Scotch-Irish), переселившиеся в Америку в XVIII в. (об этой эмиграции в статье упоминается), считали и называли себя там ирландцами, пока в середине XIX в., опасаясь отождествления с массами нищих ирландцев-католиков, хлынувших в ту пору в Новый Свет, и потери в связи с этим социального престижа, не стали подчеркивать свое шотландское происхождение. В самом Ольстере, прожив там сотни лет, потомки англичан и шотландцев не могли сохранить тождество с этносами, из которых вышли их предки.

К сожалению, современным трагическим противоречиям Ольстера, где вооруженная борьба идет второе десятилетие, противоречиям, связанным с исторической проблемой объединения Ирландии, в тексте уделено мало места.

В статье М. И. Решинной «К истории развития фризского движения в Нидерландах» излагается история древнего народа, большая часть которого живет ныне в Голландии; численность его, как свидетельствуют приводимые в статье цифры (с. 77), в XX в. сокращается. Автор показывает, что фризское национальное движение, прошедшее долгий путь, в послевоенный период активизировалось и добилося распространения двуязычия, которое введено, в частности, во многих учебных заведениях. Отмечен отток населения, главным образом молодежи, из Фрисландии, экономически отсталой области Нидерландов, в другие районы страны и за ее границы. Социальный анализ фризского движения, к сожалению, в статье не дается. В статье Л. В. Покровской «Бретонцы (К вопросу о национальном возрождении)» так называемое бретонское возрождение сразу ставится на реальную почву «послевоенной перестройки экономики» и глубокой ломки социально-экономических и политических структур во Франции (с. 104). Далее отмечается одновременная вспышка национальных движений и на других национальных окраинах этой страны (Пиренеи, Корсика, Окситания и т. д. — с. 115).

³ Люди и стремления ирландского возрождения в начале XX в. рельефно изображены Дж. Джойсом в «Дублинах» (новелла «Мертвые»).

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 523.

Проведенный в статье обзор этнокультурной истории Бретани и анализ ее социального положения показывает, что бретонским языком ныне пользуется одна треть жителей Бретани, которые двуязычны. В общественной жизни язык этот применяется мало (с. 107). Бретонский язык стал «символом национальной культуры» (с. 126). Это часть очень важного (не для одной Бретани) вывода, согласно которому «культура утратившая бытовые функции, приобрела функции этнические, эстетические, стала символом обострившегося национального самосознания» (с. 112). Новую жизнь бретонской традиционной культуры автор справедливо считает «образцом бытования „вторичной формы культуры» (с. 126).

Этнокультурные перемены в Бретани выводятся в статье из процессов экономических и социальных. Для этого традиционно крестьянского края особое значение имел вытеснение в последние десятилетия мелких хозяйств крупными капиталистическими, создание агропромышленных комплексов. Этот процесс в той или иной мере наблюдается во всей Франции, что дало некоторым французским историкам основание говорить об индустриальной революции в сельском хозяйстве и об исчезновении крестьянства. Разорение приводит к уходу в города крестьян, особенно крестьянской молодежи, к ускорению миграций, как внутренних, так и внешних, впрочем давно характерных для Бретани. Нельзя только согласиться с мнением автора, считающего миграции «социальным недугом» (с. 119). Миграции — закономерный исторический процесс, свойственный всей истории человечества, — разумеется с соответствующими формационными изменениями, — и вряд ли стоит становиться при их оценке на «областническую» точку зрения.

В статье уделено должное внимание классовому и политическому размежеванию и социальной базе бретонских национальных организаций. В 30-х годах нашего века некоторые из них имели профашистский характер, а в годы второй мировой войны бретонские сепаратисты сотрудничали с гитлеровскими оккупантами (с. 114, 115). В настоящее время крайне правые бретонские националисты вступили на путь терроризма (с. 123, 124). Заключая статью, автор с полным основанием подчеркивает связь перемен этнонациональной ситуации в Бретани с научно-технической революцией.

Статья о швейцарцах, написанная Н. М. Листовой, так же как и ее статья в упомянутом выше сборнике 1970 г., уже самим своим названием — «К вопросу о формировании швейцарской национальной общности» — ставит вопрос по-новому. Видимо, изучение проблемы за 11 лет, отделяющих один сборник от другого, привело автора к мысли, что общность швейцарцев имеет большее значение, чем их различия.

Развитие швейцарской культурной общности, отмечается в статье, идет и через нивелировку национальных и региональных различий, и путем распространения элементов культуры за пределы их изначальной области, причем эти элементы порой становятся символом общешвейцарской общности (с. 135).

Реформация, вообще сопряженная с возникновением европейских наций и имевшая на швейцарских землях важные свои очаги, способствовала культурной и этнической самобытности народов Швейцарии, их обособлению от общих с ними по языку народов соседних государств. Так, швейцарский диалект немецкого языка не только сохранился в быту, но продолжает культивироваться вплоть до наших дней и ныне имеет свою литературную форму (с. 153).

Широко распространенное в стране двуязычие является и результатом, и средством широких межэтнических контактов. При этом единого языка-посредника (вроде «лингва-жержала») нет, и в зависимости от ситуации им становится любой из бытующих в Швейцарии языков. Число межэтнических браков растет, особенно часто они заключаются в крупных городах, а также в этнически пограничных зонах (с. 159). Характерна стойкость кантональных общностей, сознание принадлежности к которым может оказаться чуть ли не сильнее чувства этнической принадлежности (с. 156).

В статье уделено значительное внимание иммиграции, породившей во всей современной Западной Европе новый тип этнических процессов. Для Швейцарии иммиграция, составляющая 14—15% населения (с. 161), особенно важна. Если в прошлом Швейцария была по преимуществу страной эмиграции, то в современный период стала одной из главных принимающих иммигрантов европейских стран. Большая часть швейцарских иммигрантов — итальянцы, главным образом с юга Италии. Селятся они обычно не по принципу языковой близости к местному населению, а там, где могут найти работу, чаще всего в промышленных районах Немецкой и Французской Швейцарии, куда, кстати, направлены и внутренние миграции из горных районов. Тяготы нынешнего экономического кризиса вынуждены нести прежде всего иностранные рабочие. Статья касается их дискриминации, а также ксенофобии, возбуждаемой против них реакционными кругами.

В заключительной части статьи автор констатирует усиливающуюся тенденцию к сближению этнических и региональных общностей Швейцарии. Явно выраженное общешвейцарское самосознание (развивающееся, по-видимому, на базе общей исторической судьбы, совместного исторического опыта), общность многих черт культуры позволяет автору высказать предположение о сложении в Швейцарии метаэтнической общности и о формировании швейцарской нации.

Последняя статья — работа А. Н. Кожановского «Этнические процессы в Каталонии (60—70-е годы XX века)» — единственная в сборнике посвящена именно современности. В ней наиболее серьезно и основательно анализируются вопросы этнической и культурной ассимиляции. Отправная база исследования — большие экономические перемены происходившие в испанской экономике в конце 50-х — начале 60-х годов нашего века. Механизация сельского хозяйства, подрыв традиционного крестьянского быта привели, пишет автор, к «забвению обрядов и фольклора» и вытеснению их городскими развле-

172). Вызывая некоторые сомнения относительно этого утверждения, все же такая резкая перемена могла произойти за столь короткий срок?

Во всяком случае, огромный темп урбанизации сомнению не подлежит, и особенно неблагоприятной для сельских мигрантов оказалась Каталония — одна из наиболее экономически развитых частей Испании, которая представляет собой основную этническую территорию каталонского народа, обладающего особым языком и развитой культурой. В статье дается обзор этнокультурной ситуации в Каталонии с учетом социальной пратификации каталонцев.

Среди мигрантов, хлынувших в Каталонию, автор прежде всего выделяет массы язычных выходцев из сельского хозяйства отсталых южных провинций Испании. подвергались ассимиляции каталонцами, воспринимали каталонский язык и культуру. Интересно замечание о психологической подготовке к урбанизации, которую дали сельским мигрантам сложившиеся еще у них в деревне «городские чаяния» (с. 174). Низкий культурный уровень сельских южан, оставшихся в стороне от профессиональной кастильской культуры, сделал для них каталонскую культуру олицетворением культурных достижений вообще. Подобные явления наблюдаются иногда в других странах и на иных континентах. Сравнительное изучение этих явлений способствует выяснению общей проблемы стимулов ассимиляции.

Сопоставляя мигрантов, оседавших в каталонских деревнях в качестве батраков и те, которые осели в городах, автор делает вывод, что «интенсивность их ассимиляции была от сельской местности к столице провинции» (с. 179). Такое заключение не согласуется с мировым опытом миграций. Быть может, относительно малый срок наблюдаемых процессов ведет к переоценке последствий профессиональной и жилищной адаптации для городских мигрантов. Сам автор несколько ниже замечает: «Правда, со временем начинало сказываться размывающее действие новых условий жизни» (с. 179) справедливо подчеркивает связь ассимиляции «с урбанизацией, с изменением социальной роли бывших крестьян и членов их семей» (с. 179). В статье констатируются резкие перемены, внесенные каталонским городом в семью сельских мигрантов.

Ассимиляция облегчала социальную мобильность переселенцев, и это служило стимулом для первой. Существенным фактором ее послужили и смешанные браки, составившие в Барселоне 20 лет назад четверть всех браков, а позже и еще большую часть (с. 176).

Каталонские города испытали также приток сельских мигрантов как из самой Каталонии, так и из соседних каталоноязычных областей (Валенсия, Балеарские острова). урбанизация этих переселенцев происходила легче, чем у южан, как из-за отсутствия языкового барьера, так и из-за более высокого культурного уровня и усиливала позиции каталонской культуры. Покинутые переселенцами в сельском хозяйстве «каталонского ареала» места были заняты батраками испанского Юга. Отмеченная автором тенденция к совпадению этнического и социального деления» (с. 182), встречающаяся только часто, вызвала в Валенсии «вторичную каталонизацию» имущих слоев, прежде говоривших на испанском языке: в присутствии массы язычных батраков каталонский язык стал более престижным.

Автор отмечает также взаимосвязь этнических процессов и политических изменений, таких, как приобретение Каталонией автономии, областническое движение (например, в Андалузии) и т. д.

Сборник выиграл бы, если бы к каждой статье были приложены карты. Проблемы миграций, как внутренних, так и внешних, и их воздействия на этнические процессы разрабатываются в некоторых статьях сборника (Каталония, Швейцария) и затрагиваются в других, но в современную эпоху они заслуживают весьма серьезного внимания этнографов-европеистов. Ряд развитых европейских государств принял массы иммигрантов из других стран, с других материков, что обусловило возникновение этнических, этносоциальных, этносоциальных проблем. Южноевропейские страны (Испания, Италия, Греция, Югославия) выделили множество эмигрантов. Вызванные всеми этими передвижениями новые процессы характерны для современности и нуждаются в исследовании. заслуживает изучения и вопрос об этнокультурном влиянии международного туризма (упоминающегося в сборнике), который столь важен для Южной Европы.

Рецензируемое издание, разумеется, не могло охватить ни все страны Западной Европы, ни все происходящие в них ныне этнические процессы. Но рассмотренные в нем народы, этнические и этнокультурные перемены, межэтнические связи, новейшие тенденции всех этих процессов представляют большой интерес. Анализ их произведен на добротной исторической основе и дает современному читателю очень много ценного.

Ш. А. Богина

* * *

КЕЛЬТЫ — ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рецензируемый сборник можно считать как бы продолжением сборника «Этнические процессы в странах зарубежной Европы», вышедшего в 1970 г. Прошедшие годы, отмечено во введении, «насыщены добросовестными исследованиями этнических

процессов в разных странах, оживленными дискуссиями, жаркими спорами по эти- просам, поисками новых, более широких обобщений» (с. 6). Сопоставление состава обоих сборников ясно показывает наметившийся за последнее десятилетие в отечественной науке поворот к более детальному изучению кельтских народов: из семи статей посвящены четыре, тогда как в 1970 г. о них была написана всего одна — статья И. Н. Гроздовой «Кельтские народы Британских островов».

«Существуют нации, подобные людям, которым не повезло в жизни. Часто слышишь о ком-нибудь, кому не улыбнулось счастье: как это странно, ведь у него бы все, что нужно для успеха. То же самое можно было бы сказать и о кельтах», — пишет известный французский кельтолог Ж. Лот¹. Причину утраты ими былого могущества, и, более того, политической независимости он видит в отсутствии единства среди кельтских племен, в их внутренних расприх и нежелании объединиться, чтобы противостоять врагам, которых у кельтов было на протяжении их долгой и бурной истории более достаточно. Однако, исчезая постепенно на административной карте Европы, кельты продолжали существовать как этническая общность со своими обычаями, культурным языком. Более того, по меньшей мере дважды сюжеты и образы кельтского фольклора проникали в европейскую литературу и служили толчком для возникновения целых течений: так было в средние века, когда создавались циклы рыцарских романов о короле Артуре; так было в XVIII в., когда «Песни Ossian'a» Дж. Макферсона вызвали в Европе целую волну увлечения народной поэзией. Начиная с этого времени, кельты постоянно вызывают интерес ученых всего мира. Изучают их языки, историю, обрядность, фольклор, литературу. «Кельты, — говорит один из героев ирландского писателя Д. Мура, — подобны тающему снегу. Они еще держатся на каких-то участках и углах полей, а мы со всех сторон тянем к ним руки, ибо человеку свойственно протягивать руки в попытке поймать ускользающее»².

С подобным взлетом интереса к кельтам мы, несомненно, имеем дело в последние годы в отечественной науке. Работа в этом направлении ведется в Институте языкознания АН СССР; группой авторов был опубликован учебник по истории Ирландии древнейших времен до наших дней, выходят книги по ирландской литературе³, жизни современной Ирландии неоднократно описывали советские журналисты, об этой стране были даже сняты телевизионные фильмы; на русский язык переводятся произведения ирландских и бретонских писателей, в настоящее время готовится к печати знаменитый ирландский эпос «Похищение быка из Куальнге». Таким образом, обращение к лективу авторов сборника «Современные этнонациональные процессы» в первую очередь к кельтским народам далеко не случайно и отражает развитие отечественной науки в целом.

Движение самих кельтских народов за политическое освобождение, за сохранение и возрождение собственной культуры и языка то ослабевает, то вспыхивает вновь. В разные эпохи на первый план выдвигались разные области кельтского ареала: в первой половине XIX в. это была Бретань с ее знаменитым культурным возрождением в начале XX в. — Ирландия, после многолетней борьбы против английских завоевателей добившаяся наконец в 1921 г. политической независимости, правда, частично, без шестнадцати северных графств, оставшихся в составе Великобритании. И именно их судьба привлекает внимание всего мира в наши дни.

Драматическим событиям в Северной Ирландии посвящена статья безвременно скончавшегося в ноябре 1980 г. видного советского этнографа, специалиста широкого профиля, обратившегося в последние годы жизни к проблеме кельтского субстрата Ирины Николаевны Гроздовой — «Национальный аспект ольстерской проблемы». Довольно краткий, но четкий исторический очерк и затем осветив проблему Ольстера с политической и религиозной сторон, автор статьи рассматривает положение в Северной Ирландии с принципиально новой точки зрения — этнонациональной. Этническое деление этой исторической области принято отождествлять с религиозным: ирландцы — католики, шотландцы — пресвитериане, англичане принадлежат к англиканской церкви. В то же, что касается местных обычаев, обрядов, элементов устройства жилища и одежды каждая из выделенных групп, сохраняя сходство с населением соответственно Ирландии, Шотландии и Англии, обладает собственными, специфическими «ольстерскими чертами».

Как показывает И. Н. Гроздова, наиболее обособленную группу в Ольстере и в настоящее время составляют ирландцы, отчасти сохраняющие свою древнюю кельтскую культуру. Ирландское население современного Ольстера — это потомки древних уладов некогда славного и могущественного племени, от которого и получила название местность, «Ольстер» — «страна уладов». Подвиги их легендарных героев — Кухулина, Кохобара, Фергуса — упоминаются в средневековых ирландских хрониках и описываются в целом цикле эпических сказаний, в основе сюжета которых лежат обычные борьбы уладов с другими племенами Ирландии; самая известная сага этого цикла — «Похищение быка из Куальнге» посвящена победе над Коннахом. Известно, что Ольстер с древних времен был одним из главных центров ирландской культуры; важную роль эта область играла и в истории страны, из 43 верховных королей Ирландии 25 были родом оттуда.

¹ Loth J. L'étude et l'enseignement du droit dans le Pays de Galles du Xe au XIIIe s. — *Revue celtique*, 1931, v. XLVIII, p. 293.

² Пробуждение. Рассказы ирландских писателей. Л., 1975, с. 91.

³ История Ирландии. М.: Мысль, 1980; Саруханян А. П. История ирландской литературы. М.: Наука, 1973.

Однако проводимая англичанами политика полной колонизации этой области привела к тому, что в настоящее время ирландцы составляют лишь треть всего населения Ольстера и к тому же почти полностью утратили свой язык. И все же в ряде календарных обрядов, в типе поселений, в семейной жизни можно проследить реликты древней кельтской культуры, объединяющие ирландцев Ольстера с населением других областей Ирландии. При этом в материальной культуре Северной Ирландии можно встретить элементы, которые, напротив, сближают их с шотландцами и англичанами; к таким элементам, например, можно отнести некоторые особенности планировки и устройства жилища.

Англичане Ольстера, безусловно, наиболее близки к остальному населению Великобритании, шотландцы же, живущие в Северной Ирландии, представляют собой наиболее сложную и эклектичную группу. Близкие по языку и религии к англичанам, они частично сохраняют кельтские традиции Хайленда. Поведение же их в эмиграции, как показано автором статьи, доказывает, что они сами осознают себя скорее более близкими к ирландцам из Ирландии, чем к шотландцам из Шотландии.

Таким образом, разделение Северной Ирландии на две враждебные группировки оказывается явно искусственным и навязанным извне. На самом деле, как убедительно продемонстрировала И. Н. Гроздова, этнические процессы, протекающие в настоящее время в Ольстере, гораздо сложнее. В чем-то сближаясь, в чем-то отличаясь друг от друга, три выделяемые в этой области этнические группы имеют в то же время явную тенденцию к образованию новой этнической общности — ольстерцев и, самое главное, могут спокойно сосуществовать и даже считать себя соотечественниками» (с. 74).

Вторая статья И. Н. Гроздовой — «Шотландцы. Тенденция этнического развития» является как бы продолжением ее же статьи в сборнике 1970 г. В ней учтены работы, вышедшие за последнее десятилетие, описаны процессы, протекавшие в Шотландии в эти годы как в экономической, так и в культурной и политической жизни, отмечено усиление влияния Шотландской национальной партии, побудившее лейбористское правительство в 1976 г. вынести на обсуждение в парламенте законопроект о предоставлении автономных ассамблей Шотландии и Уэльсу. Большое внимание в статье уделено проблемам культуры Шотландии, в частности развитию литературы и языка.

Проблема сохранения своего языка вообще стоит очень остро перед кельтскими национальными меньшинствами Великобритании — шотландцами и валлийцами. Но не менее актуальна она и для политически независимой Ирландии, где с каждым годом остается все меньше районов, в которых говорят по-ирландски. Именно этой проблеме посвящена статья А. И. Павленко «Языковая ситуация в Ирландии». Ирландский язык — один из наиболее древних языков Западной Европы. Рукописи на нем датируются началом VIII в., однако многие тексты были созданы и записаны впервые задолго до этого. Относительно раннее принятие христианства (432 г.) и основание монастырей привело к широкому распространению в Ирландии письменности и возникновению большого числа рукописных памятников. Это был к тому же разговорный язык, на котором общались между собой как монахи, так и крестьяне. Однако естественное развитие этого языка было прервано в связи с насильственной ассимиляцией, проводившейся англичанами. В период с XVII до конца XIX в. говорить по-ирландски считалось чем-то вроде преступления; уличенному в этом школьнику вешали на шею башмак, снять который он мог, лишь донеся о подобном же «преступлении» кого-нибудь из своих товарищей (кстати, точно такая же мера наказания за употребление родного языка применялась в прошлом веке и в Бретани); книги в эти годы выходили в Ирландии только на английском языке, он же был единственным, употреблявшимся в администрации. Все это привело к тому, что в Ирландии нарушилась естественная языковая традиция, как пишет известный ирландский лингвист Дэвид Грин, которого автор статьи почему-то называет «профессором литературы» (с. 43), «было утрачено понятие литературной нормы»⁴.

После освобождения Ирландии политика правительства по отношению к языку резко изменилась. Его стали изучать в школах, его обязаны были знать государственные служащие; на нем широко издавались книги и периодические издания. Само движение за возрождение ирландского языка и культуры началось еще в конце XIX в. и воплотилось, в частности, в создании Гэльской лиги (1893 г.) и организации Ирландского литературного театра (1899 г.) и национального театра Эбби (1904 г.). Идея возрождения родного языка была очень близка и руководителям знаменитого Пасхального восстания 1916 г. — Патрику Пирсу и Джеймсу Конолли. Как верно отмечает А. И. Павленко, в начале века это движение носило «сугубо осознанный, программный характер» (с. 36). В определенных кругах интеллигенции считалось хорошим тоном употреблять ирландские приветствия, сказать по-ирландски тост, а летом отправляться в «дикие» районы гэлтахта, где ирландский язык еще существовал в его живой, разговорной форме. Именно за счет этих слоев интеллигенции и начал после 1921 г. подниматься процент людей, владеющих ирландским, именно они продолжают развивать и кодифицировать его в наши дни. Вся эта деятельность привела к тому, что в настоящее время язык, безусловно, существует, на нем создаются литературные произведения, многие люди говорят по-ирландски вполне свободно, однако мало для кого этот язык является родным в полном смысле этого слова. В то же время вторая группа людей, владеющих ирландским, — сельское население западных районов страны, неуклонно уменьшается. Безусловно, большую роль в этом процессе играет и массовая эмиграция, в основном в США и Австралию.

⁴ Greene D. The Irish Language. Dublin, 1966, p. 13.

Все это постепенно приводило к тому, что ирландский язык становился как бы нужным и, являясь символом национальной независимости, перестал выполнять основные функции — быть средством коммуникации. К верно названным автор статьи причинам постепенного отмирания ирландского языка как языка общения хочется добавить еще одну: ирландский по сравнению с английским необычайно труден. Олие супплетивных форм и сложная система употребления лениции и эклипсиса (редлярные чередования начальных согласных, вызванные грамматическими факторами) явно проигрывают на фоне подкупающего аналитизма английского языка.

Надо отметить, что интересная и богатая материалом статья А. И. Павленко, к сожалению, часто почти текстуально повторяет введение к книге А. П. Саруханян («Временная ирландская литература»⁵); большая самостоятельность, несомненно, слала бы работу глубже и еще интереснее.

Культурные и лингвистические процессы, протекавшие в Ирландии, во многом сходны с аналогичными процессами в Бретани, которой посвящена статья Л. В. Покровской («Бретонцы. К вопросу о национальном возрождении»). Подобно англичанам францы насильственно искореняли бретонский язык; подобно ирландцам бретонцы постоянно боролись за свою политическую и культурную свободу. Так же как и в Ирландии, Бретани ясно видны две основные группы носителей бретонского языка: крестьяне, с храняющие также народные обычаи, танцы, национальную обувь — сабо и знаменитые кружевные чепцы, и интеллигенция, эти традиции воспринимая осознанно.

Движение, носящее название Бретонского возрождения, появилось уже в конце XVIII в. как реакция на романтическое устремление к народной культуре вообще и кельтам в частности. Важными этапами в развитии этого движения были труды Ж. Ф. Ле Гонидека, вынудившего грамматику бретонского языка и франко-бретонский словарь (автор статьи почему-то называет его «кельтско-бретонским»), и Э. де Л Вильмарке, литературоведа и фольклориста, наиболее известным произведением которого является сборник «Народные песни Бретани» (1839 г.): частично литературные обработки действительно народных песен, частично же подделки под них (в составе сборника входят только песни, сказок же и поговорок, как не совсем точно отмечает Л. В. Покровская, в нем нет).

Дальнейшее развитие Бретонского возрождения тоже очень напоминает национальное движение в Ирландии: образование обществ и комитетов, смешение культуры и политики, борьба за сохранение национальных обычаев и при всем этом — экономическая зависимость и вынужденное принятие языка и культуры «завоевателей», в данном случае французов. Коренным отличием Бретани от Ирландии в наши дни является безусловно, то, что Бретань не обладает политической независимостью и многие процессы, которые в Ирландии протекают спокойно и идут «сверху», в Бретани оказываются результатом упорной борьбы патриотов своего языка, как, например, введение преподавания бретонского в школе.

«Современный человек, предпочитающий жить в индустриальном городе, постоянно помнит о своих корнях», — пишет французский кельтолог Ж. Маркаль⁶. Но особенно живыми и вместе с тем особенно далекими кажутся эти корни, когда традиционным противопоставлению города деревне сопутствует противопоставление двух культур: местной, коренной и пришедшей извне, навязанной силой или необходимостью. В такой ситуации национальный язык, культура, одежда, обычаи приобретают особый смысл, носят «демонстративный характер, выступают как символ национального самосознания». Эти слова, так удачно сказанные Л. В. Покровской о бретонцах (с. 133), можно было бы отнести сейчас ко всем кельтским народам, на протяжении веков борющимся за то, чтобы удержаться, сохраниться на этнической карте Европы, борющимися уже и столько против кого-то, сколько просто за самих себя.

Т. А. Михайлов

⁵ Саруханян А. П. Указ. раб.

⁶ Hélias P. J., Markale J. La sagesse de la terre. P., 1978, p. 5.

Julian Krzyżanowski. Szkice folklorystyczne. T. I. Z teorii i dziejów folkloru. Kraków, 1980, 447 s.; t. II. W kręgu pieśni. W krainie bajki. Kraków, 1980, 399 s.; t. III. Wokół legendy i zagadki. Z zagadnień przysłowioznawstwa. Kraków, 1980, 448 s. (Ю. Кшижановский. Фольклористические очерки. Т. I—III.)

Академику Юлиану Кшижановскому, выдающемуся польскому фольклористу и литературоведу, в 1982 г. исполнилось бы 90 лет. Автор фундаментальных трудов, среди которых монографии «Былины» (1934), «Параллели» (1935), «Мудрой голове достаточно двух слов» (1958), составитель двухтомного «Указателя сюжетов польской сказки» (1962—1963), основатель и многолетний редактор журнала «Literatura Ludowa» («Народная литература»), редактор и автор статей энциклопедического «Словаря польского фольклора» (1965), Ю. Кшижановский был хорошо известен советской научной общественности и сам постоянно знакомил польских коллег с достижениями русской и советской фольклористики. Незадолго до смерти он подготовил к печати свои мн

очисленные статьи, вошедшие в рецензируемый трехтомник «Фольклористические очерки». Эти статьи публиковались в различных периодических изданиях в 1933—1975 гг. и собранные воедино, систематизированные и обстоятельно прокомментированные, существенно дополняют представление читателей о плодотворной деятельности Ю. Кшижановского, о широте его научных интересов в области фольклористики и об особенностях его исследовательского метода. Многие из этих работ не только вызывают большой историографический интерес, но и не утратили значения для современной науки.

Первый том объединяет статьи, посвященные в основном истории и методологии фольклористики. Ю. Кшижановский был одним из тех ученых XX в., кто способствовал определению фольклористики как самостоятельной науки, поэтому неудивительно, что в ряде статей он теоретически, а подчас и полемически обосновывал эту идею. Фольклористика в ГНР в первое время развивалась обособленно от этнографии и сближалась с литературоведением. Однако характерно, что хотя во многих выступлениях Ю. Кшижановский однозначно определял фольклор как «народную литературу», но в конечном счете он признал, что предмет фольклористики составляет вся «духовно-художественная культура социальных групп, называемых народом», а самой науке отвел пограничное место между этнографией и литературоведением (и фактически шире — искусствоведением)¹. Общественной средой, создающей фольклор, наряду с крестьянством, Ю. Кшижановский считал также городское население, ремесленников и рабочих (статья «Городской фольклор») и шире — любой социум, сохраняющий коллективный образ жизни («Несколько слов о старопольском фольклоре»)². В связи с этим ученый сближает фольклористический метод с социологическим³ и подчеркивает отличия фольклорной тектологии от литературоведческой⁴.

Придавая большое значение историко-сравнительному изучению фольклора и развивая соответствующие идеи Г. Париса, А. Н. Веселовского, А. д'Анконы, И. Больте и других компаративистов XIX в., Ю. Кшижановский в ряде статей («Фольклор пограничных областей», «Из пограничья польского и русского», «Польско-венгерское пограничье в мире фольклора» и др.)⁵ рассматривает взаимосвязи польского фольклора с фольклором соседних народов — русского, украинского, белорусского, венгерского, немецкого. Особое значение имеют капитальные работы Ю. Кшижановского, посвященные фольклору славянских народов и историографии его изучения («Славянская народная литература», «Народная литература в парижских лекциях [Мицкевича]»)⁶.

Проблеме истории фольклористики в рецензируемом издании отводится большое место. Это прежде всего статьи, посвященные польской науке («Польская фольклористика», «Двухсотлетие польской фольклористики», «Фольклор, идеология и творчество великой эмиграции», «Польская фольклористика эпохи романтизма в Петербурге и в Киеве», «Наша современная наука о народной литературе») и очерки о ее выдающихся деятелях — З. Доленге-Ходаковском, Ю. Ломпе, К. Вуйциком, О. Кольберге, З. Глогере, М. Федеровском, В. Клингере, С. Пигоне, Ю. Зборовском, Я. Быстроне и др. Взгляд автора на историю отечественной фольклористики характеризуется историзмом, объективностью, глубоким анализом научных идей и заслуг предшественников и современников, критическим отношением к некоторым явлениям (например, к реакционным тенденциям в деятельности «Tygodnika Petersburskiego»). Ю. Кшижановский не обошел вниманием и крупнейших представителей европейской фольклористики (специальные очерки он посвятил В. Андерсону и Дж. Коккьяре). Советских читателей заинтересуют также неоднократные блажелательные ссылки Ю. Кшижановского на труды русских и советских исследователей — А. М. Астаховой, Н. П. Андреева, П. Г. Богатырева, Ю. М. Соколова, В. И. Чичерова, А. В. Позднеева, Н. И. Кравцова и др.⁷, особенно проникнутый глубоким уважением очерк о М. К. Азадовском⁸. Указывая в ряде случаев на приоритет русской науки в исследовании актуальных проблем и новаторский характер советской фольклористики, Ю. Кшижановский вместе с тем корректно полемизирует с некоторыми ее представителями и справедливо критикует, например, вульгарно-социологическую концепцию истории сербского эпоса в книге Н. И. Кравцова⁹.

Укажем также на то, что в исследованиях фольклора, в частности эпоса славянских народов, Ю. Кшижановский решительно отстаивал свои позиции, полемизируя и с предшественниками, и с современниками. Так, сближаясь во взглядах на время и место сложения русского эпоса с русской «исторической школой» (М. Е. Халанский, Н. П. Костомаров, С. К. Шамбинаго и др.), Ю. Кшижановский вместе с тем рассматривал былины в тесной связи с эпосом других народов мира и высказал убедительные аргументы против романтической концепции происхождения русского эпоса.

В 1930-е годы ему пришлось вести длительную и острую дискуссию по поводу своей книги «Былины» с известным берлинским ученым А. Брюкнером и другими (статьи «Богатырская контратака А. Брюкнера», «О давности традиционных текстов», «Польша

¹ Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. I, s. 35, 47, 57 (примеч. 21), 174 и др. Ср.: его же. Folklor. — В кн.: Słownik folkloru polskiego. Warszawa, 1965, s. 104—106.

² Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. I, s. 399—404.

³ Ibid., s. 16—17.

⁴ Ibid., s. 68.

⁵ Ibid., s. 107—136.

⁶ Ibid., s. 75—96, 166—211.

⁷ Ibid., s. 44—45, 76—77, 82, 123, 125 и др.; т. II; s. 44, 49, 134, 141.

⁸ Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. I, s. 356—359.

⁹ Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. II, s. 122—125.

в обынном мире» и др.)¹⁰. Некоторая односторонность суждений самого автора «ли» очевидна в свете последующих исследований русского эпоса в советской науке. В целом же и книга Ю. Кшижановского и полемика вокруг нее — важный этап в истории польской фольклористики и в международной историографии русского эпоса. Большой историографический интерес представляют и обзор Ю. Кшижановского «Из исследований древнерусской поэзии в межвоенный период»¹¹ и его статья о «Слове о полку Игореве»¹².

Наряду с былинами польского исследователя глубоко интересовал и южно-славянский эпос, которому он посвятил специальную статью¹³ и обширный раздел исследования о фольклористической концепции Адама Мицкевича¹⁴.

Наиболее значительную часть фольклористического наследия Ю. Кшижановского, пожалуй, составляют его работы в области сказковедения — им отведено две третьих второго тома рецензируемого издания. На протяжении всей своей деятельности Ю. Кшижановский целенаправленно занимался классификацией польских народных сказок; отдельные этапы этого труда отразились в статьях «Силезские народные сказки» (1936), «На пути к истории народной сказки» (1945), «Фантастическая сказка Польше» (1949), «Систематика польской сказки» (1962). Ю. Кшижановского польская сказка интересовала не только в общенациональном обиде («Польская сказка», «Иродная сказка в старой Польше»), но и в ее своеобразных региональных версиях (статья «Словинско-Кашубская сказка», «О мазурских сказках», статьи о гуральских и силезских сказках). Применяя сравнительный метод к изучению сказочного эпоса, исследователь раскрывал сложный процесс взаимосвязей между сказками этнически родственных народов («Народная сказка как выражение славянской общности», «Сага о Яносике, словачком и польском народном герое», «В мире югославянской сказки», «Сказки из Чешской Силезии»), а также типологическое сходство и взаимовлияние сказок народов Европы (специальные статьи посвящены немецким и литовским сказкам) Азии (статьи о сказках «Тысячи и одной ночи» и о бирманских сказках). В поле зрения Ю. Кшижановского всегда находились и восточно-славянские сказки и их издания в Советском Союзе (от переиздания «Народных сказок» Афанасьева до новых публикаций Н. В. Новикова)¹⁵. Теоретические и историографические взгляды Ю. Кшижановского закономерно сформулированы в его энциклопедической статье «Народная сказка»¹⁶. Мимо сказковедческих работ Ю. Кшижановского не может пройти ни один фольклорист, особенно велико их значение для исследователей восточно-славянских сказок. Эта мысль недавно была высказана по поводу венчающей деятельности Ю. Кшижановского в этой области системного указателя сказочных сюжетов: «...это не только лучший из европейских каталогов, но и наиболее авторитетный каталог одного из родственных русским, украинцам, белорусам славянских народов»¹⁷.

Наряду со сказкой Ю. Кшижановский изучал также и другие жанры устной прозы чаще — в связи и в сравнении со сказочным эпосом («Сага о Яносике», «Силезские предания и сказки»)¹⁸, одна работа посвящена народным легендам и их отзвукам в литературе¹⁹.

Сравнительно меньше, чем об эпических жанрах, Ю. Кшижановский писал о лирических и лироэпических песнях. Общий обзор изучения польской народной песни и характеристика основных песенных видов и жанров содержит очерк «Народная светская песня»²⁰, ряд статей и рецензий посвящен песням литературного происхождения («Популярные песни», «Ярмарочные листки»)²¹ и различным отечественным и зарубежным в том числе и советским изданиям польских народных песен («На дорогах и бездорожьях нашей народной песни», «Из достижений нашей фольклористики»)²².

Третий том «Фольклористических очерков» почти целиком состоит из исследования в области паремииологии и включает более двадцати статей, эссе и публикаций, большая часть которых написана в 1956—1970 гг. в связи с подготовкой четырехтомного свода польских пословиц и поговорок (главным редактором которого был Ю. Кшижановский). Эта часть рецензируемого издания отличается подлинной энциклопедичностью и едва ли не с исчерпывающей полнотой освещает теоретические, историографические, текстологические и эдичионные проблемы современной польской паремииологии. Ю. Кшижановский

¹⁰ Ibid., s. 82—104. Отметим, что некоторые взгляды А. Брюкнера на русские былины ранее критиковал Б. М. Соколов, см. Соколов Б. М. Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу. — Художеств. фольклор. М., 1929, вып. IV—V; его же. Об историко-социологическом методе изучения былин. — Юбилейный сб. в честь акад. П. Н. Сакулина. М., 1931; Библиографию полемики в польской печати см. Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. II, s. 83 (примеч. 2).

¹¹ Ibid., s. 67—81.

¹² Ibid., s. 105—113.

¹³ Ibid., s. 114—129.

¹⁴ Szkice folklorystyczne, t. I, s. 193—203.

¹⁵ Ibid., t. II, s. 368—370.

¹⁶ Ibid., s. 133—143.

¹⁷ Предисловие к кн.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка/Составители Л. Г. Баран, И. П. Березовский, К. П. Кабачников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979, с. 11.

¹⁸ Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. II, s. 292—311, 330—337.

¹⁹ Ibid., t. III, s. 7—15.

²⁰ Ibid., t. II, s. 7—22.

²¹ Ibid., s. 23—28, 55—66.

²² Ibid., s. 37—54.

наповский определяет предмет и границы паремииологии как специальной фольклористической дисциплины, ее место среди других гуманитарных наук²³. В ряде статей характеризуются жанровые (структурные) особенности пословиц и поговорок, а также связи и взаимоотношения со сказкой, загадкой и другими близкими жанрами²⁴. Ю. Кшижановский исследует истоки и историю этого вида народного творчества, а также историю собирания, издания и изучения пословиц и поговорок²⁵. В связи с этим ряд мерков освещает деятельность выдающихся польских паремииологов — С. Рысиньского, С. Адальберга, Я. Быстроны и др.²⁶ В цикле небольших эссе и этюдов анализируются происхождение, смысл и поэтика отдельных пословиц, поговорок и идиом (некоторые из этих миниатюр оставались в рукописях и впервые публикуются в этом томе)²⁷. Во всех названных направлениях исследований Ю. Кшижановский учитывает опыт европейской науки, изучает польские пословицы и поговорки в широком международном контексте (в том числе и в связи с пословицами и поговорками соседних, славянских народов), а также прослеживает их влияние на литературу, следы этого влияния в творчестве польских писателей.

Заключает третий том большое приложение, состоящее из библиографического указателя к статьям сборника, указателя имен и названий работ Ю. Кшижановского и других авторов, а также указателя образов и персонажей фольклорных и литературных произведений. Особые индексы ориентируют читателя в сюжетах и мотивах разных произведений фольклора, в том числе пословиц и поговорок.

«Фольклористические очерки» подготовлены к изданию с большой тщательностью и почти исчерпывающей полнотой, каждый том снабжен большим количеством иллюстраций. Можно лишь сожалеть, что в издание не вошла содержательная энциклопедическая статья Ю. Кшижановского «Фольклор» (1965), важная для понимания теоретических взглядов ученого (отсутствие этой статьи особенно заметно, поскольку некоторые другие статьи из «Словаря польского фольклора» в трехтомник включены). Комментарии помогают ориентироваться в наследии выдающегося польского ученого, в обобщениях, способствовавших появлению той или иной статьи или вызвавших поинтерес, существенно дополняют литературу по затронутым в статьях проблемам ссылающимися на другие работы автора и на появившиеся позже работы других авторов, как польских, так и зарубежных, в том числе советских. Заметим лишь, что не всегда легко выделить комментарии Ю. Кшижановского от дополнений издателей, а в библиографии есть и некоторые пропуски.

Издание работ Ю. Кшижановского свидетельствует о большом внимании к народной культуре в социалистической Польше. Отражая значительный этап в истории польской фольклористики XX в., оно, осмысленное в свете современных научных проблем, будет способствовать новым исканиям и достижениям в области изучения искусства народных масс.

В. Е. Гусев

²³ Ibid., t. III, s. 58—67, 76—90.

²⁴ Ibid., s. 39—57, 91—122, 177—202, 133—149.

²⁵ Ibid., s. 68—75, 150—176.

²⁶ Ibid., s. 212—308.

²⁷ Ibid., s. 123—132.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Корейские предания и легенды из средневековых книг. Пер. с ханмуна/Составление и коммент. Концевича Л., вступит. статья Рифтина Б. М.: Худож. лит., 1980. 286 с.

Подготовленное коллективом ведущих советских корееведов собрание корейских мифов и преданий представляет собой важный и ценный вклад в изучение древней и средневековой культуры Кореи. Хотя основными источниками, из которых черпались мифы и предания, послужили сочинения сравнительно поздней эпохи (XII—XIII вв.), поскольку более ранних записей не сохранилось, не вызывает сомнения, что корни многих из них уходят в глубокую древность. Пожалуй, ни одна достаточно древняя и достаточно развитая мифологическая система не может сейчас считаться совершенно чистой, свободной от инородных заимствований и напластований. Корейские мифология и фольклор в этом смысле не исключение, хотя в последние годы все активнее выдвигается концепция «автохтонного» происхождения корейцев и их культуры. В силу географических и исторических условий Корея находилась как бы на перекрестке древних мировых путей: с юга на север (так называемая восточная меридиональная магистраль, сыгравшая, как считают многие исследователи, большую роль в этнических процессах Восточной Азии) и с запада (Индия, Китай) на восток (Япония). По мнению специалистов, в этногенезе корейцев прослеживаются два крупных компонента — северный (народы алтайской языковой семьи, и в первую очередь тунгусо-маньчжурские племена, а также, возможно, и палеоазиаты) и южный (аустронезийский). Наиболее значительным, видимо, следует признать первый из них, что подтверждается антропологическим обликом, духовной культурой и языком корейцев. В поздние эпохи Корея

подверглась культурному влиянию Китая, а также испытала воздействие буддизма, принесшего с собой элементы индийской культуры. Все это не могло не наложить печать на содержание и облик корейских мифов и преданий.

Интерес к проблемам мифологии и фольклора корейцев в отечественном корееведении значительно возрос за последнее десятилетие. Появились серьезные разработки конкретных вопросов корейской мифологии, выполненные этнографами Р. Ш. Джаргасиновой и Ю. В. Ионьвой, филологами М. И. Никитиной, А. Ф. Троцевич и Л. Р. Концевичем, историками М. Н. Паком и Ю. М. Бутиным. Большинство этих ученых участвовали в переводе корейских мифов и преданий для рецензируемого сборника. По-одновременно со сборником в свет вышел первый том энциклопедии «Мифы народов мира», в котором наряду с общей статьей «Корейская мифология» помещены многочисленные статьи по отдельным персонажам и терминам корейской мифологии. Автором — составитель рецензируемого сборника Л. Р. Концевич. Совсем недавно опубликована оригинальная по замыслу и исполнению монография М. И. Никитиной «Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом» (1982), в которой вскрыты общности мифопоэтического мышления древних корейцев.

В свете этих работ обширная вступительная статья Б. Л. Рифтина, предпосланная публикации переводов текстов в сборнике, а также комментарии Л. Р. Концевича переводам дают богатый материал для сравнительно-исторического изучения корейской мифологии. Как в статье, так и в комментариях содержится ряд тонких оценок, наблюдений и гипотез, заслуживающих, на наш взгляд, самого пристального внимания. Из которых из них мы и затронем в нашей рецензии.

В числе северных компонентов древнекорейской культуры во вступительной статье совершенно справедливо отмечается почитание березы как шаманского мирового древа, а также культовое почитание медведя. Хотя мотив тотемного брака с медведем встречается, например, и в китайском фольклоре (сказки этого типа зафиксированы в пр. Гуандун¹), едва ли можно оспорить сибирское происхождение этих компонентов. К североазиатскому элементу в корейской мифологии, на наш взгляд, можно отнести и следующее предание из «Самгук юса» Ирёна (XIII в.): духи солнца и луны — Ёно (букв. «толстый ворон») и Сео (букв. «тонкая ворона»), покинув царство Силла, отбыли в Японию; только после того, как в жертву небу был принесен шелк, переданный от Императору Силла, они вновь вернулись в страну. Здесь обращает на себя внимание отождествление светил с воронами. Из соседей корейцев образ солнца-ворона известен также китайцам, у которых связанный с ним миф зафиксирован уже в IV в. до н. э. (Светом и солнцем ворон обычно связывается и в мифологии северных палеоазиатов, где его главным культурным деянием является добывание света, создание светил). В древнекитайском мифе повествуется о стрелке И, сбившем стрелами девять лишней солнц, имевших облик трехлапых золотых воронов (цзинь). Мотив уничтожения лишних светил распространен чрезвычайно широко — от Юго-Восточной Азии и Южной Китая до Северной Америки². В Приамурье он отмечен у палеоазиатской народности нивхов и тунгусоязычных орочей³. Проблема взаимосвязи мифов этого цикла очень сложна, но даже при беглом обзоре географии их распространения и их семантики обнаруживаются некоторые закономерности: сразу выделяются два крайних «полюса» — южный и северный, где культурный герой, убивающий или похищающий светила (в пример, гавайский Мауи, североамериканский Койот), не имеет птичьего облика и, же он выражен весьма слабо. Между этими «полюсами» расположены две группы мифов — условно обозначим их как северную и южную, из которых северная группа характеризуется, во-первых, ясно выраженной птичьей природой культурного героя, во-вторых, тем, что мотив уничтожения светила чередуется с мотивом его добывания. В южной группе мифов герой имеет облик петуха (миф об Аматэрасу-омиками) и какой-либо другой птицы (тайваньские гаюшань), в северной — в роли героя выступают вороны. Между этими группами мифов помещается группа преданий, которую, опять таки условно, можно назвать контактной. Для нее характерно совпадение субъекта и объекта действия: с одной стороны, ворон и есть само солнце (китайский и корейский мифы), а с другой — солнце либо «добывается» самим вороном (корейский вариант), либо уничтожается героем, имеющим реликтовые птичьи (вороньи?) черты (стрелок И из китайского мифа⁴). В результате такого по необходимости общего анализа логической структуры мифов этого цикла можно предположить, что корейский миф, во-первых, родственен большому числу аналогичных мифов других народов Азии, а во-вторых, относится, вероятно, к наиболее архаичным из них, являясь переходным от палеоазиатского к китайскому.

¹ Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen. — FF Communications. V. L. № 12 Helsinki, 1937, S. 64.

² Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос (цикл Ворона). М. Наука, 1979.

³ Erkes E. Chinesisch-amerikanische Mythenparallelen. — T'oung Pao, N. S., 192 XXIV, S. 32—54.

⁴ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, негидальцы, айны. Статьи и материалы, Хабаровск: Дальгиз, 1933; с. 493—494; Крейнович Е. А. Нивхы. М.: Наука, 1973, с. 329—333; Орочские сказки и мифы. Новосибирск: Наука, 1966, с. 193—194.

⁵ В пользу того, что первоначально стрелок И мыслился птицей, говорит сам персонаж, которым записывается его имя, а также то, что он обладал способностью летать и его дворец помещался на солнце (Werner E. T. C. A Dictionary of Chinese Mythology Shanghai, 1932, p. 159, 418). Косвенным указанием может служить и легенда о жене стрелка И — Чан Э, улетевшей на луну; можно предположить, что эта функция Чан первоначально принадлежала самому И.

мифов к китайскому. К этому можно добавить, что уже в историческое время праханчэнь собственно корейский миф о солнечном вороне был если не забыт, то во всяком случае отнесен на второй план его китайским вариантом, проникшим в Корею в период интенсивного китайского культурного влияния.

Из числа аустронезийских компонентов в корейской мифологии выделяются мифы о чудесном рождении героя из яйца и из тыквы. Надо сказать, что эти мотивы присутствуют и в китайской мифологии (легенды о Хуньдуне и Паньху), но и там они явно южного происхождения. Интересно, что в Юго-Восточной Азии и в Китае мотив рождения из тыквы тесно связан с мифами о предке-собаке. В мифологии же корейцев, у которых культовое почитание собак было, как известно, весьма распространено, такая связь, насколько нам известно, отсутствует.

Если аустронезийский и алтайский компоненты в силу их глубокой древности выделить весьма сложно, то большинство фактов китайского влияния на корейскую культуру очевидно. Во вступительной статье этот аспект проблемы проанализирован достаточно обстоятельно. К сказанному там можно добавить, что, вероятно, китайское происхождение имеет популярный в корейских легендах образ лисы-оборотня (в китайском фольклоре его родиной считается северо-восток Китая⁶), видимо, через Корею проникший и в Японию, где вера в лис-оборотней в виде пережитка существует и поныне⁷. Что касается другого популярного персонажа корейской мифологии и искусства — дракона, то, полностью сгласившись с Б. Л. Рифтиным и другими авторами в том, что он сформировался под китайским влиянием, хотелось бы заметить, что у некоторых народов Дальнего Востока (тунгусы, айны) представления об огромном фантастическом змее-драконе (*мудур, симу, чуф-кануи*) сложились самостоятельно⁸; возможно, и в Корею заимствованный из Китая образ наложился на местный субстрат.

Кроме этого, встречается и ряд менее очевидных корейско-китайских аналогий. Так, например, в предании о государыне Сондок одно из ее предсказаний построено на представлении о том, что «лягушки свирепым видом напоминают лики воинов». Подобное сравнение весьма необычно, аналогичу ему мы встречаем только в Китае: в трактате «Хань Фей-цзы» (гл. «Нэй чу шо») сообщается, что юэский ван перед походом на царство У, дабы воодушевить своих воинов, велел показать им двух дерущихся лягушек как пример стойкости и боевого духа. Здесь же можно вспомнить и чудесное свойство китайской мифической жабы чаньчжу отражать от своего владельца пять видов оружия. Возможно, образ двух дерущихся лягушек предшествовал популярному в китайской мифологии мотиву боя двух драконов. Сейчас трудно сказать, заимствовано ли уподобление лягушки воину из китайской классики или же восходит к каким-то более древним истокам.

Что касается индийского влияния, то, на наш взгляд, очень убедительной и интересной представляется приведенная в статье Б. Л. Рифтина гипотеза об индийском происхождении корейской легенды о Чакхегоне, которая во многом аналогична русской былине о Садко. В этой легенде обращает на себя внимание одна деталь: владыка подводного царства дарит герою чудесную свинью. Б. Л. Рифтин в связи с этим резонно замечает, что неясно, «почему царь драконов в подводном царстве держит именно свинью». В самом деле, в дальневосточных мифологиях свинья как обитатель подводной стихии, насколько нам известно, не фигурирует. Этот персонаж мы встречаем только у индоевропейцев (у других народов лишь отчасти, ср. евангельскую притчу об излечении одержимого: бесы, обращенные в свиней, бросаются в море); одна из наиболее популярных аватар (земных воплощений) ведийского божества Вишну — кабан (вараха). С ней связан миф о Вишну, который, обратившись в кабана, нырнул на дно океана и на клыках вынес и утвердил затонувшую в результате потопа землю. В «Тайттирия-самхите» это деяние приписывается другому древнеиндийскому божеству — Праджапати⁹. Представление о вепре, выходящем из моря, зафиксировано и у славян¹⁰, что свидетельствует о возникновении данного образа еще в эпоху индоевропейской общности. Названный выше сюжет проник в Корею, очевидно, через Китай. Подтверждение этому можно найти в китайской литературе и фольклоре: предание, аналогичное корейскому, содержится, например, в сборнике Гань Бао (III—IV вв. н. э.) «Записки о духах»¹¹; в другой средневековой легенде бог-покровитель моряков Янь-гун спасает минского императора Тай-цзу (1368—1399 гг.) во время шторма и ловит обитавшую в пучине свинью-дракона¹²; в одной из новелл Х в. морское божество сопровождают служители с кабаньими клыками¹³. Итак, если наше предположение верно и в корейской легенде свинья является реликтом образа Вишну-Праджапати, то гипотеза об индийском источнике предания о Чакхегоне получает еще одно подтверждение.

Перечень возможных индийских заимствований в корейской литературе можно увеличить. Так, в легенде о монахе Меджоне государь и придворные почитают обладателя

⁶ Eberhard W. Op. cit., S. 373. Аналогичные предания известны в нивхском фольклоре, см.: Крейнвич Е. А. Указ. раб., с. 426.

⁷ Hori I. Folk Religion in Japan. Chicago — London, 1968, p. 45.

⁸ Штернберг Л. Я. Указ. раб., с. 431, 530, 571—572.

⁹ Bhattacharyya N. N. History of Indian Cosmological Ideas. — New Delhi, 1971, p. 7.

¹⁰ Фаминцын Ал. С. Божества древних славян. В. 1. СПб, 1884, с. 173.

¹¹ Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I—VI веков. М.: Худож. лит., с. 145—147.

¹² Werner E. T. C. Op. cit., p. 591.

¹³ Schafer E. H. The Divine Woman. Dragon Ladies and Rain Maidens in Tang literature. Berkeley — Los Angeles — London, 1973, p. 128.

волшебной жемчужины, подаренной черепахой. Это мотив встречается также в филоклоре и эпосе народов Центральной Азии¹⁴, где он, вероятно, индийского происхождения. Часть элементов буддийской мифологии, встречающихся в корейских легендах, представлена в неявной, имплицитной форме. Так, в одном из преданий государь Чхён, наступив на три плиты в храме Нэджесок, ломает их — в таком виде они остаются на память потомкам. В основе этого эпизода, несомненно, лежит распространенное в буддизме почитание отпечатков ног Будды, восходящее, на наш взгляд, к шаманизму и независимо от индийской традиции существовавшее также и в древнем Китае¹⁵, а возможно, и у других азиатских народов. Буддийское происхождение данного случая подтверждается и тем, что в другой легенде — о монастыре Пённюль следы ног в храме приписываются бодисатве Гуаньинь (Авалокитешваре).

Свидетельством возможных контактов корейской средневековой литературы с литературой других стран служит эпизод из предания о государе Кёнмуне, напоминающий фрагмент древнегреческой легенды о фригийском царе Мидасе, которого Аполлон наградил ослиными ушами. Чем вызвано сходство этих сюжетов — пока неясно¹⁶.

Ярд совпадений в мифологии корейцев и других народов имеет типологический характер. Так, в поэме Ли Гюбо Чумон ликвидирует разливы воды, проведя плеткой по воде; это напоминает приведенную у Геродота легенду о том, как Ксеркс приказывал бичевать Геллеспонт за то, что море снесло мост. Эти легенды независимы друг от друга, на наш взгляд, восходят к широко распространенным не только у индоевропейцев, но и у китайцев, монголов и других народов¹⁷ представлениям о том, что от удара жвотного ногой (у индоевропейцев это обычно конь¹⁸, у китайцев — жаба) или от удара посохом (жезлом, плетью) из земли начинается бить неиссякаемый источник; в корейской легенде имеет место всего лишь перемена знака действия — добывание воды заменено устранением.

В заключение хочется отметить, что данный сборник средневековых корейских мифов и преданий весьма удачно сочетает в себе высокое художественное качество переводов с научной строгостью. Достоинством сборника является также то, что переводы выполнены не с переложений мифов и преданий на современный корейский язык, а с оригинальных текстов, написанных на ханмуне, корейзированной форме китайского письменного языка вэньянь, который был официальным литературным языком в средневековой Корее. Все это позволяет оценивать сборник как достоверное и авторитетное научное издание. Большая заслуга здесь принадлежит составителю и редактору книги Л. Р. Концевичу, который не только тщательно отобрал из корейских средневековых исторических сочинений мифы и предания и систематизировал их, но и перевел немалую часть их и снабдил издание обстоятельным квалифицированным комментарием, автору вступительной статьи, принимавшему участие также в редактировании Б. Л. Рифтину, и всему коллективу ученых, работавших над переводом текстов¹⁹. Думается, что данная книга, являющаяся сводом раннего корейского фольклора и исторической прозы, представит несомненный интерес не только для литературоведов фольклористов, но и для широкого круга этнографов и историков, изучающих культуру древней и средневековой Кореи, а более широко — и всего Дальнего Востока.

В. В. Евсюков

¹⁴ Потанин Г. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

¹⁵ Karlgren B. Some Fecundity Symbols in Ancient China.— The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. № 2, Stockholm, 1930. Евсюков В. В. Об одном космологическом мотиве искусства Китая эпохи неолита.— В кн.: XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I, М.: Наука, 1981.

¹⁶ Несколько вариантов легенды об Эльджиген-чиктей хане (ослиноухий хан), буквально повторяющих древнегреческое предание, записано Г. Н. Потаниным у западных монголов. См.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. В. IV. СПб, 1883 с. 293—298.

¹⁷ В нивхской легенде герой бьет прутком землю, отчего появляются притоки реки (Крейнович Е. А. Указ. раб., с. 333).

¹⁸ Ср.: Источник Иппокрена начинает бить от удара ногой Пегаса; ведийские Ашвины надеживают сто кружек меда из отпечатка копыта коня; в русских былинах от удара копытом коня Илья Муромца появляется колодезь; литовское божество великого солнца Усин варит мед в отпечатке конского копыта и т. д.

¹⁹ В художественной обработке текстов немалую роль сыграл издательский редактор В. Е. Санович. Следует также отметить осуществленный Е. Витковским корректный и изящный поэтический перевод стихов, вкрапленных в прозаический текст преданий и эпической поэмы Ли Гюбо «Государь Тонмен», а также оригинальное художественное оформление книги.

The Views of Karl Marx on the History of Primeval Society and the Concept of the Socio-Economic Formation

During the whole course of Marx's creative activity the study of pre-history formed an important part of his theoretical research work. He investigated, first of all, such problems as property relations in primeval society, its social and economic structure, its stages of development, and the place of primeval society as a whole in world history. These pursuits were closely interwoven with Marx's studies in political economy and historical materialism as well as with the social and political aims of the Communist movement.

The main stages in Marx's study of primeval society coincide in time with the stages in his development of the category central to historical materialism, i. e. the concept of the socio-economic formation. In their «German Ideology» (1845—1846) Marx and Engels first characterized the «tribal form of property» corresponding to the late stage in the evolution of primeval society. In their «Economic Manuscripts» of 1857—1861 the role of the community in primeval society was elucidated, the communistic character of this society established, and the line drawn dividing it from antagonistic socio-economic formations. Finally, in his reply to V. I. Zasulich (draft) Marx put forward the concept of an archaic socio-economic formation comprising the vast era from the emergence of mankind to the disintegration of the community and the rise of class society.

N. B. Ter-Akopyan

Fifty Years of the USSR Academy of Sciences N. N. Mikloucho-Maclay Institute of Ethnography Decorated with the Order of Peoples' Friendship

The paper is timed to the 50th anniversary of the Institute of Ethnography of the Soviet Academy of Sciences which was founded in 1933 on the base of the Museum for Anthropology and Ethnography (Leningrad). It deals with the evolution of the Institute's structure and of the main trends in its ethnographic, folkloristic and anthropological studies. An extensive bibliography is appended.

Yu. V. Bromley, K. V. Cistov

Space Structurization and Etiquette

The author raises the problem of proxemic behaviour adapted to the needs of communication, in other words, of the semiotic significance of proxemic behaviour. In order to demonstrate the role of space structurization in an ethnos's culture the author turns to Adyghe material, this being most familiar to him. Space structurization among the Adyghe was in the past determined by the social conditions and the ideology of feudal society and by survivals of clan relations. Adyghe manners are characterized by such principles as modesty, restraint, deference, benevolence, hospitality, respect for women. The author points out that the repertory of semiotically significant parameters of space structurization is, in the main, the same among the Adyghe as among other peoples, but they are specific in their social significance and their semantics. Several binar oppositions typical of the Adyghe's proxemic behaviour are examined in the paper. Forces of a centrifugal character with regard to communication are distinguished, such as, for instance, the concept of «the place of honour» and contact taboos. Centripetal forces in space structurization are also shown: these take the aspect of ritualized forms in which contact is established or prolonged.

In conclusion, the author qualifies proxemic behaviour as a particular stratum of communication culture whose rules are laid down by etiquette.

B. Kh. Bgazhnokov

To the Methods of Studying Wooden Architecture

New methods of studying wooden architecture buildings are formulated in the paper. These were tested and successfully applied in the course of an inventory of the wooden

architectural monuments of Karelia, and subsequently in some historical-architectural studies made in a number of nearby regions of the Russian North.

The methods are based upon the author's «Summary classification of the forms and details of wooden architecture» and, as its scientific application, a method of codifying formulas the main characteristics of the objects being studied.

V. P. Orjins

An Urgent Task: Alliance with Social Psychologists

Questions as to the subject of ethnopsychological studies are propounded in the paper. In the author's view, this is the people (group) and the person (individual) as a group member. The author distinguishes the components of the structure of the personality, whose study is particularly important for analyzing the ethnic features of peoples.

The main attention of ethnopsychologists should, in the author's opinion, be focussed upon the social-psychological components of the personality and upon mass rather than individual psychological phenomena and processes.

L. M. Drobizhev

Ethnopsychology and Related Sciences

The role of different factors in forming ethnic psychology and the significance of different sciences in studying it are shown by concrete examples. In the author's opinion, ethnic psychology (like ethnic geography, ethnolinguistics, ethnosociology) should be regarded as an ethnographic subdiscipline. It studies primarily ethnic specificity in the behaviour of the individual and of the ethnic community as a whole, which is determined by the culture and the language of the particular ethnos. The leading role in summarizing the findings of different sciences that deal with the various aspects of ethnic psychology should belong to ethnography. The elaboration of ethnopsychological problems requires a specially prepared programme of study based upon world and Soviet science. A number of complex problems can be resolved in the course of practical research activity, and the methods of studying the ethnos, that main subject of ethnography, will thus become enhanced and will gain new possibilities and perspectives.

A. M. Reshetov

Social-Psychological Aspects of Ethnic Consciousness

An attempt is made to present a clearer differentiation between ethnic consciousness and ethnic self-identification; these two are regarded as phenomena of the same order but not identical.

Since the phenomenon of ethnic consciousness is sufficiently represented in Soviet literature on a theoretical level, the author attempts to examine certain elements in the structure of everyday ethnic consciousness: the ethnic stereotype and autostereotype, identification, ethnic sentiment.

V. P. Levkovitch

For an Integral Realistic Approach to Urgent Problems (Reply to Opponents)

Certain results of the discussion on ethnopsychological problems are summarized in the paper. Its main result is the unanimous recognition of the urgency and practical importance of the problems under discussion. The author concentrates particularly upon the place of ethnopsychology in the system of related sciences — general and social psychology. While admitting the necessity of a wide application of the methods and concepts of general psychology, the author points out that this science cannot be equated with ethnopsychology since the latter studies supra-individual phenomena.

The differences between ethnic and national psychology, between national consciousness and self-identification are also more clearly defined. The importance of further elaborating the conceptual framework of ethnopsychology is noted.

In conclusion, the author stresses the close connection of ethnopsychological studies with the solution of the tasks involved in the internationalization of Soviet multinational society.

A. F. Dashdamirov

Editorial Comment

In the present issue of our journal we bring to a close the publication of the materials of the «round table» discussion on problems of ethnopsychology (Moscow, 1982). The scientific results of the discussion have been in fact summarized by A. F. Dashdamirov in this issue. Hence there appears to be no need to dwell upon these results as such. The editors share, for their part, of the opinion that the exchange of views that has taken place was doubtfully useful both in a theoretical and in a practical aspect.

There was a general consensus among the participants as to the urgent importance of examining this range of problems in order to understand the functioning of ethno- and ethnic processes. In the course of the discussion, views were clarified on the subject-matter field of ethnopsychology and its most important branches, the methodology of studying the mental specificity of ethnic communities; attention has been drawn towards the arsenal of means that may possibly be used in their investigation.

One of the editors' main purpose in offering the journal's pages for the materials of the «round table» discussion was to attract the interest of the scientific community to the importance of initiating concrete studies in this range of problems. However, they can only be successfully studied from correct theoretical reference points.

Representatives of different social sciences took part in the discussion, some of them not specialists in ethnopsychology, and this fact could, no doubt, occasionally be felt in their remarks. Nevertheless, a complete consensus was reached in the main conclusion, i. e. recognition — implicit or explicit — of the fact that ethnopsychology, in one or another of its aspects, infringes upon all the disciplines represented in the discussion. And also — that in the common task of ethnopsychological research each one of these disciplines will find some part that can be best fulfilled just by the methods of this particular science.

And thus, there stands before us the task of realizing such cooperation in our concrete research work.

CONTENTS

N. B. Ter-Akopyan (Moscow). The Views of Karl Marx on the History of Primitive Society and the Concept of the Socio-Economic Formation. *Yu. V. Bromley* (Moscow). *K. V. Cistov* (Leningrad). Fifty Years of the USSR Academy of Sciences. *N. N. Miklouk* (Moscow). Social-Psychological Aspects of Ethnic Consciousness. *A. F. Dashdamirov* (Baku). For an Integral Realistic Approach to Urgent Problems (Reply to Opponents). *B. K. Bgazhnokov* (Nalchik). Space structurization and Etiquette. *V. P. Orjinsky* (Petrozavodsk). To the Methods of Studying Wooden Architecture.

Discussions

L. M. Drobizheva (Moscow). An Urgent Task: Alliance with Social Psychologists. *A. M. Reshetov* (Leningrad). Ethnopsychology and Related Sciences. *V. P. Levkovich* (Moscow). Social-Psychological Aspects of Ethnic Consciousness. *A. F. Dashdamirov* (Baku). For an Integral Realistic Approach to Urgent Problems (Reply to Opponents). Editorial Comment.

Communications

Z. A. Madayeva (Grozny). Rituals for Calling Up Rain and Sunshine among the Vainakhs in the 19th and Early 20th Centuries. *V. M. Kulikov* (Moscow). Certain Problems in the Study of Early Russian Instrumental Musical Culture. *A. P. Runitch* (Pyatigorsk). Rock Drawings and Tamgas in Jinnal Grotto in the Environs of Kislovodsk. *V. P. Alexeyev* (Moscow). A New Palaeoanthropological Find from Eneolithic Times in the Environs of Krasnoyarsk. *N. G. Pankova* (Moscow). The Development of Ethnopolitical Processes in the Gold Coast Area, 15th to 19th Centuries.

Searchings, Facts, Hypotheses

V. P. Kobychiev (Moscow). Concerning a Forgotten Hypothesis (to the Ethnogenesis of the Eastern Romance Peoples).

Our Anniversaries

A List of the Main Works by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences *D. A. Olderogge* (to His 80th Birthday).

Academic Life

V. P. Kurylev, Ye. A. Okladnikova (Leningrad). A Joint Scientific Session of the Ethnographers of Leningrad Devoted to the 60th Anniversary of the USSR. *K. V. Cistov* (Leningrad). Slavistics in the Ethnography of the Socialist Countries of Europe. *A. N. Davydov* (Arkhangelsk). The 10th Conference of the Association of European Open Air Museums.

Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *T. V. Tapolina* (Moscow). Problems of Studying Ethnic Processes in Present-Day American Social Science.

Peoples of the USSR. *B. Kh. Karmysheva* (Moscow), *Kh. A. Argynbayeva* (Alma-Ata), *F. T. Valeyev*. The Tatars of West Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. Historical-Ethnographic Essays. *V. B. Perkhavko* (Moscow). *S. I. Penyak*. Early Slav and Ancient Russian Population of Transcarpathia in the 6th to 13th Centuries. *T. A. Bernskiyam*, *B. I. Shangina*, *I. P. Shaskolsky* (Leningrad). *M. I. Belov*, *O. V. Ovsyannikov*, *V. F. Starkov*, *Mangazeya*. Peoples of Europe outside the USSR. *Sh. A. Bogina*, *I. A. Mikhailova* (Moscow). Present-Day Ethnopolitical Processes in West European Countries. *V. Ye. Gussev* (Leningrad). *Julian Krzyżanowski*. Folkloristic Essays. Peoples of Asia outside the USSR. *V. V. Yevsyukov* (Novosibirsk). Korean Traditions and Legends from Mediaeval Books.

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.05.83 Подписано к печати 18.07.1983 Т-15814 Формат бумаги 70x108
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 43,9 тыс. Уч.-изд. л. 19,1 Бум. л. 5
Тираж 2806 экз. Зак. 4562

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» имеются в продаже:

**Рождественская С. Б. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. 1981. 207 с. 1 р. 40 к.**

В книге освещаются народное зодчество, художественные промыслы, творчество кустарей. Автор показывает, какое место занимают они в развитии современного народного искусства. Большой материал собран о городецкой игрушке, хохломских изделиях, декоративных жестовских росписях, уникальных экспонатах многих областных музеев. Характеризуются металлообрабатывающие, костерезные, камерезные и деревообрабатывающие промыслы.

Книга богато иллюстрирована, рассчитана на этнографов, искусствоведов, художников, архитекторов, музейных работников.

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ОБРЯДЫ В БЫТУ НАРОДОВ СССР. 1981
183 с. 65 к**

В книге освещаются обряды как общественно-гражданского, так и лично-семейного циклов, рассказывается об истории их происхождения и возникающих новых обрядах, рассматриваются проблемы в регионально-этническом плане по республикам Советского Союза. В приложении даны методические материалы по отдельным обрядам, фото лучших образцов костюмов и обрядовой атрибутики.

Для этнографов, историков, а также широкого круга работников культурно-просветительных учреждений.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13
320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 44302 Куйбышев, р. проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Микуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.